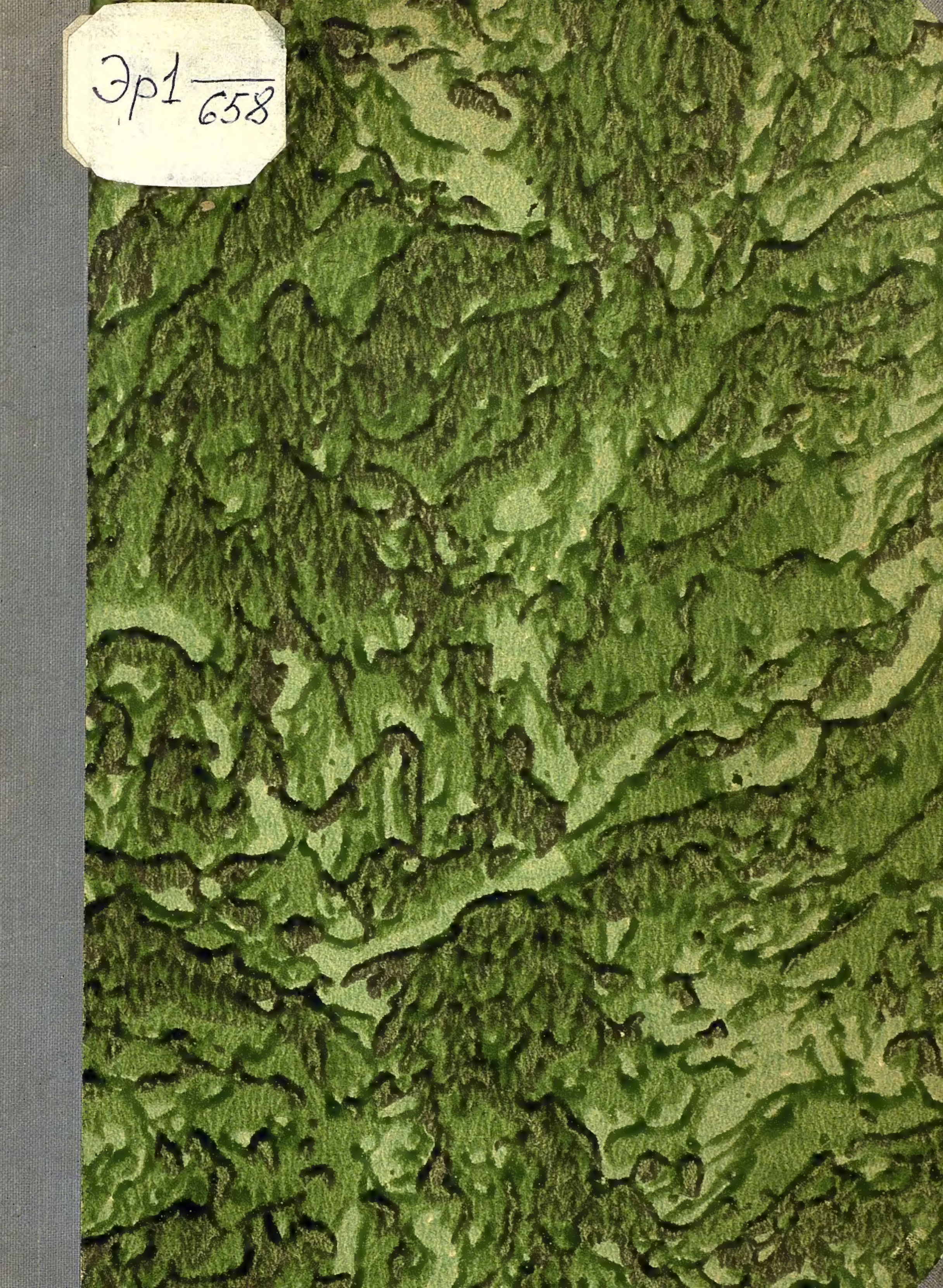

Эр1
658

Всеволодъ Ивановъ.

М Ы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БАМБУКОВАЯ РОЩА»

Всеволодъ Н. Ивановъ.

МЫ

Культурно-историческія основы русской государственности.

Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ.
Слово о полку Игоревѣ.

.... Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.
Крыловъ.

ХАРБИНЪ.
1926.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„БАМБУКОВАЯ РОЩА“

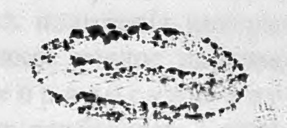
Отпечатано въ типографіи „Заря“.

Дорогой памяти моего отца—москвича,

Никанора Лаврентьевича

ИВАНОВА,

погибшаго въ наши смутныя времена.



Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга моя написана. Отнынѣ та система мыслей, которая заключается въ ней, будетъ говорить сама за себя.

Но есть основанія теперь, стоя передъ выходомъ ея въ свѣтъ, сказать какъ бы со стороны, объ самой этой книгѣ, и о тѣхъ линіяхъ, которыя въ ней намѣчаются. Прежде всего я долженъ упредить читателя, что книга эта написана не ученымъ историкомъ, а журналистомъ, причемъ замѣчаніе это касается исключительно лишь метода написанія таковой. Отъ такого рода написанія не должны дѣлаться недостовѣрнѣе тѣ положенія, которыя положены въ ея основаніе: какъ и всякое ученое произведеніе, эта книжка оріентирована на историческую истину.

Характерная особенность метода, какимъ она написана, состоитъ въ томъ, что главныя мои усилія были направлены, чтобы схематически разобрать, развести въ разныя стороны линіи и нити, сложныя сочетанія которыхъ и даютъ красочную ткань нашей исторіи на станкѣ времени. Какъ гистологъ, окрашивая анилиновыми красками въ различныхъ комбинаціяхъ и сопровожденіяхъ микроскопическій препаратъ, получаетъ облегченную возможность разобраться въ сложныхъ сочетаніяхъ клѣтокъ, такъ и въ подлежащей книжкѣ нужно имѣть прежде всего въ виду подобную методологическую направленность:

— Правда, можетъ подняться вопросъ истиненъ тотъ расцвѣченный міръ, который представляется гистологу

подъ стекломъ его микроскопа; и въ то же время нѣтъ никакого вопроса о томъ, что міръ этотъ все же истиненъ съ точки зрѣнія цѣлей познанія.

Мы увидимъ нити историческихъ ходовъ разведенными на довольно значительныя разстоянія: — значитъ ли это, что на автора должны посыпаться упреки въ преувеличеніяхъ? Отнюдь нѣтъ, если только будетъ принята во вниманіе предлагаемая оговорка въ методологическомъ смыслѣ.

Это усиленіе въ разбираніи образующихъ линіяхъ нашей исторіи необходимо еще потому, что ни у одного народа, мы не видимъ такихъ специфическихъ особенностей научнаго и обычнаго воспріятія, какъ видимъ это у насъ, русскихъ: мы чрезвычайно легко видимъ въ окружающемъ насъ мірѣ то, что мы хотимъ, что мы привыкли видѣть. Въ этомъ смыслѣ прекрасный примѣръ представляетъ описаніе хожденія въ Св. Землю кіевскаго игумена Даніила, XI вѣка. Человѣкъ видѣлъ то, что ему полагалось видѣть тамъ по благочестивымъ свойствамъ его души и его сана. Онъ видѣлъ и пещеру на г. Ѳаворѣ, куда до сихъ поръ приходитъ Мелхиседекъ, и разсѣлину на Голгоѳѣ, куда пролилась кровь Христа на главу Адамову, и т. д. При столь чрезвычайно развитомъ некритическомъ отношеніи къ дѣйствительности, въ то время, какъ Марко Поло въ XIII вѣкѣ вывозитъ изъ Азіи цѣннѣйшія свои замѣчанія, много ли мы найдемъ въ сочиненіяхъ хотя бы того же русскаго купца Никитина ходившаго въ Индію: почти ничего, кромѣ литературнаго условнаго матеріала.

Это свойство некритичности русскаго познавательнаго духа означаетъ его молодость, и нигдѣ не отобразилось оно такъ полно, какъ въ русской исторіи. Русская исторія, говоря о таковой съ точки зрѣнія пониманія ея широкимъ обществомъ, полна предвзятостей и некритическихъ положеній. Отношеніе нашихъ историковъ къ моменту зарожденія русскаго государства напоминаетъ до чрезвычайности эти упомянутые выше апокрифы въ путешествіяхъ по Палестинѣ. Не буду касаться того, о чемъ говорю въ текстѣ, но надо же

согласиться, что эти умилительныя картины крещенія Руси, дѣятельность святыхъ нашихъ князей, эта совершенно необоснованное засиліе Византіи въ нашихъ лѣтописяхъ, Византіи, которой не любили и не уважали наши живые предки,— все это представляетъ изъ себя неистощимый какой то складъ разнаго рода условностей; правда, на это въ послѣднее время мало обращали вниманія, но все же наличіе такихъ основныхъ положеній побуждало извлекать изъ нихъ опредѣленныя актуальныя слѣдствія, хотя бы въ расцѣнкѣ основоположеній нашей государственности.

— Въ глазахъ народа Царь представляется въ образѣ Христа на землѣ, говорилъ французскому послу Морису Палеологу министръ юстиціи Щегловитовъ.

Въ послѣднее время послѣреволюціонная исторіографія наша приняла иной, соціологическій и соціалистическій уклонъ, при чемъ въ этотъ уклонъ русскіе увѣровали столь же горячо, какъ ранѣе въ святость крещенія кіевлянъ. Съ точки зрѣнія того гуманистическаго критическаго скептицизма который составляетъ душу западно-европейскаго мышленія, вѣдь совершенно все равно, вѣрить ли въ святость кн. Владиміра, или въ непогрѣшимость Карла Маркса: одно стоитъ другого въ смыслѣ отношенія къ познавательной цѣнности такого пріятія.

Эта наша готовность удовольствоваться загодя преднаходимыми, установленными „отцами церкви“ или „научными“ схемами чрезвычайно стала вредить намъ тогда, когда сама жизнь нашей ростущей націи стала выпирать изъ этихъ тѣсныхъ условныхъ рамокъ. Подобная обоснованность основныхъ предпосылокъ нашей исторіи единственно на томъ или иномъ авторитетѣ привела къ невозможности никакого соглашенія между ними, а сдѣлала изъ нихъ воинствующіе догматы. Догматъ экономическаго матеріализма свирѣпствуетъ нынѣ у насъ не хуже св. Инквизиціи, и въ своей импульсивности запираетъ намъ всѣ пути къ возможности разбирательства.

Такія обстоятельства тѣмъ настойчивѣе требуютъ отъ насъ именно этого метода усиленнаго различенія нашихъ

историческихъ путей, который бы далъ возможность выявить ихъ во всемъ ихъ своеобразіи. Мы, русскіе, должны теперь первѣе всякаго иного культурнаго дѣла обратить нашъ взоръ на самихъ себя, чтобы найти тѣ или иные отвѣты на вопросъ, который такъ часто раздавался во время нашей революціи:

— Да кто же такіе мы есть?!

Но первое опознаніе этого самаго свойства некритичности нашей даетъ намъ уже опредѣленный результатъ: мы сразу видимъ, что мы отличны отъ критическаго Запада, что нашъ духовный укладъ—не его духовный укладъ, наша культура—не его культура.

Не будемъ тщеславны, и не будемъ льстить себя мечтою, что этимъ мы дѣлаемъ какое либо открытіе. Нѣтъ! Если наши внутрирубежные соотечественники убаюкиваются сладкой мыслью, что они идутъ по стопамъ могучаго Запада, то уже многомилліонная эмиграція то ясно видитъ, какъ далеки мы по своему складу отъ европейцевъ и отъ англо- саксовъ. Трудно было входить этой мысли въ нашъ обиходъ; поистинѣ нужны были драконовскія условія и бѣженства, и жизнь въ изгнаніи, чтобы эта мысль не показалась бы такой ересью, какой она казалась еще такъ недавно, какихъ нибудь десять лѣтъ тому назадъ, во время совершенно ненужной для насъ Великой Войны изъ-за Европы.

Далеко не нова эта мысль и для Запада.

Въ Eniclopedia Britannica, изд. 1859 года, я нашелъ слѣдующую безпощадную англійскую характеристику русскихъ (въ ст. „Россія“):

— Городскіе классы слѣдуютъ обычному европейскому образцу; они любятъ общественную жизнь, ловки, полированы, обходительны; но измѣнчивый, лживый, неточный въ держаніи своихъ словъ, не любящій работы русскій дворянинъ часто одно въ своей общественной жизни, другое въ частной. Когда р у с с к і й д в о р я н и н ъ в ъ т о ж е в р е м я и д ж е н т л ь м е н ъ т о г д а о н ъ н е п р е в о с х о д и м ъ. Карточная игра —большой общественный порокъ, значительно и пьянство,

Они любятъ торговаться и надувательство сильно распространено при куплѣ-продажѣ. Всѣ они очень любятъ и гордятся богатыми мѣхами и прекрасными конями. И высокіе классы и низшие очень любятъ разнаго рода предсказателей и стараются жить какъ можно раскошнѣе.—

Интересно характеризуетъ насъ тотъ же французъ Морисъ Палеологъ:

... ихъ (русскихъ) воображеніе разсѣянно и туманно... Представленный самому себѣ русскій не испытываетъ надобности объяснить самому себѣ, какимъ образомъ совершаются событія, какія они влекутъ практическія и необходимыя послѣдствія, а также какими раціональными или послѣдовательными мѣрами можно ихъ вызвать или предотвратить.... Они не имѣютъ склонности къ обдуманному и провѣренному наблюденію, къ аналитическому и дедуктивному изслѣдованію. Русскій гораздо менѣе пользуется умомъ, чѣмъ своимъ воображеніемъ и чувствительностью; онъ меньше старается понять, чѣмъ представлять или догадываться. Чаще всего онъ дѣйствуетъ по вдохновенію, по рутинѣ или по принужденію

Въ области религіозной русскій человѣкъ... вѣчно стремится къ прямому общенію съ невидимымъ Божествомъ.

... Наконецъ въ области личныхъ чувствъ русскіе всегда чувствуютъ себя подъ вліяніемъ постороннихъ силъ, которыя ихъ и направляютъ по собственному усмотрѣнію. Чтобы оправдать свои ошибки или заблужденія, русскій всегда ссылается на невезеніе, судьбу, таинственныя силы, и т. д.

Подобное міровоззрѣніе весьма неблагопріятно для личныхъ и отвѣтственныхъ дѣйствій, для мужественной и длительной работы. Россія такъ часто поражаетъ насъ своей безпечностью и покорнымъ спокойствіемъ...

Съ другой стороны, при умѣломъ воздѣйствіи на него русскій народъ способенъ на самые высокіе порывы и

героическія жертвы. Вся исторія свидѣтельствуетъ, что онъ никогда не спуститъ, когда чувствуетъ, что имъ управляютъ... И т. д. (Дневникъ).

Такая характеристика несомнѣнно содержитъ въ себѣ указаніе на отличность нашего уклада отъ европейскаго, то есть на то, чего мы никакъ не видѣли отсюда, съ внутренней стороны нашего рубежа. Прямѣе къ дѣлу подошелъ Р. Киплингъ, который въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, относящихся к началу 90 гг. прошлаго вѣка прямо сказалъ, что въ противность распространенному у русскихъ мнѣнію, что они самые восточные изъ западныхъ народовъ, ихъ слѣдуетъ считать „самыми западными изъ восточныхъ“.

Этотъ мотивъ своеобразія русской культуры распространенъ на Западѣ чрезвычайно широко, и я не думаю исчерпывать этотъ огромный матеріалъ. Надо сказать, тамъ существуетъ цѣлая литература, толкующая объ нашемъ восточномъ складѣ характера, объ восточномъ происхожденіи нашего государственного уклада, объ нашихъ задачахъ на Востокѣ и говорящая такъ не зря, а на основаніи широко поставленнаго изученія какъ Россіи, такъ особенно и странъ Востока.

Фиксируемъ слѣдующее обстоятельство:

—общая длина россійской границы—17.300 верстъ; изъ нихъ сухопутная граница Россіи Азіатской—11.783 версты; а съ однимъ Китаемъ—9111 верстъ*). И при этой колоссальной заинтересованности нашей въ Востокѣ, русскіе оріентологи не сдѣлали и сотой доли того въ изученіи Востока, что сдѣлали ихъ западно-европейскіе и заокеанскіе коллеги! Не только русское рядовое общество, но и русскій ученый міръ не зналъ Востока, и не интересовался имъ, почтительно устремляя свои взоры на Западъ, въ то время какъ самъ Западъ дѣловито смотрѣлъ на Востокъ, подсчитывая барыши. Ни для кого не секретъ, что русское историческое явленіе почти столь же длительное, какъ и

*) А. Н. Куропаткинъ, Русско-китайскій вопросъ, 202 стр.

царствованіе дома Романовыхъ—монгольское иго, оставалось совершенно неизученнымъ, совершенно неосвѣщеннымъ со стороны Востока. Почти полумилліардный китайскій народъ нашъ сосѣдъ на протяженіе почти 10.000 верстъ; мы переняли отъ него массу обихода, свѣдѣній, обычаевъ, а „китайская грамота" у насъ синонимъ всякой непонятной, трудной вещи. Мы имѣемъ сотни, тысячи русскихъ людей, говорящихъ на монгольскомъ и китайскомъ языкахъ, какъ на русскомъ, а на дѣлѣ изученія Востока насъ далеко обогнали скромные и усидчивые католическіе монахи изъ Европы, или миссіонеры изъ Америки.

А между тѣмъ, на Востокѣ мы видимъ столько интересныхъ и нужныхъ для насъ вещей; такъ, извѣстнымъ синологомъ П. В. Шкуркинымъ было мнѣ сообщено, въ дополненіе того, что сообщается въ настоящей книгѣ объ динлинахъ, бѣлокурой азіатской народности, что въ китайскихъ источникахъ есть прямыя указанія на происхожденіе насъ, русскихъ, отъ динлиновъ, что опредѣленнымъ образомъ ставитъ весь славянскій вопросъ.

Не могу не привести по этому поводу, какъ примѣръ, нѣкоторыхъ цитатъ изъ статьи названнаго автора подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя данныя объ русской землѣ по древнимъ китайскимъ источникамъ".—Эти данныя добыты авторомъ изъ выдержекъ изъ книги „Юань-чао-го ши-гао" въ позднѣйшихъ китайскихъ сочиненіяхъ; написаніе книги этой относится къ концу XIII вѣка.

Тамъ говорится:

— Великій предокъ Юаньской династіи (то есть Чингисъ), опредѣляя улусъ своего старшаго сына Чжу-чи отдалъ ему четыре мѣста: Россію, Цинь-ча (Кипчакъ) А-су (А-су-та-эр-хань—Хазарское ханство, Астрахань) и Канъ-ли. На Западъ отъ этихъ областей будетъ Европа, на сѣверъ—Ледовитый океанъ, на востокѣ Алтайскія горы, на югѣ—хазары.

— Въ Россіи есть очень большое море Куань-дянь-

цзи-сы. Есть озеро на картахъ—Балхашъ; въ тысячѣ ли*) на западъ отъ Балхаша есть другое большое озеро—называемое Цы-москва. Отсюда на сѣверо-западъ въ 9.000 ли озеро О-не-га. На всѣхъ этихъ озерахъ есть острова.

Прямо на сѣверъ отъ О-не-ги на значительномъ разстояніи и есть море Куань-дянь-цзи-сы.

Въ древнія времена при Циньской (240—206 гг. до Р. Х.) и при Ханьской (206 до Р. Х.—220 по Р. Х.) династіяхъ на русскихъ земляхъ жили племена Цюй-и, Хунь-юй, Цзянь-кунь и Динъ-линь. Ими владѣли Сюнь-ну (гунны). Государство Пяо-и (Біармія) было расположено въ весьма сѣверныхъ широтахъ, недалеко отъ этихъ племенъ, рядомъ съ Цзань-кунь.

— Отъ Пяо-и на востокъ находились два владѣнія (ханства): То-бо-эръ хань и Си-би-эръ хань.

— Отсюда далеко-далеко на востокъ живетъ племя Нянь-хэ-на, которое сами себя называютъ Я-эръ-кэ-дэ (якуты). Они покрываютъ жилища березовой корой, зимой ѣздятъ на оленяхъ, а лѣтомъ на коняхъ. Оленей у нихъ много, а коней мало. Пяо-и и Я-эр-кэдэ, хотя живутъ далеко другъ отъ друга, но очень похожи между собою.

— Въ 7-мъ году эры Чжи-юань (1270) императоръ Хубилай (Кублай) послалъ чиновника Лю Хао-ли начальствовать надъ Нянь-хэ-на и надъ другими племенами, чтобы научить ихъ строить настоящіе дома, лодки, выстроить почтовыя станціи, провести тракты, а также для того, чтобы научить ихъ выдѣлывать земледѣльческія орудія и гончарныя издѣлія **).

И т. д. Воздержимся отъ коментарій къ этимъ ясно говорящимъ самимъ за себя отрывкамъ, и замѣтимъ только, что не на Востокѣ ли, не въ Китаѣ ли намъ надлежитъ искать своего Тацита? Во всякомъ случаѣ, Китай обладающій почти четырехъ съ половиной тысячелѣтнимъ историческимъ существованіемъ долженъ изъ своихъ лѣтописей и хроникъ

*) Ли—1/2 версты.

**) Вѣстникъ Азіи, № 48, Хрб., стр. 60.

дать кое-что намъ объ нашей странѣ, непосредственно граничившей съ нимъ, которую онъ зналъ лучше, судя по приведеннымъ отрывкамъ, нежели она знала его.

Возвращаясь опять непосредственно къ динлинамъ, отмѣтимъ, что въ древней китайской хроникѣ Шань-хай-цзинь имѣются указанія, что у нихъ „книзу отъ колѣнъ растетъ шерсть, а вмѣсто ступней имѣются копыта". Синологи толкуютъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что динлины носили лапти, съ мѣховыми онучами, но судя по слѣдующему мѣсту—„они бѣгаютъ прекрасно, потому что на бѣгу подгоняютъ себя палками, и въ день могутъ пробѣжать 300 ли", не можемъ ли мы заключить, что тутъ дѣло идетъ о лыжахъ, что согласится съ нашими свѣдѣніями Рашидъ-удъэддина (ср. стр. 69).

Всѣ эти перспективы до послѣдняго времени усердно обходились и въ нашей русской наукѣ и въ нашемъ обществѣ, тогда какъ въ англійской, французской, нѣмецкой литературахъ мы находимъ не мало трудовъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія, сближающей нашу страну именно съ восточными народностями. Изъ таковыхъ укажу хотя бы на двухтомный любительскій трудъ Baddeley, Russia, Mongolia, China, на фронтисписѣ котораго императоръ Канъ-хи и Царь Алексѣй Михайловичъ помѣщены рядомъ въ любопытной символикѣ.

Вотъ почему движеніе Евразійцевъ должно быть привѣтствуемо всѣми любящими свою страну русскими людьми. Изъ ихъ изслѣдованій вѣетъ душистостью степей и пряными запахами Востока. Они правильно вносятъ поправку въ дѣло славянофиловъ, ища на Востокѣ того, чего не хватало Аксакову, Хомякову, Конст. Леонтьеву, чтобы обосновать наше отличие от Европы. Только перетряхивая полнымъ пересмотромъ исторію Востока, найдемъ мы самихъ себя.

Но почему это должно быть движеніемъ Евр-Азійскимъ, а не просто Азійскимъ, вотъ чего я не могу понять. Представители Евразійства этимъ слогомъ Евр—словно хотятъ выразить то, что они остаются связанными съ Европой. Конечно, эта связанность останется навсегда — связанное прошлое

тяготѣетъ надъ нами, а будущее родитъ все болѣе и болѣе тѣсныя связи между народами. Но не представляетъ ли изъ себя само это сочетаніе—сочетаніе противоположностей? Да могутъ ли быть сочетаны въ единую связь эти различныя направленности историческаго становленія различныхъ культуръ (О. Шпенглеръ)?

Пусть даже намъ, русскимъ, помѣщеннымъ между двумя міровыми очагами культуръ, и приходится давать „равнодѣйствующую"; но пора же перестать искажать этотъ силовой образъ изъ физики и искать въ этомъ образѣ сразу же „среднюю линію". Равнодѣйствующая — это результатъ дѣйствія двухъ взаимно борющихся силъ, процессъ который и разрѣшается реально въ извѣстномъ направленіи. Да, культура Запада и культура Востока находятся въ извѣстномъ антагонизмѣ; въ такомъ случаѣ намъ въ реальной нашей жизни не остается ничего другого, какъ присоединиться къ одной изъ этихъ сторонъ; чтобы ввергнуться въ реальный процессъ живого становленія, чтобы изъ темнаго магическаго кристалла будущаго и явилась новая реальная культура, намъ доселѣ невѣдомая, а не искать самимъ „средней линіи". Вѣдь эдакъ исчезнутъ сами силы! И если эта культура явится въ насъ, избравъ насъ, русскихъ, своимъ сосудомъ, то эта культура будетъ не Азійской, не Европейской, не Евразійской, а Русской.

Къ какому же изъ двухъ міровыхъ очаговъ культуры чувствуемъ мы живое тяготѣніе? Къ Азійскому! Только тамъ въ этихъ огромныхъ пространствахъ пустынь, степей, алмазныхъ горъ, чудесныхъ городовъ, условнаго размѣреннаго быта, практической, любвеобильной мудрости, тамъ, гдѣ напряженность духа въ буддійскихъ, въ даосскихъ взлетахъ разрѣшаются и гармонически сочетаются съ практицизмомъ конфуціанства, только тамъ на насъ дышетъ то, что всегда прельщало насъ—естественное огромное богатство самой жизни; Западъ творитъ, работаетъ надъ своимъ самодѣльнымъ богатствомъ, но марка made in West—не сможетъ конкурировать съ тѣмъ, на чемъ лежитъ отпечатокъ божествен-

наго происхожденія, или — эпигонства безконечно далекихъ колоссальныхъ раннихъ культуръ.

Въ Азіи — мы дома, вотъ что должно быть нами осознано, а отсюда, изъ этой короткой фразы встаютъ перспективы для нашего обращенія лицомъ къ Тихому океану, что произойдетъ въ теченіе ближайшаго столѣтія, когда за Ураломъ развернется новая наша огромная цивилизація, удесятеривъ этимъ „окномъ въ Азію“ дѣло Царя Петра и совершенно европейская по духу: вѣдь наша азійское устремленіе будетъ результатомъ европейской критичности опознавшаго самъ себя нашего духа.

Евразійцы ищутъ дѣланія, практическаго примѣненія своей доктрины, но они не рисуютъ тѣхъ огромныхъ перспективъ, которыя встаютъ передъ нашимъ народомъ, какъ только мы подходимъ къ дѣлу со стороны Азіи; вотъ гдѣ возможны разработки идеологіи, вотъ гдѣ такіе всенародные пути, изъ которыхъ одинъ встаетъ за другимъ въ своей очевидной ясности и справедливости, и которые, м. б., снимутъ противорѣчія, поставленныя нашей революціей.

Соотвѣтственно этому въ ближайшемъ намъ необходимъ пересмотръ основныхъ положеній нашей исторіи, который и долженъ быть тѣми или иными путями вдохнутъ въ наше общество, и который покажетъ, что наша революція была, собственно, только реакціей противъ слишкомъ насѣвшаго на насъ Запада. Передъ зарубежной интеллигенціей нашей полное поле работы.

Но необходимо строго оговориться: — еще далеко въ судьбахъ міра не рѣшено, обойдется ли намъ наша революція столь благополучно; все это зависитъ отъ того, удастся ли намъ, русскимъ, по своему преемственному историческому духу подхватить нашу національную государственность. Если Россія выйдетъ изъ настоящихъ испытаній—она спасется. Въ противномъ случаѣ ей, прежде всего единой, грозятъ мрачныя перспективы распада и расчлененія. Настоящее состояніе, уравновѣшенное общимъ безсиліемъ міра послѣ

Великой Войны скоро пройдетъ, и первый, кто двинется на ослабленныхъ окружающихъ, пожнетъ неслыханные результаты своихъ дерзаній. Такіе будутъ. Кто будетъ это—возрождающаяся Азія, или заокеанскія культуры? Въ обоихъ случаяхъ зауральскіе просторы будутъ для насъ печальнымъ мѣстомъ нашихъ пораженій.

Но будетъ ли это такъ, будетъ ли иначе—все таится въ чревѣ будущаго, а намъ даны одни гаданія. Окружающая насъ настоящая остановка повелительно требуетъ отъ насъ, русскихъ, расчленительнаго, яснаго взгляда кругомъ.

И осознаніе нашей русской культуры, именно въ формѣ свойствъ нашей государственности, каковая является наисовершеннѣйшимъ плодомъ этой реальной культуры становится обязанностью каждаго изъ насъ.

Итакъ—къ подлинной русской культурѣ, при чемъ ставимъ вопросъ именно объ родѣ этой подлинности.

Оговорюсь относительно нѣкоторыхъ погрѣшностей въ транскрипціи китайскихъ и монгольскихъ терминовъ. Транскрипція эта чрезвычайно сложна и неопредѣленна, такъ какъ въ китайскихъ терминахъ приходится буквами передавать то, что въ самомъ китайскомъ языкѣ передается тономъ, а не звукомъ. Русскій способъ транскрибированія, однако, относительно совершененъ, и мое пользованіе англійской и французской транскрипціей является извѣстнымъ упущеніемъ.

Въ заключеніе долженъ выразить искреннюю благодарность Шанхайскому отдѣленію Британскаго Королевскаго Азіатскаго Общества (Shanghai's Section of Royal Asiatic Society), библіотекой котораго я имѣлъ возможность пользоваться.

19 марта 1926 года.
Харбинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Въ широкомъ пониманіи нашего русскаго общества Мѣдный Всадникъ издавна является какъ бы символомъ нашей государственности. Онъ сочетаетъ въ себѣ и дерзкую самодержавную волю властелина, и „вздернутый на дыбы"—какъ бы безправный и безгласный народъ нашъ, и устремленіе на Западъ; словно Фальконетъ вѣщимъ окомъ провидѣлъ всѣ двигательныя силы современной нашей исторіи и сжалъ ихъ въ своемъ бронзовомъ образѣ, воплотивъ вмѣстѣ съ ними наши главныя историческія проблемы.

Въ свою очередь всякая государственность есть всегда литой въ точныхъ контурахъ, четкій символъ народныхъ чаяній и достигнутыхъ устремленій. Въ нихъ находитъ свою раціональную форму то, что витаетъ въ неизслѣдимыхъ глубинахъ народнаго духа, что обуреваетъ его въ его морали. Реальнымъ народомъ строится реальная государственность, и качество, характеръ построенія этого есть слѣдствіе ума, самосознанія, удачливости народа въ достиженіи выраженія этихъ чаяній; поэтому мы никакъ не можемъ отдѣлять государственность отъ народа, или, что еще грубѣе, противополагать одинъ другой.

И вотъ на нашихъ глазахъ, этотъ двойной символъ народа и государственности—Мѣдный Всадникъ, лежитъ разбитый на днѣ пропасти. То, что дѣлалъ этотъ Всадникъ—нашъ

русскій Царь—Петръ Алексѣевичъ—что руководило жизнью и дѣятельностью пяти послѣдующихъ за нимъ поколѣній нашихъ—оказывается осужденнымъ самымъ страшнымъ прокуроромъ—фактомъ: мы болѣе не видимъ воплощенія воли въ Царѣ, въ народѣ видимъ полную необузданность, а мысль о коварномъ Западѣ потрясаетъ насъ судорогой возмущенія.

Изъ этого явнаго краха символа нашей государственности мы можемъ сдѣлать два противоположенія:

— Если символъ былъ вѣренъ—то мы погибшая нація.

— Если символъ былъ невѣренъ—тогда насъ живитъ надежда на будущее.

Но можетъ быть, будетъ вѣрно и то, и другое?

Распутать эту альтернативу мы можемъ только изслѣдовавъ это самое „мы", какъ источникъ россійской государственности; рѣшеніе этой необходимой задачи сведется къ проглядыванію основныхъ культурно-историческихъ чертъ нашего прошлаго, какъ регулирующаго маховика въ настоящемъ.

Не отмахиваясь отъ прошлаго, а беря его въ единомъ созерцаніи, нѣсколько подчеркнутомъ методически, мы сумѣемъ распутать тѣ линіи, которыя сплелись въ Гордіевъ узелъ настоящаго, въ революціонную неразбериху, потому что сама революція до извѣстной степени консервативна, поскольку она является сдвигомъ именно въ историческихъ напластованіяхъ, и опредѣляется ими.

Начало нашей эпохи русской исторіи относится къ тому времени, когда въ концѣ XVII вѣка явившаяся стальная воля Царя Петра опредѣляетъ собой два послѣдующихъ вѣка русской исторіи, создавая наше время. Начатый въ громахъ Полтавской побѣды надъ Западомъ, XVIII вѣкъ приводитъ насъ къ зарѣ XIX-го, встрѣченнаго въ блескѣ ликованія вступленія нашего въ Парижъ въ 1814-мъ году, въ Парижъ—эту

столицу Запада, единственно по волѣ Александра I-го. Этого обстоятельства мы не должны забывать ни въ коемъ случаѣ даже теперь—находясь въ столь жалкомъ положеніи. Пушкинъ въ плѣнительной своей „Мятели“ простымъ языкомъ дворянина Бѣлкина такъ свидѣтельствуетъ о переживаніяхъ того времени:

— Между тѣмъ, война со славою была окончена. Полки наши возвращались изъ за границы. Народъ бѣжалъ имъ навстрѣчу. Музыка играла завоеванныя пѣсни— Vive Henri Quatre и аріи изъ Жоконды. Офицеры, ушедшіе въ походъ отроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ полѣ, обвѣшанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собой, вмѣшивая поминутно въ рѣчь французскія и нѣмецкія слова. Время незабвенное... Время славы и восторга! Какъ сильно билось русское сердце при словѣ Отечество! Какъ сладки были слезы свиданія! Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ Государю! А для него какая была минута!—

Мы забыли эти слова нашего великаго человѣка, а съ ними мы забыли и то, что кромѣ заката кровавой звѣзды Наполеона, начало XIX вѣка особенно примѣчательно для насъ русскихъ этой цѣпью событій:

вѣдь эта звѣзда была потушена нашими руками, руками русскихъ.

Тогда, въ 1814-мъ году появляется впервые на міровомъ горизонтѣ наша страна, какъ государство устрояющее сравнительно пассивную Европу, какъ опредѣляющее самый политическій характеръ ея существованія. Мы перестали тогда окончательно быть лишь призракомъ невѣдомаго колосса на Востокѣ, объектомъ попытокъ наступленія Запада, начиная съ Польши и кончая Франціей.

Въ Парижъ въ 1814-мъ году въ столицу Западнаго европейскаго духа явился съ Востока давній установленный

обликъ того извѣчнаго соотношенія народныхъ массъ и ихъ вождей, который всегда существовалъ въ народахъ Европы и который, на мгновеніе искаженъ въ страшномъ зеркалѣ Французской Революціи, явился въ обликѣ Наполеона.

Этотъ стародавній монархическій принципъ сталъ преодолѣніемъ революціи, и съ его носителемъ Александромъ I-мъ во главѣ, былъ знаменіемъ установленія государственнаго европейскаго правопорядка въ послѣднемъ мимолетно возникшемъ обликѣ Паневропейской Имперіи Карла Великаго съ ея безразличіемъ внутреннихъ, сокрушенныхъ Наполеономъ границъ.

Только чужая традиція да наша собственная близорукость къ національнымъ нашимъ интересамъ мѣшала намъ видѣть въ этихъ и въ послѣдующихъ походахъ нашихъ въ Европу обратную картину того, о чемъ мечталъ Наполеонъ—распространеніе нашего русскаго вліянія почти на весь міръ. Русская Имперія, перегибаясь изъ Европы въ Азію черезъ Уралъ, владѣя берегами Тихаго Океана, въ этихъ походахъ доходила до береговъ Атлантики и Адріатики. Тогдашнее русское вліяніе создало ту фигуру Россіи, какъ главнаго судьи европейскихъ международныхъ дѣлъ, которой представлялась Россія въ дипломатіи вплоть до 1914-го года. Изъ записокъ двухъ главныхъ европейскихъ пословъ въ Петербургѣ послѣдняго періода—Бьюкенена и Мориса Палеолога ясно видно, какъ разыгрывалась политическая жизнь вокругъ нашего послѣдняго Царя. Дипломатическая усиленная работа Европы продолжалась цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ подѣлить съ Берлиномъ участь—взорвать Петербургъ—этотъ центръ политическаго равновѣсія въ Европѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ взорвать и самую Европу.

Несмотря на то, что мы съ 1854 года не выиграли ни одной войны, несмотря на трещину, произведенную въ государствѣ нашемъ войной съ Японіей,—этотъ нашъ престижъ просуществовалъ до 1916-го года—по крайней мѣрѣ его внѣш-

нiй, международный фасадъ. Правящiй Петербургъ былъ легкомысленно увѣренъ въ немъ до послѣдней минуты. Наша дипломатiя до послѣдняго времени поддерживала настроенiе въ русскомъ широкомъ обществѣ мечтой о Константинополѣ, такъ какъ завоеванiя всегда были для насъ эквивалентомъ государственной силы.

Но уже давно за этимъ фасадомъ русскаго влiянiя шелъ длительный и сложный процессъ, приведшiй нашу страну къ тому краху, въ которомъ она находится и теперь. Процессъ этотъ отнюдь не былъ ограниченъ извѣстными временными рамками—онъ выходилъ изъ глуби вѣковъ и въ свою очередь, вѣроятно, уведетъ насъ въ будущiя дали. Этотъ процессъ былъ извѣстенъ, какъ равно и грядущiе его результаты. Такiя книжки, какъ книга генерала Бернгарди, начальника Германскаго Генеральнаго Штаба предсказала горькую судьбу Россiи за десятокъ лѣтъ съ поразительной точностью. То, что случилось—было неожиданностью только для нашего общества. Но что же, собственно, случилось?

Въ исторiи нашего краха слѣдуетъ отмѣтить двѣ стороны—международную и нашу русскую, внутреннюю сторону. СИЛЬНАЯ РОССIЯ ЕВРОПѢ БЫЛА НЕ НУЖНА—эту формулу мы можемъ почесть нынѣ установленной съ большой точностью, какъ не нужны ей въ 1814-мъ году были наши лагеря въ Елисейскихъ поляхъ. Перегруппировка въ Европейскомъ концертѣ, когда мы заключили нашъ несчастный союзъ съ Францiей—повела лишь къ ослабленiю Германiи и слѣдовательно, къ выигрышу Англiи. А между тѣмъ, кто можетъ нынѣ сомнѣваться, что предсмертный завѣтъ Бисмарка—„никогда не воевать съ Россiей",—могъ быть обращенъ въ Русско-Германскiй союзъ, и будучи союзомъ двухъ силъ, могъ бы образовать несокрушимый оплотъ объединенныхъ монархiй противъ явно-демократическихъ тенденцiй Англiи и Францiи, а равнымъ образомъ могъ бороться съ тѣми незримыми, но тѣмъ болѣе могучими теченiями тайной европейской политики, въ которыя никогда не вѣрило русское общество, и въ которыя на-

чинаетъ вѣрить только теперь. И правильно расчитавъ, дипломатія англо-саксонскаго склада сосредоточила свои удары именно на русскихъ и германскихъ взаимоотношеніяхъ. Отъ этого выиграла одна Англія, которая и была руководительницей этой политики.

Такова внѣшняя, международная сторона подготовки нашего крушенія. Гораздо болѣе сложны причины внутренняго, національно-историческаго порядка. Какъ же это случилось, что монархическій гигантъ, державшій подъ своимъ вліяніемъ Европу и Азію, безсознательно воплощавшій мечты великихъ завоевателей о всемірномъ господствѣ—рухнулъ, не смотря на свою крѣпкую внѣшность?

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ мы не должны „ни плакать, ни смѣяться". Нашему поколѣнію, связывающему Россію былую съ Россіей будущаго надо пытаться „лишь понимать", хотя это дѣло весьма болѣзненное и трудное: вѣдь именно потому что мы находимся на рубежѣ, на смѣнѣ, намъ для этого приходится отказываться отъ столькихъ уже издавна готовыхъ, установившихся схемъ и образовъ, вродѣ того, напримѣръ, что въ Европѣ живутъ замѣчательно просвѣщенные и добрые люди, вродѣ того, что между нами и европейцами нѣтъ никакого различія въ духовномъ укладѣ.

Блистательный Александровскій періодъ нашихъ побѣдъ—кульминаціонный пунктъ въ дѣлѣ Мѣднаго Всадника, въ нашемъ періодѣ исторіи. И этотъ пунктъ открываетъ собой блистательный періодъ русской культуры, которой мы жили до настоящаго времени. Только тѣ изъ нашихъ современниковъ, которые не могутъ никакъ выбросить бунтъ изъ своего сердца—могутъ считать 20—30-ые годы прошлаго столѣтія „эпохой реакціи". Для насъ, русскихъ, это время Русскаго Ампира явилось какъ бы цвѣтущей весной, соотвѣтствующей крѣпкому положенію нашему въ международной ситуаціи. Эта эпоха для насъ теперь кажется сотканной изъ

солнечнаго свѣта, безусловной, безспорной. Время, когда —

Плѣнялъ Жуковскаго Новалисъ,
Лилась Булгарина слюна,
И стихотворцы волновались
У книжной лавки Смирдина —

— изумительное время!

Невскій проспектъ того времени въ часъ обычной прогулки—вѣдь это цѣлыя тонны дѣйственнаго радія нашего русскаго духа. Камеръ-юнкеры Пушкины, поручики Лермонтовы, чиновники Крыловы и Гоголи, дипломаты Грибоѣдовы, князья Вяземскіе и Одоевскіе, профессора Погодины, разочарованные дворяне Чаадаевы, крупные благожелательные помѣщики Аксаковы—всѣ эти знакомыя намъ старомодныя лица —вѣдь они абсолютны, до сихъ поръ въ милліонахъ экземпляровъ стоя на книжныхъ полкахъ нашихъ библіотекъ, упорно формируя умы Россіи.

Даже „сосланный“ Пушкинъ не страдалъ, а юношей слушалъ музыку волнъ въ ясномъ, соленомъ, голубомъ Крыму, писалъ стихи крѣпче и звонче мѣди, любилъ прекрасныхъ женщинъ. Мы рѣшительно несогласны съ существующимъ извѣстнымъ уныло-интеллигентскимъ воспріятіемъ существующаго, а тѣмъ болѣе прошлаго. Мы признаемъ красоту и важеватость чернаго фрака гр. Сперанскаго, мы почтительны передъ исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ, чуть ли не единственнымъ писавшимъ исторію Государства Россійскаго. Мы убѣждены, что всѣ эти лица—бритыя, съ зачесанными напередъ височками—гр. Канкрины, Завадовскіе, Блудовы, Протасовы и т. д.—это живыя фигуры былыхъ живыхъ и умныхъ людей, доселѣ пребывающихъ въ неотмѣнимомъ ходѣ русской исторической причинности. Ихъ нельзя вычеркнуть заднимъ числомъ, отречься отъ нихъ. Прошлое — непобѣдимый и донынѣ продолжающій дѣйствовать фактъ.

Откройте хотя бы „Дѣтскіе годы Багрова-внука“, — и вы увидите, какой роскошный, уравновѣшенный творческій покой распространялся тогда надъ Россіей. Подъ черными

крыльями стилизованно распростертаго Александровскаго орла, подъ блескомъ его бриллiантовыхъ коронъ стояло оборотясь лицомъ на Западъ огромное, колоссальное государство наше, тянувшееся отъ океана до океана, славное побѣдами своего войска, хранившее миръ и порядокъ въ Европѣ такъ, какъ этого повелѣвалъ не расчетъ, а совѣсть единаго властителя этой страны, единой личности. Такой памятникъ самодержавно-рыцарскаго отношенiя къ дѣлу являетъ намъ манифестъ Императора Николая I-го по поводу событiй въ Венгрiи, въ 1848-мъ году, въ которомъ онъ заявляетъ о невозможности оставаться празднымъ зрителемъ совершающихся тамъ революцiонныхъ насилiй. Этотъ манифестъ мы можемъ предъявить нашимъ былымъ союзникамъ теперь, послѣ ихъ выступленiй въ 1918-19 гг. въ качествѣ интервентовъ въ нашей гражданской войнѣ, для того, чтобы показать, какъ можно было въ Россiи рыцарски соблюдать междукультурныя обязательства.

Но въ столицахъ Европы въ теченiе всего XIX вѣка еще дымятъ старые огни революцiи 1789-го года. 1830, 1848, 1860 гг. отмѣчены ея вспышками. Въ нихъ выходитъ на фабричный дворъ и постепенно эвольвируетъ въ идею классовой борьбы благородная идея римской демократiи 1789 года. Тогда въ душахъ французовъ и ихъ героевъ еще жилъ Титъ Ливiй и отзвукъ римскихъ гражданскихъ доблестей; теперь на первый планъ выдвигается бородатая фигура жгучаго еврея Карла Маркса. Низменный матерiализмъ Фейербаха смѣняетъ величественное ученiе Гегеля объ плавномъ развитiи Мiрового Духа, а осторожный въ своихъ выводахъ Дарвинъ жадно истолковывается площадью въ смыслѣ bellum omnium contra omnes. И когда созданная могучимъ Бисмаркомъ Германская Имперiя въ 1871-мъ году опрокидываетъ Францiю, она даетъ тѣмъ мгновенiе жизни судорожной, кровавой, нищей духомъ Коммунѣ.

Эти абрисы исторiи Европы въ XIX столѣтiи знакомы всѣмъ, и паралелльно имъ развиваются контуры русской дѣй-

ствительности. Мы, русскіе всегда понимали дѣятельность, какъ борьбу. Послѣ того, какъ мы ворвались съ Александромъ I-мъ какъ побѣдители въ Европу, въ уравновѣшенномъ, успокоенномъ побѣдами послѣалександровскомъ обществѣ настали времена беззаботнаго досуга. Въ дормезахъ и берлинахъ бродятъ по Европѣ, горящей скрытымъ незатушеннымъ окончательно огнемъ Французской революціи наши писатели и любопытствующіе баре. Чуткіе, лѣнивые и добродушные, бѣшеные и безшабашные, удалые на войнѣ, смекалистые, органически сросшіеся съ нашимъ государственнымъ строемъ, жадно впитывающіе разницу между нимъ и строемъ западно-европейскимъ, ловкіе болтать на чужихъ языкахъ, въ чемъ всегда есть что то унизительно-проституціонное, они глядятъ на Европу съ недоумѣніемъ дикарей. Въ глубинахъ своихъ имѣній, среди безконечныхъ земельныхъ просторовъ, среди устоявшагося крѣпостного права они жили въ особомъ быту, съ обожаніемъ охоты, лошадей, собакъ, соколовъ, въ распущенности сельскихъ гаремовъ, въ привычкѣ къ изобилію, къ властности, ко всему тому, что уже вывѣтрилось въ Европѣ, или закрѣпилось въ условныхъ формахъ за остатками феодальнаго класса.

— Масса русскаго дворянства, не тѣ немногія фамиліи, которыя успѣли въ столичной жизни рано прикоснуться къ европейскимъ обычаямъ, а то помѣщичество, которое выходило въ отставку съ перваго чина и съ 25-ти лѣтъ не выѣзжало изъ своихъ вотчинъ—безъ всякихъ сомнѣній заимствовало отъ татарскихъ мурзаковъ болѣе, чѣмъ мы думаемъ. Болѣе всего говоритъ объ этомъ заимствованіи образъ жизни татарскаго мурзака, его хозяйственная распущенность, его страсть къ лошадямъ, характеръ его домашняго комфорта. Дѣвственная громозвучность голосовъ, дѣвственно-могучіе организмы, переполненные густою и сердитою кровью, эти черные гнѣвные глаза, привыкшіе только повелѣвать, приказывать, эти жесткіе, какъ грива, усы и волосы—все это я видѣлъ давно, въ эпоху своего

отрочества, и увидѣлъ теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ. Татарскій мурзакъ—это идеалъ, съ котораго копировался нашъ помѣщикъ *).

Въ Европѣ нашъ дворянинъ плѣнялся, правда, европейскими традиціями, но не былъ особенно склоненъ перенимать ихъ. Для традицій нужны столѣтія, какъ для вина нужны спокойные погреба, гдѣ въ покоѣ набирали бы силу драгоцѣнныя бочки. Намъ, русскимъ, негдѣ и некогда было накопить слой традицій столь же мощный, какъ и европейскій, потому что вся наша исторія была съ IX вѣка либо устремленіемъ на новыя мѣста, либо страшныя усобицы и войны. У похороненныхъ въ степяхъ не можетъ быть мавзолеевъ; у служилыхъ людей, посылаемыхъ управлять новыми землями все время ростущаго Княжества Московскаго нѣтъ прочныхъ гробницъ. У нашихъ предковъ только одинъ оглядъ — на пославшую ихъ Москву, гдѣ сидѣла государева воля, не жалѣвшая отдѣльныхъ личностей. Вотъ почему у насъ традиція имѣетъ видъ преимущественно государственный, въ то время, какъ Западъ, осѣвшій и дифференцировавшійся въ гражданскомъ быту, имѣлъ традицію индивидуальную.

Въ отличности отъ западныхъ нашихъ внутреннихъ условій, въ разницѣ ихъ уровней и лежитъ причина слишкомъ бурной „западности“, „революціонности“ нашихъ соотечественниковъ. Проѣзжавшій въ каретѣ помѣщикъ видѣлъ въ Европѣ то, чего не видалъ онъ, когда проходилъ въ желѣзномъ строю нашихъ солдатъ. И то, что принималъ онъ отъ западной индивидуальной традиціи—развращало, губило его государственную русскую волю.

Привыкшіе къ тому, чтобы нужды государственныя всегда были поставляемы у насъ во главу угла, наши путешественники широко раскрывали свои сѣрые глаза при видѣ тамошнихъ вольностей.—Счастливые Швейцары!—восклицалъ Карамзинъ, лобызая чужую землю. Въ самомъ дѣлѣ,—госу-

*) Е. Л. Марковъ. Пещерные города Крыма. Вѣстникъ Европы, 1872, кн. VII.

дарственная самодержавная воля все время висѣла надъ головой русскихъ людей того времени. Петръ Алексѣевичъ, скача изъ конца въ конецъ по своему государству, избивая палкой нерадивыхъ подданныхъ мало считался съ „личностью“. И хотя пять Императрицъ дѣлали нравы тоньше и куртуазнѣе, „просвѣщеннѣе“, то Екатерина Первая, эта первая русская помѣщица, жалуя крестьянъ и помѣстья за военные подвиги и любовь, насаждаетъ у насъ вице-королей, этихъ могущественныхъ Екатерининскихъ вельможъ. Новый помѣщикъ имѣлъ, правда, землю уже не на служиломъ, а на собственническомъ правѣ, но все таки отнюдь не обладалъ правами полнаго гражданства. Въ своихъ шитыхъ золотомъ кафтанахъ, короткихъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ и брыжжахъ —они для самой свободы своей должны быть прежде всего просто „случаями“ матушки Екатерины. Это поколѣніе старое.

Та круглая революціонная шляпа, которая пряталась отъ гнѣвнаго взора Императора Павла Петровича за лѣса строющагося Исаакіевскаго собора была символомъ новаго нарождающагося поколѣнія. Сквозь окно въ Европу начинался сквознякъ.

Раціонализмъ Просвѣщенія, начавшійся съ изящнаго, по-французски скептическаго волтеріанства росъ въ XIX вѣкѣ неудержимо, по мѣрѣ завоеваній въ Европѣ точныхъ наукъ и техники, сопровождаемый вліяніями масонскими. Неизвѣстно, что въ большей мѣрѣ содѣйствовало пропагандѣ западныхъ идей—нелѣпый русскій баринъ Мишель Бакунинъ, дравшійся на чужихъ баррикадахъ въ 1848-мъ году или открытіе Царскосельской желѣзной дороги. Во всякомъ случаѣ изъ служилаго прежде дворянства, лидерствовавшаго наше общество, мало по малу выковывался свободный отъ занятій и службы классъ, лишь формально привязанный къ землѣ, но по существу и духовно утратившій свои недавнія патріархальныя связи съ крестьянствомъ—„христіанствомъ“. Тотъ гордый окликъ, который раздался въ наши дни въ Государственномъ Совѣтѣ со стороны одного изъ родовитѣйшихъ

аристократовъ, что де вся разница между мужикомъ и дворяниномъ въ томъ только, что предокъ дворянина пахалъ землю 500 лѣтъ сряду, а предокъ мужика неизвѣстно сколько времени—мало по малу утрачивалъ свой смыслъ. ВЪ XIX СТОЛѢТІИ ДВОРЯНИНЪ ПЕРЕСТАВАЛЪ УЖЕ ПАХАТЬ ЗЕМЛЮ,—А СЛУЖИЛЪ ОНЪ—ПО ВОЛЬНОСТИ ДВОРЯНСКОЙ, СЪ РАЗВАЛЬЦЕМЪ. Словно ему государствомъ—отнюдь не въ силу его заслугъ и качествъ, былъ предоставленъ какой то академическій досугъ. Обезпеченный своей земельной рентой, сохранившейся отъ половинчатой реформы 1861-го года, предохраняемый и спасаемый отъ „оскудѣнія" такими учрежденіями, какъ сословные банки, обезпеченный своими родовыми связями съ придворнымъ окруженіемъ, русскій дворянинъ къ концу XIX-го вѣка сдѣлалъ два дѣла, развившихся въ двухъ направленіяхъ.

Имъ къ нашему послѣднему времени образованъ замкнутый со стороны Россіи, открытый для смѣшиванія со стороны Запада особо привиллегированный классъ—дворянство, который и давалъ контингентъ для цѣлаго ряда государственныхъ установленій, единственно въ силу происхожденія. Не оспаривая того часто высказываемаго положенія, что % пригодныхъ для занятія государственныхъ должностей людей больше въ старомъ и отборномъ классѣ, нежели въ классѣ низшемъ, мы должны сказать, что никакихъ гарантій за всѣ 100% онъ дать не можетъ, въ то время, какъ низшіе классы, въ силу самой своей многочисленности, хотя и не обладающіе столь высокимъ % годности, могутъ набрать въ себѣ потребное государству число; а именно малочисленность высшаго класса и не давала гарантіи въ томъ, что потребное число людей для извѣстныхъ постовъ можетъ быть набрано въ немъ удовлетворительнымъ образомъ. Вотъ почему Стива Облонскій и полагалъ, что ему кто то обязанъ предоставить мѣсто minimum на 6.000 въ годъ!

А между тѣмъ эта оторванность отъ гущи народной, большая привязанность къ западнымъ образцамъ, отсутствіе

борьбы за существованіе и дѣятельности, что единственно своимъ движеніемъ свѣтлитъ и воды и желѣзо, создало крайнюю кастовую привиллегированную замкнутость и привело къ убійственнымъ результатамъ—къ потерѣ классовой энергіи. Дворянство XX-го вѣка не могло даже дать той гвардіи, каковой была гвардія Екатерины II-ой. Гвардія нашего времени, комплектуемая дворянами-офицерами, оставила Николая Александровича такъ же, какъ покинулъ своего Императора и флотъ, комплектуемый тоже дворянствомъ. Историки въ будущемъ посвятятъ не мало страницъ печальной дѣятельности нашего Генеральнаго Штаба, работа котораго во время войны была отвратительна; во время революціи его многочисленные чины обнаружили полное отсутствіе государственнаго пониманія и національной честности. А между тѣмъ, и Генеральный Штабъ въ большомъ своемъ числѣ состоялъ изъ дворянъ. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, этотъ Элизіумъ воспитанниковъ Александровскаго Лицея и Училища Правовѣденія оказалось у насъ въ послѣднемъ вѣкѣ центромъ самыхъ роковыхъ ошибокъ международной политики. Заискиваніе передъ Западомъ привело къ тому, что нашей арміей распоряжались иностранные дипломаты, какъ это было, напримѣръ, въ 1914-мъ году, въ исторіи съ гибелью корпусовъ генерала Самсонова подъ Сольдау. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ его губернаторами и земскими начальниками не можетъ вызывать въ насъ глубокаго сочувствія своей памяти при безпристрастномъ разсмотрѣніи ихъ дѣятельности. И не Государственный ли Совѣтъ и въ особенности—Государственная Дума долго будутъ жить въ памяти русскаго народа по своему безславному поведенію во время „февральской“ революціи?

Никакихъ оправданій, заключающихся въ томъ, что „время было революціонное“—быть не можетъ. Какъ мосты разсчитываются на никогда практически недостижимую нагрузку, такъ и государственныя установленія и государственные дѣятели должны быть разсчитаны на самыя тяжелыя испыта-

нія. Иначе все идетъ самотекомъ, рутиннымъ и бытовымъ, и самотеку тому цѣна грошъ. Мы по совѣсти должны обвинять въ крушеніи Государства Россійскаго тотъ высшій классъ, который стоялъ у кормила правленія, и классъ этотъ— дворянство. Соль земли—по самой своей исторической сути, оно превратилось въ унылую, засохшую смоковницу, вокругъ которой играетъ и бушуетъ весеннее половодье. Въ то же время, не брежа интересами государственными, дворянство зорко слѣдило за сохраненіемъ своихъ привиллегій и тормозило развитіе крестьянскаго сельскаго хозяйства—этой основы нашей страны, дабы не лишиться дешеваго работника своихъ земельныхъ угодьяхъ и не создать себѣ опаснаго конкурента *).

Другая вѣтвь дѣятельности дворянства привела къ созданію того, что такъ специфически называется „русской интеллигенціей“. Какъ въ своей офиціальной идеологіи россійское дворянство держало сторону казенной, поросшей лѣнивымъ мохомъ идеологіи самодержавнаго строя, такъ въ своемъ зеркальномъ отображеніи, въ русской интеллигенціи, дѣлавшей правое лѣвымъ, а лѣвое—правымъ, но въ столь же, или еще болѣе безпочвенной и оторванной отъ жизни и отъ народа, оно создало свое каррикатурное визави.

Интеллигенція наша родилась тогда, когда разночинецъ полѣзъ въ дворяне, когда Императоръ Николай I-ый прозорливо пересталъ послѣ декабристовъ довѣрять дворянству. Чванный, какъ искони чваненъ нашъ служилый классъ, бездѣльный по отсутствію жизненнаго темпа творческой работы, всецѣло связанный съ дворянствомъ въ порядкѣ іерархическомъ, получившій доступъ въ это сословіе путемъ Табели о рангахъ, нашъ чиновникъ былъ прямымъ подражаніемъ во всемъ дворянину—начиная съ фуражки съ кокардой и кончая бытомъ. Въ русскомъ народѣ, какъ въ русской банѣ, русскомъ трактирѣ, образовались двѣ половины „дворянская“

*) Ср. талантливый памфлетъ извѣстнаго „дворянина Н. Павлова“— Письмо къ Ленину.

или „чистая“ и простонародная. Первая характеризуется нѣмецкимъ фасономъ платья, „крахмалкой“, вторая—чуйкой, зипуномъ, смазными сапогами; и дворянинъ и чиновникъ—оба „баре“.

Но если оба этихъ сословія имѣютъ общее начало, то въ своихъ путяхъ они глубоко различны. Дворянство платонически интересовалось, интеллигенція выводила опредѣленныя слѣдствія. Масонскіе дворянскіе выстрѣлы 1825-го года —прямой мостъ къ интеллигентскимъ событіямъ 1917-го. Интеллигенція, зародившаяся въ дворянствѣ, и развившаяся на разночинномъ чиновничествѣ неутомимо перестраивала свое міровоззрѣніе на ладъ освобождающей могучей западной культуры.

На мѣсто темныхъ и спутанныхъ замысловъ декабристовъ, въ теченіе XIX столѣтія приходятъ нѣсколько разныхъ типовъ интеллигентскаго міросозерцанія. Они и различны, и объединены однимъ—всѣ они революціонны въ большей или меньшей степени. Они развиты, укладываются въ рамки средняго пониманія и поэтому пригодны для широкаго распространенія. Они распадаются на два основныхъ типа—соціалистическій и либеральный, но среди нихъ нѣтъ ни одного вида, который бы носилъ бы характеръ національный. Всѣ эти міровоззрѣнія заимствованы съ Запада и какъ таковыя, уже заранѣе полны отрицательныхъ возможностей къ нашему самобытному государственному строю.

Въ проведеніи и развитіи этихъ идей большую роль сыграли наши университеты. Студенчество, первоначально принадлежа къ дворянству по происхожденію и традиціямъ, постепенно перекочевываетъ въ сторону интеллигенціи, какъ особо создающагося политическаго класса. Теперь интеллигенція уже не чиновничество, не разночинецъ, лѣзущій въ дворяне, не кающійся дворянинъ. Она сама, какъ классъ полна сознанія какого то внутренняго превосходства, особой своей миссіи. Ее обуреваетъ какая-то вѣра въ всепобѣжда-

ющую силу человѣчества. которая сила однако, находится гдѣ то далеко, за русской границей, на Западѣ; это обстоятельство и даетъ интеллигенціи право презирать наличную русскую бытовую обстановку.

Подобно тому какъ когда то старообрядцы были твердо убѣждены, что существуетъ гдѣ то очень далеко Царство Опоньское (Японское), гдѣ блюдется старая правильная вѣра, интеллигенція, какъ новый классъ, выказываетъ огромную живучесть въ этомъ своемъ убѣжденіи, въ присутствіи спасенія въ Европѣ, такимъ образомъ являя черту чисто-національную. Она постепенно получаетъ при помощи притока изъ университетовъ объемъ значительно болѣе широкій, нежели дворянство, и даже включаетъ его въ значительной степени въ себя. Университетъ и среднія учебныя заведенія давая въ дипломѣ ключъ къ возможности легкой и сравнительно беззаботной служебной ренты, давая вкусъ къ чтенію, прессѣ и политикѣ, такимъ образомъ содѣйствовали расширенію этого класса просто изъ за его экономическихъ выгодъ.

Университетъ и сдѣлался тѣмъ пріемникомъ, на который дѣйствовала изъ-за границы наша эмигрантщина, создавая примѣрно типъ соціалистическаго міровозрѣнія, а профессура дѣйстовала изнутри, создавая типъ міровоззрѣнія либерально-парламентарный, въ англійскомъ вкусѣ, который столь блистательно провалился на историческомъ испытаніи въ лицѣ Временнаго Правительства 1917-го года. Проф. Градовскій въ концѣ прошлаго столѣтія открылъ собой плеяду профессоровъ парламентаристовъ—конституціоналистовъ, которые быстро набросали на нашу страну въ лицѣ своихъ учениковъ-юристовъ политическую сѣть. Особенно подверглась ихъ вліянію адвокатура, въ меньшей степени магистратура, что, въ свою очередь, вызвало извѣстный печальный антагонизмъ между двумя вѣтвями русскаго суда. Еще въ большей степени оказалось зависимой отъ университетовъ печать, которая, по установленному обыкновенію, должна была быть не-

премѣнно либеральной, если не соціалистической, для того, чтобы быть „независимой“, „честной“ и т. д.

Въ дополненіе къ этому нельзя забывать, что торжество западной точной науки привело къ господству „точнаго“, то есть матеріалистическаго метода въ исторіи и соціологіи, импонирующаго, какъ извѣстно, весьма сильно неискушеннымъ людямъ. Люди нашего поколѣнія уже на школьной скамьѣ въ гимназіи начинали курсъ „самообразованія“ съ чтенія какой нибудь чрезвычайно безцеремонной политической экономіи. Заработокъ мижуевской новозеландской горничной чрезвычайно интересовалъ насъ и заставлялъ соболѣзновать горькой участи нашихъ Аннушекъ и Дуняшъ, рѣжущихъ босыми пятками январскіе снѣга, а „рабочій“—въ котораго превратился нашъ фабричный, казался намъ чуть не святымъ, какъ творецъ новой культуры.

Все это вело къ одному — къ политической напряженности. Интеллигенція на фонѣ неизвѣстной, почти неисповѣдимой жизни нашего народа росла все болѣе въ своемъ значеніи какъ политическаго класса; она впитала въ себя всѣ верхи духовной жизни нашей страны, и достигла такого вліянія, что казалось пережиткомъ, напримѣръ, говорить въ нашей сословно-дворянской странѣ о своемъ дворянскомъ происхожденіи. До извѣстной степени даже сама дѣятельность правительства была отвѣтомъ на это наростающее сопротивленіе. Подъ натискомъ этой оппозиціи правящій классъ либо угрюмо отмалчивался, либо неудачно огрызался, всѣ свои надежды возлагая на какой то особый „русскій народъ“, обладающій всѣми добродѣтелями. Вся дѣятельность Государственной Думы была такими политическими антифонами, въ которыхъ преобладала главнымъ образомъ, критика правительства, при чемъ ужасъ положенія заключался въ томъ, что критики эта была права, въ силу вышеуказанныхъ недостатковъ правящаго класса. Но это отнюдь не значило, что и критикующіе были правы. Всѣ послѣдніе года передъ революціей протекаютъ въ этой политической распрѣ. Поли-

тическіе процессы, имѣющіе принципіальное значеніе, проходятъ такъ, что, какъ напримѣръ въ дѣлѣ Бейлиса, вся страна судитъ свое правительство, а не этого еврейчика. Одинъ изъ нашихъ свѣтлыхъ умовъ, хотя и самъ заблудшій, К. П. Побѣдоносцевъ, характеризовалъ положеніе нашей родины, какъ обуреваемой „великой ложью нашего времени — парламентаризмомъ“:

— При крайней ограниченности ума, при безконечномъ развитіи эгоизма и самой злобы, при низкости и безчестности поведенія человѣкъ съ сильной волей можетъ стать предводителемъ партіи и становится тогда руководящимъ, господствующимъ главою кружка, хотя бы къ нему принадлежали люди, далеко превосходящіе его своими нравственными качествами—пишетъ онъ въ Московскомъ Сборникѣ.—Любой уличный проходимецъ, любой болтунъ изъ непризнанныхъ геніевъ, любой искатель гешефта можетъ, имѣя свои собственныя деньги, или доставъ для спекуляціи и наживы чужія, основать газету—и вотъ, общественное мнѣніе готово.—Вѣра въ безусловное нравственное воздѣйствіе умственнаго образованія есть ничто иное, какъ предвзятое положеніе, натянутое до нелѣпости, и т. д., и т. д.

И сознаніе этого положенія было на лицо въ нашемъ обществѣ, какъ это доказалъ громкій успѣхъ сборника „Вѣхи“ въ 1907-мъ году.

Самъ правящій классъ былъ сплошной Ахиллесовой пятой. Оговорившись предварительно, что воспоминанія, какъ и исповѣди, будучи опубликованы позднѣе описываемыхъ временъ, зачастую обнаруживаютъ такую прозорливость, что ее хочется отнести за счетъ „задняго числа“, приведемъ заявленіе небезызвѣстнаго финансиста, промышленника и вдохновителя одной изъ самыхъ большихъ контръ-революціонныхъ попытокъ нашихъ дней—Омска, А. И. Путилова, о которомъ повѣствуется въ воспоминаніяхъ Палеолога. Подъ 2-мъ іюня 1915-го года любознательный французъ записываетъ:

— Обѣдалъ у Путилова. Онъ находится въ числѣ тѣхъ четырехъ представителей отъ промышленности, которые засѣдаютъ въ Высшемъ Совѣтѣ Снабженія. Его первыя впечатлѣнія отвратительны, ибо выясняется, что необходимо разрѣшить не только техническія проблемы производства, но и слѣдовало бы реформировать сверху до низу весь административный аппаратъ.

Онъ говоритъ:

— Часы Императорской власти сочтены. Эта власть неминуемо падетъ, а она—единственная связь и спайка русскаго единства. Отнынѣ революція неизбѣжна, и нуженъ только поводъ, чтобы она вспыхнула. Этимъ поводомъ будетъ либо военная неудача, либо забастовка, либо возмущеніе въ Москвѣ, либо скандалъ и драма во дворцѣ. Это безразлично... Революціи во Франціи и въ Англіи мнѣ представляются скорѣе благотворными. У насъ же революція можетъ быть только разрушительной... Образованный классъ у насъ представляетъ ничтожное меньшинство, лишенное организаціи, не имѣющее политическаго опыта, не имѣющее точекъ соприкосновенія съ массами. По моему, самымъ большимъ преступленіемъ нашего режима было то, что онъ не захотѣлъ допустить никакихъ центровъ политической жизни, кромѣ бюрократіи; и результатъ этого будетъ то, что когда изчезнутъ чиновники, Россія немедленно распадется. По всей вѣроятности, сигналъ къ революціи будетъ поданъ буржуазными элементами, кадетами, которые такимъ образомъ думаютъ спасти Россію. И эта буржуазная революція немедленно устремится къ рабочей, и вскорѣ затѣмъ къ крестьянской. Тогда начнется анархія,--10 лѣтъ анархіи... Мы увидимъ времена Пугачева или похуже...

Такъ расцѣнивали положеніе нашего отечества въ началѣ и въ концѣ столь блистательно начатаго въ началѣ XIX вѣка періода столь различные между собою соотечественники — Пушкинъ и Путиловъ.

И часъ пробилъ. Нерѣшенная до конца въ 1861-мъ г. земельная реформа въ 1917-мъ—сокрушила правящій классъ, дворянство, а съ нимъ и его ALTER EGO—интеллигенцію, жившую только подъ крыломъ былой самодержавной власти. И мы воочію видимъ, какъ передъ нами, на нашихъ глазахъ —ВЪ ДЫМЯЩИХСЯ РАЗВАЛИНАХЪ ЛЕЖАТЪ ОСТАТКИ НАДСТРОЕКЪ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ XIX ВѢКА. Въ своемъ полетѣ на Западъ Мѣдный Всадникъ, доскакавъ до самаго края страшной пропасти, обрушился въ нее.

На насъ извнѣ велъ аттаку Западъ. Внутри же — оторванное отъ земли, лишенное народно-національныхъ корней дворянство наше—не оправдало тѣхъ задачъ, которыя оно призвано было разрѣшить: оно дало намъ сухую, слабую монархію, не выдержавшую ударовъ артиллеріи Великой Войны, не выдержавшую газовыхъ аттакъ международныхъ соціалистическихъ и масонскихъ полчищъ, не выдержавшую внутренней бури. Порожденіе и наслѣдница дворянства—интеллигенція—оказалась неспособной къ минимальному практическому обладанію властью.

И чистой половины русскаго общества больше нѣтъ.

Передъ нами необозримыя пространства нашей земли, гдѣ возится, страдаетъ, выковываетъ новыя государственныя формы онъ, подлинный нашъ русскій живой народъ, многомиліонный несмотря на всѣ испытанія и смерти, и несомнѣнно, хранящій въ душѣ ту движущую силу, историческаго бытія, которая вела его въ теченіе тысячелѣтней нашей исторіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РУССКІЙ НАРОДЪ.

Теперь—удивительное время. Настоящее столь безотрадно, что прошлое приступаетъ вплоть. Шеллингъ говорилъ, что тотъ моментъ, когда нашъ духъ оглядывается самъ на себя—даетъ моментъ ироніи. Ироничны и наши русскіе огляды на себя. За то сквозь несущіяся тучи революціи тѣмъ яснѣе алмазы невозмутимыхъ вершинъ нашей исторіи.

Нынче историческіе персонажи стали ближе и живѣе для насъ, нежели тогда, когда мы созерцали на площадяхъ ихъ памятники—почти что намогильные. Величественные образы старыхъ русскихъ Царей-мужиковъ свѣтятся такъ, что больно смотрѣть. Пронзительные взоры изъ подъ монашеской скуфьи Ивана Грознаго, неувѣренная, молодая рѣчь „Миши“ Романова, наконецъ, громовый голосъ Петра Алексѣевича—все это полно теперь новой жизни. Цари обновляются такъ, какъ, говорятъ, обновляются теперь наши иконы.

Это явленіе выходитъ изъ основныхъ линій нашего обыкновеннаго пониманія. Это очевидно потому, что мы не можемъ выразить его привычными нашими словами, которымъ выучились мы въ школѣ, въ университетѣ, въ повседневной жизни. Музей исторіи живетъ, шевелится, говоритъ. Эта новая свѣжесть дышетъ такой свѣжестью, какъ свѣжъ неясный сонъ на зарѣ. Словъ, мыслей, понятій, новыхъ рядовъ понятій,

чтобы закрѣпить то, что происходитъ вокругъ насъ и въ насъ, чтобы разсѣять мракъ вокругъ насъ, русскихъ, мракъ доходящій до сердца и доводящій черезъ гнѣвъ до крови!

Обновилась и Москва. Думало ли наше поколѣніе, выступая на поле сознательной жизни въ старыхъ университетахъ, что намъ всѣмъ сплошь доведется думать о ней, какъ о національномъ символѣ, словами примѣрно въ Аксаковскомъ или въ Хомяковскомъ стилѣ.

И еще одно. Какъ только мы, русскіе, озираемся на самихъ себя, отведя взглядъ отъ этихъ историческихъ образовъ, какъ только смотримъ на тѣхъ, кто рядомъ съ нами, на своихъ современниковъ и соплеменниковъ, то кромѣ этихъ основныхъ фигуръ и линій нашей исторіи, мы видимъ и утвердившееся значеніе народа русскаго въ его реальности. И революціонеры наши, и контръ-революціонеры не могутъ отрицать, что въ результатѣ событій начиная съ 1914 года въ нашемъ сознаніи возрасло реальное значеніе нашего народа. Народъ нашъ сталъ намъ болѣе извѣстенъ по своимъ дѣйствительно присущимъ ему реальнымъ свойствамъ — вѣдь сколько разъ мы обращались къ нему, какъ къ созданной отдѣльными головами фантазмѣ, и сколько разъ обманывала насъ эта фантазма въ нашихъ устремленіяхъ! Мы узнали теперь такую массу чертъ его подлиннаго характера, что съ горькой иронической улыбкой перелистываемъ отжившія творенія нашихъ недавнихъ учителей—интеллигентовъ. Кромѣ этого, наше познаніе нашего народа готово быть расширено нами и во временныхъ границахъ: мы готовы признать что нашъ народъ и всегда былъ такимъ, какимъ мы увидали его въ революціи. Революція наша сама, такимъ образомъ, получаетъ какъ бы оттѣнокъ консервативный, а вмѣстѣ съ тѣмъ оживаютъ и оправдываются дѣйствія многихъ вождей и владыкъ нашего народа, которыя и сохранялись хотя въ привычной традиціи и рутинѣ нашей государственности, но казались намъ нелѣпыми и непонятными.

Намъ настоящее, такимъ образомъ, объясняетъ прошлое. Тотъ же самый любопытный французскій посолъ Палеологъ подъ 18-мъ августа 1914-го года записываетъ во время пребыванія Государя въ Москвѣ:

— Съ политической точки зрѣнія этотъ день произвелъ на меня два раза сильное впечатлѣніе. Первое я получилъ, глядя въ Успенскомъ Соборѣ на Государя, стоящего предъ иконостасомъ. Его фигура, свита, и вся обстановка церемоніи наглядно изображаетъ принципъ Самодержавія въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ Манифестѣ отъ 3-го Іюня 1907-го года по поводу роспуска II-ой Государственной Думы:

— Отъ Бога вручена Намъ Верховная Власть и только предъ Его престоломъ дадимъ Мы отвѣтъ за судьбы Россіи.

Второе впечатлѣніе—это неистовый энтузіазмъ московскаго народа, который онъ проявилъ при видѣ Царя. Я никогда не предполагалъ, что престижъ монархическаго принципа и императорской идеи имѣютъ еще (курсивъ мой. В. И.) столь глубокіе корни въ душѣ простого народа. Но для того, чтобы оцѣнить надлежаще истинное достоинство овацій, устроенныхъ здѣсь, на Красной площади, не слѣдуетъ забывать, что 22-го Декабря 1905-го года на томъ же самомъ мѣстѣ пришлось разстрѣливать толпу, пѣвшую Марсельезу.

Оба эти противоположныхъ явленія, контрастомъ своимъ поражавшихъ Палеолога, старое и новое, объединены, оправданы, охвачены въ своей непротиворѣчивости именно самимъ реальнымъ народомъ. На тысячи верстъ, на тысячелѣтія распростирается наша толпа, молящаяся, сквернословящая, погибающая честно въ бояхъ, околѣвающая, какъ псы, съ голоду, дерущаяся и благословляющая, бунтующая и стоящая на колѣняхъ на Красной, Сенатской, Дворцовой площадяхъ. И противорѣчія эти снимаются тѣми

свойствами народными, которыя эта огромная толпа таитъ, въ себѣ.

Народъ! Живая стихія, живое сосредоточіе всѣхъ возможностей. Я, ты, онъ—какъ часть народа, часть одновременно и полновластная и ничтожная... Все для меня, какъ частицы народной. И—все для него, несмотря на меня.

Только реальный, живой народъ и никто больше—вотъ кто творитъ подлинную исторію, творитъ подчасъ глухо, темно, безсознательно. Но когда приходитъ часъ историческаго равновѣсія—установившагося душевнаго спокойствія, тогда въ народѣ начинаютъ говорить отдѣльныя личности, устами которыхъ опять говоритъ самъ народъ.

Вотъ почему мы слышемъ иногда какъ бы нѣкоторые подземные голоса, вотъ почему словно запахъ меду надъ лугомъ проносится вѣщее слово:

—Вълцы грозу строжатъ по яругамъ; орьли клекътомъ на кости звѣри, зовуть; лисицы брешуть на чьрленыя щиты. О, руська земле! уже за шеломенемъ еси!—

Такъ поютъ вѣщія гусли. Таковы же пѣсни Пушкина, хлесткія слова Крылова. То, что высказалъ черезъ отдѣльнаго человѣка весь народъ—это высказалъ геній. И это безконечно цѣнно по своей массивности, по своему отношенію къ массамъ народнымъ. Геній подобенъ антеннѣ радіо принимающей волны, излучаемыя милліардами душъ—прошлыхъ, настоящихъ, будущихъ—всѣмъ народомъ въ пространственныхъ и временныхъ его категоріяхъ, всѣмъ народомъ въ его совокупности. И потому все, что говоритъ геній—элементарно и просто—это говоритъ самъ народъ.

Понявшій себя народъ, черезъ посредство отдѣльныхъ личностей, выразителей его субстанціальной сущности народъ—это нація. Но иронично его первоначальное оглядываніе на себя, какъ иронично оглядываніе наше (Шеллингъ). Я,

ты, онъ—оглядываемся на себя, потому что мы хотимъ быть націей. Поэтому мы должны быть готовы увидать себя такими, какими мы есть.

До сихъ поръ, до нашей катастрофы нашъ взоръ былъ устремленъ на Западъ. Тамъ искали мы образцовъ для себя, по чужимъ фигурамъ, чужими геніями хотѣли опознать нашу собственную сущность. Но пришедшая катастрофа заставила понять насъ, что взоръ нашъ, направленный на Западъ—истощенъ. И въ вѣчномъ противоположеніи, въ намекахъ неуслышанныхъ страхъ словъ снова встаетъ передъ нами дилемма—Западъ или Востокъ?

Подходя къ этой проблемѣ—довѣрія!—только довѣрія долженъ требовать къ себѣ и для себя нашъ народъ. Онъ не долженъ болѣе слушать чужихъ. Онъ долженъ припасть ухомъ къ землѣ, онъ долженъ выучиться понимать, что ему говорятъ невѣдомые голоса древности.

Въ катастрофѣ 1917-го года рухнули и Петербургъ, и дворянство, и интеллигенція. И НЕ НАДО ИХЪ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ ПЕРЕСТАВАЛИ БЫТЬ ПОДЛИННЫМЪ РУССКИМЪ НАРОДОМЪ. Остался только самъ одинъ народъ, голодный, холодный, понукаемый, униженный и оскорбленный, сидящій на голой разоренной до тла огромной своей землѣ, и озирающійся въ тревогѣ кругомъ.

Но не пусты нависшія тяжелыя небеса, прошлое не умерло, прошлое—настоящее—подлинное—вѣчное—вотъ національная живая жизнь.

Итакъ, каковы же мы?

— Они дородны, по большей части такого же цвѣта кожи, какъ и европейцы. Бородатые и толстые пользуются наибольшимъ почетомъ.—

Въ глазахъ Запада волосатость русскихъ до сихъ поръ служитъ наиболѣе характернымъ признакомъ нашей внѣшности.

— Они носятъ мѣховыя шапки.

— Женщины у нихъ очень красятся.

— Они очень невѣжественны, хотя родъ свой ведутъ отъ грековъ.

Какъ характерны эти западническія черты наши, являющіяся уже въ XVII вѣкѣ, въ запискахъ о путешествіи черезъ Россію умнаго секретаря посольства Герцога Голштинскаго Адама Олеарія, гостившаго на Москвѣ въ 1633-мъ году.

Другіе наблюдатели иностранцы тоже даютъ наши интересныя характеристики. Такъ у Олеарія приводится мнѣніе такого рода:

— Они тонки пониманіемъ, смекалисты, веселы, самодуры, упрямы, безразсудны.

— Они лгуны и коварны. Въ 1634-мъ году нашъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ издалъ указъ, по которому даже долговыя обязательства отъ отца къ сыну должны быть оформлены—такіе кляузники.

Олеарій разсказываетъ, какъ при другомъ нашемъ Царѣ -татаринѣ Борисѣ, во время болѣзни этого Царя одна боярская жена донесла на своего мужа по злобѣ, что онъ-де имѣетъ какое то лекарство, которое можетъ спасти Царя. Спрошенный несчастный клялся въ томъ, что такого лекарства на немъ нѣтъ, но бывъ битъ кнутомъ, попросилъ временной отлучки и принесъ на случай какихъ то травъ, которыя и помогли Борису. Иначе лекарю угрожала смертная казнь.

— Чванство въ каждомъ изъ нихъ, сколько нибудь подвинувшемся по службѣ—невыносимо, пишетъ Олеарій.

— Они задиры, они бьются на кнутахъ. Они безразсудны въ выраженіяхъ, языкъ дѣтей съ отцами и отцовъ съ дѣтьми таковъ, что его нельзя слушать безъ ужаса.—

— Они лѣнивы. Они ничего не дѣлаютъ. Они безстыдны. Они пьянствуютъ безпрестанно. Женщины пьянствуютъ тоже. Во время одного изъ богомолій въ одномъ изъ подмосковныхъ монастырей пьяная до безчувствія дѣвка заголилась; какой то пьяный прохожій хотѣлъ было воспользоваться этимъ случаемъ, но не смогъ и обнаженный уснулъ рядомъ на потѣху толпы.—

— Они пьютъ, по ихъ словамъ,—„царское вино".—

— Въ 1608-мъ году русскаго посла при дворѣ Карла Шведскаго нашли въ утро аудіенціи мертвымъ въ постели отъ пьянства наканунѣ.—

— Въ Новгородѣ я видѣлъ попа, который идя мимо нашей квартиры, хотѣлъ благословить стрѣльцовъ, но голова его отъ винныхъ паровъ была такъ тяжела, что онъ упалъ въ грязь, былъ стрѣльцами оттуда почтительно поднятъ, и только тогда лишь получили они благословеніе.—

— Видѣлъ въ Москвѣ у кабака пьяницу безъ рубахи...—На вопросъ Олеарія, тотъ отвѣтилъ буквально слѣдующее: jabut fui matir, то есть, переводитъ Олеарій, не твое дѣло...

— Пусть рвутъ ноздри за нюханье и куреніе табаку—курятъ и нюхаютъ всѣ поголовно.—

Развѣ эти картины не являются прообразомъ столь нашумѣвшаго Родіоновскаго „Нашего Преступленія"?

Пожалуй, читатель готовъ воскликнуть:

—Что за подборъ цитатъ для уничиженія русскаго народа!

И все-таки—это та же самая картина, которую представлялъ собою нашъ народъ 300 лѣтъ тому назадъ, и которую мы видимъ собственными глазами и теперь. Народъ, породившій и изживавшій Тушинскаго вора и Тушинскій

лагерь—есть одинъ народъ съ народомъ, породившимъ большевизмъ.

Знакомыя картины рисуетъ намъ Олеарій:

— Они просты въ обиходѣ. Глиняныя плошки и блюда у Царя не лучше, чѣмъ у обыкновенныхъ гражданъ.—

— Они моютъ ихъ разъ въ годъ.—

— Ихъ удовольствіе париться въ банѣ.—

— Они ѣдятъ капусту и огурцы, соленые и свѣжіе, соленую рыбу. Не плохи ихъ „пироги“.—

— Они никогда не ѣдятъ безъ водки.—

— Хороши ихъ осетрина и икра, которую они вывозятъ въ Англію, Голландію и Италію.—

— Хорошее питье—квасъ.—

— Они всегда спятъ послѣ обѣда.—Извѣстно, что Василій Шуйскій, въ своей агитаціи противъ Лжедмитрія, указывалъ, какъ на доказательство нерусскаго происхожденія этого нашего Царя, что онъ не спалъ послѣ обѣда.

— Они бьютъ смертнымъ боемъ своихъ женъ.—

— Улицы Москвы не безопасны ни днемъ, ни ночью. Ночью нужно ходить съ фонаремъ или съ факеломъ, потому что по улицамъ ходитъ стража, хватающая всѣхъ, кто идетъ безъ свѣта...—

— На Чистый Понедѣльникъ я видѣлъ самъ во дворѣ Земскаго Приказа 15 труповъ убитыхъ по масляничному дѣлу.—

— Они рождены для рабства. Они именуютъ сами себя предъ Царемъ холопами, уничижительными именами.

У насъ въ характеристикѣ русскаго нашего народа повелось какъ то забывать, что кромѣ того подхода, который

дѣлали къ русскому мужику въ „Запискахъ Охотника“, въ „Кавказскихъ разсказахъ“, въ „Антонѣ Горемыкѣ“, въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“, въ „Мальвѣ“ и т. д., и т. д., есть еще и Терпигоревъ, и Златовратскій, и Помяловскій, и Салтыковъ Щедринъ, и Глѣбъ Успенскій, съ ихъ общей Растеряевой улицей. И развѣ эти трупы во дворѣ Земскаго Приказа не пахнутъ и Растеряевой улицей и пьяными погромами 1917-го года?

Интеллигенціи нѣтъ теперь въ Россіи. Нѣтъ тамъ и дворянства. Обѣ эти группы, наводившія радужную плѣнку на глубокія темныя воды русскаго народа, либо сидятъ по заграницамъ, и вздыхаютъ, либо пришипились ниже травы, тише воды во время страшнаго теперешняго дѣла на Москвѣ и потеряли свое обличье. Остался одинъ народъ, который дѣйствуетъ и про который еще такъ отзывался Олеарій:

— У нихъ—правленіе деспотическое. Правитъ всѣмъ наслѣдственный самодержецъ, остальные только его холопы. Аристотель назвалъ бы этотъ родъ правленія тиранніей.

— Московиты говорятъ: — великая честь видѣть ясныя государевы очи; знаютъ только Богъ да Царь; все принадлежитъ Царю и Богу; московиты не знаютъ, что такое свобода.

— Объ ихнемъ Царѣ говоритъ пророкъ Даніилъ:—убиваетъ, кого хочетъ и спасаетъ, кого пожелаетъ.

Когда вы читаете этотъ памятникъ путешествія Голштинскаго посольства сначала въ Москву, а потомъ, годъ спустя, Волгой въ Персію, васъ охватываетъ странное чувство знакомости:

— По своей живости описанія это сочиненіе напоминаетъ собой современныя газеты. Вѣдь почти ничего не измѣнилось въ этомъ народѣ, который полнитъ улицы, дерется у кабаковъ, пьетъ водку, толпами глазѣетъ на пышное чуже-

земное посольство, члены котораго въ то же время сомнѣваются—да христіане ли эти люди; мы видимъ, какъ посольство встрѣчаетъ на границѣ спеціальный приставъ—Константинъ Ивановичъ Арбузовъ, въ длинномъ штофномъ съ цвѣтами кафтанѣ, съ саблей на золотомъ поясѣ. Мы видимъ, что густо населена полоса между Москвой и новгородскими пограничными областями, черезъ которыя проѣзжало посольство. Посольство развлекается наблюденіемъ нравовъ, пьяныхъ обычаевъ и плясокъ городского и сельскаго населенія. Въ Новгородѣ нашихъ путешественниковъ начиняютъ обычной русской „информаціей" объ жестокости Московскихъ Великихъ Князей, о тѣхъ насиліяхъ, которыя творила Москва надъ купеческой Сѣверной Республикой—надъ Новгородомъ. При въѣздѣ въ Москву посольство встрѣчаютъ войска, состоящія изъ Московитовъ, Татаръ и Германцевъ. Въ Москвѣ, между прочимъ, посольство проводитъ и Пасху, при чемъ Олеарій описываетъ ее слѣдующимъ образомъ:

— Они очень набожны. 17-го Апрѣля была у нихъ Пасха. Это величайшій изъ всѣхъ ихъ праздниковъ, и много происходитъ во время его разныхъ церемоній, какъ въ честь Спасителя нашего, такъ и потому, что Пасха приходится на ихнюю весну. Всѣ улицы Москвы полны торговцами, продающими яйца всѣхъ цвѣтовъ, которыя москвичи подносятъ въ подарокъ одинъ другому въ теченіе двухъ недѣль послѣ Пасхи, въ теченіе каковаго времени они цѣлуютъ одинъ другого и привѣтствуютъ словами: — Христосъ Воскресе! (у Олеарія по русски). Никто по своему полу, возрасту и положенію не долженъ отказываться отъ подносимыхъ яицъ и отъ этихъ поцѣлуевъ... Много разныхъ увеселеній на Пасхѣ; много разныхъ безчинствъ въ кабакахъ, полныхъ мужчинами, женщинами, духовными и міррянами, которые напиваются такъ, что всѣ улицы устланы пьяницами...

Такова картина Москвы и исконныхъ мирныхъ нашихъ земель, сходная съ досѣлѣ сохраняющимся бытомъ нашимъ.

Эта картина—картина сравнительно незначительная по своей величинѣ. Но иная совершенно картина развертывается передъ нами, когда мы читаемъ описаніе путешествія нашего журналиста на Востокъ отъ Москвы. Здѣсь передъ нами еще неустоявшіяся, еще недавно покоренныя и незамиренныя земли. Водой ѣдетъ Олеарій изъ Москвы-рѣки въ Оку, тамъ въ Волгу. Онъ видитъ Рязань, разоренную татарами въ 1568 г. —совсѣмъ недавно; въ Касимовѣ сидитъ татарскій князь —Ресъ Китци, живущій въ старинномъ татарскомъ каменномъ замкѣ; въ Муромѣ въ нихъ изъ за рѣки стрѣляютъ стрѣлами Крымскіе татаре; Нижній Новгородъ населенъ Московитами, и, главнымъ образомъ, татарами; тамъ же живетъ до ста человѣкъ голландцевъ; а уже у Василь-Города, по р. Сурѣ—граница между Московитами и татарами; въ Казани положеніе настолько сомнительно, что русскіе живутъ тамъ въ каменномъ Кремлѣ, входъ въ который татарамъ запрещенъ. Ниже деревни Тетюши—въ 120-ти верстахъ отъ Казани—до самой Астрахани, нѣтъ никакихъ поселеній, только крѣпости-города, гдѣ сидятъ съ ратными людьми царскіе воеводы. Въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ бродятъ только страшные люди—казаки, грабящіе караваны и проѣзжихъ путешественниковъ; да высится еще на Симбирской горѣ пустой городъ, позоренный Тамерланомъ. Черезъ эти мѣста, новыя, неспокойныя, непрочныя, посольство черезъ Астрахань идетъ въ Персію, въ диковинныя и могучія страны Востока.

И какъ то явствуетъ изъ паспорта, выданнаго послу Голштинскому въ Москвѣ, надъ этими пространствами высится фигура Государя Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси. Для новгородцевъ онъ — грозный Московскій покоритель, чужой и навязчивый, жестокій и насильный. Здѣсь, къ Востоку отъ Москвы это владыка иного рода, которому и надлежитъ быть грознымъ, жестокимъ и оттого—могучимъ. Отъ Новгорода Великаго до Москвы все посольство оберегаетъ одинъ приставъ Константинъ Ивановичъ, съ 12-ю стрѣльцами. Съ большимъ конвоемъ изъ стрѣльцовъ, наемныхъ

нѣмцевъ и своихъ людей ѣдутъ послы Филиппъ Крузіусъ и Отто Бругманъ по Волгѣ. Уже въ Коломнѣ потерянъ прежній мирный колоритъ обстановки. Предъ послами безкрайнія степи, полныя кочевниковъ, сама Азія, непрерывно тянущаяся до стѣнъ Китая, въ которую только начинаетъ проникать хозяйственная, устрояющая и по восточному властная рука Москвы, рука московскаго самодержавія, которая тянется вслѣдъ за той уходящей, ослабѣвающей рукой, которая еще недавно жала на Москву съ Востока.

— Они—хорошіе солдаты, еще говоритъ объ насъ Олеарій. И эти хорошіе солдаты непрерывно дѣлали походы въ эти области. Вѣдь не такъ давно—всего за 82 года до Олеарія была покорена войскомъ Грознаго Казань, а Астрахань и того ближе.

Наша русская исторія, извѣстная нашимъ образованнымъ классамъ, имѣетъ обычно главнымъ театромъ своего дѣйствія мѣстности къ западу отъ Москвы, примѣрно между меридіанами Москвы и Кіева. Въ спорахъ между Москвой и Польшей, Литвой, Швеціей—этими небольшими, закованными въ предѣлахъ своихъ возможностей государствами колеблется все время западная граница Московскаго княжества. Тотъ же Смоленскъ неоднократно переходитъ изъ рукъ въ руки, и на западъ отъ Москвы выковывается тотъ слитый междуславянскій бытъ, на которомъ впослѣдствіи развивается, начиная съ Юрія Крижанича, славянская идея. Здѣсь жизнь и бытъ Новгородской области, Польши, Литвы, Малороссіи въ перемежающихся и переплетающихся вліяніяхъ даетъ тѣ отдѣльные контуры государственныхъ образованій, которыя рано или поздно, да будутъ бить челомъ Москвѣ, и будутъ ею объединены въ огромное Государство Россійское. Но ключъ къ этому объединенію нашъ кипѣвшій въ кабацкомъ котлѣ народъ нашелъ не тамъ, не въ этой пестрой лоскутной полосѣ, гдѣ переплетались и вѣянія Ганзы, и турецкіе обычаи, реципированные Запорожцами, и Магдебургское право, и флорен-

тійско-іезуитское уніатство, и французскіе повадки польскаго королевскаго двора.

Ключъ къ Россіи, какъ КЪ ГОСУДАРСТВУ МОСКОВСКОМУ найденъ нашими предками среди безконечныхъ равнинъ къ Востоку отъ Москвы.

— Московскій гербъ—орелъ съ двумя головами, и надъ нимъ три короны — Москва, и два татарскихъ княжества—Казань и Астрахань, такъ объясняли на Москвѣ Олеарію наши предки символическое значеніе нашего государственнаго герба.

Дѣйствительно, кто же—Востокъ или Западъ властвуетъ надъ Московскимъ княжествомъ; посмотримъ—что же происходитъ на Москвѣ въ концѣ XVI, началѣ XVII вѣковъ.

Татаринъ московскій Царь Борисъ Θеодоровичъ умеръ, оставивъ въ наслѣдіе страшные раздоры. На Москву уже избранъ царевичъ Владиславъ. Папа и Польша ставятъ на престолъ кого то, про котораго мы можемъ только сказать, что онъ правилъ именемъ Дмитрія Ивановича, и былъ такимъ образомъ знаменемъ латинства: дѣло неслыханное для Царей Ивановъ—III-го и IV-го! Есть и другіе претенденты. Останавливается и замираетъ на Москвѣ самая главная идея наша—СОБИРАНІЕ РУСИ, выковавшая государство наше изъ разношерстныхъ племенъ Восточной Европы. Государственная власть разматывается безпощадно—и только на Востокѣ идетъ по прежнему собираніе:

— Пришли къ Царю Василію татары—Байючинъ и Девлетъ, и Арлай, и Кенсунакъ,—читаемъ мы въ письмѣ Посольскому приказу.—Василій Телепневъ представилъ ихъ Царю, и они сказали:—Великій Государь, Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ, самодержецъ всея Руси и многихъ царствъ господинъ и обладатель! Арлай съ товарищами посланы къ тебѣ первыми князьями калмыцкихъ ордъ: Батыръ-Тайши и

другіе бьютъ тебѣ челомъ. Тогда Государь пожаловалъ ихъ къ рукѣ.

Въ своемъ мѣстѣ мы коснемся этого объединительнаго процесса и его колоссальнаго значенія для нашей государственной жизни. Сибирь во время неурядицъ междуцарствія постепенно втягивалась въ орбиту Москвы. Голландецъ Масса изъ Гаарлема въ изданномъ имъ голландскомъ переводѣ путешествія по Енисею 1602—1619-го года говоритъ знаменательныя слова:

— Я бы хотѣлъ, чтобы жестокіе испанцы такъ же милостиво покоряли Америку, какъ русскіе овладѣваютъ этимъ краемъ.

Въ этомъ процессѣ Русь вытягивалась изъ своихъ горючихъ, тѣсныхъ, неблагоустроенныхъ городовъ, звѣздою тянувшихъ къ Москвѣ, и объединенныхъ вокругъ нея не только фетишемъ „экономическаго фактора", которому принято нынѣ удѣлять столько историческаго вниманія, но и реальною московскою волею, и проливалась на безконечныя равнины Восточной Европы и Азіи, подобно тому, какъ вода втягивается за уходящимъ поршнемъ. Этимъ создавались тѣ неизмѣримыя территоріальности наши, которыя до сихъ поръ лежатъ предъ нами залогомъ прошлой силы и будущихъ возможностей и неисчерпаемой задачей для будущихъ поколѣній. И въ то же время именно протягновеніе на Востокъ вывело изъ неустойчиваго равновѣсія взаимноборющуюся систему мелкихъ вышеуказанныхъ государственныхъ образованій на Западной границѣ именно въ сторону преобладанія Москвы. Титулъ Царя пріобрѣтенъ Великимъ Княземъ Московскимъ именно на Востокѣ, а не на Западѣ.

Что наши предки были гораздо ближе къ тому, чтобы чувствовать свое родство съ Востокомъ, нежели мы въ нашъ

вѣкъ горделиваго европейскаго просвѣщенія, — этому мы можемъ найти достаточно очевидныя свидѣтельства. Въ то время, какъ ѣздившій при Никонѣ Патріархѣ на Западъ старецъ Арсеній Сухановъ порицаетъ грековъ за ихъ „франкскій“ бытъ, греческіе путешественники на Востокъ ищутъ тамъ аналогій Москвѣ, уже значительно позднѣе того времени, когда Москва была просто улусомъ Великаго Хана, и отъ каковаго времени оставались, по Москвѣ ходили разсказы, слышанные Олеаріемъ, что де „Менгли Гирей, чтобы показать, что онъ является властителемъ Москвы, приказалъ воздвигнуть въ центрѣ города статую и приказалъ Великому Князю кланяться статуѣ въ землю для того, чтобы выказать свое подчиненіе“. Во всякомъ случаѣ, когда въ 1608-мъ году ходила на Востокъ изъ Томску торговая экспедиція съ воеводой Васильемъ Васильевичемъ Волынскимъ, то онъ доносилъ на Москву такъ:

— За Алтыномъ — царемъ монгольскимъ — Китайское Царство въ трехъ мѣсяцахъ пути. И Китайское Царство имѣетъ каменные города и дворы, какъ на Руси; и Китайскій Царь сильнѣе Алтына-царя и богаче; и много церквей въ городахъ и на нихъ звонятъ въ колокола; крестовъ на церквахъ нѣтъ, и что за вѣра—неизвѣстно, но живутъ они, какъ русскіе: стрѣляютъ они огненнымъ боемъ, и многія страны торгуютъ съ ними, и туда несутъ имъ разныя драгоцѣнности изъ разныхъ странъ*).

Въ статейномъ спискѣ, то есть въ дневникѣ путешествія Ивана Петлина и Ондрюшки Мундова въ 1616-мъ году мы читаемъ:

— Оба полу въ Китаѣ чисты, носятъ платья собственнаго покрою съ широкими рукавами, какъ у нашихъ лѣтниковъ; а подъ ними русскаго покроя кафтаны**).

---

*) Бумаги Миллера, у Baddeley, Russia, Mongolia, China. Томъ II.

**) Тамъ же.

Нами какъ то основательно забыто, что исторія дѣлалась не только на Западѣ, въ Европѣ, но и на Востокѣ. Первое тысячелѣтіе по Рождествѣ Христовѣ было полно грандіозныхъ, сложныхъ и кровавыхъ передвиженій Азійскихъ народовъ. Собственно говоря, вся исторія Европы состоитъ изъ постоянныхъ и многократныхъ охлажденій накаливающагося очага умственныхъ достиженій Европы холодной, некультурной массой притекающихъ восточныхъ волнъ: это процессъ, при которомъ уровень просвѣщенія осѣдаетъ разъ за разомъ въ Европѣ, будучи затопляемъ этой варварскимъ спазматическимъ приливомъ, и затѣмъ наростаетъ сызнова.

Въ постоянно возникающемъ процессѣ перемѣшиванія культуръ восточной и западной мы можемъ отмѣтить два специфическихъ ихъ свойства: въ то время, какъ Европа давала раціональное знаніе, Азія несла съ собой идею владыки божественнаго происхожденія, обостренную идею присутствія божественнаго начала въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Поэтому, какъ только мы переведемъ историческія проблемы въ эту плоскость, исторія начинаетъ у насъ развертываться какъ борьба опредѣленныхъ идей. Мы входимъ съ этими проблемами въ ту атмосферу, въ которой возможна, напримѣръ, борьба православія и латинства, какъ двухъ опредѣляющихъ народную жизнь религіозныхъ идей, объ которой нельзя будетъ говорить вовсе, стоя на точкѣ зрѣнія „научной соціологіи". Предъ нами какія то близкія намъ, изначальныя пространства, въ то же время неразработанныя привычнымъ расчленительнымъ и умерщвляющимъ научнымъ методомъ.

Въ настоящее время „сумерокъ Европы", то есть кризиса универсализаціи естественнаго-научнаго метода, который прорывается во всѣ щели—то ли ввидѣ Шпенглеровскаго ученія, то ли ввидѣ Вильгельмовской „желтой опасности", или даже ввидѣ, „Тихоокеанской проблемы", Азія выдвигается на первый планъ человѣчества именно ввидѣ не только „колы-

бели народовъ", но и колыбели идей. Тѣмъ самымъ выдвигается на первый планъ и Россія, это гибридъ, смѣшеніе двухъ началъ, можетъ быть въ своемъ своеобразіи этомъ таящій разрѣшеніе острыхъ вопросовъ современности. Русскій народъ, простирающійся между двумя океанами—Восточнымъ и Западнымъ своими волнами омываетъ двѣ столицы—Москву и Пекинъ, и его исторія это узелъ, изъ котораго выростутъ новые побѣги исторіи міра:

— потому что другихъ возможностей къ разрѣшенію современныхъ задачъ мы покамѣстъ не видимъ на нашемъ горизонтѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КІЕВЪ ИЛИ МОСКВА.

Западной точкой исторической нашей зоны, какъ было указано, является Кіевъ, въ отношеніи котораго наша обычная школа неукоснительно прививала намъ опредѣленіе— „матери городовъ русскихъ“.

Но событія революціоннаго 1917-го года привели насъ къ тому, что Украина съ Кіевомъ во главѣ именно захотѣли отдѣлиться отъ Россіи и такимъ образомъ воочію демонстрировали всю фальшь этого традиціоннаго наименованія.

А вѣдь между тѣмъ Кіевъ—это несомнѣнно мать русскаго православія. Кіевъ—это угодники и святые, что лежатъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, возсіявшей трудами преподобныхъ Ѳеодосія и Антонія Печерскихъ. Отъ Кіева вѣдь распространился свѣтъ православной греческой вѣры по „русской“ землѣ. Въ Днѣпрѣ окрестилъ св. Равноапостольный князь Владиміръ своихъ неуемныхъ кіевлянъ, въ Днѣпрѣ же былъ утопленъ Перунъ съ золотыми усами.

Это противорѣчіе указываетъ опредѣленнымъ образомъ, что государственность россійская не со всѣмъ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы называемъ „греческой вѣрой“. Мы можемъ начать нашу русскую исторію съ Кіева, но только въ томъ случаѣ, если это будетъ исторія народности русской; но для того

чтобы искать въ Кіевѣ полныя начала Россійскаго Государства—для этого мы должны положить извѣстныя ограниченія:

въ Кіевѣ находимъ начала греческой вѣры; въ Кіевѣ мы находимъ начало и стержень такъ называемаго Кіевскаго городского періода нашей исторіи; но мы никоимъ образомъ не должны растягивать эту схему на всю русскую государственность.

Какъ масло расплывается по поверхности воды, такъ расплылась радужной тончайшей пленкой церковная греческая традиція по всей первоначальной нашей исторіи. Припомнимъ незамысловатую схему, которую мы всѣ учили въ нашихъ школахъ. IX-ый вѣкъ застаетъ нашу землю еще живущей въ лѣсахъ и на магистрали воднаго пути „изъ Варягъ въ Греки". Это сидятъ славянскія племена, когда то разбитые императоромъ Траяномъ въ ихъ поступательномъ движеніи на Западъ и угнанныя за Карпаты обратно. Что касается ихъ происхожденія, то оно „темно и неясно". Можетъ быть—это скифы, хотя Ключевскій и протестуетъ противъ отождествленія славянъ со скифами; можетъ быть это часть арійской или индо-германской расы. Есть версія, что славяне принадлежатъ къ народу хунновъ (китайское—сюн-ну, хун-ну), именно къ западной его вѣтви, извѣстной подъ именемъ гунновъ: таково мнѣніе историковъ Ю. М. Венелина, В. М. Флоринскаго, Д. И. Иловайскаго. Однако, это мнѣніе оспаривается, такъ какъ нѣкоторые историки считали гунновъ народомъ угро-финскаго происхожденія, а другіе видѣли въ немъ монголовъ или же турокъ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ объ остающихся культовыхъ обычаяхъ Мордвы*) П. И. Мельниковъ Печерскій доказываетъ наличность сходства между религіозными обрядами этого финскаго племени и обрядами славянскими:

*) Собраніе соч., томъ VII, стр. 486. Очерки Мордвы.

— Вообще, мордовская вѣра, пишетъ онъ, имѣла, кажется большое сходство съ языческой вѣрой русскихъ славянъ, если не была одною и той же. У русскихъ, уже девятьсотъ лѣтъ какъ принявшихъ христіанство, она совершенно забылась, но остатки ея сохранились въ разныхъ обрядахъ, изъ которыхъ многіе трудно или вовсе невозможно объяснить. Мордва крещена не такъ давно, и еще помнитъ старинную свою вѣру. По сохранившимся у Мордвы религіознымъ обрядамъ и по преданіямъ объ ихъ религіи можно объяснить многіе русскіе обычаи и обряды.—

Эти сходства, конечно, могутъ быть объясняемы племеннымъ родствомъ прежде всего.

Но все же—кто же такіе славяне?

Не входя, однако, въ эти подробности, не давая опредѣленнаго отвѣта, мы должны сказать, что особый интересъ для насъ имѣютъ извѣстія объ бѣлокурыхъ азійскихъ племенахъ. Китайскіе источники даютъ чрезвычайно интересныя указанія относительно этихъ короткоголовыхъ, вытѣснившихъ длинноголовыхъ палеазійцевъ на сѣверовостокъ Азіи и образовавшихъ въ южной Сибири свои владѣнія подъ именемъ динлиновъ, впослѣдствіе смѣненныхъ хакасами.

Подъ именемъ народа ди или динлиновъ древнимъ китайцамъ извѣстны были различныя бѣлокурыя и свѣтлоглазыя племена, которыя вѣковъ за 15 до Р. Х. обитали въ южной части Гобійской пустыни и въ долинѣ Желтой рѣки. Позднѣе, въ IV вѣкѣ до Р. Х., когда китайцы сильно потѣснили динлиновъ, они изъ долины Хуанъ-хэ пошли—одни на югъ, другіе же отправились на сѣверъ, въ Саяно-Алтайскую горную страну. Тамъ они образовали въ Южной Сибири свои поселенія. Въ III в. до Р. Х. здѣсь образовалось могущественное государство хунновъ и восточные динлины покорились имъ. Спустя 1½ вѣка, когда Хуннская дер-

жава стала клониться къ упадку, они въ союзѣ съ западными динлинами и сянбійцами начали успѣшную борьбу со своими поработителями и сбросили ихъ. Вскорѣ послѣ этого динлины возрождаются и становятся могущественнымъ народомъ. Приблизительно около этого времени восточные динлины на южныхъ границахъ своего государства начинаютъ смѣшиваться съ неизвѣстнымъ бѣлокурымъ племенемъ гянь-гунь, и какимъ то турецкимъ племенемъ Алтая. Въ началѣ VI вѣка динлины подъ давленіемъ какихъ то среднеазіатскихъ властителей—жужановъ, уходятъ куда то на Западъ, и съ этого времени китайскіе историки перестаютъ упоминать о нихъ. Южные динлины сливаются съ хакасами.

По свѣдѣніямъ китайскихъ лѣтописей, динлины были рослаго тѣлосложенія и имѣли прямые высокіе носы, русые волосы и голубые глаза. Внутренними качествами народъ этотъ отличался отъ китайцевъ и иныхъ сосѣдей. Динлины имѣли сердца тигровъ и волковъ и удивляли всѣхъ своимъ презрѣніемъ къ смерти, рѣшительностью и отвагой,—сообщаютъ китайцы. Дорожа личной свободой они не выносили подчиненія и поэтому бросали порабощенную родину и уходили туда, гдѣ былъ просторъ и не было угнетателей. Динлины распадались на множество мелкихъ родовъ подъ начальствомъ независимыхъ другъ отъ друга предводителей и собирались для отпора врагу только въ рѣдкихъ случаяхъ. Они были воинами отъ природы и вели борьбу ради борьбы. Вотъ почему, несмотря на всѣ выдающіяся духовныя превосходства китайцы, а впослѣдствіе хунны, сянбійцы, и жужане сравнительно легко побѣждали ихъ, ибо имѣли дѣло не со сплоченнымъ народомъ, а съ отдѣльными разрозненными поколѣніями.

Второй отличительной особенностью динлиновъ, выдѣлявшей ихъ изъ рядовъ другихъ народовъ, была сравнительно высокая матеріальная культура. Въ то время, какъ сѣверные динлины занимались охотой, разводили скотъ и знали лишь начатки земледѣлія, нѣкоторые изъ ихъ южныхъ собра-

тій были хорошо знакомы съ винодѣліемъ и умѣли выдѣлывать вино. Они добывали металлы—желѣзо, золото и серебро, изъ которыхъ изготовляли оружіе и выдѣлывали воинское снаряженіе. Съ незапамятныхъ временъ динлины умѣли строить деревянные дома и покрывать ихъ древесной корой, камышомъ, бамбукомъ и проч. Они обладали искусствомъ тесать камень и высѣкать изъ него различныя изображенія. По свидѣтельству китайцевъ, динлины любили украшать себя разноцвѣтною одеждою и разными драгоцѣнными предметами изъ золота, серебра и самоцвѣтныхъ камней.

Позднѣйшіе китайскіе источники сообщаютъ намъ о нѣкоемъ „пѣгомъ" народѣ по-ма, обитавшемъ въ VII вѣкѣ по Р. Х. въ южной и средней Сибири. Владѣнія этого народа простирались до Сѣвернаго моря на 50 дней пути и надобилось не менѣе мѣсяца, чтобы пересѣчь ихъ владѣнія съ востока на западъ. Наружностью они походили на хакасовъ, но языкъ былъ иной. Они занимались охотой, рыболовствомъ, земледѣліемъ, жили въ бревенчатыхъ срубахъ, крытыхъ березовою корою и употребляли глиняные и мѣдные сосуды и изрѣдка и желѣзо, котораго у нихъ было мало.

По-ма имѣли до 40.000 войска и дѣлились на общины, управляемыя независимыми другъ отъ друга начальниками, и часто враждовали между собой. Возможно, что они были потомками динлиновъ.

Вторымъ культурнымъ народомъ древней Сибири были хакасы. Клапротъ полагаетъ, что около времени Р. Х. динлины въ южныхъ своихъ предѣлахъ стали перемѣшиваться съ поколѣніями какого то иного тоже бѣлокураго народа, извѣстнаго китайцамъ подъ именемъ гянь-гунь. Затѣмъ съ юга сюда же стали проникать поколѣнія какой то турецкой, можетъ быть уйгурской народности, которая перемѣшавшись съ гянь-гунями и динлинами, дала новый народъ—хакасовъ.

По наружности они походили на динлиновъ, но говорили на турецкомъ языкѣ. Всѣ они были высокаго роста,

со свѣтлыми волосами, румяными лицами и голубыми глазами. Черные волосы были у нихъ дурнымъ признакомъ, а люди съ карими глазами считались потомками китайцевъ. Народъ этотъ былъ очень храбръ, гордъ, стоекъ. Общее ихъ число простиралось до нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ.

Государство хакасовъ было союзомъ нѣсколькихъ колѣнъ и во главѣ ихъ стоялъ царь, называвшійся Ажо. Въ IX вѣкѣ Ажо, гордый своими побѣдами надъ уйгурами принялъ титулъ Кахана или Хана. Постоянный станъ Ажо находился на Енисеѣ и назывался Мидичжи. Онъ огражденъ былъ полисадомъ, а его войлочныя палатки превосходили величиной жилища хакасскихъ начальниковъ. Хакасское общество, еще не выйдя изъ родового строя, начало уже распадаться на богатыхъ и бѣдныхъ, или—простой народъ. Любопытно, что у хакасовъ были уже какіе то ясачные, обязанные платить имъ дань соболями и бѣлками.

Хакасы вели осѣдлый образъ жизни и занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Они были знакомы и съ городскою жизнью: по свѣдѣніямъ китайцевъ, хакасы имѣли нѣсколько городовъ—Гянъ-чжеу, Иланъ-чжеу и др. Такъ же, какъ и динлины, хакасы строили себѣ бревенчатыя жилища и покрывали ихъ березовой корой: повидимому, они пользовались ими преимущественно въ зимнее время. Они воздѣлывали рожь, просо, ячмень, пшеницу, — на второй мѣсяцъ, года сѣяли, на девятый жали. У нихъ были ручныя мельницы. Изъ хлѣбныхъ злаковъ они приготовляли хлѣбъ и какой то хмѣльный напитокъ. Хакасскою письменностью написаны, между прочимъ, и извѣстныя писаницы на Енисеѣ.

На войнѣ хакасы употребляли мечи, луки, стрѣлы и знамена. Для предохраненія отъ пораненій конница покрывала руки и ноги деревянными щитками; такіе же щитки накладывались и на плечи.

Они питались хлѣбомъ, молокомъ, мясомъ, и носили пестрыя одежды. Ажо носилъ соболью шапку, а лѣтомъ

шляпу съ загнутыми полями; прочіе носили бѣлыя войлочныя шляпы. Богатые ходили зимой въ собольихъ и рысьихъ шубахъ, простой же народъ въ овчинѣ, въ мѣховыхъ шапкахъ; лѣтомъ головного убора не носили.

Изъ религіозныхъ культовъ хакасовъ необходимо отмѣтить до принятія ими Ислама принесеніе жертвъ духамъ рѣкъ и травъ, а такъ же и погребеніе въ курганахъ со всѣмъ хозяйственнымъ обиходомъ, при чемъ наблюдается сожженіе скота на могилахъ*).

Въ русскихъ и англійскихъ газетахъ Дальняго Востока лѣтомъ 1925 года промелькнуло извѣстіе объ любопытныхъ результатахъ путешествія члена Харбинскаго О-ва Оріенталистовъ И. А. Дьякова въ долину верхняго Меконга. Онъ утверждаетъ, что въ этомъ дѣвственномъ углу Азіи на границѣ Индо-Китая ему пришлось встрѣтить бѣлокурыя и свѣтлоглазыя племена, обиходъ которыхъ черезвычайно похожъ на вышеописанный и на славянскій. Возможно, что это остатки южныхъ динлиновъ;—г-нъ Дьяковъ именуетъ ихъ племенами Лоло и Шоша. Между проч., имя Лоло имѣется въ указанномъ Атласѣ Клапрота въ числѣ племенъ неизвѣстнаго происхожденія.

Но отложимъ изъ осторожности всѣ такія соблазнительныя сообщенія и аналогіи черезчуръ смѣлыя; мы не знаемъ, были ли эти народности славянами, пусть мы ничего не знаемъ о нашихъ предкахъ—намъ не посчастливилось имѣть своего Тацита, котораго имѣли германцы. Но все равно, мы знаемъ, что представляла собой Европа во время, предшествовавшее рожденіе Христа. Это было сплошное передвиженіе народностей, ввидѣ ли кочевыхъ племенъ, ввидѣ ли военныхъ ордъ; Европа кипѣла, какъ котелъ, и это кипѣніе означало не то начало новой культуры, не то конецъ старой. Вѣрнѣе и то, и другое одновременно, покамѣстъ Азія—эта колыбель

*) Ср. у проф. Огородникова, въ его „Исторіи Сибири". Аналогичныя указанія даны у Клапрота, въ „его Атласѣ" съ коментаріями (1828 г.), а также у Грумъ-Гржимайло —„Описаніе путешествія въ Западный Китай", тт. I-III. Изд. Р. Геогр. О-ва 1896-1907; его же. „Бѣлокурая раса въ Средней Азіи"—Сборн. въ честь Г. Н. Потанина, Зап. Имп. Р.Г.О-ва, т. XXXIV, 1909.

народовъ слала одну волну за другой на далекій и привлекательный Западъ.

Племена галльскія, германскія осѣвшія до того на равнинахъ Европы, накопившись у непреоборимыхъ барьеровъ морей въ своемъ водопадѣ растворили и ослабили культуру Греціи и Рима, этихъ кучекъ стараго осѣдлаго человѣчества, сбившихся на длинныхъ мысахъ Эллады и Италіи. Быть можетъ именно въ сказаніяхъ о походахъ Аргонавтовъ, о Троянской войнѣ видимъ мы это пробужденіе старой страсти къ странствованію, при чемъ степь уже замѣнена моремъ, а конь —востроносымъ кораблемъ. Окруженіе водой способствовало культурѣ страны какъ именно внутренней пришлифовкѣ населенія другъ къ другу, какъ это особенно наблюдаемъ въ высокой внутренней культурѣ Японіи и Англіи. Водяной барьеръ прикрѣпляетъ людей къ землѣ, переводя ихъ отъ экстенсивнаго богатства плодоносныхъ земель къ интенсивному и плодотворному ковырянію сохой или мотыгой въ нѣдрахъ, каковое ковыряніе этимологически и означитъ слово „культура“, то есть то, что сдѣлано на землѣ руками человѣка. Эта же вода дастъ этимъ людямъ и пути сообщенія и возможность широкаго и просвѣтительнаго обмѣна. А послѣдующая исторія Европы дастъ дифференціацію націй изъ универсальнаго наслѣдія Карла Великаго, и начнетъ современную Европу.

Разселеніе такъ называемыхъ славянъ съ ихъ сложными и перепутанными между собой племенами представляетъ примѣрно одинаковую картину. Племена эти расталкиваются къ водѣ, при чемъ болѣе сильные усѣлись раньше по самой водѣ, если только сильными не стали какъ разъ тѣ, которые усѣлись у воды раньше. Вода, мать рѣка въ ту эпоху, при полномъ опасности передвиженія по сухопутью, при возможности всякихъ неожиданныхъ нападеній, при обиліи звѣрья, при отсутствіи дорогъ въ лѣсахъ, при закрытомъ горизонтѣ, вода, дающая возможность раньше увидать опасность и убѣжать отъ нея, вода—средство сообщенія на далекія разстоянія — вода просто была возможностью извѣстной болѣе менѣе спо-

койно жизни. Прошлое Россіи—на водѣ, парафразируемъ мы извѣстную фразу.

Сидящій при водѣ былъ связанъ съ иными странами и могъ легче получить чужую культуру. Для насъ—это возможность исходила со стороны Варяговъ и Грековъ. Вѣра пришла къ намъ изъ Греціи по Днѣпру, Варяги принесли намъ по водѣ же княжескій родъ, который далъ слабые начатки городской государственности.

У Ключевскаго чрезвычайно подчеркнуто то устрояющее значеніе военной норманской силы, которая явилась въ затерянныя дебри славянскихъ лѣсовъ, гдѣ жили наши предки, свое раздѣленіе полагавшіе именно въ естественныхъ условіяхъ своего существованія—„поляне“, „древляне“. Не слѣдуетъ, далѣе думать, что Варяги шли къ славянамъ преднамѣренно—основывать тамъ государство: это было просто одно изъ очередныхъ ихъ блужданій по чужимъ землямъ ихъ рѣками—такъ они домомъ Готвилей возвысились они въ Италіи, подъ Робертомъ Гюискаромъ, такъ пришли они въ Англію съ Вильгельмомъ Завоевателемъ. Конечно, нечего искать и большой знатности отъ этихъ пройдисвѣтовъ тогда, когда достоинство завоевателя покоилось на остріѣ его меча.

По этому нечего и удивляться, что пьяной буйственной веселостью дышетъ это слово „р у с“ —rus, которымъ они окрестили одно племя нашихъ предковъ. Р у с—по шведски значитъ пьяный, отчаянный, смѣлый человѣкъ, удалецъ, который не прочь выпить. Отсюда можно видѣть нѣкоего рода одобрительность къ такого рода поведенію нашихъ предковъ, и любопытную черточку ихъ собственнаго быта *).

Говоря такъ, мы не утверждаемъ отнюдь норманскую теорію происхожденія нашего государства. Норманны были просто однимъ изъ историческихъ эпизодическихъ процессовъ, который имѣлъ мѣсто въ нашей странѣ, и отнюдь не адекватенъ самъ тѣмъ слѣдствіямъ, которыя онъ вызвалъ,

*) Ср. Стрингольмъ. Походы Викинговъ, пер. Шемякина, 1860 г.

какъ причина. Съ незапамятныхъ временъ бродили норманны по лицу Восточной Европы, какъ и другіе народы, Готы, напримѣръ, при второмъ своемъ нашествіи съѣхали рѣчной системой на 500-хъ малыхъ корабляхъ и разгромили Византію. При третьемъ же нашествіи они прошли мимо Византіи, взяли Афины и Солунь, на обратномъ пути разрушили храмъ Діаны Эфесской, послѣ чего въ 268 году были разбиты Клавдіемъ въ Эгеѣ. Интересно здѣсь то использованіе рѣчной системой, которое позже мы увидимъ у всѣхъ завоевателей, вплоть до Ермака при „покореніи Сибири".

Славяне, къ началу нашей исторіи, не пробравшись къ морю, или будучи отбиты отъ него садятся по рѣкамъ, зажигая этимъ тусклый огонекъ государственности, имѣвшій очень мало шансовъ, чтобы уцѣлѣть и разгорѣться въ бурное пламя, хотя бы и при корыстной помощи чужероднаго „князя", то есть верха, начальника, который совмѣстно со своей дружиною своимъ организованнымъ присутствіемъ давалъ жить и торговать туземцамъ, самъ при этомъ добывая золото и мѣха, которые такъ любили скандинавы.

То, что мы теперь зовемъ началомъ нашей исторіи— призваніе князей, было лишь однимъ маленькимъ эпизодомъ, которому больше другихъ посчастливилось въ безконечномъ морѣ историческихъ возможностей. Это было борьбой одного норманскаго рода съ другими за преобладаніе — ничтожный процессъ, которому посчастливилось превратиться въ громадный историческій процессъ, когда историческому случаю или судьбѣ благоугодно было прилить въ ходѣ исторіи живой воды вѣчной Азіи. А пока до этого прилива, на лицо былъ опредѣленный оживленный трактъ между двумя культурами— Норманской и Ромейской. Въ IX-мъ вѣкѣ мы имѣемъ кишку русскихъ городовъ, вытянувшихся между Балтикой и Эвксиномъ, предоставлявшими Норманнамъ много простору для ихъ забавъ кровью и золотомъ.

Въ свою очередь и Византія выбрасывала изъ себя въ ту пору много христіанскихъ миссіонеровъ, этихъ святыхъ

авантюристовъ. Подобно героямъ Дѣяній Апостольскихъ шли эти люди, горѣвшіе дѣятельной вѣрой Христовой, иные дальше иные ближе—благовѣтствуя. Однимъ изъ главныхъ ихъ устремленій было направленіе изъ Малой Азіи на Востокъ, гдѣ издавна установилась такъ называемая—„халдейская“ или „несторіанская“ вѣра. Это распространеніе было распространеніемъ ученія въ приблизительно однородно-культурной средѣ, къ тому же пронизанной прекрасными путями сообщенія: издавна могущественная Римская Имперія имѣла великолѣпныя каменныя дороги, достигавшія Вавилона, по которымъ регулярно скакали почтовыя колесницы. И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такъ называемомъ Несторіанскомъ камнѣ, открытомъ въ 1625-мъ году около гор. Синаньфу, провинціи Шенси въ Китаѣ, и воздвигнутомъ во время Танской династіи въ 781-мъ году мы видимъ высѣченное на китайскомъ и и сирійскомъ языкахъ изложеніе христіанской доктрины въ несторіанскомъ ея толкованіи, согласно ученія патріарха Несторія, осужденнаго Эфесскимъ соборомъ 428-го года за ересь. Этотъ замѣчательный памятникъ заключаетъ въ себѣ кромѣ того длинный сирійскій списокъ христіанскихъ священнослужителей въ Китаѣ. Въ этомъ фактѣ столь глубокаго проникновенія въ Китай христіанства нѣтъ ничего удивительнаго, потому что христіанство какъ извѣстно по самой своей сущности имѣетъ въ себѣ много много чисто азіатскихъ культовыхъ элементовъ, особенно усилившихся на эллинистическомъ Востокѣ.

Эта волна христіанства кругами расходившаяся по Востоку, достигала и русскихъ городовъ. Несторіанскій камень говоритъ намъ, что въ VII вѣкѣ христіанство прочно достигло уже провинціи Шенси; появилось оно тамъ ранѣе. Лишь двумя столѣтіями позднѣе мы видимъ свѣтъ Христовой вѣры зажигающимся на берегахъ Днѣпра: мы заключаемъ отсюда, что было труднѣе проникнуть къ Днѣпру, нежели къ Желтому морю. Это запозданіе свидѣтельствуетъ отсталость нашихъ славянскихъ племенъ въ культурномъ ихъ бытѣ противъ Китая. Такъ пришла на Русь греческая Церковь.

Трудный вопросъ, что въ нашей исторіи имѣетъ право на первенство въ качествѣ устрояющаго фактора—греческое православіе или варяжская власть. Но какъ бы тамъ ни было, съ появленіемъ христіанства на Руси государственная власть ищетъ въ немъ основанія своего авторитета, князь ищетъ одобренія и благословенія церковной традиціи, онъ не желаетъ быть лишь командиромъ охраннаго взвода для каравановъ, онъ ищетъ санкціи отъ Византіи—Скандинавія не заботилась болѣе о своихъ ушедшихъ сынахъ.

Церковь сама шла навстрѣчу этому, желала этого, потому что съ укрѣпленіемъ такимъ путемъ авторитета князя, возрастала и зависимость новаго владыки отъ Византіи. Князь, такимъ образомъ, какъ бы получалъ инвеституру отъ патріарха Константинопольскаго, какъ духовнаго главы Православной Церкви; къ византійской государственной власти наши предки особаго почтенія не питали и Святославъ такъ же грабилъ эту столицу, почти не имѣвшую военной силы, какъ грабили ее и другія восточныя племена. Поэтому это вліяніе Византіи, шедшее черезъ патріарха, не было вліяніемъ государственнаго характера. Отъ свѣтской Византіи Кіевъ бралъ только развѣ примѣръ царственной роскоши, разительной для этихъ парвеню, но св. Софія стремительнѣй заселяла нашу землю, нежели ее заселялъ дворецъ Деспота.

Города Кіевской Руси среди дѣвственныхъ раздолій малонаселенныхъ пространствъ, лѣсныхъ къ сѣверу, степныхъ къ югу, на полноводныхъ и рыбообильныхъ рѣкахъ являли собой скорѣе видъ караванъ-сараевъ для проѣзжающихъ „гостей“ среди малокультурныхъ племенъ. Власть князя внѣ города и внѣ церковныхъ разсужденій покоилась на моментѣ собиранія дани, чѣмъ символизировалось подданство населенія. Возможность обмѣна этихъ собранныхъ сокровищъ на золото обусловило и другую возможность—содержать наемное войско. Торговое населеніе богатаго Кіева, княжеское управленіе котораго имѣло нѣсколько болѣе монархическій характеръ, благодаря болѣе сильному вліянію Византіи, и людъ демократи-

ческаго Великаго Новгорода жилъ широко и размашисто. Иностранцы отнюдь не были диковинкой. Много разнаго званія народа, охотниковъ къ легкой наживѣ брело въ эти вновь пріобщаемыя къ культурѣ мѣста, какъ это вообще часто бываетъ въ жизни колоній.

Мы видимъ Кіевъ въ лихорадочныхъ сношеніяхъ съ Греціей, Польшей, Италіей, Германіей; архитектора и художники строятъ храмы, расписываютъ ихъ, юристы переводятъ римское право. Въ 862-мъ году легендарно основано наше государство; въ періодъ Ярослава—между 1015-мъ и 1054-мъ, то есть менѣе, нежели чѣмъ черезъ 200 лѣтъ, тамъ гдѣ „не было порядка“ мы видимъ чеканную монету, право, войско, дворцы, на площадяхъ греческія и римскія статуи. Въ Кіевѣ на его 12-ти площадяхъ толкутся арабскіе, персидскіе, генуэзскіе, еврейскіе, венеціанскіе, византійскіе купцы. Романъ Ростиславовичъ, князь Смоленскій, занимается наукой, основываетъ школы и семинаріи съ классическими языками, сидитъ въ библіотекѣ.

Развивая эти мысли историкъ Валишевскій пишетъ:

> — И эти князья не были вынуждены искать себѣ женъ въ теремахъ своихъ подданныхъ. Ярославъ взялъ себѣ жену изъ Швеціи—Ингегарду, дочь короля Олафа; одинъ изъ его сыновей—Всеволодъ женился на дочери императора Византійскаго Константина Мономаха. Другой Вячеславъ на графинѣ Штадтъ. Третій—Игорь на графинѣ Кунигундѣ. Его старшая дочка Елизавета вышла замужъ за Гаральда, короля Шведскаго, третья—Анастасія, — за Андрея, короля Венгріи. Въ 1048-мъ году три епископа Готье де Мо, Госсели де Шалиньякъ и Рожеръ де Шалонъ явились въ Кіевъ просить руки дочери Анны для Генриха I-го Французскаго.

Эти партіи были вполнѣ подходящи; князья русскіе, какъ и владѣтели наслѣдія недавно умершаго Карла Великаго и предки еще не родившагося Фридриха Барбароссы по сво-

ему существу были одинаковымъ матеріаломъ; и тѣ, и другіе были тѣми точками кристаллизаціи, около которыхъ начала формироваться будущая Европа. Это были поэты меча и отваги, трудами и кровью пересаживавшіе глохнувшія традиціи запустѣлаго, разореннаго Рима и сумасбродной въ своихъ духовныхъ устремленіяхъ Византіи въ осѣдавшія мало по малу толпы не помнящихъ родства, кочевыхъ народовъ. И тамъ и тутъ, и въ Европѣ и на Руси, былъ одинъ и тотъ же методъ правленія—право силы, при помощи меча и войны дававшій нѣкоторый относительный міръ внутри ихъ владѣній, необходимый для начала новой жизни, правовой и спокойной, о которой говорили уже ученые и монахи, и мечта въ которой скоро расцвѣтетъ въ раннемъ гуманизмѣ.

И тѣ и другіе потомки кочевниковъ, въ которыхъ еще яркимъ огнемъ пылала любовь азіата къ лошади, они устремляли свои взоры на берега Италіи и Босфора. Охваченные Атлантикой, Варяжскимъ суровымъ моремъ, давимые съ Востока грозными безпокойными массами, они охотно начинаютъ принимать всевозможныя классическія рецепціи, приходя т. о., въ относительное устойчивое равновѣсіе, и беременѣя грядущими четкими націями, которыя разверстаютъ впослѣдствіе между собой различныя стороны своего дѣвственнаго духа.

Но наша судьба отлична отъ судьбы Европы въ этомъ пунктѣ. Если наши города въ качествѣ колоній Запада и получали извѣстный блескъ въ теченіе Кіевскаго періода, то при всей его лихорадочности, онъ не былъ прочнымъ. Кіевская Русь не представляла изъ себя прочнаго органическаго единства, а была случайнымъ сгусткомъ тогдашнихъ цивилизацій, временно замиренныхъ удачнымъ стеченіемъ обстоятельствъ; не нужно забывать что Русь стояла на берегу огромнаго океана народовъ—Азіи, которая грозила еще всяческими неожиданностями. Города Кіевской Руси держались только стѣнами, такъ какъ у нихъ не было самой надежной защиты—осѣдлаго населенія вкругъ нихъ, выработавшаго по-

нятіе объ земельной собственности. Приднѣпровскія степи выбрасываютъ изъ себя цѣлыя полчища воинственныхъ конныхъ народовъ, которые и обрушиваются на эти города. Римскія и греческія статуи на ихъ площадяхъ свѣту не видятъ отъ дыму надъ стѣнами, когда городъ облегаетъ чужая рать, не слышатъ голосу человѣческаго отъ рева верблюдовъ, ржанья коней и скрипа телегъ. Только Новгородъ Великій да Псковъ остаются нетронутыми въ этихъ набѣгахъ, какъ они вообще остаются внѣ обще-русскихъ государственныхъ судебъ вплоть до Ивана III-го, Царя на Москвѣ, о которомъ еще и не слыхать.

Но за то вышеуказанныя обстоятельства были глубоко реальны для южной Руси, и они заставили князя Андрея Боголюбскаго оставить свой городъ въ Руси Кіевской, и уйти къ верховьямъ Волги, къ Владимиру и Суздалю, слѣдуя слѣдамъ, проложеннымъ хитрыми Новгородскими людьми, кладя этимъ основаніе будущей Московской Руси. Туда, въ тѣ земли уже издавна по здоровому инстинкту тянетъ русскій народъ, ищущій въ лѣсахъ и закоулкахъ этого сѣверовосточнаго угла покоя для той мирной жизни, которой уже жила зацвѣтающая Европа, и охлебки которой достались намъ въ Кіевскій періодъ и пришлись по вкусу. Но князь Андрей, кромѣ всего этого везъ на новыя мѣста еще одно— это увеличенный административный навыкъ. Всѣ сложности междукняжескихъ соотношеній кіевскаго періода, всѣ эти соображенія старшинства, отчины, перемѣщенія съ мѣста на мѣсто „лѣствицей“ могли быть не столь значительны при власти, которая имѣетъ при появленіи своемъ на новомъ мѣстѣ больше элементовъ для предъявленія къ немедленному исполненію. Но пролагать новые пути въ историческомъ быту чрезвычайно трудно, по большому вѣсу инерціи у современниковъ, и Андрей Юрьичъ убитъ своими же глухою лѣтнею ночью въ 1175-мъ году.

Кіевскій періодъ былъ первоначальнымъ этапомъ, начальной школой нашей государственности; Андрей Боголюб-

скій началъ ея новый періодъ. Нашей государственности предстояла теперь огромная задача, НАЙТИ СЕБѢ ТѢ ИСТОРИЧЕСКИ ОЧЕРЧЕННЫЯ ГРАНИЦЫ, ВЪ КОТОРЫХЪ ОНА МОГЛА БЫ ПОСЛѢ ПЕРІОДА ЭКСТЕНСИВНАГО ОПРЕДѢЛИТЬСЯ И ПЕРЕЙТИ ВЪ ПЕРІОДЪ ИНТЕНСИВНОСТИ, къ періоду духовной творческой напряженности. И въ рѣшеніи этой задачи навсегда кончается роль Кіева, и начинается роль Москвы, продолжающаяся до нашихъ дней.

— Между 1319-мъ г. и 1340-мъ подъ Ягелломъ, послѣ Гедимина были объединены всѣ лоскутки монархіи Мономаха: Червонная, Бѣлая, Малая Русь. Но объединены онѣ были потому, что были въ то время пустынями—пишетъ тотъ же Валишевскій. Могло ли такое объединеніе передавать жизнь дальше?

Вся наша государственная сила отнынѣ сосредотачивается на Востокѣ. Черезъ Кіевскія пустыни теряется непосредственная связь съ Византіей, во всякомъ случаѣ она лишается какой-бы то ни было политической подкладки. Недолго вѣдь, къ тому же, осталось ждать, когда рухнетъ столица имперіи Константина. Западъ закрытъ наглухо отъ насъ враждебными намъ пограничными государствами латинской культуры, нѣмецкимъ рыцарствомъ. Запустѣлый Кіевъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ болѣе быть точкой кристаллизаціи, вокругъ которой формовалось бы государственное единство, эта основа государственнаго бытія и сознанія. А между тѣмъ, умирая въ 1505-мъ году, то есть черезъ триста лѣтъ послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, Иванъ III-ій, Великій Князь Московскій, оставляетъ сыну Василію шестьдесятъ шесть городовъ, а еще черезъ полвѣка, взявъ Казань и Астрахань, перекинувшись въ Сибирь, Иванъ Васильичъ Грозный сбилъ почти окончательно Московское Царство.

За все время доступной нашему наблюденію исторіи человѣчества мы видимъ Азію непрестанно выбрасывающею все новыя и новыя массы, и тѣмъ ставящею міру все новыя

и новыя задачи ихъ преодолѣнія, сочетанія ихъ въ извѣстныя общежитія. Для Европы эта проблема кончилась гуннами въ VI вѣкѣ, и м. б.—арабами въ VII-мъ. Нашъ народъ, отдѣлившись отъ Европы въ X-мъ вѣкѣ со своимъ уходомъ въ верхне-волжскій бассейнъ унесъ съ собой нѣкоторые зародыши Кіевскихъ началъ, реципировалъ нѣкоторыя обще-европейскія примитивныя культурныя основы. Но какая же гигантская работа должна была быть продѣлана нашими прадѣдами въ теченіе этихъ 300-тъ лѣтъ, дабы изъ подлинной Азіи, изъ кипящихъ, неповерстанныхъ, своевольныхъ, буйныхъ племенъ, разодранныхъ на отдѣльныя, враждующія между собой княжества, лишенныя національной идеи, выросло могучее Царство, которое позволило Ивану IV-му принять титулъ Царя! Какая гигантская работа потребовалась, чтобы вынести идею національнаго русскаго единства изъ темноты келій монаховъ и воплотить ее въ дневной свѣтъ государственнаго бытія.

Въ запискахъ Олеарія въ предыдущей главѣ мы видимъ, какъ высится фигура русскаго Царя на фонѣ Москвы, и съ нею на фонѣ восточныхъ пространствъ. И по волѣ этого Царя народъ устремляется на Востокъ, доходитъ до океана, и потомъ громитъ Западъ, пробивая себѣ окно вооруженной рукой къ складамъ запасовъ западныхъ мирныхъ трудовъ. Это—схема нашей исторіи. И если это сдѣлано ею—это СДѢЛАЛА МОСКВА.

Кіевъ—весь смотритъ изъ чужихъ рукъ: развѣ нельзя предположить, что если бы исторія позволила бы ему развиваться дальше такъ, какъ развивался онъ въ началѣ своего періода,—онъ создалъ бы своеобразное государственное образованіе,такое mixtum compositum изъ Западныхъ и славянскихъ чертъ,какъ сдѣлала та же Польша. Москва объединяетъ все,что не сможетъ назваться Европой. Москва настолько—новая Русь, что вставъ лицомъ къ лицу съ остатками Руси старой—съ Новгородомъ и Псковомъ, она искореняетъ жесточайше остатки этой старой вольности, „боящейся только Бога". Не

спроста двѣсти лѣтъ спустя слыхалъ Олеарій жалобы на Москву.

На Западѣ только Римъ при императорахъ зналъ такое единовластіе, но тамъ былъ Сенатъ, какъ источникъ этой власти; но Римъ никогда не зналъ такого повсемѣстнаго проникновенія идеи обожествленія власти, какъ было у насъ на Руси, никогда не зналъ онъ и столь большой территоріи. И нечего было Москвѣ, искать образцовъ въ Римѣ, когда въ продолженіе трехсотъ лѣтъ въ своей наличности, въ разсказахъ бывалыхъ людей, наконецъ, просто въ твердой администраціи стояло передъ ней, то, что называется избитымъ, шаблоннымъ языкомъ „монгольскимъ игомъ", стояло во весь ростъ Царство Монголовъ.

Если наши предки торговали съ Византіей, если брали оттуда вѣру, моды, повадки, обычаи—то они и громили ее неоднократно. Особеннаго страха передъ Деспотомъ у нихъ быть не могло.

Но царство Монголовъ—было гораздо ближе и убѣдительнѣй, гораздо болѣе популярно. Еще Олеарій видитъ столь яркіе остатки его, спускающіеся подобно рѣдкимъ льдинамъ послѣ отшумѣвшаго ледохода. Наши предки ощущали на себѣ его дыханіе, видѣли сотни тысячъ его страшныхъ всадниковъ, они видѣли умныхъ и хитрыхъ администраторовъ—китайцевъ, сартовъ, монголъ, которые несли на службу Великому Хану свой тысячелѣтній опытъ и знанія, а кромѣ того, думаемъ мы, наши предки слышали голоса родной азіатской крови.

Византійская Имперія, второй Римъ, погибала подъ ударами Востока. А Москва побѣдила самаго сильнаго восточнаго владыку—Великаго Хана Китая и Монголіи. И ПОБѢДИВЪ ТАКОГО ВРАГА МОСКОВСКІЙ ЦАРЬ БРАЛЪ СЕБѢ ТО, ЧТО ИМѢЛЪ ПАВШІЙ СОПЕРНИКЪ—АЗІЮ ДО ТИХАГО ОКЕАНА.

При такомъ оборотѣ дѣла, естественно, что въ спорѣ Москвы и Кіева перевѣсъ лежитъ на сторонѣ Москвы. Реально-привязанные къ наличному Россійскому государству мы должны особенно цѣнить тѣ основанія, которыя легли именно въ основаніе Московской государственности, какъ государственности національно-русской. Въ созерцаніи этихъ историческихъ перспективъ мы не можемъ не чувствовать того восточнаго начала, которое сдѣлало нашу страну величайшей въ мірѣ и исторіи имперіей. Это восточное начало мы полагаемъ покоющимся въ Москвѣ, каковое обстоятельство и рѣшаетъ въ пользу Москвы поставленный въ заголовкѣ главы этой вопросъ.

Это то же самое, что чувствовали славянофилы, когда на мѣсто попытокъ опредѣленія положительнаго понятія р у с с к і й, они довольствовались лишъ отрицаніемъ: Россія НЕ Западъ, у ней—особенная стать. Но мы должны съ ясностью вспомнить то, чего огромный образъ имѣли всегда передъ собой наши предки, когда въ трехсотлѣтнихъ битвахъ, страданіяхъ, трудахъ и подвигахъ они нашли наконецъ, „слово со властію", которое объединило русскій народъ на своей землѣ въ то государственное единство, единственно возможное, которое онъ представляетъ и посейчасъ. И это слово было—М о с к в а, которая, входя въ границы и исходя изъ границъ Царства Монголовъ создала Русское Государство, Московію.—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЭЛЕМЕНТЫ МОНГОЛЬСКАГО ЦАРСТВА.

Основной традиціей русской исторіи является то обстоятельство, что періодъ т. н. „монгольскаго ига“ (1223-1480 гг.) всегда является для насъ, русскихъ, сплошной черной кровавой страницей, при всѣхъ ея ужасахъ, однако, совершенно не связанной съ нѣкіимъ подлиннымъ ходомъ исторіи. Иго какъ то стоитъ само по себѣ, а исторія наша тоже сама по себѣ. Иначе и быть не могло, если мы вспомнимъ, что весь театръ историческаго дѣйствія вмѣщался въ вышеуказанныя границы между меридіанами Кіева и Москвы.

И какимъ новымъ, впервые открывшимся смысломъ указанной эпохи пахнуло на меня, когда однажды за китайскимъ изысканнымъ ужиномъ въ Мукденѣ на берегу маленькой, лотосами заросшей рѣчки, при мягкомъ сіяніи августовской луны, при разноцвѣтныхъ шарахъ китайскихъ фонарей, полковникъ Ванъ, одинъ изъ близкихъ къ маршалу Чжанъ Зо-лину людей сказалъ мнѣ плохимъ русскимъ языкомъ:

—Мы тоже любили войны, какъ и вы, русскіе. И ваша Москва была завоевана нашимъ императоромъ, и здѣсь, въ Китаѣ, было у насъ много русскихъ плѣнниковъ, все равно, вотъ какъ эти бойки...

Печальная пѣсня нашихъ полонянокъ, которую учили мы когда то въ гимназіяхъ на урокахъ словесности, пріобрѣла съ этимъ для меня сразу новый смыслъ. Вотъ гдѣ былъ ихъ полонъ, вотъ кто были ихъ хозяева—въ качествѣ маньчжуровъ мукденцы охотно признаютъ традицію Великаго Чингиса.

Это обстоятельство, почти неизвѣстное для нашего интеллигента средней руки, совершенно ясно для всякаго маломальски образованнаго китайца. Во всѣхъ учебникахъ исторіи Китая, въ китайскихъ школахъ имѣется эта карта эпохи Четырехъ Великихъ Ханствъ. Рѣзко очерченная граница единой Имперіи Востока охватываетъ весь Китай съ Кореей, Индо-Китай, половину Индіи, Тибетъ и Непалъ, китайскій и русскій Туркестаны, скользитъ по берегу Персидскаго залива, языкомъ огибаетъ Месопотамію, Арменію, Малую Азію съ Дамаскомъ и Алеппо, возвращается назадъ къ Каспійскому морю и Кавказу, берегомъ Чернаго моря уходитъ къ Азовскому по Кавказскому побережью, перегибается въ Крымъ, поднимается вверхъ по теченію Днѣпра примѣрно на меридіанѣ Смоленска, съ запада и съ сѣвера огибаетъ Москву, прямой линіей на высотѣ Ярославля уходитъ на востокъ, чтобы линіей, провисшей въ одномъ мѣстѣ къ Алтаю и затѣмъ выровненной, протянуться черезъ сѣверную оконечность Байкала прямо къ востоку, пройти Забайкальемъ, выйти черезъ Амурскую область къ Николаевску на Амурѣ и побережьемъ Приморской области вернуться къ Кореѣ.

Таковы примѣрно, границы Царства Монголовъ къ 1275-му году, когда Кублай Ханъ сидитъ въ Ханбалу, въ нынѣшнемъ Пекинѣ; имперіи древности ничто по сравненію съ этими огромными пространствами, которыми владѣлъ этотъ пятый по Чингисѣ Великій Ханъ, завершившій дѣло великаго завоевателя.

Такимъ образомъ, Монгольское Царство, охватывавшее собою почти всю русскую землю, во всякомъ случаѣ всѣ тѣ

ея области, на которыхъ совершались самые дѣйственные моменты исторіи Россіи, никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваемо по отношенію къ нашему Московскому Царству, какъ лишь моментъ второстепенный или же формальный. Мы видѣли у Олеарія, какъ въ его время вся наша европейская территорія напоена остатками рухнувшей власти монголовъ. И соотвѣтственно этому, нужно сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы понять, что въ той исторической обстановкѣ могъ значить этотъ грозный владыка Золотой Орды, въ какую фигуру выросталъ онъ для нашихъ предковъ на покрытыхъ тучами невѣдомыхъ дальнихъ восточныхъ небесахъ.

Въ „Лекціяхъ" по русской исторіи (1915-ый годъ) г. Любовскій такъ дѣлаетъ опредѣленіе этого момента:

— Наивысшимъ государемъ Руси, отъ котораго получили свою инвеституру русскіе князья, соотвѣтствовавшимъ Императорамъ Западному и Восточному былъ Царь Ордынскій, разсматривавшій всю русскую землю, какъ свой улусъ, какъ одно изъ своихъ владѣній.

— Великій Ханъ, при помощи своего представителя — Ордынскаго Царя и его вельможъ сажаетъ на престолъ Великаго Князя; такъ было во Владимірѣ съ Александромъ Невскимъ, такъ было и съ Василіемъ Васильевичемъ, котораго посадилъ посолъ Тохтамыша,—

говоритъ объ этомъ монахъ Іоакинфъ въ своемъ „Собраніи свѣдѣній о древнихъ народахъ Средней Азіи".

До путешествія Марко Поло на Востокъ, для Европы тамъ были очень продолжительныя ночи и безпредѣльныя степи, населенныя антропофагами и лютыми звѣрьми. За этими странами царствовало безлюдье, смертная тишина; далѣе къ Востоку шли люди страны Серъ, которые дѣлали шелкъ изъ листьевъ и коры деревьевъ. За землею Серъ была Индія, которую знали по походамъ Александра Великаго. Тамъ — двѣ жатвы въ годъ, пять тысячъ населенныхъ городовъ и р. Гангъ, Индъ и Ипасіусъ, удержавшія Александра отъ завоеванія

Индіи. Далѣе — острова, гдѣ необыкновенныя богатства и драгоцѣнности, такъ что вся почва ихъ состоитъ изъ золота и серебра. Тамъ люди живутъ безголовые и одноногіе.

Но кромѣ этихъ типичныхъ легендъ, невѣроятныхъ сказокъ—были и другія свѣдѣнія, это тѣ, которыя повѣдывали голоса крови. Голоса крови пробуждали въ насъ, русскихъ, всегда повышенный интересъ къ странамъ Востока: вѣдь племена кипѣвшія на томъ мѣстѣ, гдѣ мы живемъ сейчасъ—выходцы оттуда. Всѣ эти сарматы, скифы, аланы — въ своей психологіи, въ своемъ искусствѣ являютъ намъ черты Азіи. Шествіе гунновъ, болгаръ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ, арабовъ — шествіе съ Востока. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ еще на своей кожѣ „золотой цвѣтъ" — цвѣтъ Востока, нѣкоторые нѣтъ, хотя родомъ все равно оттуда. Къ началу нашей исторіи мы видимъ сидящими на восточноевропейской равнинѣ нѣсколько „ставшихъ есть" княжествъ и царствъ, съ происхожденіемъ явно-восточнымъ, которыхъ потомъ поглотило Великое Княжество Московское. Таково Хозарское царство на Волгѣ, Болгарское на Камѣ. Между русскими и половецкими князьями ко времени, предшествовавшему битвѣ на Калкѣ (1223-й годъ), существовали отношенія, при которыхъ они стали родниться между собой, вступать въ свойство и въ союзъ противъ „желтой опасности", противъ монголовъ; битва на Калкѣ проиграна нашими предками изъ-за предательства печенѣговъ, ретировавшихся съ поля сраженія и пріуготовавшихъ тѣмъ нашимъ князьямъ неловкую участь —быть задавленными „задами тяжкими татаръ". Что же касается населенія сѣверной части нашей страны, то оно будучи финскимъ по происхожденію, принадлежитъ по старой, хотя и оспариваемой схемѣ, къ группѣ народностей Урало-Алтайскихъ, имѣющихъ общіе корни съ монгольскими племенами.

Хотя бы про Востокъ и ничего не было извѣстно въ современномъ значеніи этого слова, но вся эта полукочевая, полуосѣдлая масса племенъ, покрывавшихъ нашу территорію

въ Европейской ея части въ силу своего происхожденія была связана съ Азіей. Мы не ошибемся, если скажемъ, что она была наполнена легендами о Востокѣ, и если князь Андрей Боголюбскій и хотѣлъ утвердить новый характеръ княжеской власти среди измѣненнаго по отношенію къ Кіеву населенія Суздальской земли, отличный отъ власти норманнскихъ князей, то онъ имѣлъ на это основаніе:

Востокъ любилъ такую власть.

Равнымъ образомъ, и Азія въ X-мъ, XI вѣкахъ представляла собой картину, подобную картинѣ Восточной Европы. Монголія, Сибирь, Туркестанъ полны волнующимися, безпокойными, и въ то же время родственными между собой племенами, въ которыя вкраплены остатки древнихъ культуръ. Предложимъ вниманію читателя схему, которую набрасываетъ извѣстный востоковѣдъ монахъ Іоакинфъ Бичуринъ въ своемъ сочиненіи „Взглядъ на Монголію въ связи съ прочими среднеазійскими странами" *).

— Нѣкоторое сходство у Монголовъ въ обыкновенныхъ и грамматическихъ формахъ языка съ Тунгусами и Тюрками довольно обнаруживаетъ, что три помянутыхъ народа произошли отъ одного корня, но раздѣленіе корня ихъ на три вѣтки, то есть три племени, безъ сомнѣнія, случилось во времена, отдаленныя отъ насъ; потому что почти за 25 вѣковъ до Р. Х. Монголы и Тунгусы представляются намъ, какъ два самобытные народа. Одни Тюрки по причинѣ отдаленности нѣсколько позже познакомились съ жителями Серединнаго Государства.

— Географы раздѣляютъ Азію на двѣ половины—восточную и западную; а восточную половину сама природа раздѣлила на двѣ части—на Азію Южную и Среднюю. Цѣпь первозданныхъ горъ подъ разными названіями идущая отъ Корейскаго залива на Западъ до Памира составляетъ какъ бы естественный рубежъ между Южною и Среднею Азіей.

*) Стр. 487, слѣд.

Отъ сего рубежа по склону къ Юго-Западу обитаютъ разныя племена индійскаго происхожденія, и обликомъ и обычаями отличные отъ среднеазійцевъ, по склону на Сѣверъ живутъ одни Среднеазійскія племена. Отъ нихъ Тунгусы издревле заняли Восточное поморье на Сѣверъ отъ Корейскаго залива, до Большого Хинганскаго хребта, потомъ отъ Яблоноваго хребта пошли далѣе къ Сѣверу по Витиму, Олекмѣ, Ленѣ, Илиму и двумъ Тунгускамъ; на Западѣ они ограничились степями по р. Гиринь—улѣ, Нонъ-мурени и Аргуни; отъ Лены не простирались далѣе Енисея. Монголы раскинули свои юрты отъ Ляо и Аргуни на Западъ до озеръ Тэмурту-нора и Хохонту-нора, на Сѣверо-западъ по Ангарѣ до Енисея; и симъ образомъ заняли они Монгольскую степь и песчаный бассейнъ между Небесными горами и Алтаемъ; на Западѣ они не переходили Памира. Тюрки разселились въ плодоносныхъ долинахъ между Южными и Небесными горами отъ Халхи до Кашгара и Тюркистана; далѣе отъ Памира къ западу они заняли обширный песчаный бассейнъ между Аму- и Сыръ-Даріями. Потомъ они поворотили отъ плоскихъ Каспійскихъ и Аральскихъ береговъ на Сѣверъ по Уралу, обогнули большое пространство прямо на Востокъ и прошли по Сѣверной сторонѣ Алтая къ Енисею. Вотъ очеркъ земель въ древности занимаемыхъ тремя Среднеазійскими народами.

Въ сочиненіи ученаго араба Рашидъ-удъ-эддина, посѣтившаго Монголію при Ханѣ Менгу, указывается общее начало всѣхъ монгольскихъ и азіатскихъ племенъ, то есть почти всего населенія Средней, Восточной и Западной Азіи. Онъ передаетъ легенду, что турки и монголы ведутъ свой родъ отъ Іафета, сына Ноя, имя которому у турокъ **Abuldscheh Chan**; сей ихъ общій родоначальникъ былъ посланъ въ восточныя страны.

Среди пяти именъ городовъ, въ которыхъ по преданію жилъ этотъ первый Ханъ встрѣчается и К а р о к о р у м ъ, имя

съ которымъ мы встрѣтимся позднѣе, въ качествѣ имени первоначальнаго стольнаго города Чингисовичей.

Не входя въ запутанныя генеалогіи, укажемъ лишь, что турецкихъ племенъ Рашидъ-удъ-эддинъ насчитываетъ шесть, и имя общее имъ всѣмъ—Уйгуръ, каковое имя является именемъ перваго племени, и означаетъ: тотъ, кто съ нами связанъ и всѣмъ помогаетъ. Имя второго—Канклы: телѣга. Третьяго — Кипчакъ: дупло. Четвертаго—Карлукъ:—господинъ въ снѣгахъ. Пятаго Калаашъ:—стой, женщина! Шестого—Агатгери:—лѣсной народъ *).

Такимъ образомъ у Рашидъ-удъ-эддина нѣтъ особаго выдѣленія Тунгусовъ, какъ это мы видимъ у Іоакинфа. За то въ названіяхъ этихъ шести тюркскихъ племенъ мы имѣемъ опредѣленныя историческія имена, или же извѣстныя указанія на образъ жизни подлежащихъ народностей. Имя Кипчакъ—дупло, не можетъ быть безразлично для насъ потому, что Ханство Кипчакъ включало въ себя въ періодъ XIII—XIV вв. большую часть Руси; Агатгери—лѣсной народъ, не оставляетъ никакихъ сомнѣній насчетъ образа жизни его носителей и т. д.

Изъ собственныхъ турокъ Рашидъ-удъ-эддинъ выдѣляетъ туркменъ, которые являются турками кочующими.

Далѣе, Рашидъ-удъ-эддинъ перечисляетъ двадцать монгольскихъ племенъ, среди которыхъ подъ номеромъ девятымъ идутъ татары. Изъ этихъ племенъ „стали знамениты“ кераиты, найманы, унгуты, тенгуты, б(м)екрины, и киргизы.

Въ числѣ вторичныхъ татарскихъ племенъ, всего числомъ восемнадцать, указаны и тунгузы; изъ этихъ татарскихъ племенъ въ дальнѣйшемъ дробленіи выдвигаются

*) von Erdmann. Die vollständige Uebersciht der aeltesten Türkischen und Mongolischen Voelkerstämme. Казань, 1842 г. Оттискъ изъ Уч. Зап. Каз. Университета, Т. IV.

два—никунъ—въ широкомъ и узкомъ смыслахъ, а изъ послѣдняго племени—племя буркундишъ (или бордшигенъ—въ иночтеніи), изъ котораго произошелъ Чингисъ Ханъ.

Такимъ образомъ, вся эта Азія была ареной кочевой и осѣдлой войны всѣхъ противъ всѣхъ, а равнымъ образомъ и противъ древней культуры Китая. Такъ славяне ходили противъ Византіи. Недаромъ, еще въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. китайскій императоръ Ши Гуань-ди наравнѣ съ заботами о финансахъ и законности, совершилъ свое замѣчательное дѣло—выстроилъ Великую Стѣну, это одно изъ чудесъ свѣта, которою отгородилъ тихій древній Китай отъ воинственныхъ кочевниковъ съ Сѣвера.

Китайскій историкъ такъ лапидарно подводитъ итоги постройки этой стѣны.

— Все, что по сѣверную часть Великой Стѣны—люди съ луками; по южную—люди подпоясанные.—

Сосѣдство съ этими племенами было чрезвычайно безпокойнымъ для Китая. Изъ его исторіи мы знаемъ, что цѣлый рядъ династій Китая велъ свое происхожденіе отъ Сѣверныхъ завоевателей, варваровъ въ понятіи Китайцевъ. Въ одномъ китайскомъ историческомъ романѣ о Янъ Гуйфей, наложницѣ императора Мингъ Хуана, Тангской династіи (VII вѣкъ нашей эры), мы находимъ поэтическій разсказъ объ коварствѣ приближеннаго императора татарина Анъ Лю-шана, который былъ любовникомъ упомянутой красавицы. Отосланный происками придворныхъ отъ двора, разлученный такимъ образомъ, со своей любовью, Анъ Лю-шанъ измѣняетъ императору, нечаявшему въ немъ души и наводняетъ Цвѣтущее Государство своими дикими соотечественниками. Лѣтомъ 756-го года, читаемъ мы въ этомъ романѣ,—

„воздухъ былъ необычайно сухъ и душенъ. Передъ утренней зарей шумъ испуганнаго народа былъ слышенъ издалека. Онъ доносился то протяжными, слабыми вопля-

ми, то рѣзкими, громкими криками. Роса еще была обильна, одѣяніе съ драконами промокло, судьба всей страны лежала на плечахъ Сына Неба. Трупы были разбросаны по улицамъ города, плавали въ прудахъ.

Такъ изображаетъ древній китайскій романъ нападеніе татарскихъ ордъ на мирный Китай.

Позднѣе пятью столѣтіями, суровый призракъ грозныхъ ордъ всталъ передъ Европой и въ 1238-мъ году французскій дворъ принимаетъ къ себѣ встревоженное посольство мусульманскихъ владѣтелей Малой Азіи. Они просятъ короля принять участіе въ оборонѣ противъ „извѣстной расы ужасныхъ людей, чудовищныхъ и жестокихъ, что приходятъ съ горъ сѣвера", говоритъ англійскій монахъ Mattieu Paris.

—Они хлынули на пустынныя равнины Востока. Они уничтожили населеніе великой Венгріи, они повсюду разсылаютъ грамоты пословъ и посольства, наводящія страхъ. Говорятъ, что ихъ вождь посланъ Всевышнимъ, дабы покарать неспокойные народы. У этихъ варваровъ голова слишкомъ велика, такъ что она непропорціональна къ остальному туловищу*); они ѣдятъ сырое мясо и даже человѣческое; они несравненные стрѣлки; рѣки они переплываютъ на лодкахъ изъ шкуръ, что везутъ съ собой; они сильны, безбожны, неуклюжи, нелюдимы, большого росту, языкъ ихъ не похожъ ни на одинъ языкъ, который мы знаемъ; они богаты стадами и скотомъ; у нихъ такіе быстрые кони, что въ одинъ день они могутъ сдѣлать пространство въ три обычныхъ перехода; они въ доспѣхахъ спереди и безъ доспѣховъ сзади, потому что бѣгство имъ запрещено; ихъ страшный вождь зовется Ханомъ: они живутъ въ сѣверныхъ странахъ и выходятъ на Каспійскія горы; ихъ зовутъ татарами по имени рѣки Таръ; на людское горе они очень многочисленны, они заставляютъ землю кипѣть подъ собой; много набѣговъ дѣлали они и раньше,

*) Ср. „башка съ пивной котелъ" нашихъ былинъ.

> но теперь они идутъ съ яростью большею, нежели обыкновенно. Посолъ Сарациновъ, человѣкъ могущественный, блестящаго происхожденія симъ посылается нынѣ во Францію, къ ея королю, дабы отъ лица всѣхъ князей Востока возвѣстить ему, что происходитъ и молить помощи у западныхъ государей, чтобы отразить татарскую ярость*).

Этотъ же посолъ уполномочилъ одного изъ сарацинскихъ вельможъ изъ своего посольства итти и разыскать короля Англіи, чтобы ему разсказать, что происходитъ, и предупредить его, что если сарацины не остановятъ этого варварскаго нашествія, то варвары не преминутъ опустошить страны Запада.

И какъ передъ лѣснымъ пожаромъ бѣжитъ впереди удушающій дымъ, такъ и предъ татарскимъ нашествіемъ стелется далеко впередъ удушающій, обезсиливающій страхъ.

Страхъ этотъ таковъ, что до сего времени онъ заставляетъ сгребать подъ одно понятіе „монгольскаго ига" всѣ историческія данныя, объ этомъ монгольскомъ періодѣ русской исторіи, „который болѣе другихъ заслуживаетъ нашего вниманія", пишетъ Эрдманнъ въ выше цитированной работѣ.

— Формы лица татаръ, говорятъ намъ источники, довольно похожая на китайцевъ, рѣзко отличается отъ формы лица другихъ народовъ міра. Каріе узкіе глаза, придавленныя толстыя выдающіяся губы, лицо и голова круглыя, оливковаго цвѣта кожа, на подбородкѣ рѣдкая борода —

> „вотъ каковы были тѣ характерныя черты, которыя мы нынѣ видимъ у монголовъ, калмыковъ, бурятъ; въ общем они средняго тѣлосложенія съ широкими плечами, тонкой таліей".
>
> — Они брѣютъ волосы на макушкѣ головы, ввидѣ подковы; такъ же брѣютъ они и затылокъ; остающіеся въ промежуткѣ волосы оставляютъ косичками, что висятъ за ушами.

---

*) Cordier, Histoire de la Chine, I, стр. 247.

— Голову покрываютъ они плоскими войлочными шапками, края которыхъ завернуты, кромѣ задней части, кверху; сзади же шапки спускается полой шириной въ одну ладонь.

— Два шнура, прикрѣпленные на верхушкѣ этого головного убора завязываютъ подъ подбородокъ, а на шнурахъ привѣшены двѣ кисти, которыя треплются по вѣтру. Иха одежда запахивается на животѣ, доходитъ полой до боку, и такъ удерживается поясомъ; зимой они носятъ двѣ мѣховыхъ шубы—одну мѣхомъ внутрь, другую наружу. Прически у женщинъ высоки, и костюмъ такъ похожъ на мужской, что трудно различить по нему мужчину отъ женщины.

— Живутъ они въ юртахъ, построенныхъ ихъ кошомъ, высотой въ ростъ человѣка; юрты поддерживаются шестами, концы которыхъ вверху схвачены деревяннымъ кольцомъ. Эту тонкую защиту тепла они еще покрываютъ войлоками, сшитыми жилами; входъ, завѣшенный войлокомъ, обращенъ всегда на югъ. Отверстіе вверху остается всегда незакрытымъ, чтобы дать выходъ дыму. Очагъ занимаетъ середину жилища этого, и около него держится вся семья.

— Стада ихъ, верблюды, быки, бараны, козы и косяки лошадей обезпечиваютъ ихъ существованіе и составляютъ главное богатство; любимое ихъ кушанье—конина. Чтобы сохранить мясо, они сушатъ его тонкими ломтями либо на солнцѣ, либо на жару очага. Такъ они заготовляютъ мясо всѣхъ животныхъ, даже тѣхъ, которые сдохли отъ болѣзней. Они очень любятъ развлекаться перебродившимъ молокомъ кобылицъ, которое они зовутъ кумысомъ.

— Стада ихъ удовлетворяютъ всѣхъ ихъ потребностямъ. Они одѣваются въ шкуры животныхъ, изъ шерсти дѣлаютъ войлокъ и нитки.

— Кормъ этихъ стадъ и заставляетъ кочевниковъ этихъ передвигаться съ мѣста на мѣсто. Когда пастбища области, въ которой они остановились, уже опустошены, они снимаютъ юрты, вьючатъ ихъ на животныхъ, которыя несутъ и всю домашнюю утварь, женщинъ и дѣтей, и вся орда идетъ искать себѣ новыхъ пастбищъ. Каждое племя клеймитъ свои стада своимъ клеймомъ. Каждое племя имѣетъ свою опредѣленную территорію, опредѣленную извѣстными границами, гдѣ они и стоятъ по временамъ года. Каждый изъ нихъ имѣетъ столько женъ, сколько сможетъ прокормить. Они платятъ за дѣвушку выкупъ ея родителямъ—извѣстное количество скота. У каждой жены своя кибитка, свое отдѣльное хозяйство. Сынъ обязанъ поддерживать вдовъ своего отца; часто онъ женится на нихъ, кромѣ той, которая дала ему день. Братъ тоже долженъ имѣть попеченіе о вдовахъ братьевъ. Ихъ женщины очень работящи, онѣ раздѣляютъ со своими мужьями заботу о стадахъ, шьютъ одежду, катаютъ войлоки, бредутъ за арбами, грузятъ верблюдовъ, и такъ же ловко, какъ и мужчины, ѣздятъ верхомъ. А мужчины, если не на охотѣ, проводятъ время въ праздности, въ празднествахъ, и вообще, ихъ очень упрекаютъ, что они хитры, мошенники, жадны, нечистоплотны, и преданы пьянству, которое у нихъ не считается порокомъ *).

Монголы, поражавшіе и Востокъ и Западъ, всегда были воинственнымъ народомъ, что свидѣтельствуетъ слѣдующая ихъ легенда. За двѣ тысячи лѣтъ до рожденія Хана Чингиса, монголы были побѣждены и истреблены другимъ родственнымъ племенемъ Татаріи. Отъ нихъ осталось всего два мужчины и двѣ женщины, которые бѣжали въ страну внутри горной цѣпи Ергене Кунъ, окруженную отвѣсными скалами. Солнце было плодоносно въ той странѣ и потомство двухъ этихъ монголовъ—Тегиза и Кыпана плодилось и подѣлилось

*) Baron C. d'Ohsson. Histoire de Mongolie depuis Chingis Khan, 1824 г., т. I, стр. 11—15.

на племена. Окруженное горами растущее населеніе искало способовъ выйти изъ нихъ. Народъ монгольскій уже умѣлъ добывать желѣзо изъ этихъ горъ. Собрали они большое количество дровъ, развели огонь, и съ помощью семидесяти мѣховъ проплавили себѣ проходъ. Память объ этомъ очень чтится у потомковъ Чингиса: ночью накануне Новаго Года кузнецы куютъ раскаленное желѣзо въ присутствіи двора и торжественно благодарятъ Небо. Въ киргизскомъ толкованіи, имя Монгу означаетъ именно „сильный", „храбрый".

Что касается самого способа разселенія монгольскихъ племенъ, то, какъ мы замѣтили, оно отчасти можетъ быть характеризовано по названіямъ уйгурскихъ шести основныхъ племенъ. Они сидѣли весьма широко на западъ и югъ, достигая естественныхъ границъ, какъ мы видѣли въ описаніи монаха Іоакинфа, и заходили далеко на сѣверъ. У Рашидъ-удъ-эддина среди такъ называемаго племени Агатгери — лѣсного народа, указываются монгольскія племена — Урянкитъ, Пишехъ. Про нихъ сообщается, м. пр., что они питаются сокомъ дерева тузъ, то есть березы. При охотѣ по снѣгу они употребляютъ лыжи, по монгольски tschana, zana, въ каковомъ словѣ можно угадать наши русскія сани.

Образъ жизни этихъ племенъ, не имѣвшихъ историческаго самосознанія, установить намъ невозможно, да и не къ чему. Они находились еще на той ступени духовнаго развитія, на которой человѣкъ смотритъ только во внѣ, предоставивъ судьбѣ и случаю преемственность существованія, какъ своего собственнаго, такъ и своего племени. Растительна, свѣжа, буйственна и богата его жизнь. Страсти первобытны, нестѣснены, ярки, какъ цвѣты, покрывающіе весной его степи. И какъ эти же цвѣты, какъ его друзья, какъ его стада— исчезаетъ въ свое время человѣкъ, и никто не жалѣетъ объ немъ, какъ объ личности, потому что личность не играетъ тутъ никакой роли, такъ какъ непреодолимымъ инстинктомъ самъ родъ заботится о своемъ существованіи. Исторіи нѣтъ на этой ступени человѣчества.

Исторія начинается только тамъ, гдѣ первоначальную глухую заботу непобѣдимо живущаго рода принимаетъ на себя, осознавая, какъ свою обязанность, какая-нибудь личность, герой. Только тогда племя, родъ, становится **народомъ**, только тогда, съ памятью объ этомъ героѣ пробуждается въ сердцахъ всего народа сознаніе о своемъ единствѣ и въ пространствѣ и во времени; эта память дѣлаетъ исторію. И такъ какъ ничего нѣтъ всесильнѣе жизни рода, тучной и пышной, какъ черная земля, или жирная дымящаяся туша мяса, эта жизнь божественна и воплощающій ее герой богоподобенъ, достоенъ апоѳеоза.

Классическій вѣкъ античности именно въ этомъ сознаніи могущественности и прекрасности жизни. Величіе Гомера въ эпической пѣснѣ о простыхъ вещахъ, составляющихъ жизнь... Но тысячелѣтіями отдѣленъ отъ насъ Гомеръ. Здѣсь же, на глазахъ нашихъ предковъ, возникли и возвышались подлинные герои.

Эти герои кочевыхъ племенъ безконечной Азіи не могли не пробудить всюду сочувственнаго и восхищеннаго отклика, такъ, какъ крики дикихъ гусей, заставляютъ волноваться мирный птичій дворъ. Вотъ почему слава великихъ монгольскихъ вождей—не только „военная слава", съ точки зрѣнія спеца по генеральному штабу.

Въ Монголіи интересующаго насъ періода развертывается вторично подлинно классическій вѣкъ героической эпохи, въ античной глубинѣ которой зарождается новая цивилизація. На этотъ разъ это цивилизація Восточной Европы и Азіи, подобно тому, какъ на берегахъ Медитерранеи родилась эпоха Троянской войны, создавшая впослѣдствіе цивилизацію Европы, какъ въ Аравіи родилась цивилизація арабовъ.

Съ опредѣленнымъ правомъ мы отнесемъ первый моментъ возникновенія этой цивилизаціи ко времени рожденія Хана Чингиса; онъ подобенъ параболѣ зеркала, собирающаго въ единый фокусъ всѣ стремленія его единоплеменниковъ, съ

которыми онъ ставитъ тѣ историческія проблемы, которыя приходится, можетъ быть, рѣшать именно намъ, именно теперь.

Прослѣдимъ происхожденіе Чингиса по примитивнымъ монгольскимъ даннымъ, еще не усложненнымъ грядущей критикой. Богатуръ—то есть князь, въ точномъ смыслѣ слова военный вождь—Ессугай, былъ третьимъ сыномъ князя Бартана племени Бордшигенъ (Буркундишъ). Онъ въ 1155-мъ г. разбилъ племя Татаръ, но въ этой побѣдѣ потерялъ любимаго своего генерала Темучинъ Ога. Его жена Олунъ Еке (по монгольски Мать Облака), дочь татарскаго воеводы Еке Милату при его возвращеніи порадовала его на берегахъ рѣки Онона рожденіемъ сына. Обрадованный князь назвалъ сына, родившагося съ кусками запекшейся крови въ обѣихъ рукахъ, именемъ Темучина, въ честь своего павшаго соратника.

Іезуитъ Mailla, въ своей Исторіи относитъ событіе это къ 1161-му году, монгольскій историкъ Сананъ Сетсенъ на февраль 1155-го года.

Племя Бордшигенъ жило среди другихъ родственныхъ племенъ. На сѣверъ жили Меркиты и Кераиты; къ западу лежало огромное царство Харезмъ, тюркскаго происхожденія. На югъ шли Тангуты, которые дѣлились на Тангутовъ Тибетскихъ и на Киновъ, которые въ ту пору владѣли сѣвернымъ Китаемъ (провинціями Ляодунъ, Шандунъ, Чжили, Хонань, Шанси, частью Шенси, съ центромъ въ Синанфу); самъ же высококультурный древній Китай въ южной своей части былъ подъ властью династіи Южныхъ Суновъ сидѣвшихъ въ Хэнчао.

Никоимъ образомъ нельзя эти монгольскія племена въ разсматриваемое нами время считать находившемися внѣ какихъ бы то ни было культурныхъ вліяній. Во первыхъ, были очень сильны вліянія близкаго Китая, тѣмъ болѣе, что напримѣръ тѣ же Кины сидѣли въ Китаѣ застѣнномъ. Но были и другія культурныя вліянія, болѣе отдаленныя. Напр. племя

Кераитъ, въ борьбѣ съ которымъ возвысился Темучинъ, было христіанскимъ. Объ этомъ намъ сообщаетъ Марко Поло, повѣствуя объ знаменитомъ князѣ Кераитовъ, Ункъ Ханѣ— по монгольски, или священникѣ Іоаннѣ въ европейской и русской традиціи, каковой скончался въ 1203-мъ году: въ подтвержденіе этого, мы имѣемъ китайское извѣстіе, что племя Кераитовъ было обращено въ христіанство епископомъ Мервскимъ То-Ли-Ванъ-Канъ.

Подобные случаи и факты вліяній были далеко не единичны. Уже въ 780-мъ году былъ посланъ на Востокъ патріархомъ Тимофеемъ священникъ Субчалъ-Іисусъ, пробывшій долгое время въ Татаріи и въ Китаѣ и погибшій на обратномъ пути оттуда. Его смѣнилъ нѣкій Давидъ.

Эдиктъ императора Ву-Тсунга въ 845-мъ году предписываетъ всѣмъ священникамъ, пришедшимъ изъ страны Та-Т'синъ *) (это слово означаетъ можетъ быть Александрію, можетъ быть Константинополь), числомъ не менѣе 3.000, перейти на положеніе простыхъ гражданъ. Два арабскихъ путешественника въ IX вѣкѣ сообщаютъ, что въ битвѣ при Канфу погибло много христіанъ **).

Тотъ же Марко-Поло указываетъ на существованіе въ Хэнчао христіанской церкви въ его время, какъ равно двухъ другихъ въ Чинкіангѣ.

Позднѣе это христіанство стало глохнуть въ Китаѣ и Монголіи какъ подъ вліяніемъ оппозиціи со стороны буддійской и мусульманской проповѣди, такъ и благодаря своей дальности отъ базы; но во всякомъ случаѣ даже въ этомъ противодѣйствіи мы встрѣчаемъ отраженныя волны поднятыя тѣмъ же христіанствомъ въ Европѣ. Когда папскій легатъ Плано Карпини посѣтилъ Монголію въ XIII вѣкѣ, онъ въ мѣстныхъ несторіанцахъ, еще не утратившихъ своей традиціи,

*) Cp. Hirt, China and the Roman Orient, а также Enciclopedia Sinica by Samuel Culing, M. A., это слово.

**) F. Holm. The Nestorian Monument, Chicago, 1909.

встрѣтилъ сильное сопротивленіе своей ортодоксальной проповѣди *).

Среди осѣдающихъ и замиряющихся племенъ Монголіи и Китая, мы видимъ, дѣйствовали христіанскіе проповѣдники, подобно тому, какъ дѣйствовали они и среди племенъ славянскихъ, русскихъ, одни раньше, другіе позднѣе. Если добавить сюда проникновеніе, совершенно неизбѣжное — элементовъ китайской культуры, то мы поймемъ, что къ тому времени, когда встаетъ Царство Монгольское, оно уже имѣетъ за собой и культурныя традиціи, и военный опытъ, и духъ Азіи и далекой Европы, о которой ходили въ Азіи такія же полныя интереса легенды, какъ и въ Европѣ объ Азіи. Поэтому выдвигаемые событіями вожди азійскихъ племенъ никакъ не могутъ почетаться нами за совершенныхъ „дикарей", а бурные взрывы дремавшихъ дотолѣ въ тамошнемъ человѣчествѣ потенціальныхъ силъ своимъ намѣреніемъ имѣютъ достиженіе нѣкоторыхъ наличныхъ вѣковыхъ образцовъ въ увеличенномъ, азіатскаго стиля видѣ. Вотъ почему государственная дѣятельность монгольскихъ владыкъ имѣла столь двойственный характеръ. Съ одной стороны, это были неуклюжія попытки осознать самихъ себя, по могучести своей потенціи разражавшіяся почти катастрофически въ кровавыхъ „нашествіяхъ". Съ другой стороны, желаніе узнать то, что имѣется уже достигнутымъ въ мірѣ, пробуждаетъ терпимое, либеральное даже, нынѣ изумляющее насъ отношеніе къ окружающему и окружающимъ.

---

*) Cp. S. Wells Williams, The Middlle Kingdom, т. II.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Полное имя Хана Чингиса, родоначальника монгольской династіи Юань въ Китаѣ, обладавшей почти всей Азіей и доброй половиной Европы, Тенгринъ Оггюгсенъ Темучинъ, то есть „дарованный богами Темучинъ“. У его матери Олунъ Еке было еще три сына—Хазаръ, Хадшикинъ и Ютсекенъ; двѣ же другія супруги Ессугая Гоа Абхай и Дагнаши принесли ему еще двухъ сыновей—по имени Бектеръ и Белгетей.

Художественно излагаетъ жизнь Хана Чингиса монгольскій историкъ, Санангъ Сетсенъ Хунтайдши, хотя историческая въ нашемъ смыслѣ правда уступаетъ въ его изображеніи мѣсто тому эпическому воодушевленію, съ которымъ всегда передаются героическія сказанія *).

Князь Ессугай со своимъ сыномъ Темучиномъ двинулись отыскивать ему невѣсту, у одного изъ родичей съ материнской стороны изъ племени Олхонодъ (Олконутъ). По пути завернули они къ Дай-Сетсену, который привѣтствовалъ Ессугая такими словами:

— Свойякъ мой изъ племени Бордшигенъ! Куда лежитъ твой путь?

---

*) Исторія Восточныхъ Монголовъ. Переведено съ монгольскаго на нѣмецкій акад. І. І. Шмидтомъ, и издано по повѣленію Имп. Николая I, СПБ, 1829.

— Искать сыну невѣсту, отвѣчалъ тотъ.

На это Дай-Сетсенъ сказалъ:

—Въ прошлую ночь привидѣлся мнѣ бѣлый кречетъ и сѣлъ мнѣ на руку. И ты—изъ племени Бордшигенъ, знай, это знаменіе. Со старыхъ временъ ведется такъ, что мы нашихъ прекрасныхъ княжескихъ дочерей выдаемъ за людей изъ племени Бордшигенъ—такъ положено самой природой. У меня вотъ есть девятилѣтняя дочка Бюрте, я дамъ ее твоему сыну.

Отецъ было хотѣлъ сказать, что она еще молода, но сынъ возразилъ;

— Пусть такъ! Она пригодится мнѣ потомъ.

Допили вино, Ессугай подарилъ отцу невѣсты пару коней, отпустилъ Темучина остаться у тестя, и поѣхалъ домой.

На пути онъ наѣхалъ на одно становище племени Татаръ, которые пировали по случаю своего праздника. Они позвали его:

— Вотъ и явства готовы уже! Приходи и ѣшь!

Ессугай принялъ предложеніе, завернулъ къ нимъ, спѣшился. Но татары задумали злое и примѣшали яду въ явства, предложенныя Ессугаю, почему онъ на пути домой заболѣлъ и добрался до своихъ уже въ совершенномъ изнеможеніи. Онъ подъѣхалъ къ своему становищу и вскричалъ:

— Вотъ поѣхалъ я вкусить явствъ, и теперь погибель приходитъ моей жизни. Зовите мнѣ сына Темучина!

Сейчасъ же за Темучиномъ поскакали, но не дождавшись прибытія сына, Ессугай Богатуръ отошелъ на небо. Вскорѣ скончалась и Дагнаши и воспитаніе шестерыхъ дѣтей легло на плечи Олунъ Хатунъ*).

*) Хатунъ—дама, госпожа.

Однажды Темучинъ и Хазаръ пришли къ матери и сказали:

— Недавно еще Бектеръ и Белгетей украли у насъ рыбу, что мы наловили, и сожрали ее. А вотъ сегодня убилъ Хазаръ стрѣлой жаворонка, и они опять его украли... Мы убьемъ ихъ!

Мать имъ отвѣтила:

— Или въ будущемъ вы не будете нуждаться другъ въ другѣ?

Сыновья ушли, нечего не отвѣтивъ, а потомъ всѣ четверо братьевъ побѣжали на Белгетея и Бектера. Бектеръ имъ закричалъ:

— Если хотите убить насъ—то убейте меня, а не Белгетея! Онъ человѣкъ, который вамъ поможетъ и умножитъ вашу силу.

И они убили Бектера.

Мать стала ихъ гнѣвно упрекать:—Какъ же вы можете такъ дѣлать и истреблять другъ друга, когда я такъ надѣялась и тѣшила себя мыслью, что мои сыновья воспитаны въ ненависти противъ враговъ, и вскормленные однимъ сладкимъ молокомъ, они будутъ превосходными людьми. Что же это будетъ, если вы будете продолжать дѣйствовать такъ же, убивать другъ друга, уничтожать одинъ другого?.. Вы подобны волку, который грызетъ себѣ ребра, воронамъ, бросающимся на свою тѣнь. Вы—какъ большія рыбы, которыя хлещутъ себя своимъ хвостомъ. И не бывать тому иначе, чтобы тотъ изъ васъ, кто худъ, не сталъ змѣей, а кто толстъ—жабой!—

Но эти распри въ семьѣ смѣняются распрями междуплеменными. Пришло къ кочевью Темучина войско племени Тайдшигодъ и, обложивъ его кругомъ, заявило:

— Мы вамъ ничего не сдѣлаемъ, выдайте намъ только Темучина!

Темучинъ, услыхавъ это, хотѣлъ было броситься уже имъ навстрѣчу съ наложенной на лугъ стрѣлой, но мать его удержала, и потомъ отослала потихоньку—спрятаться среди приволья окружающей природы. Онъ ускакалъ въ одну большую пещеру на р. Ононѣ, гдѣ его, однако, выслѣдили и стали стеречь враги. Послѣ трехъ дней пребыванія тамъ, онъ хотѣлъ было выйти, но въ то время, какъ онъ подтягивалъ подпругу, она разорвалась, и сѣдло упало. Темучинъ подумалъ:

— Это отецъ мой Тенгри даетъ мнѣ знаменіе, и остался.

Черезъ три дня онъ попытался выйти, но увидалъ, что выходъ закрытъ большимъ бѣлымъ камнемъ. Темучинъ подумалъ:

— А вѣдь этого камня раньше не было! Это опять отецъ мой Тенгри посылаетъ знаменіе, и опять остался онъ тамъ на три дня. На девятый же день онъ вышелъ, подумавъ— будь что будетъ. Онъ тотчасъ же былъ схваченъ подстерегавшими его, закованъ въ желѣзныя цѣпи, и уведенъ въ ихъ становище.

Въ пятнадцатый день средняго лѣтняго мѣсяца, когда у Тайдшигодовъ былъ большой пиръ, и всѣ, по монгольскому обычаю, перепились, Темучинъ ночью порвалъ кандалы на ногахъ, перебилъ караулъ цѣпью и убѣжалъ. Послѣ трудныхъ скитаній, онъ спрятался въ стоячемъ пруду, выставивъ только ротъ для дыханія, и тамъ его замѣтилъ нѣкій Торгханъ Шара, и подумалъ:

— Онъ раньше очень любилъ моихъ сыновей Чилангона и Чимбая!

И онъ обратился къ Темучину и закричалъ:

— Эй, человѣкъ, это хорошо, что ты здѣсь. Я помогу тебѣ!

Темучинъ подумалъ—кажется, это хорошій человѣкъ, ночью вылѣзъ изъ воды и вышелъ на кочевье Шара, гдѣ оба его сына привѣтствовали Темучина слѣдующими словами:

— Преслѣдуемому жаворонку мы предоставимъ спасительный кустъ травы. Мы вѣрно укроемъ прибѣжавшаго къ намъ съ трепещущимъ сердцемъ Бордшигена, этого отпрыска Тенгри. Мы примемъ его самымъ лучшимъ образомъ, несмотря на все подозрѣніе, которое падетъ на насъ. Клиномъ разбили они его оковы и спрятали на арбѣ подъ возомъ шерсти. На слѣдующее утро все становище было обыскано племенемъ Тайдшигодъ. Они хотѣли такъ же обыскать и арбу, но дочь хозяина сказала имъ:

— Какъ это можно по такой жарѣ мучить самихъ себя и своихъ сородичей ради какого то чужого человѣка?

И она стала плакать. А ея мать гнѣвно напустилась на чужаковъ:

— Кто же можетъ выдержать лежать на такой жарѣ подъ шерстью? Какое основаніе у васъ подозрѣвать въ укрывательствѣ насъ, вашихъ людей?

На эти слова хозяйки Тайдшигоды ушли, а Шара сказалъ Темучину:

— Юноша! Вѣдь ты почти былъ причиной того, что нашъ пепелъ могъ бы быть развѣянъ по вѣтру!

Тутъ онъ засѣдлалъ ему лошадь, закололъ жирнаго барана на дорогу и отправилъ домой, гдѣ тотъ и былъ принятъ съ радостью.

Въ 1178-мъ году семнадцатилѣтній Темучинъ женился на Бюрте, которой тогда было тринадцать лѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого снова племя Тайдшигодъ напало на кочевье Темучина и угнало восемь рыжихъ скакуновъ. Прознавъ, Темучинъ вскочилъ на Дарки Хонхоръ, коня своего брата Белгетея, только что вернувшагося съ охоты за тарабаганами, нашелъ слѣдъ, и гнался по слѣду до тѣхъ поръ, покуда не наѣхалъ на кочующаго съ косякомъ Богордши, сына Наго-

Баяна, племени Аруладъ, который встрѣтилъ его слѣдующими словами:

— Княжескій отпрыскъ рода Кіодъ, племени Бордшигенъ! Откуда ты?

— На восходѣ солнца угнали у меня восемь аргамаковъ, отвѣчалъ Темучинъ. Я скачу по слѣду, и пришелъ къ тебѣ, сынъ Наго-Баяна, чтобы разузнать.

Тотъ отвѣчалъ:

— Слыхалъ я объ твоей тяжелой судьбинѣ. На этомъ пути мужчины я тебѣ не чужой.

Тутъ онъ вскочилъ на своего быстраго коня и оба пустились въ дорогу. Когда стало темнѣть, они подозрѣли кучку людей, которые ложились спать. Ночью княжичъ Темучинъ одинъ хотѣлъ напасть на нихъ, но Богордши удержалъ его словами:

—Бордшигенъ! Въ счастливый день я сталъ твоимъ спутникомъ. Или ты хочешь при исполненіи твоего смѣлаго замысла оставить меня въ лѣнивой безопасности?

Тутъ оба они ворвались въ кругъ спящихъ, выгнали оттуда восемь рыжихъ скакуновъ, и благополучно вернулись къ юртѣ Наго-Баяна. Когда сей послѣдній услыхалъ отъ сына о такомъ приключеніи, онъ одобрительно захохоталъ, но сейчасъ же отвернулся, что-бы скрыть слезы, и сказалъ:

— Не забывай—путь мужей одинъ путь!

Тутъ онъ закололъ жирнаго барана на дорогу, и отпустилъ Темучина домой. Послѣ этого Темучинъ и Богордши и въ горѣ и въ радости стали неразлучными друзьями.

Въ 1189-мъ году именно этимъ племенемъ Аруладъ, изъ котораго происходилъ Богордши, Темучинъ былъ признанъ Хаганомъ, то есть Великимъ Ханомъ.

Марко Поло относитъ это событіе на 1187-ой годъ; іезуитъ Делакруа къ 1205-му, арабъ историкъ Абулгази—къ 1203-му, на 599 Геждры.

Это существенное разногласіе можетъ быть вскрыто тѣмъ путемъ, что для монгольскаго историка начало власти Темучина совпало съ началомъ его мѣстныхъ объединительныхъ войнъ, въ то время, какъ для другихъ начало его страшной дѣятельности относилось къ началу его дальнихъ походовъ, походовъ на Западъ, и на Востокъ о которыхъ, какъ мы увидимъ, Сетсенъ ничего почти не знаетъ.

Передъ этимъ торжественнымъ днемъ въ теченіе пяти дней блестящая маленькая птичка вродѣ жаворонка пятицвѣтной окраски каждое утро прилетала къ юртѣ Темучина, садилась на камень и кричала:

— Чингисъ! Чингисъ!

Вотъ почему получилъ Темучинъ свое имя Сутсу Богдо Чингисъ Ханъ*) говоритъ Санангъ Сетсенъ, подъ каковымъ именемъ и прославился онъ во всѣхъ краяхъ. Послѣ этого камень, на которомъ сидѣла птичка, самъ поднялся, и оттуда вышла печать въ длину веретена, на которой было изображено два дракона, поглощающихъ другъ друга на спинѣ черепахи.

Хаганъ Чингисъ поднимаетъ свое бѣлое въ девять концевъ знамя—бунчукъ, выросшее чудеснымъ образомъ на бе-

*) Буддійская позднѣйшая форма имени Чингиса у Монголъ. Ссу или Гу, или Ку,— въ зависимости отъ произношенія, означаетъ эманацію божественнаго начала, присущую монархамъ; Богдо—буддійское понятіе аналогичное Богдисатва—божественная живая сущность, не достигающая, однако, степени самого Будды. Въ донесеніи посольства въ XVII в. въ Китай, нашъ посолъ Ник. Спафарій недоумѣваетъ, почему китайскаго государя зовутъ Богдо-ханомъ—онъ не понимаетъ значенія этихъ словъ. Имя Чингисъ толкуется, какъ „твердый“, „несокрушимой вѣры“; вообще же оно неясно. Арабскіе историки приписываютъ нарицаніе этого имени шаману Гекдшу, впослѣдствіе убитому Чингисомъ. Возможно, что имя Чингисъ тождественно съ именемъ Гуннскихъ государей, китайцами фонетически передаваемому какъ Шаньюй.

регахъ Онона, подымаетъ черный въ четыре хвоста бунчукъ своего духа-покровителя, и становится вскорѣ послѣ этого властелиномъ четырехсотъ тысячъ народа Беде.

Повелитель Темучинъ говорилъ:

— Этотъ народъ Беде, отчаянный и смѣлый, примкнулъ ко мнѣ, несмотря на мои страданія и опасности, ударилъ мнѣ челомъ съ безстрашіемъ, съ радостью, со страданіемъ, и увеличилъ мои силы... И я хочу, чтобы этотъ народъ Беде, который доказалъ мнѣ великую вѣрность въ опасностяхъ, въ моихъ устремленіяхъ къ моимъ цѣлямъ, носилъ бы имя Кёке Монголъ, и чтобы онъ, изъ всего, что движется на землѣ, былъ самый великій.

И съ этого времени этотъ народъ называетъ Кёке Монголъ*).

Все болѣе и болѣе растущее самовластіе Чингиса не проходитъ, однако, безъ треній. Отъ Чингиса отлагается братъ его, Хазаръ, вмѣстѣ съ другимъ военачальникомъ, потому что еще живутъ старыя привычки къ свободному племенному быту. Хазаръ „ушелъ со своими". Однако, власть начинаетъ сознавать себя властью, и не бросаетъ непокорныхъ существовать однихъ въ необозримыхъ пространствахъ Монголіи, а посылаетъ за ними войско, для приведенія къ покорности. Командуетъ этимъ отрядомъ генералъ— Богатуръ Субутай, и войску Чингисъ держитъ слѣдующую патетическую рѣчь передъ разставаніемъ:

— Вы, мои воеводы—изъ васъ каждый подобенъ мнѣ во главѣ войска! Вы подобны драгоцѣннымъ украшеніямъ головы. Вы собраніе славы, вы, несокрушимые, какъ камень! И ты, мое войско, окружающее меня, словно стѣной и выравненное, какъ борозды поля! Слушайте мои слова: во время мирной забавы живите одною мыслью, какъ пальцы

*) Кёке—голубой, цвѣтъ неба.

одной руки; во время нападенія—будьте, какъ соколъ, который бросается на грабителя; во время игры и развлеченій клубитесь, какъ комары, но во время боя будьте, какъ орелъ на добычѣ!

Тутъ отвѣчалъ Субутай:

— Что мы сможемъ, чего не сможемъ—покажетъ будущее. Сумѣемъ ли мы выполнить это—это знаетъ только духъ-покровитель повелителя.

Затѣмъ Субутай устремился за Хазаромъ, и нагнавъ его, послалъ сказать ему:

— Кто отдѣляется отъ своего кровнаго, тотъ добыча каждаго. Когда расходятся единоплеменники — они добыча для чужихъ. Ты можешь добиться того, что у тебя будетъ толпа людей, но у тебя не будетъ друзей по крови. Ты можешь добыть себѣ подданныхъ, да не братьевъ!

Эти слова нашли пониманіе у Хазара, онъ вернулся и помирился съ Хаганомъ.

Но распри не ослабѣвали. Интересно слѣдить, какъ онѣ выплываютъ въ эпическомъ, былинномъ повѣствованіи Сетсена. Однажды братья Хазаръ и Белгетей повели такую бесѣду:

— Чингисъ слишкомъ несправедливъ и жаденъ до власти. Вѣдь только твое искусство, Хазаръ! Твои силы, Белгетей!— содержатъ въ подчиненіи племена и смягчаютъ непокорныхъ.

Повелитель прозналъ про такія слова и обратившись въ старика, буквально повторилъ дѣло Одиссея.

Старикъ сталъ ходить по юртамъ и предлагать къ покупкѣ лукъ.

— Эй, старикъ, закричали Хозаръ и Белгетей, твой лукъ годенъ лишь на то, чтобы стрѣлять жабъ!

Старикъ возразилъ:

— Какъ вы, юноши, можете презирать что либо, не разузнавши, не посмотрѣвши?

Белгетей продолжалъ смѣяться и издѣваться, но взявши лукъ, не смогъ даже надѣть тетивы. Старикъ самъ надѣлъ ее и передалъ лукъ Хазару. Тотъ не смогъ его согнуть. Тутъ у нихъ на глазахъ старикъ обратился въ совершенно дряхлаго сѣдого человѣка, сидящаго на голубомъ мулѣ, и пустилъ изъ этого лука стрѣлу въ скалу такъ, что та раскололась.

— Эй, юноши, вскричалъ онъ, пословица говоритъ, что гордость воняетъ! Вотъ старикъ, лучше знаетъ дѣло, нежели вы!

И братья говорили между собой:

— То былъ не простой старикъ. То былъ духъ повелителя!

Въ 1190-мъ году, послѣ побѣды надъ возставшимъ 31-мъ племенемъ, во время битвы съ которыми голубой конь Чингиса Саидъ Самудшинъ обратился въ кроваво-рыжаго, онъ получилъ отъ покореннаго имъ Ойрадъ Буряда съ береговъ „водъ Байгалъ“ — (оз. Байкалъ), орла. Охотясь съ этимъ орломъ между рр. Олхо и Ула повелитель услыхалъ о новомъ возмущенiи противъ него. Ванчикъ Хаганъ племени Джуршидъ отложился отъ него и убѣжалъ. За нимъ погнался самъ Чингисъ со своимъ войскомъ. Въ это время р. Ула разлилась; по приказанiю Великаго Хана въ нее загнали 10.000 коней, связанныхъ поводьями: войско перешло по этому мосту и обложило непокорный станъ. Чингисъ потребовалъ у осажденныхъ въ кочевьи небольшую дань: — 10.000 ласточекъ и 1.000 кошекъ. Каждой ласточкѣ и каждой кошкѣ на хвостъ привязали по клочку хлопка, зажгли, ласточки полетѣли въ свои гнѣзда, кошки бросились на свои крыши и все запылало.

Въ 1192-мъ году повелитель пошелъ противъ племени Солонговъ *) на Востокъ, гдѣ получилъ въ дань, помимо всего прочаго, шатеръ изъ шкуръ пантеры. Въ этомъ походѣ его отсутствіе продолжалось три года, до тѣхъ поръ, покамѣстъ его супруга Бюрте, не наскучивъ одиночествомъ, не послала за нимъ звать его домой, въ Золотую Орду, т. е. въ его ставку.

Но покоренныя и удерживаемыя въ повиновеніи властной рукой племена не унимались. По возвращеніи Чингиса, князь Бюке Чилгеръ знакомаго намъ племени Тайдшигодъ выкопалъ подъ своимъ шатромъ яму, накрылъ ее коврами, и со своими братьями учредилъ торжество, на которое пригласилъ Чингиса съ его братьями. Предупрежденный матерью, Чингисъ, однако, далъ слѣдующія предварительныя распоряженія:

— Хазаръ, лукъ на готовѣ! Белгетей — ты останешься снаружи юрты! Ты, Хадшикинъ, слѣди за конями! Ты, Югсекенъ, будешь со мной! Вы, девять Орлёковъ **), войдемъ со мною. А вы, триста тѣлохранителей, расположитесь кругомъ!

Дѣло кончилось тѣмъ, что попытка убить Чингиса была упреждена, и Хазаръ, знаменитый стрѣлокъ, разстрѣлялъ изъ лука всѣхъ главныхъ виновниковъ внутри шатра, вставъ у выхода.

Во время этого возвращенія Чингиса въ Золотую Орду произошелъ чудесный случай, ясно показывающій милость Неба къ своему сыну. Въ дымовое отверстіе его юрты спустилась съ Неба яшмовая чаша съ напиткомъ Дарасунъ, которую и выпилъ Чингисъ, подѣлившись остатками со своими братьями.

Санангъ Сетсенъ относитъ къ 1195-му году походъ противъ Китая, въ той его западной части, которой владѣло

---

*) По Клапроту—Корейцы.

**) Девять воеводъ отъ девяти главныхъ монгольскихъ племенъ.

сильное племя Тангутовъ. Послѣ этого былъ предпринятъ походъ противъ племени Сартаголъ *), на западъ.

Въ слѣдующемъ 1196-мъ году покорено племя Кераитовъ, властитель котораго оскорбительнымъ образомъ отвергъ предложеніе Чингиса о выдачѣ за него замужъ одной изъ его дочерей, хотя Чингисъ и указывалъ на прежнія дружественныя отношенія и на поднесеніе ему имъ, Чингисомъ, собольей шубы. Въ 1200-мъ году покорены Найманы.

1206-ой годъ приноситъ покореніе Тибета, властитель котораго мирно присылаетъ къ Чингису посольство въ 300 человѣкъ съ княземъ Илагу во главѣ, на многихъ верблюдахъ. Отъ Чингиса было тогда послано Далай-Ламѣ письмо, въ которомъ Чингисъ обѣщалъ призвать его къ себѣ, „когда будутъ закончены всемірныя дѣла".

Покореніе трехъ провинцій Кара-Тибета принесло въ подданство населеніе 880.000 человѣкъ.

Затѣмъ были покорены многія племена. Возвратясь изъ одного похода Богдоханъ Чингисъ устроилъ большія празднества, развлеченія, и учредилъ производства и раздачу наградъ. Назначались сотники, тысяцкіе, десятитысяцкіе—темники, стотысяцкіе—начальники ордъ. Сокровища раздавались народу. И Ханъ Чингисъ заявилъ:

— Согласно повелѣнію высшаго Царя, Тенгри Хормузда, отца моего, я подчинилъ себѣ 12 земныхъ царствъ, я привелъ къ покорности безграниченное своеволіе мелкихъ князей, огромное количество людей, которые скитались въ нуждѣ и угнетеніи, я собралъ и соединилъ въ одно, и такъ я выполнилъ большую часть того, что былъ долженъ сдѣлать. Теперь я хочу дать покой моему тѣлу и душѣ!

— И отъ этого года Дракона (1208) до года Собаки (1226), то есть въ теченіе 18-ти лѣтъ покоился повели-

*) По Клапроту—Сарты.

тель, учреждалъ порядокъ и законы для своего огромнаго народа, на твердые столбы ставилъ свое царство и державу, милостиво давалъ рукамъ работать свое, а ногамъ свое, и росло счастье и благополучіе его народа, и достигло такой степени, что никогда не пользовались такимъ счастьемъ и благополучіемъ подданные Хагана, торжественно заявляетъ Санангъ Сетсенъ.

Въ 1226-мъ году предпринимаетъ Чингисъ свой послѣдній походъ противъ тѣхъ же Тангутовъ, властителей Китая.

По монгольской легендѣ ему приходилось бороться съ ихъ хитрымъ предводителемъ, Шидурхо-Хаганомъ, который имѣлъ свойство три раза въ день мѣнять свой обликъ. Утромъ—онъ былъ черной, полосатой змѣей, днемъ коричнево-полосатымъ тигромъ, а къ вечеру безпомощнымъ дитятей, напоминая этимъ легенду Ницше о Трехъ превращеніяхъ духа*).

Своимъ военнымъ искусствомъ Чингисъ настолько побѣдилъ Шидурхо-Хагана, что тотъ даже указалъ Чингису способъ какъ его убить. Умирая этотъ волшебникъ, предупредилъ Чингиса, чтобы прежде чѣмъ взять его вдову Кюрбелдишинъ въ жены себѣ по праву завоевателя, онъ хорошенько обыскалъ бы ее.

Покоривъ Тангутовъ на этотъ разъ Чингисъ стоялъ станомъ на берегу Хуанъ-Хэ; въ этой рѣкѣ и утопилась Кюрбелдишинъ, послѣ своей единственной брачной ночи съ Чингисомъ, которому она причинила какой то смертельный вредъ. Эта рѣка у монголовъ зовется Хатунъ-Мюренъ, то есть Рѣка Госпожи, Царицы.

Относительно причинъ смерти Чингиса существуетъ нѣсколько версій, и всѣ они сходятся въ томъ, что умеръ онъ

---

*) Въ „Такъ говорилъ Заратустра".

не своей смертью. У Марко Поло онъ умираетъ отъ раны въ колѣно стрѣлой. У Плано Карпини—отъ удара молніи.

Но нѣтъ никакихъ разногласій относительно даты его смерти—она падаетъ на 1227-ой годъ, годъ Свиньи, на двѣнадцатый день седьмого мѣсяца.

Легенда сопровождаетъ его погребеніе. Тѣло его было положено на двухколесную арбу, и подъ плачъ и причитаніе окружающихъ полчищъ двинулось на родную сторону. Но въ землѣ Мона колесы арбы такъ увязли въ голубой глинѣ, что всѣ усилія сдвинуть ее съ мѣста были тщетны. Тогда князь Килукенъ, племени Сунидъ, сталъ причитать такъ:

— О, чудесный левъ среди людей, явившійся съ голубого неба—Тенгри, мой Богдоханъ! Или ты хочешь покинуть свой народъ и остаться здѣсь?

О, мой Богдо! Твоя супруга тамъ, на прекрасномъ мѣстѣ своего рожденія, твое прочное государственное управленіе, сила твоихъ законовъ, твои подданные — все тамъ! Твои любимыя жены, твой золотой шатеръ, твой вѣрный народъ — все тамъ! Твоя родина, рѣка, въ которой тебя мыли, плодовитый народъ монголъ, носители твоей славы, князья и вельможи, Делигунъ Булдакъ на Ононѣ, мѣсто твоего рожденія—все тамъ! Тамъ твои бунчуки, барабаны, кубки, трубы и свирѣли, твой золотой дворецъ, который заключаетъ въ себѣ все, чему только есть имя, — луга на Ононѣ, гдѣ ты вошелъ на тронъ Аруладовъ — все тамъ! Твоя превосходная вѣрная супруга Бюрте, счастливая страна, великій народъ, Богордши и Мухули, два вѣрныхъ друга—все тамъ! Твоя неземная супруга Хутанъ Хатунъ, ея гусли, флейты, и другіе музыкальные инструменты, твои двѣ другія жены—Джису и Джисукенъ — все тамъ! Или потому что страна эта тепла, и потому-ли что здѣсь много побѣжденныхъ Тангутовъ, и потому-ли, что прекрасна

Кюрбелдишинъ-Хатунъ—ты хочешь покинуть твоихъ монголовъ? И если ужъ намъ не было суждено уберечь твою драгоцѣнную жизнь, такъ мы сможемъ привезти твои сіяющіе подобно яшмѣ останки на родину, показать ихъ супругѣ Бюрте и удовольствовать тѣмъ желанію всего народа.

Послѣ этихъ уговоровъ тѣло Хагана двинулось, но по прибытіи на мѣсто погребенія, его такъ и не удалось снять съ арбы—тѣло Великаго Номада такъ и осталось лежать на своей послѣдней колесницѣ, въ землѣ, нынѣ достовѣрно неизвѣстной, подъ курганомъ, на который было поставлено восемь бѣлыхъ шатровъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ДИНАСТІЯ ЮАНЬ.

Начало монгольской династіи въ Китаѣ относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ XIII вѣка, когда Ханъ Кублай, пятый монгольскій императоръ послѣ Чингиса, своимъ походомъ въ долину Янцекіанга разбиваетъ войска китайской династіи Южныхъ Суновъ и садится въ Пекинѣ, именуя его монгольскимъ именемъ Ханскаго Стана—Ханбалу, и устанавливаетъ съ 1271-го года китайское имя своей династіи „Юань", что означаетъ основаніе, начало.

Не будучи правы исторически, мы тѣмъ не менѣе будемъ правы по существу, если таковымъ началомъ Юаньской знаменитой монгольской династіи въ Китаѣ сочтемъ провозглашеніе Темучина Хаганомъ на берегахъ Онона, поскольку провозглашеніе это послѣдствіемъ своимъ имѣло появленіе монгольскихъ армій, несшихъ съ собой интересующее насъ объединеніе Азійскаго материка и половины Европы подъ единой властью, каковое событіе, конечно, имѣло огромное культурное вліяніе на всѣ подлежащіе народы.

Тогда именемъ династіи Юань назовется движеніе, разливавшееся по всему вышеуказанному необозримому пространству, и имя это будетъ китайскимъ—потому что только китайскій народъ соотвѣтствовалъ по своему культурному уровню этому назначенію—означить собой, своимъ прикосно-

веніемъ это глубоко азійское по существу движеніе. Наименованіе Юань для всего этого огромнаго историческаго явленія есть наименованіе цѣлаго по части, подобно тому какъ нашими предками кипчакская Бѣлая Орда въ низовьяхъ Волги именовалось главной Золотой Ордой, которая была здѣсь, на Востокѣ; но эта часть была государственно оформлена, несмотря на свое происхожденіе отъ другого источника. Съ явленіемъ аналогичнаго характера мы встрѣтимся еще разъ впослѣдствіе, тогда, когда чужая культура Москвы охватитъ въ свою очередь это восточное основаніе, и распространится на Азію.

Мы видѣли, какъ монголъ историкъ Санангъ Сетсенъ пишетъ, что „начиная съ 1208-го года по 1226-ой Чингисъ Ханъ наслаждался миромъ и плодами своихъ искусныхъ рукъ. — А между тѣмъ, на этотъ періодъ падаетъ для насъ 1223-ій годъ—дата битвы на Калкѣ, которая почитается для насъ началомъ монгольскаго ига. Тутъ впервые мы имѣемъ дѣло не съ толчеей племенъ, мертвой обычной зыбью племенныхъ волнъ, а съ появленіемъ въ Восточной Европѣ могучей азіатской организаціи, спаянной между собой дисциплиной, покоющейся какъ на обученіи, такъ и на удаленіи контингента отъ родныхъ мѣстъ, обстоятельство, какъ извѣстно военнымъ, отлично дѣйствующее на предметъ сплоченія массъ. И кромѣ того, вся эта вновь появившаяся масса сплочена еще однимъ—она увѣнчана выдѣлившейся въ Азіи живой фигурой властелина, почти божественнаго происхожденія, идеей каковой власти Азія всегда бременѣла, и воплотила ее наконецъ, послѣ многихъ попытокъ, въ первый разъ именно въ Чингисъ Ханѣ.

Эта абберація монгольскаго историка понятна для насъ вполнѣ, потому что онъ бралъ событія съ собственной своей точки зрѣнія. Точно такъ же и для китайскихъ историковъ, касавшихся этого же предмета, на первомъ планѣ были историческія ординаты Китая. Благодаря этому, мы не можемъ въ настоящее время найти у китайцевъ такой исторіи мон-

голъ, которая бы такъ подходила бы къ монгольской точкѣ зрѣнія, каковую мы видимъ въ исторіи Сетсена. А у монголовъ долго не было своей письменности, и имъ приходилось смотрѣть изъ чужихъ грамотныхъ рукъ.

Поэтому касаясь этого интереснаго предмета въ его историческихъ источникахъ мы загодя осуждены уже на извѣстную разорванность, неполноту нашихъ матеріаловъ; въ самомъ же центрѣ былого историческаго дѣйства, у самихъ монголовъ мы не получимъ точной исторической памяти—она слишкомъ тяжелый багажъ для кочевника. Поэтому возстановленіе той исторической энергіи, которую выявилъ монгольскій народъ въ дѣлѣ захватыванія полуміра—задача чрезвычайно трудная. Не имѣющій языка для историческаго опредѣленія своихъ героевъ, простой номадъ, смышленный и желѣзный, но не помнящій позавчерашняго дня, Чингисъ очутившись на высотѣ своей неограниченной власти тоже нуждался въ извѣстномъ оформленіи ея, и своимъ образцомъ взялъ и самъ и въ своихъ потомкахъ Китай взялъ такъ, какъ наши предки сперва брали Византію. Но, конечно, не все содержаніе это новаго дѣла влилось въ китайскую форму—этому содержанію пришлось брести далѣе по міру, въ теченіе вѣковъ взыскуя себѣ выраженія, модифицируясь въ тысячахъ историческихъ формъ, зачастую потерявшихъ осознованіе самого своего происхожденія.

Поэтому мы назовемъ именемъ Династіи Юань весь рядъ вождей монголовъ между 1206-мъ и 1368-мъ годами, (избраніе Темучина и начало чисто китайской династіи Минговъ). Династія Юань не принадлежитъ самому Китаю исключительно —она принадлежитъ тому всемірному, универсальному государству, которое было подъ ея владычествомъ, истинному Царству Восточному. Юаньская династія—вершина государства, тянувшагося почти отъ Тихаго до Атлантическаго океановъ; Юаньская династія, — это смыслъ универсальнаго государства Азіатовъ, основаннаго на силѣ и жадности къ жизни отдѣльныхъ личностей, и родового подчиненія имъ необозри-

мыхъ массъ на основѣ родового глубокаго инстинкта.

И первою предъ нами развертывается личность самого Хана Чингиса. Рашидъ-удъ-эддинъ сохранилъ намъ нѣсколько его страшныхъ заявленій:

> 29. Еще сказалъ: наслажденіе и блаженство человѣка состоитъ въ томъ, чтобы подавить возмутившагося, побѣдить врага, вырвать его изъ корня, заставить вопить служителей ихъ, заставить течь слезы по лицу и носу ихъ, сидѣть на ихъ пріятно идущихъ жирныхъ меринахъ, сдѣлать животъ и пупъ ихъ женъ своей постелью и подстилкою, любоваться алыми щечками ихъ и цѣловать ихъ, и сладкія губки ихъ сосать.

Съ этой неистовостью и волею къ побѣдѣ и къ жизни у родоначальника Юаньской міровой династіи соединяется глубокій здравый смыслъ и пониманіе. Для него на первомъ планѣ сила, слѣдовательно—военное дѣло. По этому поводу въ своемъ изрѣченіи онъ говоритъ:

> 18. Еще сказалъ: подобно тому, какъ купцы наши, перевозящіе парчевыя одежды и хорошія вещи въ надеждѣ барыша становятся чрезвычайно опытны въ тѣхъ товарахъ и матеріяхъ, и военные начальники такъ же должны хорошо обучать мальчиковъ пускать стрѣлы и ѣздить на коняхъ, упражнять ихъ въ этихъ дѣлахъ и дѣлать ихъ столь же храбрыми и опытными, какъ опытны купцы въ искусствахъ, которыми они владѣютъ.

Всякаго начальника десятка, который не годится для своей должности, Ханъ Чингисъ приказываетъ убрать и замѣнить другимъ изъ его же десятка. Герой героемъ, говоритъ онъ, великій герой былъ Багатуръ Ессугай, который не зналъ ни устали, ни жажды; но горе тому военачальнику, который по героямъ начнетъ равнять войско: только тотъ можетъ властвовать, кто самъ ощущаетъ голодъ и жажду, и знаетъ ихъ у подчиненныхъ; путь и работа по слабѣйшему изъ васъ.

Такъ создавалась организованная масса. Несвязанный историческими традиціями, руководящійся только своимъ умомъ и знаніемъ людей, Ханъ Чингисъ самъ полагалъ историческую традицію. Войска и военное дѣло были для него этимъ инструментомъ; при помощи ихъ выявлялъ онъ въ міръ свою человѣческую волю.

23.—Еще сказалъ:—начальники должны такъ содержать свое войско, и въ порядкѣ и въ готовности, чтобы въ великую пору, какъ придетъ приказъ, садились на коня не ожидая, ночью же.—

11.— Еще сказалъ:—среди народу должно быть подобнымъ теленку—маленькимъ и молчаливымъ. А во время войны—уподобляться голодному соколу на охотѣ: надлежитъ приниматься за дѣло съ крикомъ.

Изрѣченія эти по своей основоположности похожи на тѣ, которыя находятся въ той небольшой книжечкѣ, которая положенна однако, въ основу всей нѣмецкой арміи—въ книжкѣ генерала Клаузенвитца. Знаніе людей, и рѣшительность приказанія дали монголамъ богатый плодъ. Въ главѣ 54-ой I-ой книги труда Марко Поло мы находимъ подробное изложеніе военнаго дѣла у татаръ, основы которому заложены были Чингисомъ.

—Вооруженіе ихъ превосходно, пишетъ Поло. У нихъ луки и стрѣлы, щиты и мечи. Они самые превосходные лучники изъ всѣхъ народовъ. Они, право, отличные солдаты и стойки въ бою. Къ тяготамъ они привычны болѣе, нежели другіе народы; если въ походѣ нужда, а это бывало много разъ, они могутъ двигаться цѣлый мѣсяцъ безъ запасовъ какой либо провизіи, питаясь исключительно молокомъ кобылицъ и той дичью, которую могутъ доставлять имъ ихъ луки. Ихъ кони ѣдятъ только одну траву, такъ что не нужно везти съ собою ни овса, ни пшеницы. Если нужно, они могутъ ни сходить съ коней по ночамъ, и кони ихъ пасутся, покамѣстъ тѣ спятъ на нихъ. Изъ

всѣхъ войскъ міра эти наиболѣе выносливы и потому болѣе другихъ годятся къ завоеваніямъ.

—Когда какой либо татарскій князь идетъ на войну, то онъ беретъ съ собой, какъ говорятъ, 100.000. Онъ назначаетъ офицера на каждый десятокъ, сотню, тысячу, десять тысячъ, такъ что его личныя приказанія отдаются лишь десяти лицамъ, а каждый изъ тѣхъ другимъ десяти, и т. д. И каждый изъ чиновъ арміи отвѣтствененъ предъ своимъ непосредственнымъ начальникомъ; и отъ этого способа дисциплина и порядокъ въ войскахъ столь удивительны, и они столь покорны своимъ начальникамъ. Далѣе, армію изъ ста тысячъ они зовутъ тугъ, корпусъ изъ десяти тысячъ—томанъ; часть изъ ста человѣкъ—гузъ; и когда армія на походѣ они всегда высылаютъ впередъ 200 всадниковъ, чтобы шли впереди на хорошихъ коняхъ, въ двухъ маршахъ разстоянія, для развѣдки и всегда впереди. Такія же заставы они отправляютъ и въ тылъ и имѣютъ ихъ съ обоихъ фланговъ, такъ что они все время зорко смотрятъ за внезапнымъ нападеніемъ. Когда они выходятъ въ дальній путь, то не берутъ съ собою ничего, кромѣ двухъ мѣховъ для молока, маленькаго глинянаго горшечка, чтобы въ немъ варить мясо, и небольшого шатра,—чтобы подъ нимъ укрыться отъ дождя. И когда надо поспѣть очень скоро, они могутъ ѣхать десять дней, не разводя огня и не обѣдая. Въ этомъ случаѣ они поддерживаютъ себя кровью своихъ коней, отворяя тѣмъ жилы и давая крови бить прямо въ ротъ. Они пьютъ, сколько нужно, а потомъ перевязываютъ коня. Берутъ они съ собой и молоко высушенное, въ кускахъ. Когда имъ нужна пища, они бросаютъ это молоко въ воду и бьютъ его до тѣхъ поръ, пока оно не растворится.

—Когда они сходятся съ врагомъ, то побѣждаютъ его слѣдующимъ образомъ: они никогда не нападаютъ на него строемъ, но скачутъ вокругъ, и стрѣляютъ въ него изъ луковъ, и такимъ образомъ причиняютъ большой

уронъ. Ихъ кони дрессированы очень искусстно, совсѣмъ какъ собаки, самымъ удивительнымъ образомъ. Они сражаются нападая, а потомъ убѣгая, и на скаку оборачиваясь и пуская тучи стрѣлъ на противника, который уже думаетъ, что выигралъ битву. И когда татары видятъ, что убили и поранили, т. о., много коней и людей, они опять поворачиваютъ коней, какъ до того, и мчатся въ полномъ порядкѣ, съ громкими криками и скоро всѣ враги погибаютъ.

Заботливо собиралъ Темучинъ свои орды. Фрагментъ 18-ый Великой Ясы (то есть закона) Чингиса гласитъ:

— Онъ приказалъ всѣмъ своимъ воеводамъ дѣлать смотръ лично до выступленія въ походъ, представлять все, съ чѣмъ воинъ долженъ выступить и осматривать все до иголки и до нитки. Если у воина не достало какой либо нужной ему вещи, — начальникъ долженъ наказать его.—

Къ созданію этой арміи, съ одной стороны, и къ несложному административному управленію покоренными народами и вводилась главнымъ образомъ внѣшняя сторона дѣятельности Юаньской династіи. Чингисъ Ханъ отлично характеризуетъ этотъ второй, административный моментъ дѣятельности слѣдующимъ изрѣченіемъ.

2. Еще сказалъ: Если у множества государствъ, которыя явятся послѣ этого, вельможи и князья не будутъ крѣпко соблюдать ясакъ, то дѣло государства потрясется и порвется. Опять будутъ охотно искать Хана Чингиса и не найдутъ его.—

Ясакъ—дань въ нашемъ смыслѣ, въ восточномъ смыслѣ не есть только собраніе матеріальныхъ цѣнностей. Онъ сверхъ и главнѣе того, дань, Законъ, Яса,—выраженіе покорности, связанности замиреннаго, приносящаго дань предъ лицо побѣдителя. Грабежи завоеванныхъ городовъ, налогъ на

подчинившихся—вотъ что было и средствомъ обогащенія владыкъ Юаньской династіи, и свидѣтельствомъ божественнаго ея происхожденія. Въ тѣ времена при покореніи одного народа другимъ, при племенномъ бытѣ побѣдителей, при отсутствіи наличія того административнаго аппарата, который мы наблюдаемъ теперь, и который характеризуется полнымъ совпаденіемъ сѣти административныхъ учрежденій съ государственной территоріей, при такомъ покореніи—измѣнялось немногое. Уничтожались отдѣльныя лица, имѣвшіе значеніе вождей, и то не всегда, налагалась дань, и все затѣмъ оставалось по прежнему. Предъ новыми властителями тогда не вставало болѣе задачи намѣреннаго внѣдренія своихъ національныхъ особенностей въ покоренныхъ, аррогантной ассимиляціи ихъ. Завоеваніе монголами Китая отнюдь не означало монголизаціи Китая: напротивъ, китайцы китаезировали монголъ. На долю побѣдителей выпало учрежденіе прочной системы фиска, да повременное дефилированіе своихъ внушительныхъ военныхъ отрядовъ, или устройства торжественныхъ пріемовъ посольствъ. Культурная диффузія, конечно была, но въ значительно слабѣйшей степени, нежели склонны мы это представлять теперь. И въ нервной атмосферѣ свыканія чуждыхъ до того народовъ между собой, особенно ясно выясняется значеніе террора, какъ административнаго средства.

Терроръ—былъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ удержать въ подчиненіи завоеванные народы. Мы знаемъ, напримѣръ, что жестокости, учиненныя татарами надъ половцами передъ выходомъ ихъ на Русь въ 1223-мъ году были намѣренно расчитаны на то, чтобы запугать этотъ народъ и выбить у него охоту обращаться за помощью къ русскимъ.

Мы упустили бы одно важное обстоятельство въ изложеніи основъ административной системы управленія побѣжденными со стороны побѣдителей, если бы не упомянули, что на сторонѣ побѣдителей всегда оказывалось не мало людей изъ числа побѣжденныхъ племенъ и народовъ. Побѣда

всегда импонируетъ, особенно если при этомъ щедрая побѣдоносность даетъ извѣстные виды на выгоды. И поэтому то въ числѣ самыхъ видныхъ администраторовъ и намѣстниковъ Великаго Хана, или по нашему Ордынскаго Царя, мы видимъ разноплеменныхъ татаръ, и персовъ, и китайцевъ, наконецъ даже и нашихъ соотечественниковъ, доходившихъ въ своемъ рвенiи до того чтобы мѣнять вѣру.

Двѣнадцатая луна 1206-го года, въ которую собрался Курилтай, то есть Великiй Совѣтъ представителей монгольскихъ объединенныхъ племенъ выбрасываетъ во всѣ стороны съ береговъ Онона цѣлый вихрь завоеванiй. Развѣ только съ шествiемъ Наполеона по Европѣ или съ походами Александра Великаго по Азiи можно сравнить это шествiе по Азiи и Европѣ младшихъ хановъ Чингиса и его воеводъ, но безконечно увеличивая при этомъ масштабы.

Чингисъ начинаетъ свое жестокое объединенiе съ монгольскихъ племенъ, непосредственно соприкасающимися съ его владѣнiями, которыя онъ сумѣлъ возстановить послѣ того, какъ самъ вышелъ изъ состоянiя оскудѣнiя, въ которое впалъ его родъ. Его рейды изъ района Керулена и Онона, идутъ радiально, достигая оз. Балкаша и М. Алтая, съ Иртыша переносясь въ среднее теченiе Енисея, и направляясь затѣмъ въ провинцiю Шенси, къ юго-востоку. Изъ племенъ, приведенныхъ къ государственному объединенiю за это время Чингисомъ укажемъ Каракитаевъ, Киргизовъ, Уйгуровъ, Кераитовъ и др.. Соединившись брачнымъ свойствомъ со всѣми этими побѣжденными властителями, Ханъ Чингисъ видитъ себя во главѣ сильной армiи. 1211-ый годъ даетъ ему возможность попытаться начать свои дѣйствiя противъ Китая. Онъ самъ, со своими четырьмя сыновьями во главѣ войска врывается въ провинцiю Шанси и Чжили; черезъ два года онъ повторяетъ опустошенiе этихъ провинцiй, а такъ же раззоряетъ и Шандунъ. Результатомъ походовъ этихъ явилась необходимость для династiи Киновъ, сидѣвшихъ въ этихъ мѣстахъ Китая, перенести свою столицу южнѣе, за Желтую Рѣку.

Только послѣ того, какъ было продѣлано нѣсколько походовъ противъ возмущавшихся и отлагавшихся племенъ, при чемъ одно изъ таковыхъ, Меркиты, было совершенно истреблено, до послѣдняго человѣка, Ханъ Чингисъ предпринялъ свои походы на Западъ, гдѣ первымъ было повоевано огромное царство Харезмъ—древняя Маргіана. Съ Запада это царство соприкасалось уже съ мѣстами, гдѣ было недалеко и до русскихъ владѣній, — а на югѣ съ Хорасаномъ. Противъ этого огромнаго царства, находившагося подъ шахомъ Мухамедомъ были предприняты наступательныя дѣйствія по постановленію Курилтая 1218-го года, послѣ того, какъ мирныя отношенія съ Харезмомъ были послѣднимъ нарушены—а именно, ханомъ Иналомъ въ городѣ Отрарѣ были ограблены и перебиты купцы, которымъ Чингисомъ вообще любившимъ это сословіе, были даны дипломатическія порученія.

Осенью 1219-го года Чингисъ вторгся въ Харезмъ съ сѣверо-востока, изъ подлинныхъ монгольскихъ областей, съ Иртыша, черезъ Сыръ-Дарью, двигаясь четырьмя колоннами; въ то время какъ сыновья Чаадай и Огдай шли вмѣстѣ на Отрару, правая колонна подъ командою Джудши вышла въ обходъ оз. Харезмъ, то есть Аральскаго моря, лѣвая вышла на берега Сыръ-Дарьи, а самъ Чингисъ двигался на Бухару. Ханъ Иналъ защищалъ Отрару съ 20.000 человѣкъ, былъ разбитъ и погибъ жестокой смертью: въ воздаяніе его корыстолюбія за ограбленіе купцовъ ему уши залили расплавленнымъ серебромъ.

Въ 1220-мъ году Чингисъ подошелъ къ Бухарѣ, которую защищали 30.000 человѣкъ, взялъ ее, и пошелъ на Самаркандъ, жители котораго были большей частью перебиты. Взято въ плѣнъ было 13.000 артистовъ, художниковъ и ремесленниковъ, которыхъ Чингисъ подѣлилъ поровну между своими женами, генералами и сыновьями. Съ Самарканда былъ взятъ выкупъ въ 200.000 червонцевъ.

Передъ тѣмъ какъ городъ былъ сданъ, изъ него убѣжалъ со всѣмъ гарнизономъ защищавшій его генералъ турокъ Альбъ-Ханъ, и кинулся на присоединеніе къ шаху Мухамеду. За ними бросились монгольскіе генералы Чебе и Субутай, и прорвались на югъ, въ Хорасанъ. Чебе подступилъ къ Нишапуру, откуда Мухамедъ тоже убѣжалъ. Этотъ несчастный властелинъ черезъ Казвинъ добрался до Каспійскаго моря, основался тамъ на одномъ изъ острововъ, гдѣ и умеръ въ непродолжительномъ времени. Послѣ его смерти отчаянное сопротивленіе монголамъ оказывалъ его сынъ шахъ Джалалэддинъ.

Дальнѣйшее пребываніе монголовъ въ этихъ областяхъ Персіи характеризуется усиленнымъ терроромъ. Очевидно, нелегкимъ дѣломъ оказалось покореніе этого культурнаго народа: шахъ Мухамедъ общимъ числомъ выставлялъ противъ монголовъ до 400.000 войска. Въ эту войну съ монголами погибло до 1.000.000 обитателей Харезма, сообщаетъ баронъ д'Оссонъ. Уничтоженъ совершенно прекрасный городъ Балкъ. Въ февралѣ младшій сынъ Чингиса Тулуй сжегъ городъ Мервъ, этотъ восточный форпостъ арабской культуры, гдѣ было избито до 700.000 человѣкъ. Тулуй идетъ затѣмъ въ Нишапуръ, гдѣ мститъ за своего убитаго сородича. — „Убивали четыре дня", пишетъ историкъ, —„все, вплоть до собакъ и кошекъ. Тулуй прослышалъ, что въ Мервѣ нѣкоторые люди спаслись, спрятавшись подъ трупами, какъ мертвые. Поэтому онъ приказалъ, чтобы всѣмъ были отрублены головы. Въ отдѣльныя пирамиды были уложены головы женщинъ, дѣтей, мужчинъ. Черезъ 14-ть дней города не существовало, и онъ приказалъ засѣять тамъ ячмень. Живыми оттуда были уведены лишь 400 комедіантовъ".

Въ 1221-мъ году Чингисъ пересѣкаетъ Гиндукушъ, чтобы настичь Джалалэддина, уходящаго черезъ Афганистанъ къ Индіи; этому шаху у Газни удается собрать до 70.000 войска, но начавшіяся разногласія среди начальниковъ губятъ его, и онъ отступаетъ къ рѣкѣ Инду.

Прижатая къ этой рѣкѣ погибла вся армія этого несчастнаго воителя, который самъ спасся только потому, что его великолѣпный конь скакнулъ въ рѣку и переплылъ ее вмѣстѣ съ всадникомъ, гдѣ тотъ спасся въ Дели. Семья же его попала въ руки Чингиса и въ ней были истреблены всѣ мужчины (25 ноября 1221-го года).

Ханъ Огдай былъ посланъ, чтобы истребить Газни; генералъ Ильчигатай получилъ заданіе уничтожить Гератъ, населеніе котораго возставало: въ іюнѣ 1222-го года Гератъ горитъ цѣлую недѣлю, и жители его избиваются.

Уничтоживъ Харезмъ, перенеся борьбу съ этой государственностью въ Афганистанъ, Чингисъ открылъ себѣ путь на Западъ. Туда, обходя съ юга Каспійское море, пошли генералы Чебе и Субутай. Въ 1221-мъ году ими разбиты войска Грузіи, но положеніе въ Персіи, очевидно, еще настолько неопредѣленно, что они возвращаются назадъ. Въ концѣ 1222-го года Субутай проходитъ Грузіей, 1223 годъ несетъ нашествіе монголовъ низовьями Волги въ южныя наши степи; опустошены берега нижняго Днѣпра, Судакъ, Херсонесъ Таврическій. Монголами разбиты половцы и союзники послѣднихъ аланы-дагестанцы. Крещеные половецкіе князья Юрій Кончаковичъ и Данило Кобековичъ убиты, а половецкій ханъ Котянъ скачетъ въ Галичъ къ кн. Мстиславу Удалому, съ страшнымъ извѣстіемъ, аналогичнымъ вышеприведенному докладу сарацинскихъ властителей французскому королю, и проситъ союза.

31-го мая 1223-го года разыгрывается несчастная для насъ битва на Калкѣ. Послѣ нея татары съ княземъ Субутаемъ уходятъ съ русскаго окоема и въ Азіи идетъ организаціонная работа. Дѣло рукъ одного человѣка вводится въ государственныя рамки.

Обликъ Чингиса и его историческое обаяніе предстало передъ нами въ твореніи Санангъ Сетсена; это внутреннее былинное отображеніе въ душѣ монгола того, что мы ви-

димъ въ свѣтѣ исторической критики. Однако, мы имѣемъ подъ руками историческія современныя свидѣтельства того, что представлялъ для своихъ современниковъ Ханъ Чингисъ и его дѣла, въ формѣ, не сдобренной столь большимъ количествомъ поэтическаго воображенія. Таковы, напр., кромѣ анналъ Рашид-уд-эддина, Старинное сказаніе о Чингисъ Ханѣ, которое датировано 1240-мъ годомъ, а такъ же Путешествіе монаха Чань-Чуня на Западъ, изъ Шандуна, то есть отъ берега Желтаго моря, въ Самаркандъ, по вызову Чингиса, гдѣ сей почтенный даосскій монахъ ордена Золотого Ненюфара долженъ былъ открыть могучему владыкѣ секретъ безсмертія—единственно, чего тому не доставало. Мы укажемъ, что Старинное сказаніе (или Сокровеное, какъ его именуютъ нѣкоторые), касается, главнымъ образомъ, историческихъ взаимоотношеній и послѣдовательностей въ самомъ родѣ Чингиса; поэтому, подобно сочиненію Санангъ Сетсена, въ немъ иныя завоеванія, кромѣ войнъ и и завоеваній мѣстнаго, внутриплеменнаго характера отображены слабо. Но необходимо отмѣтить эту постоянную борьбу съ родовымъ началомъ, которая проходитъ черезъ все сочиненіе. Чингисъ возвышается въ родовые руководители и владыки благодаря своимъ доблестямъ, но это отнюдь не значитъ, что родъ его отпускаетъ на полную волю. Чингисъ великъ, но ему грозитъ опасность, напримѣръ, отъ семи сыновей нѣкоего Мунлика, рода Хуанхотодай, около котораго „собралось девять нарѣчій"; дѣло въ томъ, что изъ-за ссоры младшаго брата Чингиса съ сыномъ Мунлика—Тѣбтенгери, въ присутствіи Мунлика и его шести остальныхъ сыновей и самого Чингиса, люди Чингисова брата, схвативъ Тѣбтенгери, когда они вышли изъ кибитки съ тѣмъ на поединокъ, сломали ему спину, перегнувъ его по монгольскому обычаю назадъ. Мунликъ узналъ это, и проливая слезы, сказалъ укоризненно:

— Царь! Я сдѣлался тебѣ сподвижникомъ прежде нежели ты началъ возвышаться, и пребылъ имъ до сего дня!

А братья убитаго, находившіеся въ юртѣ, стали засучивать рукава, загородивъ выходъ. Чингисъ въ испугѣ крикнулъ:—Прочь! Я выйду! И вышелъ онъ тотчасъ же былъ окруженъ саньбанями изъ стрѣлковъ, то есть тѣлохранителями.

Вотъ почему, ввиду возможности подобныхъ случаевъ, раньше уже Чингисъ отдалъ слѣдующее распоряженіе:

— Прежде у меня было только восемьдесять человѣкъ ночной стражи, и семьдесять—охранной. Нынѣ, когда мнѣ Небо повелѣло править всѣми народами для моей охранной стражи, Саньбань пусть наберутъ десять тысячъ человѣкъ.

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе, что эта стража снабжена была большими полномочіями, мы видимъ на лицо учрежденіе опричнины въ полномъ смыслѣ этого слова, которая отрывала возвышающагося владыку отъ всякой зависимости отъ рода, и отъ тѣхъ, съ которыми начиналъ онъ свое историческое дѣланіе.

Въ поэтическомъ „Путешествіи на Западъ монаха Чань-Чуня“ мы видимъ, какъ еще очень неспокойны только что покоренныя Чингисомъ страны: въ такомъ отборномъ корпусѣ была большая нужда.

— Мы поѣхали по потоку на югъ, а конвой нашъ углубился на сѣверъ, для разбитія разбойниковъ; второй царевичъ, Чаадай, двинувшись съ войскомъ, исправилъ мосты и суда,—такъ докладывали святому человѣку Чань-Чуню передовые осмотрщики въ Туркестанѣ.

Ханъ Чингисъ умеръ въ 1227-мъ году, оставивъ 4-хъ наслѣдниковъ, и до выборовъ новаго Хагана Курилтаемъ, имѣвшемъ собраніе по дальности разстояній для участниковъ лишь въ 1229-мъ году, огромнымъ его царствомъ правилъ на правахъ регента, самый рѣшительный младшій его сынъ Тулуй, получившій въ непосредственное управленіе области

Дальняго Востока и Юга какъ уже повоеванныя, такъ и подлежащія повоеванію, то есть то, примѣрно, что къ царствованію Хана Кублая обратилось въ Ханство Оргатебей —а именно, нынѣшнюю Маньчжурію, восточную Монголію и покоренную часть Китая по Желтую рѣку.

Старшій сынъ Чингиса Джучи умеръ незадолго до отца, и его линію представлялъ внукъ Чингисъ Хана, его сынъ Батый, которому и предоставлены были страны на западъ и на сѣверъ отъ морей Аральскаго и Каспійскаго и Сыръ-Дарьи, равнины Волги и Дона и Черноморскія степи, при чемъ сѣверную линію образовалъ Яикъ, а съ Востока—Сибирь. Все это и образовало затѣмъ то ханство Кипчакъ, въ которое входила въ качествѣ улуса и Москва.

Второй сынъ Чингиса Чаадай владѣлъ Средней Азіей, собственно—Трансоксіаніей, областями къ западу отъ оз. Иссыкъ-Куля, къ востоку отъ теперешней Ферганы, Хорасаномъ, и позоренными городами Гератомъ и Газни. Столицей имѣлъ онъ Аль-Маликъ — по мусульмански, который европейцы путешественники средневѣковья именовали Армалекъ. Мѣстоположеніе его нынѣ неизвѣстно, гдѣ то на р. Или, при чемъ извѣстно, что тамъ была латинская церковь и тамъ погибъ во славу вѣры Христовой въ 1342-мъ году францисканецъ Ричардъ Бургундскій. Впослѣдствіе, изъ ханства Чаадая выдѣлилось особое ханство Или.

Огдай Ханъ сидѣлъ въ подлинной Монголіи, въ главной столицѣ—Каракорумѣ.

Между сыновьями Чингиса подѣлена была и армія, этотъ главный инструментъ растущаго военнаго владычества новаго государства. Достойно удивленія сообщеніе такого знатока Востока, какъ г. Кордье, что вся армія Чингисъ Хана ко времени его смерти исчислялась въ 129.000 человѣкъ; мы не ошибемся, если предположимъ, что здѣсь рѣчъ идетъ о томъ, что въ настоящее время называется воинскимъ кадромъ; это было то ядро, которое обволакивалось арміями побѣжденныхъ

все болѣе и болѣе по мѣрѣ продвиженія впередъ, по нуждѣ и добровольно, о чемъ есть историческія свидѣтельства.

Въ 22-день 8-ой луны 1229-го года Курилтаемъ, послѣ 40-ка дневнаго сопротивленія, былъ избранъ Огдай.

Церемоніалъ коронованія былъ еще монгольскій—читатель его увидитъ ниже. Іезуитъ Mailla далъ намъ въ своей исторіи характеристику Хана Огдая. Огдай, говоритъ онъ, имѣлъ превосходныя качества. Онъ былъ свободенъ въ мысляхъ, большой души, смѣлъ. Онъ благосклонно принималъ совѣты, которые ему давали его министры. У него былъ вкусъ къ литературѣ, любовь къ порядку. Онъ умѣлъ управлять. Онъ былъ прямъ и никого не обманывалъ.

Но Огдай взошелъ уже на готовый престолъ своего отца, и при немъ начали сбываться горькія пророчества Хана Чингиса:

> 19.— Еще сказалъ: послѣ насъ родъ нашъ будетъ носить шитыя золотомъ одежды, ѣсть жирныя и сладкія блюда, ѣздить на добронравныхъ коняхъ, обнимать красивыхъ женщинъ, и не скажутъ, что собрали отцы и старшіе братья наши, и забудутъ насъ въ тотъ великій день.—

Дѣло въ томъ, что Огдай былъ большимъ пьяницей—порокъ, который у монголъ былъ распространенъ настолько, что Ханъ Чингисъ въ своей Ясѣ высказываетъ одобреніе напивающимся т о л ь к о три раза въ мѣсяцъ. Огдай умеръ отъ пьянства послѣ ночной оргіи у горы Емери-Куланъ, когда его утромъ нашли мертвымъ въ постели.

Но въ немъ еще продолжалъ жить стремительный духъ его отца. Немедленно по восшествіи на престолъ онъ дѣлитъ свое войско примѣрно на три равныя части и разсылаетъ экспедиціи въ разныя стороны. 30.000 съ воеводой Чамагуномъ идетъ въ Персію противъ вновь объявившагося неугомоннаго Джелалэддина. Другіе 30.000 идутъ на Западъ, дабы

закрѣпить за собой Кипчакъ и покорить болгаръ, сидѣвшихъ на Волгѣ и Камѣ. Наконецъ, самъ Огдай и его братъ Тулуй свои взоры обращаютъ на близкій древній Китай и на его властителей Киновъ.

Въ 1229-мъ году императоръ названной династіи съ китайскимъ именемъ Нагай Цунъ шлетъ самъ свое посольство въ Монголію, дабы предупредить нашествіе. Посольство это не принимается, такъ какъ раньше императоръ не подчинился Чингисъ Хану своевременно. Второму посольству тоже не удается добиться милости Огдая и его ждетъ унизительный отказъ въ пріемѣ.

Во главѣ своихъ войскъ, перешедшихъ Желтую рѣку Огдай Ханъ ставитъ полководцевъ китайцевъ, изъ провинціи Шандунъ. Его ополченіе однако въ февралѣ и въ апрѣлѣ 1230-го года бито китайцами. Командующій китайскими войсками осмѣлился даже выпустить изъ тюрьмы въ провинціи Шанси нѣкоего монтола Укулуна, который былъ отправленъ туда въ качествѣ посла отъ Тулуя въ періодъ регентства послѣдняго; теперь Укулуну было приказано сдѣлать оскорбительныя заявленія по адресу монголовъ. Но вся эта борьба кончилась въ 1234-мъ году низложеніемъ монголами Кинской династіи.

Въ 1235-мъ году на берегахъ р. Онона собирается снова Курилтай, который вырабатывеетъ планы дальнѣйшей дѣятельности. Наряду съ такими мѣрами, какъ открытіе двухъ университетовъ, были приняты и военные планы. Южный Китай, съ его плотнымъ населеніемъ, съ его системой дорогъ-каналовъ мало доступный конникамъ, съ его массой укрѣпленныхъ городовъ далеко еще не былъ покоренъ. Въ Нанкинѣ еще сидѣла династія Южныхъ Суновъ и долина Янцекіанга была закрыта для монголовъ, то есть— наиболѣе цивилизованный и богатый Китай оставался внѣ ихъ власти. Равно независимой оставалась и Корея. Курилтай постановилъ воевать эти страны Тулую, а также послать вой-

ска на Персію и Кашмиръ. Батый же, только что прибывшій съ Волги, долженъ былъ итти на Европу.

Это было страшное время. Въ декабрѣ 1237-го года монголы ворвались въ русскія земли; въ ихъ числѣ былъ и будущій Великій Ханъ Куюкъ. Много городовъ—Рязань, Коломна, Суздаль, Москва были разрушены; въ февралѣ, въ 7-ой день, взятъ Владимиръ. Въ церкви погибла вся семья Великаго Князя Юрія Всеволодовича, множество бояръ и народу. На землѣ истреблялось все—старъ и младъ. Самъ Юрій Всеволодовичъ, заблаговременно выступившій съ ратью изъ Владимира вступилъ въ отчаянный бой съ татарами, но былъ разбитъ и убитъ, на притокѣ р. Мологи—на рѣкѣ Сити. Разграблены затѣмъ были города—Ростовъ, Ярославль, Тверь. Къ Новгороду Великому Чингисова внука не допустили лѣса и растаявшія по весенней распутицѣ болота. Онъ дошелъ только до Торжка, раззорилъ его, и ушелъ на югъ къ Кавказу. Въ городѣ Козельскѣ малолѣтній князь этого города Василій захлебнулся въ пролитой татарами русской крови.

Въ 1239-мъ году былъ сожженъ Черниговъ и подходили монголы къ Кіеву.

> —Изъ Песочнаго города на лѣвомъ берегу Днѣпра каменная стѣна Верхняго Города, изъ-за которой мелькали позолоченные верхи Десятинной церкви Св. Софіи и Михайловскаго монастыря, цвѣтныя черепичныя крыши княжескихъ теремовъ, направо, вдоль Днѣпра Подолъ со множествомъ церквей, налѣво Выдубицкій монастырь, Никольскій монастырь, величественная Печерская обитель, отрѣзанные другъ отъ друга дремучимъ лѣсомъ,—вотъ что поражало тогда глаза степного хищника,—пишетъ Костомаровъ.

Но едва ли эти глаза были совершенно степными—скажемъ мы: вѣдь они видали и древній Китай, и роскошь Средней Азіи.

Тогда Кіевъ взятъ не былъ—его спасъ Днѣпръ. Монголы всегда, вообще, пріурачивали свои походы на Русь къ зимнему и предвесеннему времени, когда не нужно было наводить мостовъ, и рѣки были глаже дорогъ. Батыева сила въ 1240-мъ году въ декабрѣ разбила пороками Лядскія ворота, и тогда же, наконецъ, рухнула Десятинная церковь—послѣдній оплотъ нашихъ оборонявшихся соотечественниковъ.

Побѣдоносный Батый двинулся Волынью въ Галицію, все истребляя на своемъ пути. Погибъ Галичъ,

Великій князь Данило Галицкій въ ту пору былъ въ Венгріи, гдѣ团 сваталъ своему сыну невѣсту. Часть арміи Батыя прошла Карпатами въ Венгрію, частью двинулась въ Польшу. Польша проиграла бой подъ Люблиномъ изъ за своихъ внутреннихъ усобицъ: власть Болеслава IV Польскаго не распространялась далѣе Кракова и Сандоміра. Рыцарство Кракова и Сандоміра напало на монголъ подъ Шидловымъ, но было ими разбито. Батый жжетъ Краковъ и идетъ въ Силезію черезъ Ратиборъ. Монголами сожженъ Бреславль; нѣмцы, Тевтонскій орденъ, поляки, силезцы, объединенные Генрихомъ Благочестивымъ, герцогомъ Силезскимъ, пытаются оказать сопротивленіе около Лигница, но чрезвычайно неудачно: монголы нарѣзали однихъ ушей убитыхъ враговъ 9 большихъ мѣшковъ, и подступая къ Лигницу, на копьѣ несли голову Генриха Благочестиваго. Лигницъ былъ сожженъ и разграбленъ 9-го апрѣля 1241-го года.

Моравія въ огнѣ и потокахъ крови—вплоть до Богеміи. Венцеслава, король Богемскій, шлетъ 12.000-ный отрядъ подъ командой Ярослава Штернберга. Этотъ бой подъ Ольмюцемъ опять выигрываютъ монголы и идутъ затѣмъ въ Венгрію, къ главнымъ силамъ Батыя.

Король Венгерскій Бела IV-ый отвергаетъ предложеніе Бытыя сдаться и стать его вассаломъ. Въ отвѣтъ на это Батый вторгается въ Венгрію тремя колоннами: одна со стороны Руси, другая изъ Моравіи, третья изъ Молдавіи, подъ

командой Субутая. Бои Белой проиграны, и 3-го іюля горитъ Пештъ, а тамъ Ворадинъ, Пергъ и другіе города.

Ханъ Батый въ августѣ того же 1241-го года уходитъ къ Вѣнѣ, но не рѣшается напасть на армію, которая стоитъ тамъ, собранная королемъ Богемскимъ и герцогомъ Австрійскимъ. Онъ стягиваетъ свои полки къ Адріатикѣ, жжетъ и громитъ Катарру, все Далматинское побережье—до Рагузы.

Только черезъ два года монголы ушли къ себѣ на Востокъ, но приходили снова въ Польшу въ 1259-мъ году, когда сожгли Краковъ, были тамъ снова въ 1265, 1285-мъ годахъ, когда сгорѣлъ снова Пештъ.

Какъ указано выше, Огдай Ханъ умеръ въ 1241-мъ году; слѣдующій Ханъ, сынъ Огдая—Куюкъ Ханъ выбранъ лишь въ 1246-мъ году. Пять лѣтъ Золотая Орда не возглавлялась никѣмъ, пять лѣтъ идетъ губительная борьба за власть между родичами.

Наконецъ, одной изъ супругъ Огдая, ханшѣ Туракинѣ, чрезвычайно энергичной и разумной женщинѣ удается посадить на столъ своего сына Куюка. Во время короткаго царствованія Хана Куюка были предприняты походы на Европу, на Корею, на Южныхъ Суновъ, то есть велась политика, постановленная Курилтаемъ 1235-го года. Въ 1247-мъ году начался походъ на Моссулъ, на Діарберкиръ, въ Грузію. Во время этихъ войнъ умеръ 73-хъ лѣтній генералъ Субутай на берегахъ Дона.

Чахоточный и слабый, но тѣмъ ревностнѣе предававшійся разнымъ излишествамъ Куюкъ Ханъ не былъ уже тѣмъ первобытнымъ монголомъ, какимъ былъ его дѣдъ. При немъ въ Золотую Орду ѣдутъ западныя посольства съ богатыми дарами. Есть извѣстіе, что незадолго до своей смерти онъ хотѣлъ принять христіанство. Скончался онъ въ 1247-мъ году, въ апрѣлѣ, оставивъ регентство своей женѣ.

Пока ввѣренное командованію старыхъ вѣрныхъ генераловъ монгольское войско продолжало свое дѣло, завоевывая новыя земли и поддерживая обогатительное администрированіе во вновь уже завоеванныхъ, вновь наступившее междуцарствіе вплоть до избранія Хаганомъ Менгу, сына Тулуя, наполняетъ борьба за престолъ. Кромѣ извѣстной намъ причины задержки выборовъ—дальности разстояній, на которыя надо было разсылать извѣстія и съѣзжаться избирателямъ, вопросъ осложнился еще борьбой двухъ линій. Куюкъ не имѣлъ наслѣдниковъ; линія Огдая, послѣднимъ прямымъ представителемъ которой былъ онъ, не имѣла столь доблестныхъ въ военномъ дѣлѣ потомковъ, какіе были въ потомствѣ линіи младшаго Чингисовича Тулуя и его жены, христіанки Суркуктени. Это заставило Батыя выдвигать кандидатуру Менгу, старшаго изъ четырехъ сыновей Тулуя, и не безъ основанія: и онъ и имена двухъ другихъ его младшихъ братьевъ оказались славны въ исторіи Монголіи; эти братья были впослѣдствіе Ханы Кублай—Великій Ханъ и Ханъ Улагай, Ханъ Илійскаго Ханства.

Батыя поддерживалъ и его генералъ Мангусаръ, замѣнившій Субутая. Дѣло дошло до того, что былъ организованъ заговоръ противъ Менгу нѣкіимъ княземъ Ширамономъ —еще соперникомъ Куюка при выборахъ того на престолъ. Мангусаръ раскрылъ этотъ заговоръ: 70 человѣкъ офицеровъ было казнено, за то что стояли на сторонѣ Огдаевичей, Но неудовольствіе со стороны и Огдаевичей и Чаадаевичей было таково, что они не принимали участія въ Курилтаѣ 1251-го года, когда въ 1-й день 7-ой луны былъ на престолъ выбранъ Менгу.

Соотвѣтственно выбору Великаго Хана происходили и перемѣщенія въ возглавленіи удѣловъ—ханствъ, къ перемѣнѣ линій, что тоже вело къ мѣстнымъ неурядицамъ.

Новый Ханъ Менгу отъ природы былъ серьезенъ и неразговорчивъ. Онъ не любилъ празднествъ и имѣлъ отвра-

щеніе къ разгулу. Врагъ роскоши, онъ не позволялъ ни ханшамъ, ни наложницамъ своимъ ненужныхъ и излишнихъ расходовъ. Онъ старался возстановить во всей суровости Ясы Чингиса и Огдай Хана и былъ очень строгъ со своими офицерами. Его постояннымъ занятіемъ была охота, и говаривали что обычаи предковъ онъ предпочитаетъ лѣни и изнѣженности иностранныхъ князей. Въ упрекъ ему ставятъ только пристрастіе къ гадателямъ и волхвамъ, которыхъ было у него во дворцѣ великое множество, и безъ которыхъ онъ не предпринималъ никакого дѣла.

Объясненіе такого склада характера у Менгу Хана надо искать, можетъ быть, въ близости къ нему христіанскихъ теченій; есть указанія, что онъ самъ и его семейство было крещено однимъ армянскимъ епископомъ изъ свиты какого то короля, посѣтившаго Великаго Хана. Мы знаемъ, что его мать была христіанка, а женщины начинаютъ играть большую роль въ этотъ періодъ складыванія династіи уже вышедшей изъ чисто военнаго періода. Христіаниномъ былъ и Чингай, совѣтникъ регентши, вдовы Куюка, какъ и сыновья Чингая. Христіаниномъ при Менгу Ханѣ былъ и начальникъ его канцеляріи финансовъ—несторіанецъ Болгай.

При Ханѣ Менгу мы знаемъ опредѣленный административный распорядокъ. Намъ извѣстны слѣдующіе его сановники и ихъ должности: генералъ Мангусаръ сталъ при Великомъ Ханѣ Великимъ Судьей; Болгай—министромъ финансовъ; братъ Кублай командовалъ сначала войсками въ странѣ южнѣе Великой Пустыни; Кункуръ — губернаторъ г. Каракорума; Таганъ — командуетъ войсками на границѣ съ Сунами, то есть въ Китаѣ; Дандаръ командуетъ войсками въ китайской провинціи Сечуань; Хортай—въ Тибетѣ; Кай-юенъ —буддійскій епископъ; Таока Аи-ченъ — даосскій епископъ; тибетскій лама Намо — нѣчто вродѣ буддійскаго патріарха, при чемъ ему дарованъ титулъ Основателя Царства; Махмудъ Іелвадже генеральный администраторъ монгольскихъ владѣній въ Китаѣ; его сынъ Масудъ — таковой же чинов-

никъ въ странѣ между Иртышемъ и Сыръ-Дарьей; Аргунъ —тоже въ Персіи, Азербейджанѣ, Діаберкирѣ, Моссулѣ, Алеппо, въ Грузіи, Арменіи и т. д.

Со стороны этого властителя Азіи становятся возможными такіе акты, какъ всеобщая амнистія въ 1253-мъ году, въ январѣ м-цѣ; Великій Ханъ далѣе, приказываетъ своему брату Кублаю организовать въ городѣ, который нынѣ Пекинъ, комиссію, которая должна была смягчить въ завоеванныхъ частяхъ Китая послѣдствія войны: ею раздавались сѣмена, сельскохозяйственныя орудія, назначались на полевыя работы въ помощь жителямъ солдаты, напр., въ провинціи Хонань и въ двухъ съ нею смежныхъ провинціяхъ. Равнымъ образомъ, и при назначеніи налоговъ принималось во вниманіе матеріальное положеніе плательщика: при Махмудѣ Іелвадже по свидѣтельству историка дѣло налоговъ поставлено было слѣдующимъ образомъ:

— налогами обложены были всѣ пропорціонально, по возможностямъ плательщиковъ, такъ что налоги взимались только разъ въ годъ и другихъ налоговъ больше не было. Въ Персіи максимумъ налоговъ былъ 7 динаровъ, а минимумъ въ 1 динаръ. Въ Китаѣ же бѣдные выплачивали по золотому, а богатые по 15-ти. Ханъ приказалъ, чтобы эти налоги шли на содержаніе полиціи, на почтовыхъ лошадей, на гоньбу подъ чиновниковъ, и подданные больше не должны были ничего платить.

Въ военномъ отношеніи правленіе Менгу Хана достопримѣчательно походами его братьевъ—Улагая въ Персію, Кублая —въ Китай. Улагай двигаясь Средней Азіей съ 1252-го года, предавши сорокадневному разграбленію сказочный Багдадъ, гдѣ кони истоптали послѣднихъ Абассидовъ завернутыхъ по приказанію его въ коверъ, говорятъ, достигнувъ Дамаска и Алеппо грезилъ только объ одномъ—объ освобожденіи отъ невѣрныхъ Іерусалима и объ завоеваніи Гроба Господня, такъ какъ будто бы былъ христіаниномъ *).

*) Во всякомъ случаѣ, въ походахъ за нимъ возили церковь въ шатрѣ, гдѣ священникъ и діаконъ каждый день служили обѣдню.

Южные Суны еще продолжали царствовать въ долинѣ Янцекіанга въ то время, какъ монголы устанавливали свои порядки въ завоеванныхъ ими мѣстностяхъ сѣвернаго Китая; молодой воевода Уренгатай, сынъ генерала Субутая, которымъ Великій Ханъ Менгу замѣнилъ брата Кублая въ 1257-мъ году, послѣ побѣдоноснаго мира съ Сунами въ Вучангѣ, опасаясь растущей популярности того, проходитъ западнѣе, владѣній Суновъ, провинціей Юнань, достигаетъ Индо-Китая, доходитъ до Ханоя, беретъ Тонкинъ, мстя за оскорбленіе своихъ пословъ; на аннамитовъ наложена была дань на три года *).

Монголъ быстро заставила убраться оттуда невыносимая для нихъ жара.

Менгу Ханъ умеръ въ 7-ую луну 1259-го года, не то отъ дизентеріи, не то будучи убитъ во время бури упавшей лѣстницей, обстоятельство, которое свидѣтельствуетъ объ измѣнившихся вкусахъ и привычкахъ былыхъ обитателей войлочныхъ юртъ.

Безспорнымъ кандидатомъ на престолъ явился славный военачальникъ и братъ Менгу Кублай, который благополучно и всходитъ на престолъ въ 1260-мъ году. Къ этому времени мы видимъ Государство Монголовъ почти сложившимся. Уже почти не остается территорій, которыя бы имъ нужно было бы еще завоевывать; только Южные Суны сидятъ въ Нанкинѣ.

Уже при Вучангскомъ мирѣ были приняты условія между сторонами, что съ того времени Монгольскій Ханъ есть верховное лицо въ Китаѣ. Кромѣ этого, Суны выплатили Менгу 200.000 таэлей серебра, и 200.000 штукъ шелку. Въ 1274-мъ году послѣдній Сунъ умеръ, а наслѣдникъ, молодой императоръ Кунгъ-Ти сѣлъ плѣнникомъ Хана Кублая въ Ханбалу (въ Пекинѣ).

---

*) Tru'o'ng Vinhky, Histoire Annamite, I, стр. 79.

Въ томъ же 1274-мъ году Ханъ Кублай дѣлаетъ попытку покорить Японію—но буря у острова Цусимы губитъ его огромный флотъ и войско въ Цусимскомъ проливѣ.

Отнынѣ необозримое Государство Азіатовъ готово; его собирательный періодъ законченъ. Нѣкоторые Ханы дѣлаютъ еще набѣги на Западъ, появляются религіозныя войны, какъ напримѣръ между Улагаемъ и Баркоромъ (иначе-Барка, Беркай), младшимъ братомъ Батыя, магометаниномъ, который сидитъ у насъ на Руси, но это детали уже не скроютъ общаго величественнаго абриса Панзійской Имперіи Монголовъ, увѣнчанной династіей Юань. Съ этого времени она входитъ въ культурное цѣлое тогдашняго міра, и любопытствующіе, торгующіе, воюющіе люди начинаютъ все скорѣе и скорѣе обращаться между застѣннымъ Китаемъ и Европой. Черезъ посредство этого Монгольскаго Царства начинаетъ источать благоуханіе своей огромной культуры открытой этими свободными и либеральными варварами далекій Китай. Венеціанскій брилльянтщикъ Марко Поло много культурныхъ драгоцѣнностей привезъ оттуда къ себѣ въ Венецію, а черезъ Венецію они широко растеклись по міру. И является исторической аксіомой, что нашему отечеству суждено было судьбой стать уголкомъ этого огромнаго и сложнаго царства.

Пусть греческіе выходцы, святые подвижники ли, искавшіе свою Ѳиваиду въ нашихъ лѣсахъ, или же проходимцы и авантюристы, которыхъ слала намъ разрушающаяся, скопцами управляемая Византія, указываютъ намъ на Константинополь, какъ на начало нашей государственности, уже обложенный со всѣхъ сторонъ тюрко-монгольскими народами и наконецъ, падающій подъ этими ударами. Пусть въ ихъ ревнивыхъ и схоластическихъ рукахъ изчезаютъ и прячутся подъ спудъ такія произведенія, какъ „Слово о полку Игоревѣ"—душистости несказанной. Но только тамъ, на Востокѣ, стеная подъ желѣзной пятой угнетенія, выработалъ нашъ народъ и наше отечество и то, что сковываетъ это отечество

—свое представленіе объ власти, которое выщелущило самодержавнаго Московскаго Великаго Князя изъ наемнаго конвоира сухопутныхъ и водныхъ каравановъ, всецѣло зависящаго отъ международной ватаги разгульныхъ и вороватыхъ гостей, какими наши князья были на зарѣ нашей исторіи. Только тогда Бѣлый Западный Царь и могъ соединить подъ своей рукой наслѣдство Великихъ Хановъ, Сыновъ Неба—Чингиса и Кублая, и создать Россію, какъ военную Имперію, какъ Россію, такую близкую и понятную намъ, а не какъ гостинный торговый рядъ, чего такъ хочется многимъ „экономистамъ“ и „соціологамъ“. Но вѣдь и Европа, которую всегда при такихъ попыткахъ ставятъ въ примѣръ,—она не укладывается цѣликомъ, безъ остатка ни въ скульптурные саркофаги Греціи и Рима, ни въ прокопченныя саркофаги современныхъ фабрикъ. Она вѣдь тоже приходила изъ Азіи въ германцахъ, готахъ и гуннахъ,—но только монголамъ выпало счастье сорганизовать въ полной чистотѣ то, на что способны племена на всемъ Евразійскомъ материкѣ, и что очистило собой душную атмосферу разбитаго по частямъ средневѣковья, съ его усопшимъ въ Римѣ христіанствомъ. Возможно даже, что не съ выкопанными изъ земли статуями, не съ вновь обрѣтеннымъ греческимъ языкомъ пришло Возрожденіе въ Европу, пришло великолѣпіе Кватроченто, столь мистически близкое намъ, русскимъ; оно пришло съ неуловимымъ запахомъ цвѣтущихъ восточныхъ степей, и конскій топотъ пастушескихъ народовъ былъ лучшимъ комментаріемъ къ старику Гомеру. Это великое дѣло никакъ не могло быть дѣломъ христіанства, либо корпѣвшаго въ хитросплетеніяхъ византійщины, либо одолѣвшаго этотъ міръ мечемъ духовнымъ.

Не отнесемъ ли мы этотъ великій сдвигъ въ пониманіи человѣчества, который выразился въ ясности Ренессанса, къ тому дѣлу, которое сдѣлала для Европы династія Юань, столь широко раздвинувъ и пространственныя и временныя перспективы?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ДИНАСТІЯ ЮАНЬ И ЗАПАДЪ.

Кордье въ своей „Исторіи Китая“ такъ характеризуетъ историческое измѣненіе Юаньской династіи:

— Однимъ изъ самыхъ интересныхъ феноменовъ Монгольской исторіи является перемѣна образа жизни. Начатая съ Менгу, черезъ Кублая идетъ трансформація кочевыхъ племенъ въ осѣдлый народъ. На мѣсто разбросанныхъ по широкому пространству легкихъ къ перемѣщенію кибитокъ появляются окруженные стѣнами города съ императорскими дворцами. Сопровождая цивилизацію, идетъ изнѣженность нравовъ, появляется желаніе имѣть и иныя, не только военныя сношенія съ иностранными державами. Посольства идутъ изъ Европы и въ Европу, и если ужасные гекатомбы Чингиса и его генераловъ поражали ужасомъ Западъ, заставляя его трепетать при одномъ имени монголовъ, напротивъ того, при Ханахъ Кублаѣ и Менгу мы видимъ возстановленіе мирныхъ отношеній, и можно сказать, что никогда между Китаемъ и Европой не было такихъ сердечныхъ отношеній, какъ съ середины XIII вѣка и до средины слѣдующаго.—

Выше мы видѣли, какимъ ужаснымъ было то первое впечатлѣніе, которое произвели „татары“ на Европу. У того же автора Matieu Paris есть трогательный разсказъ о

томъ, съ какой чисто-христіанской покорностью готовы были западные владыки принять это наказаніе свыше:

— Тогда, когда сей ужасный потокъ гнѣва Господня господствовалъ надъ людьми, пишетъ этотъ благочестивый монахъ, королева Бланшъ, мать короля Франціи, вскричала, слушая эти новости:—Король Луи, сынъ мой, гдѣ вы? Онъ, подойдя, спросилъ:—Мать моя, что вамъ угодно? Тогда она, испуская глубокіе вздохи и разражаясь потоками слезъ, сказала ему въ разсужденіи опасности сей, какъ женщина, но съ рѣшительностью незаурядной дамы: —Что же дѣлать, сынъ мой, при семъ ужасномъ обстоятельствѣ, невыносимый шумъ отъ котораго донисится до насъ? Мы всѣ, какъ и святая блаженная церковь, осуждены на общую погибель отъ сихъ татаръ!

— На эти слова король отвѣтствовалъ печально, но не безъ божественнаго вдохновенія:—Небесное утѣшеніе поддерживаетъ насъ! Ибо, если эти татары, какъ они себя именуютъ, дойдутъ до насъ, или мы пойдемъ за ними въ тѣ мѣста, гдѣ они живутъ, то все равно—мы пойдемъ на небеса! Такимъ образомъ онъ сказалъ: Побьемъ ли мы ихъ, или сами будемъ побиты ими, мы все равно пойдемъ къ Богу, какъ вѣрующіе ли, какъ мученики ли. И зачательное слово это ободрило и воодушевило не только дворянъ Франціи, но и простыхъ горожанъ всѣхъ городовъ.—

Въ Парижѣ, какъ и по всѣмъ городамъ Европы, пѣли молебны объ отвращеніи страшной опасности. Но Европа не ограничивалась только такими мѣрами. Въ 1245-мъ году Папа Иннокентій IV въ Ліонѣ собралъ совѣщаніе, на которомъ было рѣшено отправить посольство въ Золотую Орду, во главѣ съ 65-ти лѣтнимъ монахомъ Плано Карпини. И этимъ путешествіемъ съ Востокомъ начинаетъ знакомиться Западъ.

Плано Карпини, папскій легатъ, знакомъ и русской исторіи. Въ буллѣ 1251-года Князю Александру Ярославичу

Невскому тотъ же папа Иннокентій увѣряетъ Великаго Князя, что еще его отецъ Ярославъ обѣщалъ этому монаху Плано Карпини подчиниться Св. Престолу, убѣждаетъ сына сдѣлать это немедленно и обѣщаетъ великія выгоды и рыцарскую помощь противъ татаръ. Но политика Александра Невскаго была какъ разъ совершенно противоположной. Въ 1246-мъ году Плано Карпини пересѣкаетъ Европу, княземъ Василькомъ доставляется до Кіева, рѣчной системой добирается до Бѣлой Орды — Кипчака, а далѣе доставляется въ Каракорумъ, куда и попадаетъ на Курилтай, который выбираетъ Хана Куюка, и на коронованіе сего послѣдняго къ августу мѣсяцу того же года.

Показанія Плано Карпини чрезвычайно интересны, такъ какъ рисуютъ монгольскую придворную жизнь еще полной кочевыхъ привычекъ. Вотъ что видѣлъ Плано Карпини въ Каракорумѣ:

— Мы нашли тамъ пурпуровый шатеръ, настолько большой, что въ него могло помѣститься тысяча человѣкъ. Кругомъ шло возвышеніе, полное различныхъ картинъ и статуй. Тамъ видѣли мы большую ассамблею вождей и князей, которые сошлись со всѣхъ сторонъ со своими племенами и конно стояли кругомъ на холмахъ и равнинахъ. Первый день они были одѣты въ пурпуръ, во второй день въ красное—царица Туракина пришла въ это время въ шатеръ. Въ третій день они были въ лиловомъ, на четвертый въ малиновомъ. Въ палисадѣ у шатра было двое большихъ воротъ, черезъ одни изъ которыхъ входилъ самъ императоръ, даже безъ гвардіи, такъ что ворота эти оставались все время открытыми, и никто не осмѣливался входить въ нихъ, а входилъ черезъ другія, гдѣ стояла гвардія съ мечами, луками, стрѣлами. Если же подходилъ къ воротамъ кто либо изъ простыхъ — то его били или даже стрѣляли. Тамъ были такіе князья, что на одной сбруѣ и сѣдлахъ имѣли до 20-ти марокъ серебра. Всѣ вожди и князья были подъ шатромъ, гдѣ говорили, обсу-

ждали сообща избраніе императора. Остальной народъ ждалъ, что будетъ рѣшено.

Среди присутствующихъ Плано Карпини отмѣчаетъ нашего князя Ярослава Суздальскаго, посла Халифа Багдадскаго и другихъ важныхъ лицъ. Указывается, что присутствующіе пили много кумысу.

По Плано Карпини, само восшествіе на престолъ происходило слѣдующимъ образомъ:

— И вотъ въ 1246-мъ году Великій Ханъ, сказать по нашему—король или императоръ, долженъ былъ принять власть. Тогда всѣ синьоры и бароны собрались, взяли золоченый тронъ, на который посадили его, говоря: — Волимъ, молимъ, приказываемъ, чтобы ты принялъ власть и силу надъ всѣми нами! Тотъ имъ отвѣчалъ:—Если вы хотите, чтобы я былъ вашимъ королемъ, не рѣшился ли каждый изъ васъ дѣлать то, что я прикажу, притти, когда я позову и прикажу, итти, когда я захочу послать, и убить тѣхъ, кого я скажу? — Они отвѣчали: — Да! Тогда онъ сказалъ имъ:—Во исполненіе этихъ простыхъ словъ служите мнѣ мечемъ! Они подтвердили.

— Потомъ они постелили на землю кошму, на которую усадили его со словами:—Взгляни ввысь и узнай Бога, и подумай внизу о кошмѣ, на которой ты сидишь! Если ты будешь хорошо управлять своимъ царствомъ, если ты будешь свободенъ и добродѣтеленъ, если ты будешь править справедливо, если ты будешь почитать барововъ и князей по ихъ достоинству и силѣ каждаго —вся земля будетъ подъ твоею властью и Богъ дастъ тебѣ все, чего ни пожелаетъ твое сердце. Но если будетъ наоборотъ, ты будешь несчастенъ и жалокъ, и такъ бѣденъ, что у тебя не будетъ даже той кошмы, на которой ты сидишь!

— Послѣ этого бароны усадили на тотъ же войлокъ супругу Хана, рядомъ съ нимъ, подняли на воздухъ и

громкими криками объявили императоромъ и императрицей всѣхъ татаръ.

Они принесли предъ новаго повелителя безконечное количество золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и другихъ богатствъ, которыя остались послѣ смерти Огдая, и дали ему полную власть надъ этими сокровищами. Онъ сейчасъ же сдѣлалъ подарки оттуда всѣмъ присутствующимъ князьямъ и сеньорамъ, остатокъ оставилъ себѣ. Потомъ всѣ стали пить своимъ обычаемъ, и такъ продолжалось до вечера. Потомъ принесли много мяса, свареннаго безъ соли, и роздали его всѣмъ по куску. Находившимся же въ шатрѣ дали мяса и похлебки съ солью и это былъ пиръ.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого умерла Туракина, предварительно отравивъ кн. Ярослава Суздальскаго, отца Александра Невскаго, сообщаетъ Карпини.

Въ вышеприведенной картинѣ еще совершенно ясны привычки и вкусы номадовъ во всей своей силѣ. Но уже нѣсколько иную картину даетъ другой посолъ отъ французскаго короля Вильямъ Рубруквисъ, который посѣтилъ Золотую Орду всего черезъ семь лѣтъ послѣ Карпини, то есть въ 1253-мъ году. Въ своихъ запискахъ онъ такъ описываетъ Каракорумъ, что значитъ Черное Поле: *)

—что касается Каракорума, какъ города, то да будетъ извѣстно Вашему Величеству, что за исключеніемъ дворца Хана онъ не стоитъ городка Сенъ-Дени во Франціи, монастырь котораго пышнѣе, нежели дворецъ Менгу Хана. Тамъ двѣ улицы, одну изъ которыхъ называютъ Сарацинской; на той улицѣ идетъ торгъ и ярмарка. Нѣсколько иностранныхъ торговцевъ ѣздятъ по ней, потому что на ней стоитъ дворъ, а такъ же большое количество разныхъ посольствъ. Другая улица называется Катайской, и на ней живутъ художники и комедіанты. Кромѣ этихъ улицъ тамъ

*) Путешествіе въ восточныя страны въ 1253-мъ году. Кажется, есть русскій переводъ.

есть палаты, гдѣ живутъ секретари Хана. Тамъ же есть двѣнадцать храмовъ идолопоклонниковъ разныхъ націй, двѣ сарацинскихъ мечети, въ которыхъ исповѣдуется вѣра секты Магомета, а такъ же христіанская церковь на самой окраинѣ города, который опоясываетъ земляная стѣна съ четырьмя воротами.

— У восточныхъ воротъ тамъ торгуютъ просомъ и другими сортами зерна, котораго тамъ очень немного. У западныхъ—торгуютъ баранами и козами; у южныхъ—быками и повозками; и у сѣверныхъ—конями.

Изъ этихъ словъ передъ нами подымается уже картина жизни столицы народа, уже сѣвшаго или только еще садящагося на землю. Посолъ видитъ уже здѣсь дворцы, видитъ базары, сосредоточивающіе въ себѣ куплю-продажу вѣроятно, значительныхъ округовъ, что видно по названіямъ улицъ. Знаменательно также большое количество храмомъ разныхъ вѣроисповѣданій, откуда видна уже большая посѣщаемость столицы, а такъ же и монгольская широкая вѣротерпимость—черта, отрицаемая въ традиціонной нашей исторіи; впослѣдствіе эта черта у монголъ выступаетъ все ярче и ярче. У того же автора сохранилось и описаніе дворца Менгу Хана.

— Дворецъ этотъ, говоритъ путешественникъ, за кирпичной стѣной. На восточной стѣнѣ три двери. Центральный залъ похожъ на наши церкви и состоитъ изъ корабля и двухъ крылъ, отдѣленныхъ колоннами. Тутъ дворъ засѣдаетъ въ торжественныхъ случаяхъ. Предъ трономъ стоитъ серебряное дерево на четырехъ такихъ же львахъ, пасти которыхъ извергаютъ въ четыре серебряныхъ бассейна вино, кумысъ, медъ и рисовое вино. На верхушкѣ дерева серебряный ангелъ, который трубитъ въ трубу, когда нужно возобновлять запасы въ резервуарахъ *).

*) Li Oung Bin, Outlines of Chinese History, стр. 208.

Эта хитрая—„утѣшная“ игрушка—плодъ нехитрой работы одного мастера—христіанина Вильгельма. Серебряный ангелъ преодолѣлъ колоссальныя разстоянія и добрался до потрясающаго воображеніе кочевника тяжелаго дворца его владыки: такъ начали служить западныя достиженія и формы этому владыкѣ.

Строительская властность Менгу Хана не остановилась лишь на возведеніи дворца. При немъ было задумано и исполнено перенесеніе самой столицы ближе къ источнику культуры—къ Китайской землѣ. Молодые народы вообще не церемонятся со своими городами—въ нихъ не утраченъ еще вкусъ къ кочеванію, еще на памяти основаніе наличныхъ городовъ; правда, построить каменныя стѣны труднѣе, нежели разбить юрты, но за то много дешевыхъ и вѣрныхъ рабочихъ рукъ.

— Въ 1256-мъ году, въ 6-ую луну, разсказываетъ историкъ, Менгу Ханъ далъ большой пиръ принцамъ и грандамъ, на которомъ принималъ принцевъ Yan Nan и сосѣднихъ странъ, а такъ же западныхъ султановъ. Но городъ ему показался мѣстомъ слишкомъ неудобнымъ для общаго собранія и для двора. Онъ приказалъ избрать другое мѣсто въ Татаріи, куда бы перенести столицу государства. Эти заботы были возложены на бонзу—китайца, по имени Ли Пинъ-ченъ; сей бонза былъ полонъ духа, искусенъ въ математикѣ и во всѣхъ отрасляхъ литературы. Онъ выбралъ одно мѣсто къ востоку отъ города Хуанъ-чеу. Тамъ былъ разбитъ большой городъ со дворцомъ императора, съ храмами, съ дворцами для придворныхъ, для судьбищъ. Были возведены обширныя стѣны. Въ окрестностяхъ выбирали мѣста для охоты, для рыбной ловли—для всего, что служило бы удобствамъ жизни. Городъ этотъ назвали Кай Пинъ-фу. Въ короткое время онъ собралъ вокругъ себя безконечное количество китайцевъ и татаръ*).

---

*) Cordier, Histoire de la Chine, т. I.

Градостроительство Юаньцы вообще любили. Младшій братъ Менгу Хана выстоилъ себѣ городъ Ханбалу, теперешній Пекинъ, городъ Кабанъ въ старой русской письменности. Третій братъ этихъ двухъ Хановъ, сидѣвшій въ Средней Азіи Улагай выстроилъ себѣ тоже городъ. У армянскаго историка Вардана мы подъ 1259-мъ годомъ находимъ извѣстіе, что Ханъ Улагай, уйдя на лѣтнюю стоянку въ Даринскій округъ, полюбилъ это мѣсто и обстроилъ его зданіями по своему желанію. Онъ началъ строить здѣсь цѣлый городъ, но отъ этого пострадала вся страна, ибо люди и скотъ должны были таскать сюда бревна изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Исторія Пекина въ его историческихъ перипетіяхъ настолько интересна вообще, что на ней необходимо остановиться. Она отображаетъ на себѣ главныя черты характера исторія Китая. По китайски Пекинъ-Бей Цзинь—значитъ Сѣверная Столица. Принято считать что этотъ городъ стоитъ на мѣстѣ около трехъ тысячелѣтій, на памяти исторіи уничтожаясь и возстанавливаясь, мѣняя имена, соотвѣтственно тому историческому волненію, которое кипѣло вокругъ него.

Въ противоположенность своему антиподу—Нанкину, то есть Южной Столицѣ, стоящему на огромномъ полноводномъ Янцекіангѣ, въ сѣти Великой Системы каналовъ*), Пекинъ стоитъ на маловодной, пыльной равнинѣ, что вполнѣ понятно, если вспомнимъ, что его создавали кочевники, приходившіе изъ за Великой Стѣны. Императоръ Ши Гуань-ди, строитель Великой Стѣны, разрушаетъ Пекинъ въ 221-мъ году до Р. Х. Въ 70-мъ году нашей эры на мѣстѣ Пекина Ханьской династіи построенъ города Іенъ, каковое имя посейчасъ является литературнымъ именемъ Пекина. Около 1000-го года Пекинъ разрушенъ монгольскимъ племенемъ Кидань, и возстановленъ затѣмъ династіей Ляо, съ именемъ Нанкина такъ какъ у нихъ была еще столица, сѣвернѣе, на Ляодунѣ,

*). Китай имѣетъ огромную систему каналовъ, замѣняющую трактовыя дороги, общимъ протяженіемъ до 225.000 англ. миль.

съ именемъ Пекинъ. Въ 1215-мъ году разрушаетъ его Ханъ Чингисъ, и отстраиваетъ снова Ханъ Кублай.

Въ теченіе послѣднихъ 7-8-ми вѣковъ вообще Китай управлялся сѣверными завоевателями кочевого происхожденія, которымъ было необходимо имѣть столицу около Великой Стѣны, рядомъ съ родными имъ мѣстами, благодаря чему и возникаетъ современное значеніе Пекина, какъ китайской столицы.

Современный Пекинъ окруженъ высокими стѣнами, выстроенными Мингской династіей въ 1437-мъ году, то есть примѣрно въ одно время съ постройкой нашего Кремля. Форма стѣнъ—квадратъ, со сторонами въ 8 миль, къ которому съ юга пристроенъ параллелограммъ, длиннѣе основного квадрата: ширина его равна половинѣ его длины. Квадратъ образуетъ Татарскій или Сѣверный Городъ, параллелограммъ—Китайскій или Южный городъ. Въ центрѣ квадрата концентрически расположенъ квадратный же Императорскій городъ, въ свою очередь охватывающій въ себѣ Запретный или Пурпуровый городъ.

Ханбалу и стоялъ на мѣстѣ современнаго Татарскаго города, при чемъ нѣсколько не совпадалъ съ нимъ границами. При его тогдашнемъ положеніи здравствующая понынѣ Башня Большого Колокола стояла въ самомъ его центрѣ, а выстроенная Ханомъ Кублаемъ астрономическая обсерваторія, тоже уцѣлѣвшая до нашего времени—въ юго-восточномъ углу.

Въ 1271-мъ года поселился Ханъ Кублай въ Пекинѣ; въ 1275-мъ году туда явился съ отцомъ и дядей молодой Марко Поло. Путь его шелъ Чернымъ моремъ, черезъ теперешній Судакъ, Закавказье, черезъ Хорасанъ, отъ южной оконечности оз. Лобноръ на западный конецъ Великой Стѣны въ землѣ Тангутовъ, откуда онъ и продвигался вдоль этой стѣны до Ханбалу. Лишь въ 1294-мъ году вернулся домой Марко со своими спутниками, измѣнившись настолько въ

обычаяхъ, рѣчи, привычкахъ и обиходѣ, что венеціанцы не принимали ихъ за своихъ соотечественниковъ. Книга Поло, написанная имъ при помощи его секретаря Рустиціо, поразительна по количеству матеріала*). Путешественники не только видѣли восточныя страны, не только созерцали ея обитателей, ея нравы, но и жили тамъ, овладѣвъ ея языкомъ и обычаями. Изъ сочиненія М. Поло во весь ростъ смотритъ на насъ огромное величественное Азіатское Царство, которому рѣшительно почему то не повезло появиться во весь ростъ на горизонтѣ русской исторической науки. Въ изложеніи М. Поло нѣтъ и слѣда кичливости своей западной образованностью: напротивъ того, всюду видно его удивленіе передъ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ далекой восточной странѣ. Достаточно сказать, что онъ явился въ Венецію не съ пустыми руками: онъ привезъ и пустилъ дома въ обиходъ многое такое, что раньше было совершенно неизвѣстно на Западѣ. Такъ, національныя итальянскія макароны—это китайская лапша, вывезенная семью Поло оттуда, такъ какъ они получили вкусъ къ восточнымъ кушаньямъ. Поло привезъ оттуда знаніе шелководства; финансовыя реформы законоположенія и мѣропріятія проводимыя Ханомъ Кублаемъ, выучили его выгодѣ кредитныхъ денегъ и системы векселей, что сразу же было оцѣнено его практическими согражданами. На Востокѣ узналъ онъ употребленіе и значеніе компаса при мореплаваніи, и китайскій компасъ, усовершенствованный въ XIV вѣкѣ нѣкіимъ Флавіо Джойа сталъ водить венеціанскіе корабли. Наконецъ, англійскій изслѣдователь Керзонъ указываетъ, что „повидимому нѣкій Памфиліо Кастальди былъ знакомъ съ печатаніемъ съ деревянныхъ досокъ и пользовался этимъ способомъ до конца XIV вѣка по образцу тѣхъ досокъ, которыя привезъ Поло изъ Китая. А преданіе говоритъ, что Гутенбергъ, женатый на венеціанкѣ, видѣлъ такія доски“.

*) The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, concerning the Kingdoms and Marvels of the East. By Col. Henry Yule. London, 1871. Важны имѣющіеся комментаріи; изд. Кордье еще болѣе цѣнное по своимъ комментаріямъ.

Описанію Ханбалу отведено у Поло значительное мѣсто; характерно, что съ первыхъ же словъ онъ путаетъ монгольское вышеприведенное имя съ китайскимъ—Дай-Ду, то есть Великая столица: возможно, что и въ этомъ самомъ словѣ китайская культура брала уже перевѣсъ надъ монгольской, клала на нее, какъ на все, свой могучій отпечатокъ; къ тому же самъ Поло говоритъ, что монгольскій церемоніалъ восшествія на престолъ, который былъ описанъ нами при короновании Хана Куюка, уже при Кублаѣ замѣненъ китайскимъ.

Вотъ какъ разворачивается у Поло величественая картина тогдашняго Пекина:

— Великій Ханъ, когда задумалъ переселиться въ Ханбалу, то былъ поставленъ въ извѣстность своими астрологами, что этотъ старый городъ будетъ полонъ возстаній и произведетъ много возмущеній противъ его власти. Тогда онъ распорядился, чтобы теперешній городъ былъ построенъ рядомъ со старымъ, только черезъ рѣчку отъ него. И онъ приказалъ, чтобы народъ изъ этого стараго города былъ переселенъ въ новый, который онъ основалъ. И этотъ городъ назвалъ онъ Дай-Ду. Однако, онъ позволилъ, чтобы часть народу, которую онъ не могъ бы заподозрѣть въ смутѣ, оставалась бы въ старомъ городѣ, потому что новый не могъ всѣхъ вмѣстить, не будучи столь же великъ, какъ старый.—

— Въ отношеніи же величины этого города вы должны знать, что онъ имѣетъ въ окружности 24 мили, по 6-ти миль каждая сторона, и онъ четырехуголенъ. И онъ окруженъ земляной стѣной толщиной въ десять полныхъ шаговъ внизу и высотою болѣе чѣмъ 10 шаговъ. Но стѣны эти не одинаковой толщины у вершины; онѣ утоньшаются по мѣрѣ того, какъ подымаются вверхъ, такъ что вершина ихъ—всего въ три шага. И онѣ повсюду снабжены бойницами, которыя всѣ бѣлаго цвѣта.

— Тамъ двѣнадцать воротъ, и надъ каждыми воротами великій и красивый дворецъ. Въ этихъ дворцахъ большія залы, въ которыхъ хранится оружіе для гарнизона столицы.

— Улицы такъ широки и прямы, что вы можете смотрѣть прямо черезъ весь городъ—отъ однихъ воротъ къ другимъ. По всему городу много прекрасныхъ дворцовъ и много хорошихъ изысканныхъ постоялыхъ дворовъ. Всѣ участки, гдѣ выстроены дома, четырехугольной формы, и расположены по прямымъ линіямъ. На цѣлыхъ кварталахъ расположены великіе и обширные дворцы съ воротами и садами соотвѣтственной величины. Всѣ эти усадьбы принадлежатъ главамъ различныхъ родовъ. Каждый четырехугольный кварталъ прорѣзанъ красивыми переулками для сообщенія, и такъ весь городъ расположенъ въ квадратахъ, подобно шахматной доскѣ и расположенъ совершенно правильно, и настолько мастерски, что невозможно описать его такъ хорошо, какъ бы то слѣдовало по справедливости.

—Дальше, въ серединѣ города стоятъ большіе часы, то есть колоколъ, который звонитъ вечеромъ. И послѣ того, какъ онъ ударитъ три раза, никто не можетъ выходить въ городъ, если только не для нужды женщины въ тягости, или ради болѣзни. Тѣ, кто выходятъ и идутъ, должны нести фонари. Далѣе, у каждыхъ воротъ города стоитъ стража, по 1000 вооруженныхъ; но не думайте, что эта стража стоитъ изъ за страха нападенія. Нѣтъ, это почетная стража Царя, который живетъ здѣсь, а такъ же и для того, чтобы мѣшать ворамъ творить въ городѣ воровство.—

Въ этомъ отрывкѣ чрезвычайно интересно указаніе на разселеніе родовъ по особымъ кварталамъ: тѣ, кто въ описаніи Плано Карпини стояли кругомъ шатра и въ шатрѣ во время коронованія хана Куюка, теперь разселилась вокругъ того же своего центра—Царя.

—Вы должны знать, продолжаетъ М. Поло, что шесть мѣсяцевъ въ году—сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь и февраль, Великій Ханъ живетъ въ столицѣ Катаевъ, которая зовется Ханбалу. Въ этомъ городѣ стоитъ его великій дворецъ и я повѣдаю вамъ, на что онъ похожъ.

— Дворецъ сей окруженъ великой стѣной, образующей квадратъ, съ сторонами въ одну милю. Вы представьте его себѣ, этотъ квадратъ, при чемъ стѣны чрезвычайно толсты и гладки. На каждомъ углу прекрасный изящный дворецъ, въ которомъ хранится оружіе Великаго Хана—луки, и шлемы, и сѣдла, и узды, и тетивы—все, что нужно для арміи. Такъ же, на половинѣ разстоянія между каждой парой этихъ дворцовъ стоитъ еще похожій на нихъ третій: итакъ, пройдя всю стѣну вы найдете восемь обширныхъ дворцовъ съ оружіемъ Великаго Хана. И вы понимаете, что каждый дворецъ отведенъ только подъ отдѣльный видъ снаряженія: въ одномъ луки, въ другомъ сѣдла, въ третьемъ сбруя и т. д. —

— Стѣна имѣетъ пять воротъ на южной своей сторонѣ, среднія изъ которыхъ никогда не отворяются, исключая тѣхъ случаевъ, когда Великій Ханъ самъ входитъ или выходитъ сквозь нихъ. Рядомъ по сторонамъ съ этими главными воротами двое воротъ поменьше, которыми проходятъ другіе, а къ угламъ поближе — еще по воротамъ, для простого народу, а всего пять. —

— Внутри этой стѣны есть еще второе окруженное стѣной мѣсто, которое больше въ длину, нежели въ ширину. Этотъ Кремль имѣетъ также восемь дворцовъ, соотвѣтственно дворцамъ внѣшней стѣны, и они тоже наполнены оружіемъ Великаго Хана. И тоже у этого Кремля на южной стѣнѣ пять воротъ, соотвѣтственно воротамъ внѣшней стѣны, и такъ же остальныя стѣны имѣютъ по воротамъ, какъ и внѣшняя стѣна. Въ серединѣ же

этой ограды дворецъ Великаго Хана, и я хочу вамъ разсказать, на что онъ похожъ.—

— Вы должны знать, что это величайшій дворецъ, который когда либо существовалъ. Къ сѣверу онъ соприкасается съ внѣшней стѣной, въ то время, какъ къ югу тамъ есть большое пространство, гдѣ постоянно движутся бароны и солдаты. Самъ дворецъ не имѣетъ верхнихъ этажей, но все помѣщается въ одномъ нижнемъ, при чемъ фундаментъ поднятъ надъ землей на десять ладоней, и эта приподнятость поддерживается мраморной галлерейкой съ точеной баллюстрадой. Крыша очень высока, а стѣны покрыты золотомъ и серебромъ. И на крышѣ нѣтъ ничего, кромѣ серебра, золота и живописи. На стѣнѣ помѣщены скульптурныя золоченыя изображенія драконовъ, животныхъ, птицъ, рыцарей, идоловъ и другихъ предметовъ. А съ каждой изъ четырехъ сторонъ по большой мраморной лѣстницѣ, образующей, т. о., подходъ къ дворцу.

— Залъ дворца обширенъ настолько, что тамъ могутъ обѣдать 6.000 человѣкъ одновременно. Строеніе столь громадно, такъ богато и великолѣпно, что нѣтъ на землѣ человѣка, который могъ нарисовать что нибудь краше. Крыша вся разрисована пурпуромъ и желтымъ, и зеленымъ, и голубымъ цвѣтами, которые лакированы, и цвѣта эти такъ прелестны, что горятъ, какъ хрусталь, и освѣщаютъ все вокругъ дворца, какъ это видно издали со всѣхъ сторонъ. И крыши сдѣланы такъ крѣпко и надежно, что онѣ должны стоять вѣчно.—

— Внутри дворовъ этого дворца огромныя зданія съ залами и покоями, гдѣ хранятся ханскіе жемчуга и живутъ ханскія жены и наложницы. Все это великій Ханъ занимаетъ для своихъ собственныхъ нуждъ и доступа туда нѣтъ никому.—

— Между обѣими стѣнами съ южной стороны есть, какъ я описалъ, пространство; тамъ разбиты пре-

красные парки, тамъ растутъ изумительныя деревья, дающія разные фрукты. Въ паркахъ пасутся разныя животныя, какъ то серны, газели, бѣлые олени, лоси, скачутъ бѣлки, и есть много животныхъ, которыя даютъ мускусъ; вообще, тамъ собраны самыя красивыя произведенія природы, такъ что весь дворецъ и паркъ переполненъ ими, свободными остаются только дорожки для движенія людей во всѣ стороны. Парки эти покрыты прекрасной травой, а дороги уложены камнемъ и вымощены на двѣ ладони надъ землей, такъ что никогда не грязнятся, и дождевая вода не собирается на нихъ, а стекаетъ на лужайки, пропитываетъ почву и производитъ цвѣтеніе травъ.—

— Въ сѣверо-западномъ углу имѣетъ прекрасное озеро, наполненное разнообразной рыбой, которую приказалъ напустить туда Великій Ханъ, такъ что онъ какъ только захочетъ, всегда можетъ имѣть эту рыбу къ собственному столу.

— Въ озеро впадаетъ рѣка и вытекаетъ изъ него, но рѣка перегорожена желѣзными и мѣдными рѣшетками, чтобы рыба не могла убѣжать оттуда.—

— Далѣе, въ сѣверной части дворцоваго расположенія, на выстрѣлъ изъ лука отъ главнаго дворца находится искусственный холмъ, аршинъ въ сто вышиной, въ милю въ окружности, насыпанный изъ земли отъ озера. Этотъ холмъ весь покрытъ деревьями, никогда не теряющими своихъ листьевъ и потому вѣчнозелеными, и я увѣряю васъ, что какъ только Великій Ханъ услышитъ, что гдѣ нибудь есть такое дерево, онъ посылаетъ за нимъ, и его привозятъ цѣликомъ съ корнями и съ приставшей къ нимъ землей. Это пустяки, что дерево можетъ быть громадно—его тогда доставляютъ на слонахъ. И такимъ образомъ собраны всѣ эти прекрасныя дерева. И холмъ покрытый зеленью этихъ деревьевъ зовутъ Зеленой Горой.—

— На вершинѣ этого холма стоитъ опять высокій прекрасный дворецъ, весь зеленый снутри и снаружи. И все это вмѣстѣ—и холмъ, и зеленый дворецъ представляютъ чудесное зрѣлище. Каждому доставляетъ оно наслажденіе. И Великій Ханъ устроилъ этотъ прекрасный видъ для удобства и утѣшенія своего сердца.—

— Вы должны знать, что кромѣ описаннаго нами Великоханскаго дворца, Ханъ построилъ еще другой, подобный первому, для своего сына, который будетъ царствовать и станетъ Ханомъ послѣ него. И все въ томъ второмъ дворцѣ устроено такъ же, какъ въ первомъ. Этотъ второй дворецъ стоитъ на другой сторонѣ озера, нежели дворецъ Великаго Хана, и есть тамъ мостъ, пересѣкающій воду между ними. Наслѣдникъ теперь держитъ государственную печать, но не пользуется такою властью, какую имѣетъ великій Ханъ до конца своихъ дней.—

Въ соотвѣтствіи съ пышностью великоханскихъ дворцовъ пышна въ нихъ и придворная жизнь. Глава XIII второй книги М. Поло даетъ описаніе пышнаго придворнаго празднества въ этомъ дворцѣ въ Ханбалу. Огромная зала полна; въ Залѣ Ковровъ—рядомъ—столъ для военныхъ. Вполнѣ вѣроятно, что согласно китайскому обычаю, обѣдающіе сидѣли за маленькими столиками. Столъ великаго Хана выше всѣхъ остальныхъ столовъ, такъ что головы пирующихъ рядомъ съ Ханомъ его сыновей, племянниковъ и др. родичей на уровнѣ его ногъ. Остальные сидятъ еще „ниже", по чинамъ. Система размѣщенія такъ строга, что назначены отдѣльные бароны дабы разсаживать на мѣста иностранцевъ. Кубки, тарелки, вся утварь золотая и серебряная, высшаго качества. Прислуживаетъ масса слугъ, при чемъ у тѣхъ, что подаютъ самому Великому Хану—лица завернуты шитыми золотомъ салфетками, дабы дыханіе ихъ не повредило царственной пищѣ. Великій Ханъ сидитъ такъ, что бы его было видно всѣмъ, и онъ въ свою очередь видитъ всѣхъ; когда онъ подноситъ кубокъ ко рту—всѣ падаютъ на колѣни, и выра-

жаютъ глубокое почтеніе. Послѣ обѣда выступаютъ фокусники, жонглеры, и другіе артисты.

— Особенно пышенъ пиръ у Великаго Хана въ его день рожденія—28-го сентября. 12.000 придворныхъ всѣ одѣты въ одинаковыя золотокованныя одежды, развѣ немного поблѣднѣе того, что надѣто на Великомъ Ханѣ. Всѣ эти платья, включая золотые пояса и цвѣтные сапоги, жалуются Великимъ Ханомъ всѣмъ баронамъ ежемѣсячно, хотя такое одѣяніе стоитъ одно до 10.000 безантовъ*). Со всѣхъ сторонъ Великому Хану несутъ подарки. Во всѣхъ капищахъ и храмахъ, и въ сарацинскихъ, и въ христіанскихъ идутъ службы о здравіи и благополучіи Великаго Хана.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, согласно китайскаго календаря, монголами начинается Новый годъ; въ первый день этого Бѣлаго мѣсяца—Цагань сара—весь Ханбалу одѣтъ въ бѣлыя платья—знакъ радости у монголъ. Всѣ на улицахъ веселятся, цѣлуются, обнимаются, обмѣниваются подарками непремѣнно бѣлаго цвѣта съ пожеланіями счастья на весь будущій годъ. Подарки, приносимыя Великому Хану такъ великолѣпны, что однихъ бѣлыхъ коней получаетъ онъ до 100.000 штукъ.

Въ этотъ день весь городъ любуется особой церемоніей. Всѣ 5000 ханскихъ слоновъ провозятъ по городу въ особыхъ „теремцахъ“ всю золотую посуду, необходимую для сегодняшняго новогодняго пира.

На пиръ къ Великому Хану собираются, по терминологіи М. Поло—дюки, маркизы, графы, бароны, рыцари, астрономы, философы, врачи; соблюдается строгое мѣстничество. Когда всѣ собраны, главный священникъ восклицаетъ: —кланяйтесь, боготворите! На это восклицаніе всѣ присутствующіе бьютъ передъ Великимъ Ханомъ челомъ четыре раза, а потомъ идутъ къ особому алтарю, на которомъ

*) Ходовая на Востокѣ золотая византійская монета.

возвышается красная табличка съ именемъ Великаго Хана, а передъ нею золотая курильница. Послѣ воскуренія фиміама кортежъ возвращается обратно.

Во время пира передъ трономъ Великаго Хана лежитъ огромный ручной левъ.

— Въ Ханбалу, сообщаетъ намъ Поло, Великій Ханъ остается лишь до 1-го Марта, все время занимаясь охотой въ его окрестностяхъ. Дичи набивается столько, что она даромъ раздается населенію столицы.

Для охоты у Великаго Хана есть леопарды и рыси; есть также нѣсколько большихъ львовъ—для охоты на буйволовъ, кабановъ, медвѣдей, дикихъ ословъ, оленей и т. д. Этихъ львовъ привозятъ къ мѣсту охоты въ большихъ клѣткахъ, а потомъ выпускаютъ съ подвѣтренной стороны. Для охоты на волковъ, лисицъ, козуль имѣются дрессированные орлы.

Большое вниманіе обращено на псарню. Два родныхъ брата—Баянъ и Миньенъ завѣдуютъ охотой и собаками и обязаны доставлять къ столу ежедневно по тысячѣ дичинъ.

У каждаго изъ братьевъ подъ началомъ имѣется до 10.000 псарей въ одинаковыхъ кафтанахъ. На охоту съ Великимъ Ханомъ ихъ выходитъ до 10.000 человѣкъ, и по 5 тыс. псовъ справа и слѣва.

Много въ свитѣ Великаго Хана и сокольниковъ. Время охоты съ ловчими птицами начинается для Великаго Хана съ 1-го марта, когда онъ выступаетъ изъ Ханбалу со всей свитой и съ 10.000 сокольниками и идетъ къ морю, къ урочищу Кашаръ Модунъ, предположительно—къ восточному концу Великой Стѣны. Его везутъ въ особомъ деревянномъ покоѣ, убранномъ золотомъ и львиными шкурами, на четырехъ слонахъ. Рядомъ съ нимъ на коняхъ ѣдутъ ближайшіе его сановники, а сокольники несутъ 12 лучшихъ соколовъ. Время протекаетъ въ пріятной бесѣдѣ, покамѣстъ кто-нибудь изъ

вельможъ не воскликнетъ:—Государь, журавли!.. Великій Ханъ сейчасъ же спускаетъ сокола. Крыша съ покоя на походѣ снята, и можно любоваться битвой въ воздухѣ удобно сидя или лежа на своемъ ложѣ.

Путешествіе это продолжается нѣсколько дней, покамѣстъ не достигнутъ, все время проводя въ охотѣ, до мѣста у лукоморья. Тамъ уже разбито до 10.000 палатокъ на шелковыхъ веревкахъ, стоитъ Главная Ставка, опочивальня, залы для аудіенцій. Эти всѣ покои обиты львиными кожами, раскрашенными полосато въ черный, бѣлый, красный цвѣта, а внутри убраны горностаями и соболями.

Монголы вообще очень любятъ и цѣнятъ мѣха. — Царь мѣховъ, называютъ они соболь, и недаромъ соболья шуба у нихъ царственный подарокъ.

Въ этихъ шатрахъ и сосредотачивается все многочисленное придворное общество, дамы, и т. д. На двадцать дней пѣшаго пути никто не имѣетъ права появиться кругомъ, дабы не распугивать дичи.

Стоянка въ этомъ веселомъ мѣстѣ продолжалась до середины мая, когда Великій Ханъ возвращается тѣмъ же порядкомъ въ Ханбалу, но только всего лишь на три дня. Оттуда весь огромный кортежъ движется въ Кай Пинъ-фу, городъ основанный Менгу Ханомъ.

Въ этой лѣтней резиденціи лѣтнія жары не столь мучительны. Поло былъ и тамъ, и описываетъ, что Ханъ имѣетъ тамъ два дворца, одинъ мраморный, а другой разборной, изъ лакированнаго бамбука. Паркъ имѣетъ въ окружности 16 миль, окруженъ стѣной, и Великій Ханъ охотится тамъ, выѣзжая верхомъ, при чемъ на крупѣ его коня сидитъ ручной леопардъ.

Въ то время, какъ Ханъ столь весело и безпечно проводитъ время, въ Ханбалу кипитъ жизнь. Дѣлами всѣхъ подвластныхъ ему 34-хъ провинцій вершитъ Великій Совѣтъ изъ

12-ти бароновъ; эти вельможи живутъ всѣ вмѣстѣ во дворцѣ, имя которому далеко извѣстно—Shieng, и правятъ огромнымъ Царствомъ Монголовъ. При нихъ отъ каждой провинціи по судьѣ, и по нѣсколько чиновниковъ. Они имѣютъ право распоряжаться войсками, избираютъ губернаторовъ всѣхъ провинцій, и представляютъ ихъ на утвержденіе Великому Хану.

Много народу живетъ въ столицѣ, но тамъ жить слишкомъ строго: послѣ вечерняго колокола патрули ходятъ въ числѣ 40—30 человѣкъ по городу, забираютъ гулякъ въ тюрьму, гдѣ на утро бьютъ палками. Поэтому много народу живетъ внѣ городской стѣны, въ посадѣ; тамъ останавливаются иностранные купцы, путешественники, даже посольства. Тамъ много гостинницъ по національностямъ—Ломбардскія, Германскія, Французскія. Иностранцевъ, вообще, столько, что около нихъ кормятся до 20.000 проститутокъ.

Только одного шелку до 1000 возовъ проѣзжаетъ ежедневно въ ворота Ханбалу — такова торговля. И кругомъ него тянутъ къ нему до двухсотъ городовъ.

Самъ Ханъ тоже весьма интересуется иностранными дѣлами. Когда два брата—Маттео и Никколо Поло уходили въ первый разъ изъ Ханбалу въ Венецію, на родину, Великій Ханъ далъ имъ грамоту къ папѣ Римскому, прося его въ этомъ письмѣ прислать ему человѣкъ сто, образованныхъ въ знаніи всѣхъ искусствъ. Эти люди должны были умѣть строить, а также умѣть доказать логическими аргументами язычникамъ и всему народу вообще, что законъ Христа — выше всѣхъ законовъ, а остальныя религіи—лживы. Великій Ханъ въ грамотѣ этой обѣщалъ, что если ему докажутъ это, то и онъ самъ, и его народъ крестятся. Кромѣ того, онъ просилъ принести ему отъ Гроба Господня масла изъ лампадъ.

Папа Григорій послалъ Великому Хану благословеніе, буллу и легатовъ, которые, однако, не доѣхали: — обратный путь братьевъ Поло съ юношей Марко длился три съ поло-

виной года. Святое же масло было доставлено, какъ равно и много хрустальныхъ сосудовъ въ подарокъ отъ папы.

Св. Престолъ не зря дѣлалъ такіе знаки уваженія „варварамъ“ монголамъ. Въ то время, какъ страхъ предъ вторичнымъ монгольскимъ нашествіемъ на Европу прошелъ, мы видимъ на Западѣ мелькающую тамъ опредѣленную политическую идею:

—нельзя ли направить этого могущественнаго и простодушнаго монгола противъ ближняго Востока, противъ его же единоплеменниковъ, турокъ, которые менѣе нежели черезъ два столѣтія окончательно сокрушатъ Византію, и воздвигнутъ полумѣсяцъ вмѣсто креста на Св. Софіи,—фактъ глубокаго оскорбленія для всего христіанскаго міра до сихъ поръ.

И дѣйствительно, добродушный Кублай обѣщалъ помочь хитрымъ латинянамъ въ дѣлѣ освобожденія Гроба Господня и Іерусалима. Такимъ образомъ, монгольское государство подъ Юаньской династіей, сидѣвшей въ Пекинѣ, уже въ XIII вѣкѣ разсматривалось Западной Европой, какъ дѣйствующій историческій и политическій факторъ.

Но еще большее значеніе имѣла династія Юань для тогдашней Руси.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ДИНАСТІЯ ЮАНЬ НА РУСИ.

Племя древлянъ, убивъ сосѣдняго Кіевскаго князя Игоря, послало его вдовѣ княгинѣ Ольгѣ депутацію, которая и заявила о причинахъ этого убійства такъ:

— Посъла ны Деревьска земля рькуще сице: — мужа твоего убихомъ; бяше бо твой мужъ акы вълкъ восхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревьску землю; да пойди за князь за нашъ, за Малъ!

Какъ извѣстно, чванныхъ этихъ пословъ понесли „съ честью" въ ладьѣ на Ольгинъ дворъ, гдѣ кинули въ яму, и засыпали тамъ живыми.

— И повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я, спокойно повѣствуетъ лѣтописецъ. А другихъ пословъ св. Ольга сожгла въ банѣ живьемъ.

Изъ этого разсказа сдѣлаемъ нѣкоторые выводы. Первое—послы этой Деревской земли прибыли къ княжескому въ буквальномъ смыслѣ двору по рѣкѣ, что видно изъ указанія лѣтописца, что ночевать они пошли въ свою „лодью". Если далѣе, вспомнить жестокую смерть Игоря—какъ намъ разсказываютъ, онъ былъ разорванъ въ вышинѣ двумя пригнутыми деревьями,—то мы можемъ до нѣкоторой сте-

пени охарактеризовать взаимоотношенія между княземъ Кіевскимъ, варягомъ, чужакомъ, сидящимъ на главномъ водномъ трактѣ, и населеніемъ лѣсного края, съ котораго этотъ князь собиралъ дань—бяше акы вълкъ, восхыщая и грабя.

Такимъ образомъ, могущественные отпрыски варяжскихъ шаекъ получали свои барыши довольно рискованнымъ путемъ; а значитъ и выгоды были значительны, чтобы такъ стоило рисковать изъ за нихъ.

Вотъ почему Святославъ, который, по выраженію лѣтописца „лъгко ходя, акы пардусъ“ и „нача вои совокупляти многы и храбры“ однажды заявилъ своей матери, той же княгинѣ Ольгѣ:

— Не любо ми есть въ Кыевѣ быти, хочю жити въ Переяславли на Дунаи, яко тамъ есть середа земли моей, яко ты вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволокы, вина, овощеве разноличнія, изъ Чехъ же, изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скора (мѣхъ), воскъ, медъ и челядь.

— Русскіе князья, говоритъ Костомаровъ въ І-мъ томѣ своей замѣчательной Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей,— еще долго проявляли свое древнее значеніе предводителей воинственныхъ шаекъ,—и шаекъ настолько дерзкихъ, что еще Владиміръ Святой, учреждая свои веселые пиры, на которыхъ „бываше множество отъ мясъ, отъ скота, отъ звѣрины, по изобилію всего“ слыхивалъ со стороны своей дружины весьма непріятныя вещи:

— егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще:—Зъло есть нашимъ головамъ, да намъ ясти деревянными лжицами, а не cребряны!—

Этотъ ропотъ дружины своей, выросшей изъ первоначальныхъ безвѣстныхъ шаекъ Владиміръ принялъ къ свѣдѣнію. Онъ распорядился сковать для нихъ серебряныя ложки, разсуждая въ высшей степени положительно:

— яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу (то есть найду) сребро и злато, яко дѣдъ мой доискася дружиною злата и сребра.

Однако, Игорю и его дружина, какъ мы видѣли, не помогла доискаться пріятныхъ этихъ вещей. Эта княжеская сила особенно годилась именно въ городахъ, за ихъ крѣпкими тынами, тогда, когда она опиралась на мечи скандинавскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ наемниковъ, а равнымъ образомъ и мѣстныхъ пройди-свѣтовъ. Въ этой своей формѣ существованія князь былъ связанъ дѣловыми связями съ классомъ торговымъ, который по особенностямъ торговли того времени, сближавшимъ типъ торговаго гостя съ типомъ военнаго авантюриста, подходилъ къ князю по складу своего характера: и тѣ и другіе гонялись за золотомъ, и шли общимъ рискованнымъ путемъ. Такимъ образомъ этотъ торговый классъ былъ заинтересованъ въ военной охранѣ своихъ каравановъ, то есть во власти князя, и вотъ почему мы и въ Кіевской Руси, и въ Новгородѣ Великомъ видимъ взаимодѣйствіе этихъ двухъ интересовъ, сливавшихся въ формѣ вѣчевого правленія.

Земля, вѣроятно, этой торгово-военной администраціи подчинялась съ большимъ трудомъ. Собственно, никакого подчиненія земли, въ смыслѣ возможности ея постояннаго администрированія и не было; земля только платила дань, зачастую съ инцидентами, вродѣ Игоревскаго, а бравшіе эти цѣнности во время своихъ объѣздовъ князья—

не старались вводить въ жизнь своихъ подданныхъ, платившихъ дань новые обычаи, ломать ихъ, а оставляли ихъ съ ихъ внутреннимъ строемъ, лишь бы тѣ давали дани и поборы. (Костомаровъ).

Карта Русской земли при кн. Владимирѣ Святомъ была растянута въ меридіанальномъ направленіи, и это растяженіе

покоилось, кромѣ географическаго, на коммерческомъ меридіанѣ. Стержень ея—„путь изъ Варягъ въ Греки“:

— изъ Греціи по Днѣпру волокъ до Ловати, по Ловати внизъ внити Ильмень, озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево; того озера внидетъ устье въ море Варяжское, и по тому пути итти въ Римъ—, говоритъ Несторъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ.

Въ ширину Русская земля опять таки опредѣлялась бассейнами рѣкъ:

— Новгородская земля—берега рѣкъ Волхова, Невы, Мсты; земля Ростовская, земля Смоленская въ верховьяхъ Волги и Днѣпра; земля Полоцкая—на Двинѣ; земля Сѣверская на Деснѣ; земля Полянъ или Кіевская—на Днѣпрѣ; земля Древлянъ—восточная Волынь, Родимичи на Сожи, Вятичи—жители Оки и ея притоковъ. (Костомаровъ).

Соотвѣтственноэтому—культура Кіевскаго періода—культура городская. За тыномъ крѣпкихъ городовъ, среди толпящихся мѣстныхъ и пріѣзжихъ, видавшихъ виды гостей, среди военныхъ дружинниковъ шла богатая, привольная жизнь, жизнь свободная и экзотическая, жизнь, похожая на жизнь современныхъ культуртрегеровъ въ Азіи и въ Африкѣ, на колонизированныхъ островахъ. Эти люди торговали, торговали преимущественно съ Византіей, но въ Византіи эту публику не жаловали настолько, что не допускали внутрь городскихъ стѣнъ, а останавливали таборомъ внѣ города, такъ какъ греки не безъ основанія боялись ихъ вѣроломной предпріимчивости и грабительской отваги; конечно, этихъ парвеню чуждались и высшіе классы столицы Ромеевъ—слава сомнительныхъ коммерсантовъ, или людей, продающихъ свой мечъ, никогда не была особенно велика. Тѣмъ болѣе было поводовъ для удачливыхъ коммерсантовъ, и для военныхъ предпринимателей стараться хотя бы отчасти достичь у себя дома видѣннаго въ чужихъ земляхъ великолѣпія.

— При князьяхъ такъ называемаго Рюрикова дому господствовало полное варварство—, свидѣтельствуетъ Костомаровъ. И естественно, и эта „культура“,—и весь бытъ носили экстерриторіальный, застѣнный характеръ, который отлично объяснитъ ту сравнительно большую пышность Кіевскаго періода, которая не мало соблазнила умовъ, какъ свидѣтельство ранней высокой, специфически славянской культуры. Да, за стѣнами городовъ-блокгаузовъ древней Руси, собиралось золото, серебро, самоцвѣты, мѣха, строились дворцы и храмы, но если Кіевскій князь попадается въ руки внѣстѣнныхъ сосѣдей, имѣющихъ къ тому же собственныхъ князей, и потерпитъ неудачу въ войнѣ—его разорванныя половины, брызгая кровью, взлетаютъ на вершинахъ деревъ.

Насъ не долженъ плѣнять этотъ отраженный отъ греческихъ храмовъ и дворцовъ блескъ, перенятый небольшими кучками выходцевъ изъ чужихъ и своихъ земель, усѣвшихся на естественныхъ складахъ естественныхъ богатствъ, въ своего рода факторіяхъ старой дряхлѣющей культуры, задешево обиравшей простодушный и первобытный туземный народъ и создававшей недолговѣчныя пустоцвѣты эллинскихъ культуръ въ нашихъ просторахъ. Культура Кіевской Руси ни въ коемъ случаѣ не была культурой въ этимологическомъ смыслѣ этого слова, то есть культурой поля. Только черезъ собственное обработанное поле приростаетъ человѣкъ къ землѣ, начинаетъ вести интенсивную жизнь, какъ учитъ насъ объ этомъ богатый опытъ Европы: только сѣвши на землю, подъ покровительствомъ бога Терма, таскающаго за волосы нарушителей собственности, достигли латиняне той высокой степени развитія, которая до сей поры цѣнится нами, какъ классическія дрожжи всего современнаго человѣчества.

Городская культура Кіевской Руси, торговавшей „медомъ, воскомъ, шкурами и челядью“, — конечно, никакъ не была заинтересована въ превращеніе въ земледѣльцевъ тѣхъ туземныхъ племенъ, которыя попали въ сферу ея воздѣйствія. Она эксплоатировала эти племена, а не устраивала ихъ,

не обихаживала ихъ. Система городовъ Кіевской Руси была въ культурномъ отношеніи въ полной зависимости отъ Византіи или отъ Скандинавіи: это ихъ выброшенныя далеко, причудливыя колоніи. Элементы, приходившіе сюда, предпочитали быть первыми среди варваровъ, нежели предпослѣдними у себя дома, и поэтому устраивались здѣсь болѣе менѣе напрочно, вступая въ прочную связь съ населеніемъ. И эта городская культура, этотъ городской бытъ были бытомъ именно торговой буржуазіи, либо военного класса, а не какъ не бытомъ раба, смерда, „мужика-деревенщины“.

При такомъ положеніи вещей князья на свои столы смотрѣли какъ на доходныя мѣста. Традиція городовъ, традиція дружины выдѣлили изъ себя особый родъ князей—Рюриковичей, которые стали князьями такъ же по традиціи, какъ были на Руси традиціонные купеческіе и духовные дома и семьи. Но если выборъ такой профессіи, какъ духовная, всецѣло зависѣлъ отъ одного лица, лица княжьей профессіи были связаны со своими отрядами.

Дѣйствительно, князь былъ не одинъ на своемъ дѣлѣ; его дружина отлично понимала толкъ въ серебряныхъ ложкахъ, и поэтому должна была добиваться увѣренности, что при смѣнѣ князя она не очутится въ неизвѣстности, а найдетъ нѣкій регулярный выходъ: человѣчество приспособится къ какимъ угодно законамъ, и не можетъ приспособиться только къ одному—жить совершенно въ неопредѣленности, безъ законовъ.

Необходимый порядокъ въ родѣ великаго князя внесла наслѣдственная преемственность; но возникшіе впослѣдствіе отсюда же удѣлы, принесли съ собой характерную черту нашего ранняго историческаго склада—усобицы.

Какъ только число городовъ, гдѣ могли княжить, то есть жить и извѣстнымъ образомъ кормиться князья одного княжьяго рода на одну единицу оказывалось менѣе числа претендентовъ по происхожденію, окруженію, характеру сво-

ему заявлявшихъ о желаніи быть княземъ—почва для междуусобія была готова. Права, конечно, не было и на первый планъ выступала сила, еще покуда не обратившаяся въ право.

Городъ былъ конторой по сбору, добычѣ и сбыту цѣнностей, находившихъ себѣ большой спросъ на международномъ рынкѣ того времени; можно сказать, что онъ былъ просто техническимъ средствомъ пріобрѣтать то, что могло было быть вымѣняно въ Византіи на столько прекрасныхъ вещей. А эти вещи, этотъ обмѣнъ, въ свою очередь обусловливалъ возможность извѣстнаго типа жизни этого класса, и военнаго и торговаго одновременно, уже плотно взошедшаго какъ въ международный обиходъ того времени, такъ и во вкусъ своего господства; титулъ князя въ чужихъ земляхъ начиналъ звучать болѣе эффектно, нежели у себя дома. Неудивительно, что внутренняя инерція этихъ обстоятельствъ и обусловила жестокую междукняжескую борьбу за города, какъ за ключъ къ богатымъ землямъ.

Ключъ этотъ былъ не въ самомъ физическомъ городѣ, но въ естественной цѣнности его земли и ея богатствъ. Княжеское и городское хозяйство того времени не было промышленнымъ; оно было хищническимъ, то есть довольствующимся случайно урваннымъ малымъ процентомъ, дававшимъ однако по реализаціи средства значительныя по стандарту общей жизни того времени. Такимъ образомъ—главное дѣло было въ томъ, чтобы такъ или иначе, а захватить городъ; пусть онъ будетъ сожженъ, раззоренъ, пусть перебита и позорена будетъ земля. Черезъ годъ, все равно, само собою притечетъ столько естественныхъ богатствъ, сырья,—говоря современнымъ языкомъ, что можно будетъ построить и палаты, и купить коней, наковать дружинѣ серебряныхъ ложекъ и построить церковь—Десятинную, то есть получающую 1/10 княжескаго дохода, на предметъ поддержанія благолѣпія, необходимаго для соревнованія съ благолѣпіемъ церквей Византіи.

Князья, какъ мы знаемъ, не очень церемонятся ни въ усиліяхъ, ни въ средствахъ для того, чтобы создавать и поддерживать культуру сего рода. Владиміръ Мономахъ говоритъ въ своемъ Завѣщаніи, что отъ городу Минска, отъ его населенія и отъ земли мало что осталось, когда его бралъ этотъ благочестивый и мудрый князь. Отношеніе князей къ управляемымъ ими областямъ становятся мало по малу таковы, что они не стѣсняются для подкрѣпленія своихъ притязаній пользоваться иноземной наемной силой всегда готовой пойти на чужую слабую страну. Владиміръ Святой укрѣпился въ Кіевѣ силой скандинавовъ. Будучи не въ состояніи противостоять брату своему Ярополку, по смерти ихъ отца Святослава, онъ изъ Новгорода, гдѣ княжилъ, убѣжалъ съ дядей Добрыней въ Швецію, гдѣ набралъ себѣ чужеземную рать, съ которой и воротился домой въ Новгородъ. Конечно, чужеземная рать стоила не мало, и главные расчеты при этомъ были на то, что она себя не только прокормитъ, но и заработаетъ на этомъ дѣлѣ. Мы можемъ также предположить, что чужеземцы даже финансировали подобныя предпріятія, эти экспедиціи русскихъ князей, наводившихъ рати на свою землю.

Въ нашей исторіи мы имѣемъ массы примѣровъ такого наведенія. Великій князь Ярославъ убѣгалъ въ Швецію набиралъ рать тамъ противъ своего отца Владиміра Святого. Эта варяжская рать, между прочимъ, въ Новгородѣ, во дворѣ какого то Поромони, была перебита народомъ, возмущеннымъ ея безобразничаньемъ. Однако, въ 1016-мъ году Ярославъ снова выступилъ противъ Кіева съ 40.000 войскомъ новгородскимъ въ числѣ котораго бала 1.000 варяговъ подъ начальствомъ Эймунда, сына норвежскаго князя Ринка.

Съ противной стороны Святополка—(Владиміръ Святой скончался въ это время), участвовали половцы. Но сей разъ побѣдилъ Ярославъ. Но въ 1018-мъ году Святополка поддержалъ польскій король Болеславъ Храбрый и Ярославу пришлось бѣжать изъ Кіева, направляясь опять въ Новгородъ,

откуда онъ собирался снова за ратью въ Швецію, куда его не пустили новгородцы, говоря, что они сами будутъ биться съ противникомъ, и даже во избѣжаніе отплытія князя, порубили потребныя на то лодки. Весь Новгородъ и вся земля были обложены налогомъ, всѣ должны были заплатить по четыре куны (рудиментъ мѣховыхъ денегъ). На эти деньги опять были наняты варяги.

Но Болеслава Храбраго къ времени сформированія новаго войска на сторонѣ Кіева не оказалось—поляки въ Кіевѣ были перебиты народомъ, а самъ Болеславъ убѣжалъ въ Польшу. Святополкъ бросился за помощью къ печенѣгамъ, но былъ жестоко разбитъ вмѣстѣ съ ними на берегахъ р. Альты (1019 г).

Противъ Ярослава поднялся братъ—Мстиславъ Тмутараканскій (нынѣ Керчь), съ помощью косоговъ и хазаръ. Со стороны Ярослава, по постоянной его оріентаціи, участвовали опять варяги, подъ командой Якуна-Гаакона, который убѣгая съ поля проигранной Ярославомъ битвы, бросилъ свой златотканный плащъ.

Указанныя выше возстанія жителей городовъ и избіенія ими чужеземцевъ показываютъ, насколько солоно приходилось имъ участіе наемныхъ дружинъ, даже тогда, когда эти дружины были на сторонѣ ихъ князя. Еще горше были нашествія этихъ дружинъ съ вражеской ратью, потому что грабежъ и военная добыча была основнымъ стимуломъ этихъ ландскнехтовъ.

Раздоры и усобицы князей становится настоящимъ бѣдствіемъ для всей земли, которая отъ княжеской власти не процвѣтала, не росла, а раззорялась. Къ этому бѣдствію присоединяются и другія бѣдствія, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ набѣги сосѣднихъ южныхъ кочевыхъ конныхъ племенъ на нашу землю, конечно, съ той же цѣлью грабежа. Современникъ даетъ намъ яркую картину бѣдствій

нашего народа, когда его уводили въ плѣнъ половцы, гнали въ свои „вежи“:

— Печальные, измученные, истомленные голодомъ, и жаждой, нагіе и босые, черные отъ пыли, съ окровавленными ногами, съ унылыми лицами, шли они въ неволю и говорили другъ другу: я изъ такого то села, я изъ такого то города, разсказывали о родныхъ селахъ своихъ.

По положенію вещей, въ X и XI вѣкахъ нашей исторіи для русской земли вполнѣ умѣстно бы пришлось существованіе Великой стѣны, подобной китайской, для охраны отъ раззорительныхъ этихъ набѣговъ и отъ порабощенія. Но дѣло въ томъ, что для этого на русской землѣ не было тогда ни потребной для ея обороны культуры, ни центральной сильной единой государственой власти.

Набѣги печенѣговъ и половцевъ продолжались въ теченіе X и XI вв. Князья должны были бы встать на защиту земли, буде ихъ власть имѣла бы государственный характеръ, но все направленіе ихъ мыслей и дѣйствій было совершенно другимъ. Правда, въ словахъ на съѣздѣ въ Любечѣ мы какъ будто бы встрѣчаемся съ пониманіемъ обстановки:

— Зачѣмъ мы губимъ русскую землю, говорилось тамъ, зачѣмъ враждуемъ между собою? Половцы раззоряютъ землю; они радуются тому, что мы воюемъ другъ съ другомъ! Пусть отнынѣ у насъ будетъ единое сердце. Соблюдемъ свою отчину!

На томъ съѣздѣ были опредѣлены извѣстные города для главныхъ князей, а на всякаго зачинщика междуусобія было рѣшено ополчиться сообща. Но вскорѣ же послѣ съѣзда, въ Бѣлгородѣ, у Василька, князя надъ городкомъ Теребовлемъ, по приказанію Святополка Кіевскаго нѣкій торчинъ ножемъ вырѣзалъ оба глаза.

Борьба князей послѣ этого стала еще болѣе ожесточенной, несмотря на государственную идею, проявившуюся уже на Любечскомъ съѣздѣ.

Но откуда же приходитъ эта, столь ясно осознанная государственная идея, хотя столь еще далекая отъ дѣйствительности? Трудно предположить, что она—родилась именно въ князьяхъ самихъ; слишкомъ ужъ слова ихъ разнятся отъ дѣлъ. Мы съ извѣстной вѣроятностью можемъ допустить, что эта идея вложена въ уста князей лѣтописцемъ, по старой манерѣ историковъ изображать героевъ произносящими мудрыя и патетическія рѣчи.

Если это такъ, то кто же этотъ лѣтописецъ?

Русскимъ лѣтописцемъ той отдаленной эпохи по преимуществу былъ монахъ греческой вѣры.

Въ IX вѣкѣ, одновременно съ распространеніемъ по пути изъ Варяговъ въ Греки варяжскаго меча, наряду со все ростущимъ знакомствомъ съ новыми землями и новыми племенами, наряду съ устроеніемъ городовъ и ростущимъ ихъ торговымъ оборотомъ, втягивающимъ въ себя массы людей, мы видимъ византійское апостольское движеніе въ русскую землю. Навстрѣчу варяжскому мечу движется византійскій крестъ.

Въ пріукрашеніи этого послѣдняго движенія не мало постарались рачительные благочестивые историки. Согласно преданія уже апостолъ Андрей былъ на горахъ Кіевскихъ, гдѣ и воздвигъ первымъ крестъ Христовъ, подобно тому, какъ по преданію апостолъ Ѳома первымъ проникъ для благовѣствованія въ Китай. Но наряду съ этимъ простительнымъ и понятнымъ рвеніемъ къ пріукрашенію церковнаго авторитета апокрифической древностью, первыми проповѣдниками среди славянъ мы видимъ „учителей словенстіихъ“—св. братьевъ Кирилла и Меѳодія, грековъ по происхожденію, которые совершаютъ огромный трудъ, впослѣдствіе неизгладимо формирующій всю нашу русскую исторію и культуру—а именно переводъ на болгарскій языкъ св. Писанія,— языкъ,

который всегда былъ отличенъ въ большей или меньшей степени отъ того, которымъ говорила русская земля, и тѣмъ не менѣе, остался въ нашемъ быту подъ именемъ церковнославянскаго.

За этими твореніями первой письменности движется на Русь рать чернецовъ. Это былъ особый монашескій подвигъ. Съ самыхъ раннихъ вѣковъ кіевскаго христіанства на первый планъ въ его идеалѣ выступаютъ идеалы аскетическіе, монастырскіе; подобно тому, какъ варяжскаго рода князья сидятъ въ крѣпкостѣнныхъ городахъ, крѣпкія стѣны монастырей надежно окружаютъ сіяющій впервые въ этихъ мѣстахъ крестъ: такія предосторожности, м. б., были не излишни.

Воинамъ варягамъ и ихъ роду было сперва не до установленія государственнаго порядка. Владѣвшіе однимъ лишь мечомъ, добывавшіе имъ золото, они не составляли своихъ генеалогій, не вели лѣтописей; не владѣющіе книжной рѣчью, они скоро попали подъ вліяніе тѣхъ, кто владѣлъ не только мѣстной, но и образованной, греческой рѣчью, кто умѣлъ составить грамоту, документъ, рѣчь, кто былъ крѣпокъ ученіемъ того великаго города, который царилъ надъ этимъ восточнымъ краемъ, и откуда шли прочія „благая"—ученіемъ Царя-города, кто былъ крѣпокъ греческой вѣрою.

— Въ эпоху, когда Русь приняла христіанство, говоритъ Костомаровъ въ своей статьѣ о преподобномъ Ѳеодосіи Печерскомъ, православная церковь была пропитана монашескимъ духомъ и церковное благочестіе находилось подъ исключительнымъ вліяніемъ монастырскаго идеала.

Вотъ почему уставъ Кіево-Печерской обители—сколокъ съ устава одного изъ строжайшихъ монастырей—Студійскаго; презрѣніе къ плоти, отрицаніе ея, истощеніе, уничиженіе—вотъ идеалы монаха, бѣгущаго соблазна міра. И черныя фигуры нашихъ иноковъ тѣмъ рѣзче выступаютъ на

фонѣ пестрыхъ и золотыхъ одеждъ рюриковичей-князей, на фонѣ ихъ непринужденнаго житья-бытья.

— И единъ отъ днiй шедъшю тому благому и богоносному отцю нашему Өеодосiю, разсказываетъ намъ житiе преподобнаго, и яко вниде въ храмъ, идеже бѣ князь сѣдя и се видѣ многыя играющи прѣдъ нимъ, овы гусельныя гласы испущающе, другыя оръганьныя гласы поюще, и инѣмъ замарьныя пыски гласящемъ, и тако вьсѣмъ играющемъ и веселящемъся, яко же есть обычай предъ княземъ. Блаженный же бѣ въскрай его сѣдя и долу нича, и яко малы склонивъся, рече къ тому: то будеть ли сице на ономъ свѣтѣ? тоже ту абiе со словомъ блаженнаго умилися и малы прослезися, повелѣ тѣмъ прѣстати, и оттолѣ аще коли приставяше тыя играти, ти слышавше блаженнаго пришедьша, то повелѣваше тѣмъ престати отъ таковыя игры.—

И другiе знаки почтенiя къ иноческому чину выказывалъ этотъ князь Изяславъ. Извѣстенъ случай, когда онъ, съ „малымъ отрокъ“, то есть съ небольшою свитою, подъѣхалъ къ воротамъ Печерской обители, въ часъ вскорѣ за полуденнымъ, когда вся братiя почивала ради предстоящаго ночного бдѣнiя. Князь впущенъ не былъ въ ограду, и привратникъ сослался на приказанiе игумена Өеодосiя. Правда, дѣло потомъ разъяснилось, но примѣръ весьма характеренъ, и доказываетъ, что скромный черноризецъ „не боялся высокихъ владыкъ“.

Причина этой собинности, автономности первыхъ русскихъ монастырей въ томъ, что они были какъ бы островками Византiи въ темномъ сплошномъ лѣсномъ варварскомъ славянскомъ морѣ, надъ которымъ вообще не было власти, и которое надо было „просвѣщать“. Но не одни только благочестивыя желанiя и цѣли были при этомъ благочестивомъ дѣлѣ у руководителей нашей церкви. Вѣра была Византiйской, явилась оттуда, откуда, являлись и прочiя „благая“; пусть въ

извѣстномъ разсказѣ о выборѣ вѣры св. княземъ Владимиромъ и подчеркивается безпристрастіе князя при этомъ выборѣ, но на самомъ то дѣлѣ выбрана была вѣра того государства, съ которымъ находились въ особо живыхъ торговыхъ сношеніяхъ, которое являлось мѣриломъ достиженій цивилизаціи. Крещеніе Руси было прежде всего политическимъ актомъ, какія бы то формы выраженія онъ не имѣлъ; это подтверждаютъ и греческія лѣтописи, гласящія, что въ помощь за оказанныя Византіи услуги въ дѣлѣ подавленія возстанія Варды, кн. Владимиру была обѣщана рука царевны Анны, отъ чего, однако, византійцы по подавленіи отперлись. Тогда Владимиръ осадилъ греческую колонію Корсунь—Херсонесъ, и вынудилъ выдать за него царевну, что чрезвычайно льстило его самолюбію. Ради женитьбы на этой ромейкѣ онъ и крестился. Крещеніе было не крещеніемъ Руси въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать, будто бы по выходѣ изъ Днѣпра все населеніе Кіева явилось въ мгновеніе ока сплошь православными христіанами; то было лишь началомъ крещенія Руси, началомъ дѣла которое затянулось на вѣка, какъ въ смыслѣ выработки настоящаго русскаго православнаго идеала, а равнымъ образомъ и въ смыслѣ длительности проповѣди этого идеала въ разныхъ племенахъ многосоставнаго населенія нашей родины. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что владыки, зависѣвшіе отъ Византіи, въ которой религіозные интересы были развиты въ невѣроятныхъ размѣрахъ, взяли и ея вѣру: безъ нея трудно было бы достичь византійскаго великолѣпія — чего особенно они добивались. При этомъ положеніи, конечно, представители Византіи—чернецы,—должны были сохранять, до поры до времени, свою религіозную и государственную державность и независимость.

И дѣйствительно, съ первыхъ же шаговъ христіанства на Руси, Ѳеодосій Печерскій беретъ совершенно отчетливую греческую оріентацію, почти политически противополагая себя „латынцамъ". Въ словѣ о „вѣрѣ греческой и латынской"

сей непреклонный аскетъ, строжайше ведшій свою паству говоритъ:

> — Вѣрѣ же латынской не прилучатися... занеже же латыняне неправо вѣрують и не чисто живуть, ядять со псы и кошьками... ядять же львы и дикіе кони, и осьлы, и удавленину, и мертвечину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровъ, и въ говѣнье мяса ѣдять, пущающе въ воду. А попове ихъ не женяться, и на войну ходють, и оплатькомъ служать, иконъ не цѣлують, ни мощей святыхъ...

Подобные обвинительные акты противъ Церкви Западной далеко не единичны въ молодой Восточной Церкви на Руси. Это недоброжелательство къ латыньской вѣрѣ, сравнительно незадолго отдѣленной отъ вѣры восточной, было питаемо ревностью Византіи за пріобрѣтаемое вліяніе въ новыхъ земляхъ. Что могла думать Византія, посылая своихъ монаховъ въ эти земли, какъ не то, чтобы наряду съ значительными матеріальными выгодами, расширить на Востокъ свое вліяніе силою церкви, этого стержня теократической монархіи Византіи, и создать новую обширную Имперію, подобную той, которую тысячу лѣтъ тому назадъ создалъ Римъ. Второй Римъ, Имперія Ромеевъ, отнюдь не желала возрожденія Рима Перваго, и мечталъ о распространеніи именно своей собственной власти. А то и просто, византійскіе правители расчитывали, что можетъ быть сидящій у княжескаго кіевского престола черноризецъ ихъ вѣры предотвратитъ иной разъ лихой морской набѣгъ этихъ безпокойныхъ людей на ихъ колоніи.

Для церковныхъ людей на Руси Византія долго оставалась метрополіей. Она для нихъ была подлиннымъ Царь-городомъ, гдѣ сидѣлъ правитель и хранитель всего православія—патріархъ Константинопольскій, соправитель могучаго Императора. Оттуда получала свою инвеституру вся сѣть русскаго духовенства, изъ за чего, именно, и откроется впослѣдствіе борьба съ Константинополемъ при первыхъ по-

пыткахъ русской образующейся государственности выйти изъ подъ этой византійской опеки.

Но до того времени Русская Церковь пользовалась правами экстерриторіальности, опираясь на свои византійскія связи, будучи отдѣленіемъ Церкви Восточной, Константинопольской. Такъ напримѣръ, епископа Владимирскаго Ѳеодора, любимца князя Андрея Боголюбскаго, поставленнаго по его протекціи въ 1168-мъ году патріархомъ Византійскимъ Лукой Хризоверхомъ, непризнало было непривыкшее къ новымъ порядкамъ духовенство Владимира, требуя принятія Ѳеодоромъ благословенія по инстанціи отъ Митрополита Кіевскаго, и стало волноваться. Епископъ—Ѳеодоръ отвѣтилъ вполнѣ самостоятельно энергическими мѣрами: онъ пыталъ непокорныхъ монаховъ и священниковъ, рвалъ имъ бороды, выжигалъ глаза, рубилъ головы, рѣзалъ языки, отбиралъ у нихъ имѣнія. Наконецъ самому покровителю Андрею пришлось препроводить этого не въ мѣру ретиваго пастыря въ распоряженіе Митрополита Кіевскаго, который, слѣдуя византійскому обычаю, урѣзалъ ему языкъ, отсѣкъ правую руку и выкололъ глаза. Отсюда очевидно, что самостоятельная церковная юрисдикція простиралась чрезвычайно далеко.

Сонмъ монастырей и подчиненнаго монашеству бѣлаго духовенства, никогда не бывавшаго на Руси на первомъ мѣстѣ, этотъ сонмъ, руководимый и вдохновляемый изъ Византіи, представлялъ изъ себя огромную дѣйственную составную силу нашей исторіи, ибо въ монастыряхъ, можно сказать, сосредотачивалась вся доступная тогда наука, богословіе, мораль.

— Монастырей, говоритъ одинъ путешественникъ по Россіи значительно позднѣе, въ 1570-мъ году,—здѣсь такое множество, что на пространствѣ двухъ или трехъ миль найдется монастырь.

Такимъ образомъ, образъ духовной жизни сталъ сплошною монополіей духовенства греческой вѣры. Русское обще-

ство—если мы вообще имѣемъ право говорить о таковомъ, говорило языкомъ вѣры и было поставлено передъ фактомъ установленія на Руси специально церковной письменности.

Эта письменность была настолько же экстерриторіальна, насколько экстерриторіальными были сами монастыри, по отношенію къ населенію. Ея сокровища были цѣликомъ пересаживаемы въ дѣвственную русскую почву изъ лукавой, условной, искушенной въ философствованіяхъ и словопреніяхъ, упадочной Византіи. Въ X-мъ, XI-мъ вѣкѣ это было все то, что тому времени дала византійская и просто условная западная наука. Но если латынь западной церкви могла была быть примѣнена къ чтенію древнихъ авторовъ во время Ренессанса, церковно-славянскій нашъ языкъ остался сугубо церковнымъ и книжнымъ. Въ немъ пребывала масса учительной литературы, церковнаго характера что и клало извѣстный отпечатокъ на наше общество и духовный складъ его. Общественная мысль, свѣтская письменность давятся этой косной массой византійщины и славянщины (еще разъ напомнимъ судьбу Слова о полку Игоревѣ). Историки русской литературы отмѣчаютъ, далѣе, что этотъ условный духовный запасъ, въ который кромѣ письменности, входило и церковное краснорѣчіе и каллиграфія, пребывалъ у насъ совершенно неизмѣняемъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

При такомъ положеніи вещей мы можемъ смѣло сказать, что на Руси въ періодъ византійско-варяжскій не было иной мысли, кромѣ церковной. Это заявленіе должно приниматься въ смыслѣ утвержденія исключительнаго воздѣйствія этой мысли не структуру общества и государства. Еретики, либералы, протестанты всегда были и будутъ, но то время не было ихъ временемъ.

Изъ круга подобной церковной мысли Западная Европа выходитъ уже съ XII-XIII вѣковъ; XIV вѣкъ приноситъ ей Ренессансъ и Гуса, XV открытіе Америки и книгопечатаніе, XVI гуманизмъ (подобнаго которому русская наука не знаетъ до сихъ поръ, скорбно замѣчаетъ по этому поводу Пыпинъ),

реформацію, искусство, Коперника, XVI—Декарта, Галилея, Кеплера. Это есть результатъ просвѣщенія и образованія, при помощи которыхъ начинаетъ бить свѣжимъ ключемъ вольная мысль, создавая жарко грѣющій очагъ европейской цивилизаціи. У насъ — наоборотъ: просвѣщеніе, будучи церковно-традиціоннымъ и условнымъ, было настолько плохо, что является даже подозрѣніе,— не намѣренно ли такъ дѣйствовали византійскіе выходцы, чтобы имѣть возможность при помощи такого низкаго уровня массъ поддерживать свой авторитетъ единственно на основаніи котораго велась тогда борьба съ Западомъ, съ просвѣщенными латынянами.

Въ 1570-мъ году Кобенцель записываетъ: — во всей Московіи нѣтъ школъ, и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, что учатся въ монастыряхъ; а потому изъ 1000 едва найдется одинъ, который умѣетъ читать и писать. —

По этому поводу митрополитъ Филаретъ въ Исторіи Церкви замѣчаетъ:—думаемъ, что едва ли на 2000 приходился одинъ, умѣющій читать и писать.—

Въ результатѣ такого положенія вещей самъ Великій Князь и герой Куликовской битвы Дмитрій Ивановичъ Московскій „не былъ хорошо изученъ книгамъ". Василій Темный и вовсе былъ неграмотенъ. Извѣстны случаи, когда за князей, за дѣтей боярскихъ, за богатыхъ купцовъ „прилагали руку" ихъ духовные отцы. Даже Церковь, въ распоряженіи которой были эти школы—сама порой приходила въ отчаяніе. Митрополитъ Исидоръ на Флорентійскомъ соборѣ 1439-го г. заявилъ папѣ Евгенію, что де „наши епископы — люди некнижные". Митрополитъ Кипріанъ говоритъ:—„невѣжи попы и діаконы"; а въ письмѣ владыки Геннадія къ митрополиту Симону (конецъ XV вѣка) содержится такая слезница по этому же поводу:

— А пуще того беззаконіе по всей землѣ ведется, мужики озорные на крылосѣ поютъ и паремью и апостолъ

чтутъ, да еще въ олтарь ходютъ; ино бы то беззаконіе вывести. Да билъ есми Государю Великому Князю, чтобы велѣлъ училища учинити. А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ дати, и онъ едва бредетъ, и язъ его оторку, и они извѣтъ творятъ:—земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто гораздъ грамотѣ! Ино де вѣдь всю землю излаялъ, что де нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрать на поповство.

Становится совершенно понятнымъ, почему монастырь и церковь, вообще, пріобрѣтали столь важное значеніе на общемъ фонѣ скудности духовной земли Русской. Монастырь, его общежитіе на зарѣ исторіи нашей былъ цитаделью, гдѣ засѣдали собранія относительно ученыхъ, бывалыхъ, опытныхъ, видавшихъ виды людей, среди которыхъ единственно было возможно набрать подручныхъ по управленію государствомъ.

— Здѣсь въ монастырѣ сосредотачивалось все русское общество земли, весь ея умъ, и весь опытъ и бывалость въ жизни. Нерѣдко въ кельяхъ монастырскихъ предъ лицомъ братіи разрѣшались междукняжескія важныя дѣла, развязывались запутанные узлы ихъ отношеній,—

такъ И. И. Забѣлинъ очерчиваетъ значеніе монастырей въ дѣлѣ лѣтописи, излагая, почему монахи, казалось бы удаленные отъ жизни, въ то же время достаточно точно знали государственныя дѣла.—„Должно думать“ полагаетъ и С. М. Соловьевъ, „что духовныя лица, какъ первые грамотеи, были первыми дьяками, первыми секретарями великихъ древнихъ нашихъ князей“.

Вотъ слѣдовательно почему значительную часть нашей отечественной исторіи мы знаемъ только прошедшею аналогій монаха, очищенною и претворенною его внутреннимъ окомъ, специфической его апперцепціей. Изъ нея все тщательно изглажено, все замолчано, все обойдено то, что могло бы возмутить духъ вѣрующаго, или, еще хуже, породить въ немъ

сомнѣніе. Какъ въ древнихъ городахъ нашихъ дошли до насъ только древнія церкви, такъ и въ исторіи нашей мы видимъ сохранившейся именно византійщину и церковность. Въ тихости церковныхъ оградъ и сводовъ, въ спокойствіи лѣтописей мы не видѣли и не пріобыкли видѣть той борьбы, которую вели наши „Цари и Патріархи“ вмѣстѣ съ черноризцами за укрѣпленіе своей власти, за русскую государственность. Въ нихъ смягченъ отдаленный звонъ мечей, не такъ раздаются крики междуусобной распри, обуревавшей, вольную княжескую ватагу, перемѣшавшей кровь варяга со славянской, греческой, половецкой, печенѣжской кровью; и мы часто можемъ только гадать о подробностяхъ историческаго процесса, которыхъ не передало намъ намѣренно небезпристрастное перо монаха.

Лѣтописцы иноки сумѣли описать всѣ эти историческія событія такъ, что они оказались похожими на спокойныя чопорныя фрески православныхъ храмовъ. Но спокойствіе это куплено дорогой цѣной: ходъ дѣйствительной русской исторіи шелъ инымъ путемъ, а не тѣмъ, какъ изображали его монахи. Онъ бушевалъ въ другихъ руслахъ, но монастыри оказались неприкосновенными къ неурядицамъ княжескихъ усобицъ; ихъ охранила и Великая Яса Хана Чингиса, заповѣдавшая не трогать служителей никакихъ культовъ, не зорить ихъ гнѣздъ; монастыри вообще уцѣлѣли отъ того, что происходило на Руси въ XII, XIII, XIV вѣкахъ, и уцѣлѣвъ, они заявили себя непоколебимыми наслѣдниками Византіи, той Византіи, которая была уже взвѣшена, и дни которой были уже сочтены; они явились ея эпигонами.

Благочестивые лѣтописцы все время не выводятъ насъ ни изъ княжескаго росписного терема, ни изъ пышной и пестрой церкви. Духовенство и князь, эти два главныхъ дѣйствующихъ лица нашей исторіи, являлись, однако, только случайными сгустками на чреватой грядущимъ, бушующей поверхности русскаго племенного моря. Усобицы князей не были дѣломъ рукъ исключительно княжескихъ; ихъ распро-

страненность, мы бы сказали—популярность, доказываетъ, что онѣ были обычаемъ, перенятымъ отъ самихъ этихъ разноличныхъ племенъ, отголосокъ котораго мы видали въ печальной исторіи объ князѣ Игорѣ. Подобные этому процессу вообще происходили не только въ теремахъ и кельяхъ, а и въ самой племенной гущѣ народной, куда не досягалъ лучъ монашеской свѣчи. Можетъ быть, что этотъ лучъ и не хотѣлъ проникать туда тогда, когда то, что пришлось бы записывать, было несогласно съ церковью, не могло быть употреблено къ вящей славѣ Бога и православной церкви. Поэтому—обязанностью каждаго размышляющаго надъ процессами русской нашей исторіи является внести соотвѣтствующія поправки.

Вотъ эта русская церковь и явилась первой носительницей идеи единства православной Руси. Лѣтописецъ, влагая эту идею въ уста участниковъ Любечскаго съѣзда, сильно форсировалъ ее въ смыслѣ ея реальности, потому что послѣдующія буйственныя событія блистательно доказали именно отсутствіе идеи единства въ сознанія тогдашнихъ русскихъ владыкъ. Кіевъ, какъ богатый удѣлъ, безусловно стоилъ обѣдни объединенія, еще не имѣвшей у князей никакой опредѣленной оформленной почвы. Въ самомъ дѣлѣ, какой родъ политическаго строя могъ бы быть мыслимъ у объединенной Руси кіевскаго періода? Реально никакого, потому что единственно мыслимый—монархическое объединеніе, еще не имѣло, да и не могло имѣть подъ собою своего необходимаго основанія въ наличности власти. Это была просто пустая покамѣстъ форма нѣкоей власти теократическаго характера, которая еще ждала своего содержанія. Названная въ Любечѣ, она впослѣдствіе заполняется въ Москвѣ, но совершенно инымъ образомъ. Покуда же этотъ Византійскій идеалъ требовалъ для себя хотя бы духа нелюбостяжанія, что согласовалось съ интересами монашескими, но никоимъ образомъ не подходило сребролюбивымъ князьямъ.

Итакъ, идея единства русской земли родились въ стѣнахъ монастыря. А. Н. Пынинъ полагаетъ, что она сперва выразилась въ собраніи Четьи Миней, то есть Житій Святыхъ, расположенныхъ въ порядкѣ дней ихъ памяти по календарю. Далѣе, хотя составленіе лѣтописи и ушло изъ монастыря, прекочевало въ учрежденія оффиціальныя, стало гнѣздиться при князьяхъ и при городахъ, то все же составленіе Лѣтописанаго Свода, объединяющаго эти лѣтописи, въ свою очередь, остается дѣломъ церкви.

Въ дополненіе къ этому мы должны сказать, что великокняжескій титулъ—Всея Руси, появившійся впервые въ титулѣ Великаго Князя Владимирскаго, сѣвшаго на Москвѣ, взятъ изъ митрополичьяго титула, ибо духовенство и его глава къ тому времени оказались уже признанными носителями общерусской идеи.

Прочертимъ теперь историческія пути, по которымъ эта идея единства, рожденная въ лонѣ Византинизма, находила, наконецъ, свое осуществленіе.

Важнѣйшимъ явленіемъ народной нашей жизни варяжско-византійскаго періода, почти не входящимъ въ предѣлы лѣтописныхъ описаній, надлежитъ считать переселеніе русскаго племени изъ Южной Руси, въ районъ верхне-волжскаго бассейна, на сѣверо-востокъ. Это переселеніе можетъ быть сравнено до извѣстной степени съ переселеніемъ на Западъ С. Американскихъ поселенцевъ въ началѣ XIX вѣка. Какъ показываютъ перенесенныя двоимыя и троимыя имена и названія рѣкъ и городовъ, переселеніе шло изъ подъ самыхъ Карпатъ. Возможность его въ широкихъ размѣрахъ показываетъ на аморфность племенной массы туземцевъ. Самыми активными переселенцами были торговые и военные элементы, которымъ не посчастливилось у себя на родинѣ; переселяясь изъ мѣстъ болѣе образованныхъ и цивилизованныхъ, по сравненію съ мѣстнымъ элементомъ, эти переселенцы и явились обладающими извѣстнымъ авторитетомъ колонистовъ и такимъ образомъ господствующимъ классомъ. Они сознательно

уходили отъ той проторенной дороги, на которой подстерегали ихъ сильные враги, во всю хозяйничавшіе въ Кіевской Руси. Ушкуйники новгородцы, правда, повторяли варяжскіе набѣги въ своихъ экспедиціяхъ по рѣчнымъ системамъ, но не столь часто, какъ то бывало раньше на большой дорогѣ изъ Варягъ въ Греки. Кромѣ того, и князья не такъ зарились на дальніе удѣлы, и не вели изъ за нихъ опустошительныхъ для нихъ браней. А главное, сюда, въ лѣсныя глуши и топи не заплескивали набѣги южныхъ кочевниковъ изъ Черноморскихъ степей, и не такъ осаждали иноземцы въ своихъ торгово-грабительскихъ предпріятіяхъ. Здѣсь, на новыхъ мѣстахъ, какъ въ Новгородѣ Великомъ, можно было жить куда спокойнѣе, своимъ обычаемъ.

Такъ возникла Суздальская Русь въ результатѣ этого колонизаціоннаго движенія. Въ началѣ XII вѣка мы видимъ уже существующими много городовъ: Ростовъ, Переяславль-Залѣсскій, Дмитровъ, Угличъ, Зубцовъ, Мологa, Юрьевъ, Владиміръ, Тверь, Галичъ-Мерьскій, Городецъ и т. д. Сидѣвшія тамъ племена частью оставались и сливались съ русскими переселенцами, принимая ихъ обычай, частью уходили и безслѣдно терялись. Такъ, напр., изчезло племя Меря.

На фонѣ этой Суздальской-Ростовской Руси выдвигается уже совершенно отличная отъ своихъ предшественниковъ фигура князя Андрея Боголюбскаго, новая въ смыслѣ совершенно новыхъ подходовъ къ государственному управленію. Впервые въ немъ мы видимъ тѣ методы единства Русской земли, которыя воплотились впослѣдствіи въ дѣятельности Москвы, но средства его для достиженія этихъ цѣлей однако оказались недостаточными.

Изъ города Вышгорода, на которомъ онъ сидѣлъ, Андрей Юрьичъ убѣжалъ тайно на свою родину въ Суздальскую землю, унося съ собою икону Божіей Матери, писанную по преданію Евангелистомъ Лукой. Поселившись въ 10 верстахъ отъ Владиміра въ с. Боголюбовѣ, онъ послѣ смер-

ти своего отца въ 1157-мъ году выбранъ на княженіе Суздалемъ и Ростовомъ.

Населеніе Ростова и Суздаля еще знало старый обычай избраніе князя. Садиться на столъ въ этихъ городахъ значило или начинать борьбу съ вѣчемъ, либо отказываться отъ своихъ плановъ; и вотъ Андрей Юрьевичъ сознательно начинаетъ возвышать городъ Владимиръ, до той поры только пригородъ, расчитывая что въ городѣ, созданномъ и возвеличенномъ его собственными руками, онъ будетъ навѣрное первымъ. Указываютъ, что судя по мѣстнымъ названіямъ во Владимирѣ поселилось много выходцевъ вышедшихъ къ Андрею изъ Южной Руси: тамъ была рѣка Лыбедь, Печерный городъ, Золотыя Ворота съ церковкой надъ ними, какъ въ Кіевѣ, Десятинная церковь и т. д. Конечно, среди этой публики князь долженъ быть особенно популяренъ. (Костомаровъ).

Андрей дѣйствовалъ такъ, что въ немъ мы должны опредѣленно признать и государственный умъ и государственную волю. Его первой заботой было выдѣлить свою власть, какъ князя Суздальскаго, изъ ряда заурядныхъ князей, источавшихъ свои силы въ непрестанномъ враждованіи. Для этого первымъ дѣломъ онъ удалилъ отъ себя трехъ своихъ братьевъ и племянника, которые были возможностью возникновенія усобицъ въ будущемъ. Идея единства Русской земли впервые становится на твердую почву, когда Андрей Юрьевичъ преслѣдуетъ ее при помощи военныхъ своихъ успѣховъ, продѣлавъ удачный походъ на Царство Болгарское, безпокоившее своими набѣгами его восточную границу. Во внутренней же междурусской политикѣ онъ приложилъ свой выросшій въ этой экспедиціи военный престижъ противъ двухъ своихъ главныхъ соперниковъ — Кіева н Новгорода Великаго, одолѣть которыхъ — значило дѣйствительно стать въ первый рядъ въ дѣлѣ вліянія на судьбы Русской земли: предваряя извѣстное изрѣченіе, онъ видѣлъ рѣшеніе задачи объединенія „въ крови и желѣзѣ“. Князья со-

сѣднихъ земель — Муромскій и Рязанскій на его сторонѣ, объединенные удачей похода противъ болгаръ. Искусная и сложная политика и дипломатія смѣняется прямыми дѣйствіями: 12 марта 1169-го года Кіевъ взятъ союзниками и безпощадно разграбленъ. Перебиты почти всѣ его жители, вывезено не только частное имущество, но ризы, иконы и колокола съ церквей; городъ сожженъ, подожженъ и Печерскій монастырь — вѣрно, тутъ отрыгнулась старая исторія съ владыкой Ѳеодоромъ. И избивая, грабя, уводя въ неволю жителей Кіева, нынѣ переходившаго въ низшій разрядъ, Андрей Боголюбскій примѣнялъ тотъ кровавый терроръ, который былъ извѣстенъ и раньше, но у котораго нынѣ была иная цѣль — установленіе единодержавія.

Въ 1170-мъ году суздальцы, смольяне, рязанцы, муромцы, полочане явились и подъ Новгородомъ. Избавленіе отъ этой грозной опасности Новгородомъ приписывалось Знаменской иконѣ Божіей Матери: если бы не это чудо, судьба этого города была бы достойна всяческаго сожалѣнія.

Но Андрей Юрьичъ не достигъ вполнѣ того, къ чему побуждалъ его властный государственный характеръ. У него хватило силы, чтобы установить свою власть почти на всей территоріи тогдашней Русской земли; онъ дѣйствуетъ не только мечемъ: кромѣ силы, онъ еще хитритъ въ сложныхъ междукняжескихъ отношеніяхъ, подымаетъ, сажаетъ на престолъ угодныхъ ему князей, ссаживаетъ неугодныхъ, но нѣтъ въ числѣ какъ первыхъ, такъ и вторыхъ такихъ, на безконечную преданность которыхъ онъ можетъ разсчитывать. Его далекоидущія намѣренія и задачи разгаданы и истолкованы его соотечественниками по своему. „Дикія противогражданственныя свойства еще неустановившагося общества“ возстаютъ противъ него самого, какъ личности, говоритъ Костомаровъ. Суздальская земля — его единая забота, единая дума. Онъ украшаетъ городъ великолѣпными храмами, онъ вывозитъ въ свою землю древнія греческія святыни, но крамола, это сугубое несчастье Русской земли,

живетъ и дѣлаетъ свое дѣло противъ заботливаго и властнаго князя:

Живая власть для черни ненавистна:
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Пушкинъ.

Когда князь приказалъ казнить брата своего любимаго слуги Якима Кучковича, Якимъ сталъ шептаться: — Сегодня того, другого, а завтра и насъ! Раздѣлаемся съ княземъ! Среди челяди Андрея было много иноземцевъ, что доказываетъ, что князь опасался заговора. Ключникъ Амбалъ и еврей Ефремъ Моизичъ повели заговоръ. Въ ночь на 28 іюня 1175-го года князь Андрей былъ убитъ заговорщиками, причемъ слѣдуетъ отмѣтить отношеніе городского населенія и вообще народа къ этому кровавому акту.

Заговорщиковъ, естественно, безпокоилъ вопросъ, какъ къ этому отнесется населеніе города Владимира — сама драма разыгралась въ с. Боголюбовѣ, любимой резиденціи князя Андрея. Поэтому они послали во Владимиръ сказать о случившемся слѣдующей фразой: — Если кто изъ васъ помыслитъ на насъ, то мы съ тѣмъ покончимъ! Не у насъ однихъ была дума: и ваши есть въ одной думѣ съ нами!

Владимирцы отвѣтили весьма дипломатично: — кто съ вами въ думѣ, тотъ пусть съ вами и будетъ, а наше дѣло сторона...

И обнаженное тѣло князя валялось въ огородѣ. Вѣрный слуга Кузьмище положилъ тѣло въ притворѣ храма, накрывъ его верхнимъ плащемъ, но духовенство служить надъ тѣломъ отказалось.

Народъ же, узнавъ о происшедшемъ, бросился не на убійцъ, а на княжій богатый домъ, разграбилъ золото, серебро, одежды, перебилъ всю челядь и свиту. Грабежъ перекинулся и во Владимиръ; нападали на княжьихъ посадниковъ, тіуновъ, убивали ихъ, грабили ихъ дома.

Плотина государственной воли одного человѣка рухнула. На лицо оказался невоспитанный въ государственномъ дѣлѣ, эгоистичный, дикій, крамольный нашъ народъ, вздорный, жестокій и невѣрный. Но когда черезъ шесть дней послѣ этого все же тѣло князя похороннымъ шествіемъ прибыло изъ Боголюбова во Владиміръ, когда услыхали похоронное пѣніе, увидали великокняжескій стягъ. то стали плакать и вспоминать заслуги усопшаго.

По смерти Андрея сразу вспыхнули раздоры и усобицы изъ за Суздальскаго стола. Онъ умеръ слишкомъ рано, не успѣвъ довершить начатаго дѣла. Его единой волѣ и твердой рукѣ народъ предпочелъ калейдоскопическую смѣну своихъ князей. Величіе, цѣлостность и благо единаго государственнаго цѣлаго были отвергнуты ради нетерпѣливого самовольства.

Новгородъ и Псковъ долгое время былъ разсадникомъ этой крамолы. Старый „рядъ" князя съ вѣчемъ создавалъ классъ людей — „худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ", которые тѣшились этимъ прикосновеніемъ ко власти, къ ея закулиснымъ небезвыгоднымъ связямъ и вліяніямъ. Сначала князь долженъ былъ перестать быть только конвоиромъ каравановъ варяжско-византійскаго періода; послѣ этого ему предстояла долгая и тяжелая задача — освободиться и перестать быть игрушкой закулисныхъ вліяній вѣча. Только тогда, когда въ реальной силѣ меча и государственной воли выковался его единый государственный разумъ, только тогда могла воплотиться въ жизнь и старая мечта церкви о Князѣ Всея Руси, благословленнымъ ею и отвѣтственнымъ передъ Богомъ владыкѣ православнаго царства. И вотъ почему въ этомъ устремленіи кназь и духовенство схватились за образецъ той еще небывалой государственной власти, который принесла съ собой въ своемъ неумолимомъ полетѣ на Западъ династія Юань.

Нашествіе монголовъ весною 1223-го г. окончившееся разгромомъ нашихъ союзныхъ силъ на р. Калкѣ, было свя-

зано съ появленіемъ ихъ въ ближней Азіи, и было такъ сказать, извѣстной пробой пера. Это была лебединая пѣснь Чингисъ Хана. Лишь Курилтай 1236-го года обстоятельно развилъ планъ завоеваній въ Европѣ, и такимъ образомъ на берегахъ Керулена была рѣшена судьба нашего отечества.

До 1246-го года оставались неподвижно въ Европѣ на мѣстахъ военныя монгольскія части, оккупируя огромную территорію, и оказывая на населеніе таковой опредѣленное свое культурное вліяніе; таковымъ, обще-государственнымъ объединяющимъ установленіемъ была, напримѣръ, монгольская почта, вліяніе которой мы видимъ воочію и до сего дня. По установившейся практикѣ начальники экспедиціонныхъ силъ находились въ постоянной и прочной связи съ далекимъ Великимъ Ханомъ. Организація этой связи въ формѣ почты,—слѣдовавшая за наступательнымъ движеніемъ войскъ Великаго Хана была дѣломъ первой заботы монголовъ и воочію доказывала населенію Руси организаціонные таланты пришельцевъ.

У Марко Поло во главѣ XXVI-ой II-ой книги мы находимъ описаніе этой „почтовой гоньбы":

— Ханбалу,—говоритъ Марко Поло, соединенъ многими большими дорогами съ провинціями, а провинціи соединены между собою. Черезъ каждыя двадцать пять миль посланцы Великаго Хана находятъ станцію, которая по монгольски называется ямъ — yamb, то есть „станція съ почтовыми лошадьми".

— Въ нѣкоторыхъ ямахъ есть по 400 коней, въ другихъ же по 200. Если мѣстность пустынна — ямы расположены рѣже. Всего же Великій Ханъ содержитъ на сей предметъ до 400.000 коней.

— Кромѣ этой связи есть еще связь скороходами, для чего на каждыхъ трехъ миляхъ есть станціи таковыхъ скороходовъ. Скороходы бѣгутъ со звонками, и путь, который пѣшій сдѣлаетъ въ 10 дней, они пробѣгаютъ въ два.

— Если же извѣстіе или лицо должно быть доставлено очень скоро, то ѣдущему выдается табличка съ изображеніемъ сокола; каждая станція, какъ только услышитъ колокольчики скачущихъ, тотчасъ обязана приготовлять лошадей, такъ чтобы перепряжка могла быть незамедлительна. Обладающій такой табличкой можетъ, въ случаѣ падежа лошадей въ пути, отобрать коней у любого встрѣчнаго. Ночью рядомъ со скачущей телѣгой бѣгутъ факельщики. При такомъ способѣ передвиженія можно дѣлать въ день до 250-ти миль.

— Эти дороги Великій Ханъ приказалъ обсаживать большими деревьями; въ пустынныхъ мѣстностяхъ дорога указывается столбами, камнями и т. д.

— Для переправы черезъ рѣки жители окрестныхъ къ переправамъ селеній должны имѣть три-четыре парома.

Въ этомъ описаніи Марко Поло мы не можемъ не увидать привычной нашей русской картины путей сообщенія, по необозримымъ нашимъ пространствамъ. Если что нибудь осталось отъ этой системы связи, то оно осталось до сихъ поръ только у насъ въ Россіи. Даже слово „ямъ", взошедшее у насъ въ производныя „ямщикъ", „ямщина", „ямской"— приведено у Поло полностью. Не на такихъ ли „ямскихъ" лошадяхъ ѣхалъ въ объѣздъ своей земли и Василій III, когда онъ раздумался, сидя въ золоченой своей „каптанѣ" объ неплодіи своей супруги Соломоніи, послѣдствіемъ чего былъ разводъ и женитьба его на княжнѣ Еленѣ Глинской. Ѣзда съ колокольчиками, что считается чуть ли не спеціальнымъ русскимъ обычаемъ, уводитъ насъ, такимъ образомъ, къ временамъ монгольской власти на Руси. Даже табличка съ соколомъ имѣетъ доселѣ свой отзвукъ въ обычаяхъ сибирскихъ: инородцами Амурской и Якутской областей особенно срочно доставляются письма съ птичьимъ перомъ, припечатаннымъ печатью на пакетѣ, какъ знакомъ срочности.

Дѣло передвиженія въ Имперіи Монголовъ было организовано такъ, что когда Марко Поло со своими спутниками уѣзжалъ изъ Ханбалу въ Венецію, они получили отъ Великаго Хана по золотой табличкѣ, на свободный проѣздъ его землями, и на полученіе всего необходимаго въ пути. Плано Карпини раньше пишетъ: посламъ, которымъ нужно проѣхать куда и когда имъ необходимо безъ всякихъ задержекъ выдаются кони и все необходимое.

Но этотъ способъ передвиженія выдумали не монголы. Будемъ думать, что это способъ китайскій. Извѣстный поэтъ Ли-по, глава поэтическаго содружества поэтовъ „Бамбуковая Роща", получилъ отъ императора Мингъ-Хуана Тангской династіи (ср. выше), золотую табличку на проѣздъ и проходъ всѣми его землями и на полученіе безвозмездно всюду и пищи и вина—какъ знакъ высочайшаго благоволенія.

Эта конная связь, которой пользовались и наши князья и духовные, скакавшіе по своимъ дѣламъ въ Золотую и Бѣлую Орды, была однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ въ рукахъ монгольской администраціи. При помощи ея освѣдомленные администраторы могли легко бросить карающія части въ любую часть покоренныхъ областей. При томъ, какъ сами станціи, такъ ряды городовъ на пути были стоянками разночисленныхъ монгольскихъ гарнизоновъ, обозначавшихъ военную оккупацію страны.

Этой оккупаціи и подвергалась теперешняя Европейская Россія примѣрно черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ гибели Андрея Боголюбскаго. Марко Поло называетъ нашу страну принадлежащей ханамъ Понента, то есть Западнымъ ханамъ, въ противоположность и отличіе отъ хановъ Леванта, то есть ханамъ Востока,—Средней и Малой Азіи*).

Такъ Русь тогдашняго времени, граничившая съ финскими племенами на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, съ Муромой, Мор-

*) Латинское levare и ponere—поднимать и класть.

двой, Болгарами на востокѣ, съ кочевниками на юго-востокѣ, югѣ—эта Русь входила въ составъ Ханства Кипчакъ, одного изъ четырехъ великихъ ханствъ.

„Потомъ приказалъ храброму Субутаю итти войной на сѣверъ противъ Канлинъ и другихъ улусовъ, въ числѣ одиннадцати, переплыть двѣ рѣки—Идиль и Чжаяхъ, и прямо итти на города Кивамянь и Кермянь“, такъ излагаетъ „Сокровенная исторія династіи Юань“ походъ Субутая на Русь.

...—„также отправившійся по слѣдамъ Субутая великій князь Батый, съ другими князьями покорилъ роды Канълы, Кипчакъ и еще третій, разбилъ города рода Орусы и людей ихъ всѣхъ либо убилъ, либо плѣнилъ. Поставивъ тамъ дарухачинь и таньмачи, для храненія, онъ возвратился“. *)

Картина станетъ ясной, если примемъ во вниманіе, что подъ именемъ Орусы мы имѣемъ Русь, русскихъ; Идиль—Итиль, означаетъ Волгу, а Чжаяхъ—Уралъ. Городъ Кивамянь—означаетъ Кіевъ; что касается дарухачинь, то это было установленіемъ Чингиса и терминомъ этимъ обозначался чиновникъ, который „завѣдывалъ печатью“. Главнымъ образомъ, дарухачинь были изъ монголовъ, хотя въ 1268 году особымъ указомъ было воспрещено назначать на эти должности китайцевъ. Обязанности ихъ были: перепись населенія, наборъ войска изъ туземцевъ, устройство почтовыхъ сообщеній, собираніе подати и доставленіе дани ко двору.

Именемъ таньмачи означаются воеводы иностранныхъ полковъ, набираемыхъ монголами изъ туземцевъ. Возможно, что это и были князья наши, которые стали командовать своими силами уже послѣ изъявленія покорности Великому Хану. Тогда окажется, что и въ воззрѣніяхъ монголъ князья русскіе оставались именно тѣмъ, чѣмъ они были и прежде, то есть военачальниками; но военачальникъ монгольскій представляетъ изъ себя вообще владыку. Такимъ образомъ пролагался прямой путь къ усиленію власти князя.

*) Труды Пекинской Духовной Миссіи, т. IV

Всѣ сосѣди небольшой Русской земли приняли власть монголовъ почти безъ сопротивленія. Только пожалуй половецкіе ханы, уже замиренные настолько, что вступали въ брачныя связи и политическія комбинаціи съ русскими князьями упреждали нашихъ властителей о грядущихъ изъ Азіи нашествіяхъ, и даже участвовали въ битвахъ съ татарами на сторонѣ русскихъ. За то есть и противоположныя свѣдѣнія: Мордва, недовольная вторженіемъ князя Юрія Владимировича въ свои исконныя земли и основаніемъ тамъ въ 1222-мъ году Нижняго Новгорода,—„шла за татарскими полками акы волки", и грабила то, чего недограбили сами моноголы.

Надо вообще сказать, что эти сосѣдніе народы были скорѣе противъ Руси, нежели за нее: она уже показывала свои зубы. Болгарскій городъ Бряхимовъ былъ разрушенъ Андреемъ Боголюбскимъ. Столица Болгарскаго Царства—Болгары, не имѣла основаній быть особенно недовольной продвиженіемъ на западъ родственныхъ монголъ—противъ безпокойныхъ, начавшихъ шевелиться новыхъ западныхъ племенъ и поселеній, напиравшихъ на нихъ.

Столица Болгарскаго царства, Болгары были большимъ городомъ, обладавшимъ большой степенью культуры. Никифоръ Грегоросъ это имя производитъ отъ греч. Boulga, то есть Волга; старые арабскіе писатели знали этотъ городъ, и полагали, что онъ стоитъ на границѣ міра; они разсказывали чудеса объ его морозахъ, его бѣлыхъ лѣтнихъ ночахъ, объ сѣверномъ сіяніи, видимомъ въ немъ. Болгары вели большую торговлю,—слоновой костью, мѣхами, воскомъ, медомъ, русской кожей, и его географическое положеніе обосновывало его торговое значеніе настолько, что близкая къ нему по расположенію, возникшая впослѣдствіе Казань оказалась въ этомъ выигрышномъ мѣстѣ во главѣ торговаго узла. Населеніе Болгаръ составляли, кромѣ туземцевъ, финны, славяне, греки.

Ханство Кипчакъ сѣло въ Восточной Европѣ не на пустопорожнія дѣвственныя мѣста; какъ видно изъ этого при-

мѣра, оно охватывало старыя цивилизаціи и сложные торговые узлы, узлы воднаго пути изъ Европы въ Азію,—Волги. Такимъ образомъ перпендикулярно къ магистрали Днѣпра, образовывавшей собой стержень Русской земли, имѣлась другая магистраль, вокругъ которой и сидѣли иныя цивилизаціи, оставившія слѣды въ послѣдующей русской исторіи, разработка которыхъ ждетъ своихъ изслѣдователей. Немного знаетъ объ этихъ мѣстахъ, куда простерлось Царство Монголовъ, и Марко Поло. Онъ говоритъ, что на сѣверѣ Ханству Кипчакъ принадлежитъ страна, которой правитъ царь Кончи; и самъ онъ, и его народъ—татары. Они кланяются богу Натигаю и его женѣ, которые оба сдѣланы изъ дерева, и идоламъ этимъ для умилостивленія натираютъ губы саломъ. Тамъ нѣтъ уже ни городовъ, ни замковъ, только долины и горы, и водятся тамъ бѣлые медвѣди. Ѣздятъ тамъ на собакахъ. Дальше же идетъ Земля Темноты, гдѣ въ теченіе цѣлой зимы не бываетъ солнца, и эта то страна граничитъ съ Великой Россіей.

Надъ всей этой покоренной страной столицей стоялъ Сарай, который въ 1260-мъ году посѣтилъ Поло, пробираясь черезъ Сольдайю на Черномъ морѣ, нынѣ Судакъ. Про столицу Кипчака Чоусеръ въ его Half told tales of Cambuskan, говоритъ слѣдующее:

At Sarra in the land of Tartarie,
There dwelt a king, that werriëd Russie.

Арабъ Ибнъ Батута описываетъ Сарай, какъ городъ прекрасный и населенный. Полъ дня надо употребить, чтобы объѣхать его кругомъ.

Онъ населенъ монголами, аланами, черкесами, русскими и греками; у мусульманскихъ купцовъ былъ свой обнесенный стѣной кварталъ. Другой мусульманскій путешественникъ сообщаетъ намъ, что вокругъ Сарая стѣнъ не было, а дворецъ Хана былъ огромнымъ зданіемъ, увѣнчаннымъ золотымъ полумѣсяцемъ, въ полъ кентара вѣсомъ. Кругомъ этого

дворца шли стѣны, увѣнчанныя башнями, что усиливало оборонительныя качества города. Въ городѣ были отдѣльный латинскій и русскій кварталы, и францисканскій монастырь.

Первымъ Царемъ этого Кипчакскаго ханства былъ Ханъ Батый, внукъ Хана Чингиса. Послѣ его смерти наслѣдовалъ ему его братъ—Барка (Берка, Беркай), сидѣвшій тамъ въ 1257—1266 гг., при которомъ и проѣзжалъ его столицу М. Поло.—„Сей Батыевъ преемникъ", говоритъ Карамзинъ, „любилъ искусства и науки; ласкалъ ученыхъ, художниковъ; украсилъ новыми зданіями свою Кипчакскую столицу и позволилъ Россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять христіанское богослуженіе, такъ что митрополитъ Кириллъ въ 1261-мъ году учредилъ для нихъ особую эпархію подъ названіемъ Сарской, съ коею соединили епископію южнаго Переяславля впослѣдствіе".

Объ этомъ „Царѣ Беркѣ" мы знаемъ, что ему епископъ Кириллъ изъ Ростова, много разсказывалъ „о святомъ Леонтіи, еже отъ греческія земли родомъ, како благословеніемъ патріарха пріиде, и како крести градъ Ростовъ, и како увѣри люди, и како честь прія отъ русскихъ князей, и отъ греческаго царя и патріарха, и отъ всего Вселенскаго Собора, и како по представленіи его сдѣеваются чудеса отъ раки мощей его и до сего дня, и инъ много поученія отъ Евангельскихъ указаній глаголя".

Разсказами этими обычнаго православно-византійскаго характера владыка Кириллъ произвелъ столь сильное впечатлѣніе на царя Барку, что тотъ, когда у него заболѣлъ сынъ, такъ какъ „отъ врачевъ не обѣте никоея пользы" послалъ въ Ростовъ за владыкой нарочныхъ. По всему Ростову стали пѣть молебны о здравіи ханскаго сына, владыка помчался въ Орду, и все обошлось превосходно—царевичъ выздоровѣлъ.

Ханъ Барка отпустилъ на владычній храмъ въ Ростовѣ годовой оброкъ со всей Ростовской земли, и владыка сдѣлалъ кромѣ этого еще одно важное пріобрѣтеніе: „сынъ цар-

скаго брата“, стало быть—царскій племянникъ, молодой и горячій татаринъ, „умыслилъ сице—итти со святымъ владыкой на Ростовъ, и видѣть божницу Русской земли, и чудеса, бываемыя въ нашихъ божницахъ“. „А отъ солнца, мѣсяца, и огня чудесъ не бываетъ“, учительно добавляетъ лѣтописецъ. Мать этого монгола, вдова, хотѣла было удержать юношу, и показала ему всѣ его богатства. Онъ же раздалъ много всякаго добра „татарскимъ нищимъ“ и между прочимъ — „много имѣнія вда владыцѣ“.

Царевичъ пріѣхалъ на Ростовъ и плѣнился красотой православія. Онъ умолялъ владыку крестить его, но тотъ не безъ основанія затягивалъ этотъ благочестивый актъ возсоединенія съ церковью благочестиваго татарскаго юноши: „бѣ бо размышляя о исканіи отрока“. Но вскорѣ Ханъ умеръ и „ордѣ мятущися и исканія отрока не бѣ“. Лишь тогда было выполнено желаніе царевича, и такимъ то образомъ явился на Руси св. Петръ, Царевичъ Ордынскій *).

Въ это время умеръ и самъ Кириллъ. Его замѣнилъ владыка Игнатій, который проявлялъ разнообразную дѣятельность: украшалъ храмъ Пресвятыя Богородицы Ростовскія,— началъ его „оловомъ крыти“, и „дно“ (полъ) мраморомъ мостити, и „въ Орду ходити, емля оброки царскіе“.

Это было уже при князѣ Ростовскомъ Борисѣ Васильковичѣ, (скончался въ 1278 г.), сынѣ Василька Константиновича, убитаго татарами на р. Сити въ 1238-мъ году. Мирное общеніе съ Сараемъ къ этому времени дошло до такой степени, что когда царевичу Петру пришло время жениться, то въ Ростовѣ нашлась ему и невѣста-татарка „бѣша бо тогда на Ростовѣ ординстіи вельможи“. Да и братъ князя Бориса Васильковича князь Глѣбъ, кратковременно сидѣвшій въ Ростовѣ, тоже былъ женатъ на татаркѣ изъ Орды, названной при крещеніи Ѳеодорою.

*) Ср. его Житіе.

Но и самого Барку одолѣвали разныя религіозныя сомнѣнія. „Еще Ханъ Берка", говоритъ Карамзинъ, „имѣвъ случай говорить о вѣрѣ съ купцами Бухарскими и плѣненный ученіемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ магометаниномъ", сочетая, такимъ образомъ дѣла вѣры съ дѣлами коммерческими.

Таковы были первые Чингисовичи, при которыхъ Русская земля вошла въ составъ Кипчака. По словамъ одного англійскаго историка, „ни одна собака не смѣла лаять по всей Русской землѣ безъ позволенія татаръ".

Какъ мы видѣли, татары доплескивались до Адріатическаго моря, проходя туда черезъ Южную Россію главнымъ образомъ, уже достаточно раззоренную, и постоянно раззоряемую. Суздальская и Ростовская земли лежали въ сторонѣ отъ этой дороги; вотъ, можетъ быть, почему мы видимъ обостренныя отношенія между татарами и властителями Южной Руси, и въ то же время ловкія дипломатическія сношенія между Ростовомъ и Ордою, которыя обусловливали болѣе или менѣе мирныя условія существованія здѣсь, и сносныя отношенія между ними: князь, сынъ убитаго и книжный епископъ и въ Орду ѣздятъ, и дань возятъ, и еще устраиваютъ на этомъ благополучіе города.

„Орда же тогда тиха бѣ по многа лѣта" говоритъ біографъ св. Петра, братанича Царя Ордынскаго. Но еще курились развалины Рязани, Кіева, Москвы, еще живы были разсказы о татарскихъ жестокостяхъ. Прямолинейный татарскій разумъ подобно апокрифическому нашему Китоврасу не огибалъ препятствій, онъ ихъ гнулъ и ломалъ, и подъ этимъ вѣтромъ стали гнуться и слаться по вѣтру жестоковыйные дотолѣ князья наши. Не то это была природная русскому человѣку уклончивость, „коромольность", не то дипломатическая выучка отъ грековъ, а еще пуще отъ жестокого урока дѣйствительности; важнѣе всего то, что и духовенство и князья сѣверо-восточной Руси дружно принялись за работу совмѣстно съ Ордою. Такъ дѣйствовалъ, какъ мы видѣли,

владыка Кириллъ; такъ же ранѣе дѣйствовалъ св. благовѣрный князь Александръ Невскій.

Князь Александръ Ярославичъ сидѣлъ на престолѣ въ Новгородѣ Великомъ и былъ сыномъ того самаго Суздальского князя Ярослава, сына Всеволода Б. Гнѣздо, котораго видѣлъ на коронованіи Хана Куюка Плано Карпини и который тамъ былъ отравленъ. Карпини, какъ мы тоже видѣли, утверждалъ, что у него были какія-то сношенія съ княземъ Ярославомъ. Такъ это, или не такъ, но передъ нами дипломатическія нити, которыя вяжутъ Новгородъ, Римъ и монгольскія становища единою вязью.

Александръ Невскій опредѣлилъ правильную историческую линію въ тогдашней обстановкѣ, понявъ, что съ монголами онъ бороться не можетъ. По призыву хана Батыя Александръ Невскій побывалъ въ Сараѣ въ 1247-мъ году, со своимъ братомъ Андреемъ, то есть всего черезъ десятокъ лѣтъ послѣ основной монгольской экспедиціи на Русь. Оттуда оба брата были отправлены въ Каракорумъ — очевидно, центральная власть еще была слишкомъ тверда и не позволяла „власти на мѣстахъ“ распоряжаться черезчуръ полновластно. Мы имѣемъ извѣстіе, что они пользовались великоханской почтой, почему это путешествіе примѣрно въ область теперешнихъ Читы и Харбина было кратковременно, сравнительно хотя бы съ путешествіемъ Марко Поло.

Александръ Невскій поклонился Хану въ обстановкѣ, намъ уже извѣстной. Поклоненіе это состояло въ четырехкратномъ упаданіи на колѣни и простираніи по землѣ. Александръ за это получилъ въ княженіе Кіевъ, Андрей—Владиміръ, то есть тогдашніе главные русскіе города.

— Посѣщеніе монголовъ, — пишетъ Костомаровъ, — должно было многому научить Александра, и во многомъ измѣнить его взгляды. Чрезвычайная сплоченность силъ, совершенная безгласность отдѣльной личности, крайняя

выносливость,—вотъ качества, способствовавшія монголамъ совершать свои завоеванія—качества, совершенно противоположныя свойствамъ тогдашнихъ русскихъ... Чтобы ужиться теперь съ непобѣдимыми завоевателями оставалось и самимъ усвоить эти качества. Это было тѣмъ удобнѣе, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя въ правѣ жить на счетъ побѣжденныхъ, не думали насиловать ни вѣры ихъ, ни ихъ народности. Напротивъ того, они показывали какую то философскую терпимость къ вѣрѣ и пріемамъ жизни побѣжденныхъ, но покорныхъ народовъ.—

Александръ Невскій сталъ этимъ вполнѣ лойяльнымъ вассаломъ Великаго Хана Куюка и Хана Батыя, Хана Бѣлой Орды. Но его братъ Андрей не смогъ смирить своего сердца. Онъ убѣжалъ со своего стола во Владимирѣ, кинулся въ Новгородъ, гдѣ по разумной осторожности его не приняли, и черезъ Псковъ и Колывань (Ревель), направился опять таки въ Швецію. Варяжскаго внука, стоявшаго на переломѣ двухъ эпохъ, влекла варяжская страна.

По его собственнымъ словамъ онъ „не хотѣлъ служить царю“. Но монголы отлично знали, что дѣлалось у нихъ въ земляхъ, прознали они и о мысляхъ Андрея; воевода Неврюй бросился за нимъ, догналъ у Переяславля и разбилъ. За вину убѣжавшаго князя отвѣтила его земля: она оказалась позорена.

Съ дозволенія Сартака, правившаго за дряхлаго отца своего Батыя, князь Александръ Невскій сѣлъ во Владимиръ, раззоренный неразуміемъ брата его Андрея. Въ Новгородѣ онъ поставилъ сына своего Василія, котораго позднѣе въ 1255-мъ году выгнала крамола буйныхъ новгородцевъ.

Александръ Невскій въ своихъ державныхъ заботахъ теперь не былъ такъ одинокъ, какъ одинокъ былъ Андрей Боголюбскій. Кромѣ сочувствія лучшихъ русскихъ людей, которые начали прозрѣвать положеніе, онъ имѣлъ и сред-

ства, чтобы управиться съ государствомъ: онъ былъ въ желѣзной сѣти монгольской дисциплины. Подчиняясь, онъ выучился и подчинять. По его требованію, новгородцы уступили, ссадили посадника Ананію, ревнителя старинныхъ новгородскихъ вольностей, и приняли снова Василія Александровича.

Ханъ Барка въ 1257-мъ году ставитъ своего намѣстника Улагчи на Русскую землю, этого „баскака и визиря“, по выраженію армянскихъ историковъ относительно административной этой должности. Этотъ Улагчи рѣшилъ упорядочитъ дѣло собиранія дани и послалъ своихъ чиновниковъ для точной переписи населенія; Ханъ не довольствовался полнымъ предоставленіемъ фискальной организаціи въ руки русскихъ, хотя бы епископовъ—нужна была повѣрка: вѣроятно, были недобросовѣстности и потворствованія. Александръ Невскій скачетъ въ ближнюю Орду съ протестомъ, но новая метла мететъ чисто. Рязанская, Муромская, Суздальская земли полны татарскихъ „численниковъ“, которые въ организаціи населенія для переписи проводятъ ту же десятичную систему, которую мы видѣли въ арміи Хана Чингиса. Монголами были поставлены десятники, сотники, тысячники, темники; обложеніе было поголовное. Внутри русскихъ земель, такимъ образомъ, была введена прочная монгольская администрація, —то, что было сдѣлано уже по всей Азіи, и такимъ образомъ, сама мирность этихъ мѣстъ усиливала въ нихъ татарское вліяніе. Александръ кинулся снова въ Сарай, гдѣ его упредили, что и Новгородъ будетъ подвергнутъ той же участи. Александръ Ярославичъ покорился.

Онъ, раньше самъ оборонявшій Новгородъ отъ шведовъ нѣмцевъ и Литвы, явился туда вмѣстѣ съ ханскими послами, требуя десятины. Сынъ его Василій со стыда убѣжалъ въ Псковъ. Новгородъ платить отказался, но почтилъ пословъ дарами; тѣ уѣхали, а Александръ выгналъ Василія съ княженія, а защитниковъ неумѣстной вольности и про-

тестантовъ похваталъ и наказалъ—кто лишился носа, а кто глазъ.

Но ближайшей же зимою 1259-го года пошелъ по Новгороду слухъ, что Ханъ придетъ воевать Новгородъ за то, что тотъ не признаетъ Хана и не платитъ дани. Должно быть новгородцы и раньше чувствовали себя не очень увѣрено, потому что со слухомъ этимъ настроеніе ихъ сразу упало; всезнающая Орда это прослышала, учла, и на Новгородѣ появились „ордыньстіи вельможи“—Беркай и Касачикъ, и множество монголовъ. Со скандаломъ, но дань все же была уплачена, и Новгородъ раздѣлилъ участь всѣхъ русскихъ городовъ—ханскими чиновниками были переписаны всѣ его дворы.

По всей русской землѣ работали сборщики-монголы, или, что хуже, "бессермене"—недобрая память о которыхъ сохранилась у насъ въ словѣ бусурманинъ—то есть мусульмане изъ Средней Азіи, откупщики, бравшіе дѣло собиранія дани на откупъ. Выколачиваніе налоговъ шло очень жестоко. На службѣ у сборщиковъ оказались русскіе, которые были всегда свирѣпы къ своимъ и искательны къ начальству, особливо къ чужому. Въ Ярославлѣ былъ нѣкій Изосимъ, монахъ-пьяница и развратникъ, особенно угождавшій монголамъ. Онъ принялъ даже магометанство, и кощунствовалъ надъ православной вѣрой. Этого старательнаго человѣка горожане убили; время отъ времени откупщики избивались по всей землѣ. За то въ Устюгѣ нашелся татаринъ, нѣкій Буга, который принялъ православіе, женился на русской и своимъ милосерднымъ обращеніемъ съ населеніемъ заслужилъ всеобщую любовь.

Такъ постепенно создавался на Руси своеобразный бытъ, сплавлявшій мало по малу въ единую массу мѣстно-племенныя и старинныя славянскія черты. Александръ Невскій правильно оцѣнилъ обстановку и въ закулисномъ регулированіи силъ отроговъ Юаньской организаціи сталъ искать

разрѣшенія основныхъ вопросовъ того времени—укрѣпленія княжеской власти. Но по причинамъ выше указаннымъ этотъ способъ дѣйствія былъ популярнѣе въ Руси Суздальской, нежели въ Кіевской, и между политиками южной и сѣверо-восточной нашихъ предковъ существуетъ большое расхожденіе. Правда къ Хану Батыю въ 1250-мъ году являлся князь Данило Галицкій, могучій владѣтель Галицкой и Волынской земель. Не безъ робости пустился онъ въ путь, опасаясь, что ему, православному христіанину, придется „покланяться кусту“. Путь его лежалъ черезъ Кіевъ и Переяславль, гдѣ его встрѣтилъ и отправилъ дальше темникъ, то есть начальникъ 10.000 войскъ Куремса. Судя по нахожденію тамъ такихъ силъ мы должны заключить, что данная зона была оккупирована. Между княземъ Данилой и Батыемъ произошелъ слѣдующій діалогъ:

—Данило, сказалъ Батый, что ты такъ долго не приходилъ? Теперь пришелъ и хорошо сдѣлалъ. Пьешь ли ты нашъ кобылій кумысъ?

— До сихъ поръ не пилъ, а прикажешь—буду пить, отвѣчалъ монголу Галицкій князь.

Батый сказалъ:

— Ты нашъ, татаринъ, пей кумысъ!

Двадцать пять дней пробылъ въ Бѣлой Ордѣ Данила и получилъ всѣ свои владѣнія въ вотчину. Лѣтописецъ по этому поводу считаетъ долгомъ воскликнуть:—О, злѣе зла честь татарская! Данило Романовичъ, князь великій, обладавшій Русской землей, Кіевомъ, Волынью, Галичемъ и другими странами нынѣ стоитъ на колѣняхъ, называется холопомъ, облагается данью, за жизнь трепещетъ, угрозъ страшится!..

Однако, дѣло обстояло не столь плачевно, какъ оно было по описанію краснорѣчиваго и благочестиваго лѣтописца. Въ 1252-мъ году Данило встрѣчалъ пословъ нѣмецкаго императора на Пожгѣ, и нѣмцы очень дивились необычнымъ ко-

стюмамъ Данилиной свиты: кони были въ кожаныхъ доспѣхахъ и всадники—одѣты по татарски, съ блестящимъ вооруженіемъ. Данило очевидно за краткое свое пребываніе въ Ордѣ сумѣлъ оцѣнить восточную роскошь и живописность.

Въ 1253 и 1254 гг. знакомый намъ уже папа Иннокентій IV выпустилъ рядъ буллъ, призывая къ крестовому походу противъ татаръ. Данило повѣрилъ этимъ обѣщаніямъ и призывамъ римскаго первосвященника, принялъ отъ него титулъ короля (1255), и связавшись съ Литвою, отобралъ у монгольскаго темника Куремсы, котораго мы видѣли выше, рядъ городовъ, въ томъ числѣ и Кіевъ. До 1260-го года дерзкій его шагъ не имѣлъ послѣдствій, покамѣстъ мягкаго Куремсу не смѣнилъ Бурундай, человѣкъ твердый. Онъ, во первыхъ, потребовалъ у самого Данилы помощи противъ Литвы, что тотъ и сдѣлалъ, давши ему войско подъ командой своего брата Василька. По возвращеніи же изъ опустошенной Литвы Бурундай приказалъ разметать рядъ укрѣпленныхъ городовъ Данилы. Были срыты крѣпости Львова, Стожка, Кременца, Луцка, Владимира, а послѣ того тотъ же Василько ходилъ въ составѣ татарской рати и на Польшу.

Западъ и Римскій папа жестоко обманули Данилу, и теперь его земля, не получившая нужной помощи стала легкой добычей враговъ. Русь, тянувшая къ Западу, къ тѣмъ государственнымъ образованіямъ, по примѣру властителей которыхъ Данила захотѣлъ королевскаго титула изъ рукъ папы, не смогла быть стержнемъ, вокругъ котораго завертѣлась бы Русская земля. Она глохла, въ то время какъ Русь сѣверо-восточная крѣпла и ширилась. Живой потокъ русской исторіи оставляетъ отнынѣ нашъ юго-западъ и только отдѣльными струями перепутывается съ вліяніями Польши, казачества, Ближняго Востока, гл. образомъ Турціи, этой наслѣдницы Византіи, создавая то, что впослѣдствіе назовется Украиной. Москва же твердыми шагами выходитъ на первый планъ.

Отнюдь не слѣдуетъ думать, что время „монгольскаго ига“ характеризуется только лишь тѣмъ, что „неизвѣстные

дотолѣ". монголы наполняютъ собою Русь; взаимно, и русскіе люди проникаютъ въ глубины Азіи, принося съ собой все новыя и новыя вѣянія. Мы видѣли, что въ Каракорумѣ, и въ Сараѣ жили русскіе люди, имѣвшіе тамъ даже свои епархіи. Мы видимъ, какъ русскіе князья ходятъ со своимъ войскомъ въ составѣ татарской рати. Это участіе русскихъ въ ханскихъ войскахъ было не только подневольнымъ. Они, наши предки, служили въ нихъ точно такъ же, какъ служили въ нашихъ ратяхъ и варяги. Извѣстно, участіе одного русскаго князя съ войскомъ въ походѣ противъ Дагестана. Вотъ напримѣръ, драматическій инцидентъ, характеризующій, какъ глубоко связаны были русскіе съ татарами въ ратномъ дѣлѣ.

Ханъ Ногай, правнукъ Чингиса, воевода въ 1246-мъ году у Батыя, въ 1258-мъ году водившій монгольскія рати въ Польшу, въ послѣдней половинѣ XIII вѣка почти независимъ въ своемъ улусѣ, въ южныхъ степяхъ, гдѣ съ него начинаетъ быть Ногайская орда. Онъ сталъ самостоятеленъ настолько, настолько связался съ Западомъ, что императоръ Михаилъ Палеологъ, императоръ Византійскій, заключилъ съ нимъ союзъ, и далъ ему въ жены свою побочную дочь Ефросинію*). Такое обособленіе не могло нравиться Сараю, хотя вслѣдствіе частой смѣны Сарайскихъ владыкъ противъ Ногая ничего не предпринималось. Лишь послѣ того, какъ Ногай убилъ измѣной Хана Толабугу, противъ него выступилъ Ханъ Тогдай, бывшій до того другомъ Крымскаго владѣтеля. Въ послѣдовавшей войнѣ Ногай былъ разбитъ Тогдаемъ на Днѣпрѣ. Старый Ногай бѣжалъ, но былъ настигнутъ однимъ русскимъ изъ состава рати, служившей у Тогдая, и раненъ. Русскій схватилъ коня Ногая за поводья.—Я Ногай, сказалъ тотъ, ве-

---

*) Вообще, надо отмѣтить, что этотъ императоръ былъ склоненъ завязывать сношенія съ восточными владыками: Хану Улагаю, главѣ Ханства Или онъ отправилъ другую дочь Марію, въ сопровожденіи Ѳеодосія, архимандрита монастыря Пантократора, а другую—Хану Абакѣ, въ сопровожденіи патріарха Антіохійскаго Евфимія. Самъ же Ногай свою дочь, праправнучку Чингиса, выдалъ за князя Смоленскаго, Ѳеодора Ростиславовича.

ди меня къ Тогдаю!—и тутъ же умеръ. Русскій привезъ къ Тогдаю отрубленную голову Ногая, который освѣдомился, откуда побѣдителю извѣстно, что это голова Ногая. — Онъ самъ сказалъ мнѣ, кто онъ, отвѣчалъ нашъ безвѣстный соотечественникъ, и былъ казненъ за такую расторопность. Это случилось по одной версіи въ 1298-мъ году, по другой — въ 1303-мъ.

Возможно, что въ чужихъ войскахъ ходили наши, попавшіеся монголамъ въ плѣнъ при разгромахъ русской земли, при которыхъ всегда уводились цѣлыя массы плѣнныхъ вглубь Азіи и даже Китая. Лѣтописи, далѣе, указываютъ, что въ рабство обращались и неисправные плательщики налоговъ. Во всякомъ случаѣ—русскихъ много было на Востокѣ. Въ китайскихъ государственныхъ анналахъ подъ 1332-мъ годомъ имѣется извѣстіе, что принцъ Діангъ-хи подарилъ Великому Хану 170 русскихъ плѣнныхъ, за что и былъ взысканъ милостями. Въ томъ же году было заказано платье и зерно на 1000 русскихъ воиновъ. Немного ранѣе, по показанію анналъ юаньской династіи Великій Ханъ Тобъ Тимуръ (съ 1329-го года) имѣлъ особый полкъ изъ u-l-os, то есть русскихъ. Этотъ полкъ былъ подъ командой столь высокаго чина, какъ темника, и назывался — „во вѣки вѣковъ вѣрная русская гвардія“. Изъ тѣхъ же анналъ извѣстно, что князь Гантимуръ (Yent'ie-murh), подарилъ Хану 1500 русскихъ плѣнныхъ, а князь Аргишили 30.

Подъ 1334-мъ годомъ находится извѣстіе, что нѣкій Боенъ (Boyen) назначенъ командиромъ Великоханской гвардіи изъ Монголовъ, Кипчаковъ и Русскихъ *).

При такомъ положеніи дѣла нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что существовалъ большой оборотъ людей между Востокомъ и Русью той поры. По показанію Марко Поло русскіе торговали кромѣ того очень сильно серебромъ—главной валютой Востока, и такимъ образомъ, между ними и Азіей существовали и торговыя сношенія, кромѣ вышеописанныхъ.

*) Bretschneider, Mediaeval researches, стр. 73.

Во всякомъ случаѣ, при надлежащихъ изслѣдованіяхъ должно оказаться сколько угодно фактовъ для доказательства распространенія Юаньской культуры на русскій улусъ.

Укажемъ на слѣдующій фактъ разительнаго общественнаго значенія.

Мы видимъ, что русскіе живутъ подъ управленіемъ монгольской разноплеменной администраціи. Живется имъ свободно. Каждый дворъ въ цѣломъ рядѣ княжествъ описанъ ордынскими численниками. Князья наши получаютъ свое назначеніе на столъ отъ Хана Ханства Кипчакъ. Военные намѣстники Хана—нойоны и темники требуютъ и добиваются срытія крѣпостей, что доказываетъ тогдашнее русское безсиліе въ военномъ смыслѣ. Церковь—совершенно свободна. И въ результатѣ этого лойальность тогдашняго общества, говоря современнымъ языкомъ, къ Ханской власти такова, что гораздо уже позднѣе, черезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской битвы, въ посланіи къ Великому Князю Московскому Ивану III-му, по случаю наступленія Хана Ахмата епископъ Ростовскій Вассіанъ Рыло пишетъ такъ, что изъ посланія его видно, что нѣкоторые русскіе люди представляли Великому Князю, что де татарскіе князья—ЗАКОННЫЕ ВЛАДЫКИ РУСИ, и что русскіе князья, прародители Ивана Васильевича, завѣщали потомкамъ не подымать руки противъ законнаго Царя.

—Если ты разсуждаешь такъ, писалъ Вассіанъ, что прародители закляли насъ не поднимать руки противъ Царя, то слушай, боголюбивый Царь: клятва бываетъ невольная, и намъ повелѣно прощать и разрѣшать отъ такихъ клятвъ, и т. д.

Конечно, авторитетъ монгольской власти поддерживался терроромъ—князь, непосредственно соприкасавшійся съ монголами, долженъ былъ держать языкъ за зубами—развѣдка у монголовъ была поставлена превосходно, ибо тогда въ русскомъ обществѣ, какъ и всегда, было не мало угодни-

ковъ сильной власти. Но по мимо карательныхъ способовъ управленія и сама высота цивилизаціи, принесенная на Русь изъ Китая, Юаньская отчетливая и цѣлесообразная система управленія, привычка монголовъ работать по администрированію страны въ большомъ масштабѣ были на лицо, и не могли породить удивленія и почтенія у нашихъ предковъ. Вѣдь собственно говоря Русь впервые администрировалась въ такихъ масштабахъ.

Къ тому же большое количество нашихъ соотечественниковъ путешествовало по Азіи, и бывало въ томъ царствѣ, которое самъ скептическій Вольтеръ почтилъ такимъ элегантнымъ замѣчаніемъ:

— Sous le dinastie Youên les arts, qui appartient à l'esprit et à l'imagination furent plus cultivès, que jamais*).

Пусть это замѣчаніе „Фернейскаго афея" стоитъ немногаго, но все же несомнѣнно, что наши предки въ Китаѣ и въ Монголіи видѣли достаточно много новаго, чтобы имѣть свое воображеніе пораженнымъ. Мы должны однако, выразить свое изумленіе передъ тенденціозностью нашей традиціонной русской исторіи, которая такъ мало всегда придавала значенія этому глубокому историческому процессу, шедшему съ Востока, и такъ усиленно его замалчивала. Въ этомъ вина церкви, но еще жива и та брань М. В. Ломоносова, которой онъ встрѣтилъ отца исторіи Сибири Миллера, за то, что тотъ въ своихъ изслѣдованіяхъ на первый планъ выдвигалъ участіе Азіи въ нашемъ историческомъ процессѣ. Немного объ этомъ дошло до насъ сквозь узорчатый полууставъ нашихъ лѣтописей, и только изрѣдка прорываются такія замѣчанія, какъ въ 5-мъ словѣ Серапіона, гдѣ о татарахъ говорится съ полнымъ уваженіемъ:

— Эти поганые, не вѣдая Закона Божьяго, не убиваютъ своихъ единовѣрцевъ, не грабятъ, не жгутъ, не обидятъ, не поклеплютъ, не украдутъ, не запрутся въ чу-

*) Essay sur le moeurs et l'esprit de nations.

жомъ; всякъ поганый не предастъ своего брата; но кого изъ нихъ постигнетъ бѣда, то искупятъ его и дадутъ ему на промыселъ; и найденное на торгу заявляютъ.

Классъ черноризцевъ, плотно обступившихъ княжескій престолъ, ревниво хранилъ свою тайну, какъ шелъ къ власти Великій Князь, въ сопровожденіи духовенства, шелъ реально усиливая свои позиціи. Онъ молчалъ о происходящемъ, несмотря на то, что Византія трещала уже по всѣмъ швамъ и лелѣялъ свои греческія мечты, и тогда, когда подъ вліяніемъ продолженной и углубленной плодотворной политики Александра Невскаго и церковь беретъ направленіе на Москву, всецѣло отдаваясь носящимся въ воздухѣ собирательнымъ идеямъ. Въ русскомъ государствѣ этой блистательной собирательной эпохи все было принесено въ жертву этимъ идеямъ настолько, что нѣмецъ Маербергъ значительно позже подводитъ итогъ происходящему слѣдующей фразой:

— Кажется... правители хотятъ, чтобы москвитяне похожи были на лакедемонянъ, которые только умѣли читать и которыхъ вся наука состояла въ томъ, чтобы побѣждать въ сраженіяхъ.

Византійская условная традиція жила, хотя русскій монахъ монгольскаго періода,—это уже не выходецъ изъ Византіи, котораго мы видѣли почивающимъ послѣ обѣда „всенощнаго ради бдѣнія“, безразличнаго, эксторриторіальнаго государственныхъ тревогъ. Это—иноки Пересвѣтъ и Ослабя, препоясанные мечемъ св. Сергіемъ Радонежскимъ, зачинающіе освободительную Куликовскую битву.

Пусть въ письменномъ церковномъ словѣ и не нашелъ себѣ отраженія духъ династіи Юань, этого праздника Азіи и Востока, за то онъ перелился въ нашъ народъ, сливъ воедино разрозненныя племена наши. И онъ остался пребывать въ этомъ слитомъ народѣ, давъ ему совершенно небывалую силу власти, воплотивъ ее въ самодержавіи Москвы.

— Самовластіе Москвы, говоритъ Забѣлинъ, не было самовластьемъ старой Руси; напротивъ того, это было нѣчто гораздо болѣе суровое, насильное, безпощадное. Что особенно тяжело въ Москвѣ—это ненужная безплодная жестокость, поголовное истребленіе и преслѣдованіе; другая же тяжелая сторона—грубая утилитарность, соединенная съ полнымъ забвеніемъ умственнымъ потребностей народа.—

Но только это самовластье со всѣми его реальными свойствами и сторонами могло выковать для Руси строителя государства, Великаго Князя Московскаго, ставшаго въ исторіи подобіемъ гигантскихъ фигуръ Юаньской династіи, вмѣсто мелкаго варяжскаго хищника или золотой куклы властителя Византіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКІЙ.

Клочку варяжско-византійской Руси, необоримо отрывавшемуся отъ Кіевщины, Волыни, Галиціи и самостоятельно формировавшемуся на сѣверо-востокѣ выпала великая историческая задача — стать во главѣ разноличныхъ племенъ и народностей, неселявшихъ Европейскую Россію, и находившихся примѣрно на той стадіи развитія, на которой стояла тацитовская Германія, но съ гораздо большимъ уклономъ въ сторону способности къ первобытно-дѣйственнымъ переживаніямъ и чувствованіямъ. Конкретнымъ способомъ рѣшенія этой задачи явилось появленіе на міровой аренѣ самодержавной фигуры Великаго Князя Московскаго. Она была тѣмъ вѣщимъ словомъ, по одному звуку котораго племена и народности съ лоскутами находившихся подъ ними территорій стали пристраиваться „подъ его высокую руку", „примучиваться", и образовывать тотъ необозримый просторъ территоріи, иа которомъ поднимется будущая Россія.

То, что вышло въ результатѣ этого процесса присоединенія — не было „союзнымъ государствомъ", Bundesstaat'омъ Германіи. Это была пирамида племенъ и народностей, скованная между собою „двоюроднымъ родствомъ", древней отдаленной общностью азіатской крови, подтвержденной вѣрой въ божественное происхожденіе вождя. Какъ мы видѣли,

Ханъ Чингисъ имѣлъ въ Азіи нѣкій религіозный нимбъ, и въ качествѣ Богдо былъ принятъ за одно изъ низшихъ проявленій Будды. Намъ не приходится оспаривать — должно быть такъ, или же не должно. Важно это такъ было, что въ реальныхъ живыхъ душахъ племенъ и народностей, имѣвшихъ образовать наше отечество, была жажда именно такой власти.

И мы не ошибемся, признавъ глубокую связь между этой жаждой, этой потребностью и нашимъ русскимъ православіемъ, въ смыслѣ извѣстныхъ свойствъ нашей вѣры.

Здѣсь мы должны коснуться стараго вопроса о томъ что такое русское православіе. Этотъ вопросъ глубокъ и необъятенъ, какъ море. Мало того. Онъ безумно труденъ для насъ именно потому, что намъ трудно осознать родную православную народную стихію, въ которой мы привычно живемъ, движемся и есьмы, не столько стороной догматической, но главнымъ образомъ стороной „бытового исповѣданія“.

Духовное и умственное состояніе русскихъ массъ не слишкомъ измѣнилось въ настоящее время противъ того состоянія, въ которомъ оно находилось въ отдаленныя времена начала нашей государственной жизни. Это состояніе — состояніе отсутствія интеллектуальной логизированной жизни массъ, полное отсутствіе той умственной напрактикованности, въ которой живетъ и движется хотя бы наша такъ называемая „интеллигенція“. При такой напрактикованности интересы будущаго, интересы прошлаго, интересы чужихъ странъ становятся столь близкими намъ, что намъ кажется, что это есть наше собственное непосредственное дѣло — напр., возмущаться такъ поведеніемъ Цицерона, какъ это дѣлаетъ Момзенъ въ своей „Римской Исторіи“, или приносить себя въ жертву „будущимъ поколѣніямъ“, какъ это дѣлаютъ русскіе революціонеры“.

Для того, чтобы понять духовную почву народа нашего, особенно того времени, когда зачиналась Русь, какъ государство, мы должны совершенно отмести эту напрактикованность. Предъ нами — совершенно неизмѣненные пейзажи родины нашей, и въ душахъ, и въ природѣ, еще болѣе усугубленные дѣвственной своей нетронутостью. „Все худостно, все нищетно, все сиротинско". А что вдали — то полно прекрасныхъ баснословій.

На этомъ фонѣ — полная разобщенность индивидовъ между собой, конечно, разобщенность въ нашемъ смыслѣ. Все то, что — будь то власть или религія, — безразлично, что должно служить къ объединенію индивидовъ, помимо своей внутренней родовой подоплеки, должно быть еще такого сорта, чтобы поразить вниманіе этого первобытной свѣжестью исполненнаго человѣка. Богословію съ его кружевнымъ хитросплетеніемъ доктрины, — здѣсь нѣтъ никакого мѣста. Передъ нами здѣсь видъ изначальнаго теизма этой основоположной формы религіи. Богъ долженъ быть здѣсь чувствуемъ непосредственной своей душевной силой, бытомъ, обычаемъ, толпой, какъ вообще чувствуются первобытнымъ человѣкомъ (не дикаремъ) всѣ силы природы; нынѣ это чувствованія скрыты для насъ за пеленой раціонально-феноменалистической. Подумаемъ, какъ дѣйствительно могущественны должны были быть настоящіе боги и божки нашихъ предковъ, сидѣвшіе на зеленыхъ полянахъ, въ шумныхъ рощахъ, если въ жертву имъ должна была литься чистая кровь!

Этими богами вполнѣ обходились наши предки, покамѣстъ они не увидали боговъ другихъ болѣе могущественныхъ людей. Византійцы и варяги, приходившіе въ дѣйственныя глуши на лодкахъ, являлись всегда въ ореолѣ своего могущества, подобно тому, какъ всегда окружены священнымъ трепетомъ въ глазахъ скромныхъ туземцевъ люди, несущіе то, что такъ или иначе можетъ быть названо „цивилизаціей",

За новыми людьми пришли и ихъ новые боги, столь же могущественные, какъ могущественны новые пришельцы.

— Не знали мы — на землѣ мы, или на небѣ, говорятъ, докладывали князю Владимиру послы, посланные имъ въ Византію, сыскивать новой вѣры. Новая вѣра должна была быть дѣйствительно могущественна, вотъ почему и былъ побѣжденъ ею брошенный въ воду Перунъ.

И столь же горячо искали вѣры живой и могущественной и тамъ, на Востокѣ, какъ только пришли въ соприкосновеніе съ новыми людьми. Мы видѣли, какъ распрашивалъ даосскаго монаха Чань-Чуня грозный Ханъ Чингисъ, чтобы получить безсмертіе.

—Небо отвергло Китай за его чрезмѣрную роскошь и гордость, пишетъ Чингисъ Чань-Чуню. Я же, обитая въ сѣверныхъ степяхъ, не имѣю въ себѣ распутныхъ наклонностей, люблю чистоту и строгость нравовъ, отвергаю роскошь и слѣдую умѣренности, у меня одно платье, одна пища, я въ тѣхъ же лохмотьяхъ и то же ѣмъ, что коровы и конскіе пастухи... Въ семь лѣтъ я совершилъ великое дѣло — утвердилъ единодержавіе во всѣхъ странахъ свѣта... Ты, учитель, сроднился съ истиною и шествуешь по правиламъ... Твоя святость прославилась и доблести проявились... поэтому я прошу тебя подвигнуть святыя стопы твои; не думай о дали песчаныхъ степей, или пожалѣй объ народѣ, или по милости ко мнѣ сообщи мнѣ средство къ сохраненію жизни.*)

Равнымъ образомъ, когда скромный армянскій монахъ Варданъ является — „не въ золотѣ, а въ овчинѣ“ передъ очи Хана Улагая, въ столицѣ Ханства Или, то въ бесѣдѣ на благочестивыя темы, Улагай поставилъ вопросъ ребромъ:

— Говорилъ ли когда нибудь съ тобой Богъ, и являлся ли Онъ тебѣ?

---

*) Си-ю-цзи, или Описаніе путешествія на Западъ, пер. Архимандрита Палладія, Труды Пекинской Духовной Миссіи, т. IV.

Монахъ Рубруквисъ бесѣдовалъ по этимъ же вопросамъ съ Ханомъ Менгу въ Каракорумѣ. Менгу сказалъ ему слѣдующимъ образомъ:

— Я говорю вамъ, что вамъ Богъ далъ святое Писаніе, которое вы не блюдете... А намъ онъ далъ святыхъ, которые приказываютъ намъ, и мы живемъ поэтому въ мирѣ...

— Если бы я могъ, подобно Моисею, творить чудеса, говоритъ Рубруквисъ, то Великій Ханъ былъ бы обращенъ.

Святые и подвижники, были и въ нашемъ православіи, какъ разъ тѣми лицами, которыя благодаря личнымъ свойствамъ своимъ, святости и подвижнической жизни пріобрѣтали въ глазахъ народа такое значеніе, что ихъ зналъ въ округѣ всякій ребенокъ, а нѣкоторыхъ и вся страна. Божественный законъ такимъ образомъ шелъ къ намъ не черезъ сухое описаніе, а путемъ живой благодати, невидимо но ощутительно изливавшейся черезъ этихъ лицъ. Народное стремленіе къ полученію этого закона было настолько велико, что оно легло въ основаніе извѣстныхъ историческихъ процессовъ. Ради спасенія души монахъ бѣжалъ въ лѣсъ, а мірянинъ бѣжалъ въ лѣсъ къ монаху, и цѣпляясь за него „создавалъ новый міръ", „какъ корнями деревьевъ скрѣпляется зыбунная почва" *).

Православіе, такимъ образомъ, является религіознымъ міроощущеніемъ съ небывалой напряженностью преимущественно практической стороны. Въ немъ неграмотные простецы создаютъ вокругъ себя цѣлый міръ моральнаго вліянія, который, какъ это бываетъ всегда, другими, болѣе практическими послѣдователями ихъ переводится въ житейскій распорядокъ и „церковь Павлова" замѣняетъ оригинальную „церковь Христову", означая собой развитіе церковно-организующаго начала.

---

*) Ключевскій, Сергій Радонежскій. Рѣчь.

Церковь есть собраніе вѣрующихъ—таковой она осталась для Запада. Церковь есть собраніе, въ которомъ всѣ святы—говоритъ православіе, инстинктомъ повторяя тѣ далекія времена, когда пророками, слышавшими Бога непосредственно, создавался божественный законъ. Поэтому то, что освящено этой соборной церковью — въ свою очередь дѣлается святымъ, вотъ точно такъ же, какъ пророкъ Саулъ, помазавъ Давида на царство—сдѣлалъ его святымъ. Когда же церковь, какъ собраніе святыхъ, правившая народомъ, и самъ народъ, святой въ соборной церковности своей — передаетъ всю власть Царю — то этимъ они дѣлаютъ Царя святымъ и неизмѣримо высокимъ по отношенію къ отдѣльному человѣку, и въ то же время, чрезвычайно связаннымъ именно съ народомъ. Такъ возникаетъ изъ основныхъ движеній русской народной души теократическая русская идея.

На востокѣ Европы, силою хода вещей, творилась новая русская теократія, идея Москвы, о которой Кіевъ не имѣлъ еще никакого понятія, творился новый дѣйственный Римъ взамѣнъ старыхъ одряхлѣвающихъ Римовъ. Процессъ шелъ путемъ, аналогичнымъ тому, какъ шелъ и у монголовъ: у монголовъ онъ былъ выраженъ яснѣе: Чингисъ былъ живымъ Сыномъ Неба, Тенгри. И не только Чингисъ. Даже какой то сидѣвшій на удѣлѣ въ Арменіи монголъ Бачу-нойонъ (то есть князя Бачу), чуть было не казнилъ монаха Асцеллина за то, что тотъ отказался поклониться Бачу, какъ сыну Бога; дерзкаго монаха спасло лишь заступничество старшей жены нойона, христіанки. За то у насъ процессъ этотъ сказался гораздо дѣйственнѣе; хотя впослѣдствіе Русскій Царь и не былъ сыномъ Божіимъ, но въ качествѣ помазанника Божія онъ сосредоточилъ въ себѣ качества непререкаемаго авторитета и справедливости, то есть качества болѣе всего необходимыя для образованія православнаго государства.

Мы никогда не поймемъ дѣйственныхъ силъ нашей исторіи, если не сумѣемъ взглянуть на „стольный градъ Москву“

и на фигуру Московскаго владыки именно глазами православнаго народа; „глазами народа“ не значитъ „глазами простонародья“. Нашъ народъ—народъ **роевой**, объединенный вовсе не твердо согласованнымъ общимъ пониманіемъ индивидуумовъ, нѣкіимъ „соціальнымъ контрактомъ“, а **міромъ**, то есть вѣрой въ необоримо правильный инстинктъ цѣлой массы **народа**. Эта соборная жизненность именно рода, глухая и недоступная анализу, и въ то же время объединительная и непобѣдимая. Въ глубинѣ этой живой глухой массы христіанство сливалось съ языческими понятіями, при которыхъ свѣтлое доброе солнечное міросозерцаніе, заповѣдуя нищелюбіе, въ то же время не мѣшало и убивать, потому что **для рода нѣтъ смерти**; наша народная масса до сихъ поръ сочетаетъ въ себѣ жестокость и милосердіе, въ ней еще живъ зудъ въ ногахъ отъ кочевой жизни, а въ душахъ память о какихъ то дальнихъ природахъ; соотвѣтственно этому, этой массѣ нуженъ былъ такой князь, который какъ личность, являлся бы въ непосредственномъ воззрѣніи всякаго, какъ сама воплощенная справедливость на землѣ, который бы воздавалъ добромъ за добро и зломъ за зло, владыка грозный и святой, который бы не шушукался бы съ „вящими“, а шелъ бы въ силу нищелюбія именно съ простыми людьми, не показывалъ бы человѣческихъ слабостей стяжательнаго характера, а высился бы какъ золотая статуя при жизни почти обожествленнаго человѣка; по воинственности нашего народа онъ долженъ быть непремѣнно могучъ. Пожалуй, ни у одного народа на землѣ нѣтъ столькихъ большихъ и трудныхъ требованій, которыя нашъ народъ предъявляетъ къ своему Царю.

Царь, бывшій у монголовъ, и правившій черезъ нихъ Русской землей былъ въ нѣсколькихъ отношеніяхъ именно **такимъ** потребнымъ Царемъ. И съ самаго начала это должны были понять тѣ два чужеземныхъ отрога, которые вытягивались изъ за рубежей на Русь—варяги и византійцы,—князья и духовенство. Привыкшіе не чуждаться чужого, знав-

шіе искусство наводить на родную землю иноземцевъ, не гнушавшіеся никогда связываніемъ брачныхъ связей съ южными кочевниками, по существу мало чѣмъ отличавшимися отъ коренныхъ монголовъ, князья и духовенство наше и здѣсь не погнушались полезными для нихъ знакомствами. Примѣрно одинъ и тотъ же бытъ, при чемъ русскіе такъ же кичились своими городами, символами цивилизаціи, какъ и монголы, тѣ же пиры, и съ мясами и верещаніями и „пыскомъ" инструментовъ, то же пьянство, любовь къ охотѣ, спеціально къ охотѣ съ соколами, то же обожествленіе вождя, на которое съ охотой шли всѣ классы тогдашняго общества, исключая слоевъ самыхъ близкихъ къ государю,—которые видѣли въ князѣ извѣстное орудіе къ исполненію своихъ затаенныхъ цѣлей—все это содѣйствовало охотѣ перенимать у монголовъ тотъ государственный ладъ, въ которомъ тѣ столь побѣдоносно жили. Этому же способствовала склонность и способность русскихъ людей къ подражанію и заимствованію. И являясь съ трепетомъ, котораго раньше никогда не знали наши предки передъ стѣнами Византіи, передъ очи степного властелина, скача къ нему черезъ тысячи верстъ огромныхъ пространствъ, проѣзжая пышные восточные города, видя всюду раскиданные огромные гарнизоны, московскіе властители невольно вспоминали о вѣчѣ, которое само, небось, не ѣхало въ эти дали, а посылало князя представительствовать всю землю, а дома требовало власти, правило, шумѣло и интриговало.

Мы можемъ легко представить, къ чему привели такія мысли. Уже Андрей Боголюбскій понималъ, что съ вѣчемъ пива не сваришь. Недаромъ нехитрымъ „чудомъ" остановились кони тамъ, гдѣ потомъ встало село Боголюбово, указуя этимъ мѣстомъ для становища князя, не желавшаго ѣхать ни въ Ростовъ, ни во Владиміръ. Вѣче всегда было источникомъ всякой крамолы, дрязгъ и ссоръ. Новгородскія безобразныя драки на Волховомъ мосту, для прекращенія которыхъ подчасъ принуждено было вмѣшиваться и духовенство, даже при всей любви къ демократизму и свободамъ. Госпо-

дина Великаго Новгорода, конечно не могли служить примѣромъ и образцомъ способовъ управленія и гражданскаго порядка. И первое, что принесъ русскій князь изъ Орды — это было осужденіе порядку господства вѣча, интригамъ „вящихъ“ или „худыхъ“ мужиковъ.

Вторымъ слѣдствіемъ монгольскаго управленія Русью было то, что такъ какъ власть Царя Ордынскаго была до поры до времени едина, то только одинъ изъ русскихъ князей могъ получить ярлыкъ на великокняженіе, то есть пріобрѣсти полноту вліянія. Сарай еще не умѣлъ поддерживать въ нашихъ усобицахъ разныя стороны, какъ это дѣлала и дѣлаетъ въ настоящее время вся европейская дипломатія. Восточные правители еще не знали лозунга — раздѣляй и властвуй. Правда въ Ордѣ дѣло захвата вліянія сводилось къ проискамъ, подкупамъ и интригамъ у ханскаго стола. Тотъ или иной князь долженъ былъ искать въ ханской ставкѣ „руки“ для проведенія того или иного дѣльца или дѣла. Главное средство къ этому заключалось въ задариваніи нужнаго человѣка, почему на успѣхъ могли только разсчитывать богатые князья. На глазахъ нашихъ лѣтописцевъ происходитъ такое соревнованіе у ханскаго престола между князьями Тверскими и Московскими въ XIV вѣкѣ. Дѣло доходитъ до того, что князь Московскій Юрій Даниловичъ на пути своемъ въ Сарай долженъ скакать окольными путями мимо Твери, чтобы не попасться въ руки соперника, князя Тверского. Имали тверичи и новгородцевъ, скакавшихъ въ Орду съ жалобами на обиды отъ князя Михаила Тверского, собиравшаго съ нихъ немалую деньгу татарскихъ даней-выходовъ, и бравшаго себѣ слишкомъ большой %. Но этому гибельному соревнованію все же пришелъ благополучный конецъ.

Въ первый разъ въ немъ въ 1305-мъ году побѣдилъ князь Тверской и навелъ изъ Орды татарскую рать на Новгородъ, послѣ чего и сталъ Великимъ княземъ. Юрія Даниловича, его московскаго соперника, вызвали въ Сарай въ

1315-мъ году по приказанію Хана Узбека; два года прожилъ въ Ордѣ Юрій Даниловичъ, безъ сомнѣнія выучился языку, татарскимъ обычаямъ, и настолько полюбился Хану, что тотъ выдалъ за него свою сестру Кончаку, крещеную въ Агафью. Теперь у Юрія Даниловича оказалась сильная рука въ Сараѣ, и уже онъ повелъ татаръ на Тверь во главѣ съ княземъ Кавдыгаемъ. Въ этой рати участвовали хивинцы и мордва, и они не церемонились вообще съ попутнымъ населеніемъ, предавая вражескую Тверскую землю безпощадно огню и мечу.

За 40 верстъ отъ Твери Михаилъ Тверской разбилъ этотъ русско-монгольскій отрядъ въ морозный день 22-го декабря 1317-го года, Кавдыгая и Кончаку-Агафью взялъ въ плѣнъ; Юрій бѣжалъ.

На горе тверичамъ Кончака въ плѣну умерла—говорили ее отравили, а Кавдыгай былъ отпущенъ и уѣхалъ въ Орду. Туда же былъ вызванъ и Михаилъ, надъ которымъ состоялся судъ.

Его обвинили въ нападеніи на царскаго посла Кавдыгая, въ смерти княгини Московской, ханской сестры Кончаки. Великій Князь Тверской 26 дней провелъ въ китайскихъ колодкахъ на шеѣ, и 22-го ноября 1318 года былъ зарѣзанъ.

Юрій Даниловичъ ликовалъ, возбуждая ярость въ тверичахъ. При его посѣщеніи Орды въ 1325-мъ году, по разбору его тяжбы съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Тверскимъ, онъ былъ убитъ этимъ сыномъ Михаила Тверского. Ханъ по справедливости казнилъ убійцу.

— „Юрій", повидимому, уступилъ Москву брату Ивану", говоритъ Костомаровъ, „а самъ, считаясь Великимъ Княземъ, жилъ въ Новгородѣ". Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита, начинаетъ собой рядъ князей Московскихъ, возвысившихъ Москву, и къ ней относившихъ титулъ Великаго Князя. Ловкій и обходительный, Иванъ Даниловичъ былъ

хорошимъ вассаломъ Ордынскаго Царя, что въ свою очередь, благопріятно отозвалось и на Русской землѣ.—„Перестали поганые воевать Русскую землю“, пишетъ лѣтописецъ, „перестали убивать христіянъ; отдохнули христіяне отъ великой истомы и многой тягости и отъ насилій татарскихъ и съ тѣхъ поръ наступила тишина по всей землѣ“.

Эта тишина была немалой заслугой Ивана Данилыча. Со всѣхъ сторонъ на Москву на мирное житіе стягивался людъ разнаго званія. Кромѣ самого Кремля и посадъ вокругъ города былъ обнесенъ дубовыми стѣнами, обѣщавшими прочную защиту; сюда стали селиться иностранцы, даже татары, принимавшіе христіанство; упорядочивается безопасность передвиженія по дорогамъ, начинаетъ развертываться торговля: мирная восточная политика Калиты приносила совершенно иные результаты, нежели бряцаніе оружіемъ былого западника Данилы Галицкаго.

Однако, сначала ярлыкъ на великокняженіе послѣ брата получилъ не Иванъ Даниловичъ, а Александръ Михайловичъ Тверской. Москвѣ пришлось выжидать подходящаго случая снова выдѣлиться и отличиться передъ ханскимъ престоломъ. Въ 1327-мъ году прибылъ въ Тверь ханскій чиновникъ Челканъ съ небольшимъ отрядомъ, выгналъ изъ великокняжескаго дому Великаго Князя Александра Михайловича, и сталъ тамъ жить самъ. Пошли толки, что де татары уже сами хотятъ становиться русскими князьями. Тутъ вышелъ случай. У дьякона Дюдка татары въ Успеньевъ день повели со двора молодую жирную кобылу; ударили въ набатъ, татаръ перебили, погибъ и самъ Челканъ, но нѣсколько человѣкъ съ вѣстями проскочили въ Орду. Иванъ Даниловичъ тоже воспользовался такой прорухой у соперника, кинулся въ Орду и въ скоромъ времени съ татарскимъ войскомъ — пятидесятитысячнымъ карательнымъ отрядомъ шелъ на Тверь. Онъ уже носилъ тогда званіе Великаго Князя, жегъ города, бралъ въ рабство людей; дѣло было зимой, много народу, убѣжавъ въ лѣса, померзло. Отсюда видно, что преступленіе,

совершенное 15-го августа, не долго ожидало своего отмщенія. Орда дѣйствовала энергично.

Александръ Михайловичъ убѣжалъ въ Псковъ. Ханъ приказалъ Ивану Калитѣ представить ему Тверского князя на расправу, въ качествѣ преступника. Великій князь отправился въ Новгородъ въ сопровожденіи митрополита, Суздальскаго князя, и двухъ князей Тверскихъ — братьевъ Александра Михайловича. Изъ Новгорода въ Псковъ посломъ отъ этой комиссіи поѣхалъ владыка Новгородскій Моисей, и не мало потратилъ словъ, чтобъ убѣдить бѣглеца явиться передъ грознаго Царя Ордынскаго, и ѣхать въ Орду добровольно, „не давати христіанъ на погибель поганымъ".

Псковичи отказались выдать ищущаго у нихъ спасенія. Иванъ Даниловичъ мобилизовалъ Новгородскую рать, пошелъ на Псковъ; митрополитъ Ѳеогностъ проклялъ псковичей и отлучилъ ихъ отъ церкви за укрывательство преступника.

Тогда Александръ Михайловичъ убѣжалъ дальше, въ Литву, а Псковъ ударилъ въ первый разъ повинной Московскому Князю:

— Князь Александръ уѣхалъ, весь Псковъ кланяется тебѣ, Князю Великому, отъ мала до велика, и попы, и чернецы, и жены, и малыя дѣти.

Князь Иванъ Данилычъ Московскій собралъ подъ собой раззоренную, безсильную Тверь, Можайскъ, Коломну, Рузу, Звенигородъ, Серпуховъ, Переяславль; онъ удержалъ за собой Владиміръ изъ Суздальской земли; онъ выдалъ двухъ своихъ дочерей — одну въ Ярославль, другую въ Ростовъ, за тамошнихъ князей, и распоряжался въ этихъ земляхъ посвойски. Въ методахъ управленія онъ не стѣснялся: въ Ростовъ, напримѣръ, онъ послалъ своего боярина Кочеву, который правилъ въ качествѣ уполномоченнаго не хуже монголовъ. Старѣйшій Ростовскій бояринъ Аверкій былъ имъ всена-

родно подвѣшенъ за ноги и битъ палками. —„Горе, горе городу Ростову и князьямъ его!“, восклицаетъ одно старинное сказаніе: — „отнялась у нихъ власть и княженіе и не мало было ростовцевъ, которые поневолѣ отдавали москвичамъ имущество свое, терпѣли побои и язвы на тѣлѣ своемъ“.

Москвичъ несъ съ собою власть и жестокое объединеніе. Ярославль возмущался. Рязань повиновалась Москвѣ, стиснувъ зубы: многого она никакъ не могла бы предпринять въ этомъ направленіи, такъ какъ путь татаръ всегда лежалъ черезъ нее, и она хорошо знала, что значатъ такія экспедиціи. Своей богатой казной Великій Князь Московскій купилъ отъ мѣстныхъ князей Галичъ, Угличъ, Бѣлозерскъ, а также много селъ. Отъ Великаго Новгорода онъ потребовалъ „закамскаго серебра“ — крупной статьи дохода съ Пермской страны.

Между тѣмъ тверичъ Александръ Михайловичъ, просидѣвъ въ Литвѣ десять лѣтъ, соскучился бѣженской жизнью Вернуться ему, опальному вассалу, было возможно только испросивъ прощеніе у Хана: Ордынскій прядокъ прочно сковывалъ Русь.

Въ 1337-мъ году Александръ Михайловичъ появляется въ Ордѣ и произноситъ тамъ отважно слѣдующую рѣчь передъ Ханомъ Узбекомъ:

— Господинъ самовластный царь! Если я много дурного сдѣлалъ тебѣ, то я теперь пришелъ къ тебѣ принять жизнь либо смерть... Какъ тебѣ Богъ на душу положитъ, а я готовъ на все!

Этотъ титулъ, которымъ титулуетъ Узбека князь Тверской,—что значилъ онъ какъ не

— самодержавный царь,

— и не его ли впослѣдствіе усвоилъ и Великій Князь Московскій?

Своею прямотою Александръ Михайловичъ понравился самодержцу, и получилъ разрѣшеніе снова сѣсть въ Твери, а тѣмъ временемъ прознавшій про такой перелетъ Иванъ Даниловичъ уже скакалъ въ Орду, захвативъ съ собою двухъ сыновей. Калита обѣщалъ Хану вѣрную службу не только отъ своего собственнаго лица, но и отъ лица своего потомства, и чернилъ тверича такъ ловко, что Ханъ послалъ въ Тверь нѣкоего Истрочея звать Александра Тверского снова въ Орду.

Надъ Тверью блеснули грозовыя зарницы, хотя Истрочей „по приказанію Узбека и наставленію Ивана" принялъ въ Твери самый ласковый видъ:

— Самодержавный царь Узбекъ, сказалъ онъ, зоветъ тебя съ сыномъ Ѳеодоромъ. Царь сдѣлаетъ тебѣ много хорошаго: ты примешь великокняженіе и будетъ тебѣ большой почетъ.

Но Александра эта восточная ласковость не провела. —Если я пойду, говорилъ онъ, я буду преданъ смерти... Если не пойду— придетъ татарская рать и перебьетъ многихъ. Такъ лучше мнѣ одному пойти принять смерть!

Послали впередъ сына Ѳеодора; онъ назадъ не воротился, былъ въ Ордѣ задержанъ, и далъ знать отцу, что царь на него гнѣвается. Такимъ образомъ, сынъ оказался заложникомъ. При дворѣ Тверскомъ пошла смута: ловкіе Талейраны—бояре, видя, что дѣло плохо, стали перебѣгать на службу къ Московскому Великому Князю. Да къ тому же, возвращаясь изъ Литвы, Александръ Михайловичъ привезъ новыхъ людей, среди которыхъ былъ его любимецъ, одинъ нѣмецъ. Сидѣть ниже нѣмца старымъ боярамъ было никакъ невмѣстно,—изъ Орды пришли уже эти понятія, эта обычная табель о рангахъ.

Александръ Михайловичъ поѣхалъ. Ѣхалъ онъ Волгой и все время вѣтеръ удерживлъ его стругъ. Со слезами, наконецъ,

встрѣтилъ его въ Ордѣ сынъ Ѳеодоръ, и объявилъ, что дѣло плохо. Пріятели же изъ татаръ сказали прямо, что „царь тебя убить хочетъ“.

Александръ Михайловичъ поднесъ царю и царицѣ приличные „подарунки“. Мѣсяцъ онъ ждалъ въ постоянной тревогѣ; 26-го ноября 1338-го года его, наконецъ, извѣстили, что смерть ему будетъ черезъ три дня. Эти три дня Тверской князь провелъ въ молитвѣ. Утромъ рокового дня онъ отстоялъ заутреню и поѣхалъ на конѣ по ставкѣ—наводить справки—скоро ли будетъ ему смерть? Ему сказали, что черезъ часъ. Онъ вернулся въ свой шатеръ, пріобщился св. Тайнъ, простился съ сыномъ, обнялъ ближнихъ бояръ. Вбѣжали слуги съ извѣстіемъ, что вотъ и палачи идутъ, Беркашъ и Черкасъ. Князя раздѣли и нагого, со связанными назадъ руками повели къ ханскому вельможѣ Тавлугбегу, что сидѣлъ неподалеку верхомъ на конѣ.—Убейте! крикнулъ Тавлугбегъ. Убили его, сына Ѳеодора, придворные же робко разбѣжались. Потомъ два тѣла князей русскихъ съ отрубленными головами увезли въ Тверь, гдѣ положили съ „прежде въ Ордѣ убіенными“ Михаиломъ и Дмитріемъ. На Москвѣ же была большая радость.

Послѣ этихъ своихъ достиженій Великій Князь Иванъ былъ, естественно, весьма обязанъ Ордѣ; поэтому московскія рати состоятъ въ монгольскихъ отрядахъ, когда тѣ шли карать Смоленскъ и его князя Ивана Александровича, нежелавшаго признавать Хана. Приказаніе итти на Смоленскъ было предано Ивану Данилычу черезъ того же Тавлугбега.

Передъ нами полная яркая картина зависимости нашихъ князей отъ Сарая; мы видимъ, что наши князья расцѣниваютъ сами себя какъ подданныхъ Великаго Хана, сидѣвшаго примѣрно до описываемой поры въ далекомъ Китаѣ. Административная власть татаръ была распространена настолько, что каждая русская душа была занесена въ реестръ длинными, висящими сверху внизъ монгольскими пись-

менами. Тотъ кто былъ записанъ—былъ подданнымъ, былъ рабомъ.

> — Дали ему золотую пайдзу, (то есть доску), съ начертанными на ней именами Бога и Царя.—Написали ему ярлыкъ и даровали ему все, что Асланъ взялъ мечемъ. Кромѣ того, его имя, имя Смбата—было вычеркнуто изо всѣхъ дафтаровъ Грузіи и другихъ—

такъ наградилъ Менгу Ханъ нѣкоего армянскаго князя Смбата изъ рода Орбеліановъ за доставленный ему чудесный рубинъ*).

Дафтаръ именно и есть этотъ реестръ на уплату податей, вычеркиваніе изъ котораго служитъ знакомъ перевода въ свободное сословіе, то есть знакомъ почета. Затѣмъ во все время господства власти монголовъ русское населеніе пріучается подчеркивать, что оно — христіанское, крестьянское—несмотря на то, что ханы вполнѣ вѣротерпимы. Въ будущемъ это послужитъ обоснованію своей православной власти въ противоположность царю невѣрному, что будетъ означать ростъ русскаго національнаго самосознанія, что выявится, однако, при ослабленіи Орды, такъ покамѣстъ церковь пѣла молебны объ Царѣ Ордынскомъ. Но во всякомъ случаѣ, въ этотъ XIV вѣкъ совершенно ясно сквозь равенскія фрески, которыми расписали нашу историческую храмину чернецы-лѣтописцы, проступаютъ иные, азіатскіе контуры.

Въ послѣдующей исторіи отмѣтимъ два другіе, идущіе другъ другу навстрѣчу процесса: по мѣрѣ того, какъ историческіе Даниловичи учились хитрить, интриговать, запугивать и держать державную власть въ крѣпкихъ своихъ рукахъ, въ Золотой Ордѣ шло распаденіе этой единой власти. Явленія, подобныя исторіи съ Ханомъ Ногаемъ, повторяются все чаще и чаще. Уже при выборѣ Великихъ Хановъ въ Каракорумѣ мы видѣли борьбу линій Огдая и Тулуя, сыновей Чин-

---

*) Исторія Стефана Орбеліанъ, митрополита Сюннійскаго, въ переводѣ Патканова.

гиса. Съ усложненіемъ, развѣтвленіемъ этихъ линій, съ увеличеніемъ разстоянія отъ монгольскаго центра, усиливаются и центробѣжныя, автономистскія тенденціи среди многочисленныхъ владыкъ. Ханы Леванта во главѣ съ Великимъ Моголомъ уже отдѣлены въ представленіи Марко Поло отъ Хановъ Понента; принятіе частью хановъ мусульманства, обозначавшіе втягиваніе этой части въ малоазійскіе и отчасти уже въ европейскіе интересы, пріятіе другой частью буддизма и тибетскаго ламаизма—(древняя красная и выросшая подъ вліяніемъ іезуитовъ желтыя вѣры), всѣ мѣстные обычаи, привычки и нравы подвластнаго, но культурнаго на свой ладъ населенія—все это разслаивало понемногу, разводило въ разныя стороны спервоначалу крѣпкое, единое, цѣпкое ядро правителей, домомъ которыхъ была спина коня, а религіей обожествленіе широкаго степного неба—Тенгри.

Съ другой стороны и Московскій Великій Князь все болѣе и болѣе привыкалъ къ сознанію своей силы. За эту идею —созданіе авторитетнаго и полновластнаго владыки крѣпко держались и окружающіе Великаго Князя люди, и вмѣстѣ съ ростомъ этой власти шло также привязываніе ея къ опредѣленному географическому пункту, къ Москвѣ. Много было разной борьбы за Московскій столъ, но когда на него пришлось садиться девятилѣтнему Дмитрію Ивановичу, впослѣдствіе Донскому, внуку Ивана Даниловича, сыну Ивана Краснаго, то сами бояре сумѣли уже поддержать его авторитетъ, и получили въ 1362-мъ году великокняжескій ярлыкъ для мальчика, который сѣлъ на столъ, конечно, уже не въ силу личныхъ качествъ или заслугъ, а какъ символъ преемственности власти Москвы, каковая власть уже не зависѣла отъ личности ея носителя.

Ярлыкъ на великокняженіе Дмитрія Ивановича былъ полученъ въ Ордѣ отъ Хана Мамая, бывшаго въ началѣ темникомъ, а потомъ поднявшаго упорную борьбу за престолъ. Въ Ордѣ вообще убійство смѣняло убійство, и прежней былой монгольской дисциплинированности, желѣзной централизо-

ванности системы уже было не сыскать. Теперь если одна русская партія могла послать татарское войско для поддержки своего ставленника, купившаго ярлыкъ въ Ордѣ, то другой партіи тоже можно было сыскать другую такую татарскую сторону: дѣйствіе одной стороны уничтожалось противодѣйствіемъ и пособничествомъ другой. Московскій Князь отнынѣ долженъ былъ расчитывать на свои силы прежде всего.

Въ 1375-мъ году традиціонный врагъ Москвы Тверской князь Михаилъ получилъ изъ Орды тоже завѣтную бумажку на великокняженіе. Но такая игра русскимъ столомъ должна была кончиться немедленно: на него Дмитрій Ивановичъ двинулъ союзную рать.—Мамай дышетъ яростью на всѣхъ насъ, говорили князья,—если спустимъ Тверскому князю — онъ, вмѣстѣ съ Мамаемъ, надѣлаетъ намъ бѣды.

Въ результатѣ многострадальная Тверская земля вновь была позорена; горѣли села, вытаптывался хлѣбъ, а „хрестьянъ" убивали или тащили въ рабство, въ полонъ.

Съ усмиреніемъ Твери общей силой Русской земли исполнилось желаніе Любечскаго съѣзда князей. Но какими сложными путями пришло это исполненіе черезъ триста лѣтъ.

30-го августа 1374-го года Дмитрій Ивановичъ на Кучковомъ полѣ (гдѣ нынѣ Срѣтенскій монастырь) казнилъ Ивана Вельяминова, красиваго молодца, сына умершаго послѣдняго вождя Московскаго вѣча, Василія Вельяминова, который никакъ не могъ помириться съ лишеніемъ послѣднихъ преданій старинной вѣчевой свободы.

За этимъ доказательствомъ усиленія единодержавія Москвы слѣдуетъ еще и другое. Въ 1379-мъ году 11-го августа на берегу рѣки Вожи Великій Князь Московскій разбиваетъ татарскую рать мурзы Бегича. Ханъ Мамай долженъ былъ поправлять свой рушащійся авторитетъ. Лѣтомъ 1380-го года онъ собралъ всю силу своей Орды, „нанялъ хивинцевъ, бур-

тасовъ, ясовъ, вошелъ въ союзъ съ Литовскимъ княземъ Ягелломъ, съ черноморскими генуэзцами", говоритъ Костомаровъ и двинулся на Москву.

Въ осеннiй день Рождества Богородицы въ томъ же году Дмитрiй Ивановичъ разбилъ жестоко Мамая и его силу на Куликовомъ полѣ; военное счастье глубоко перемѣнчиво. Черезъ два года 24.000 труповъ собранныхъ только въ одномъ Кремлѣ похоронилъ Дмитрiй Ивановичъ, вернувшiйся послѣ бѣгства своего въ Кострому — такъ расправился съ Москвой ханъ Тохтамышъ за Куликово поле. За этимъ наказанiемъ человѣческимъ послѣдовалъ бичъ Божiй: на Московскую землю навалилось восточное бѣдствiе—чума. Въ 1387-мъ году изъ Смоленска, напримѣръ, вышли пять человѣкъ и затворили за собой городскiе ворота—больше въ живыхъ въ Смоленскѣ никого не оставалось. Надъ Московской землей гуляли пожары и голодъ, набѣги войны раззоряли страну, и еще сто лѣтъ наши русскiе Великiе Князья продолжали ѣздить въ Орду, тогда какъ сама то Орда въ это время уже лишилась своего центра въ Пекинѣ: въ 1368-мъ году династiя Юань въ Ханбалу была сброшена китайскимъ монахомъ, который вступилъ на престолъ подъ именемъ императора Хунгъ-Ву, начиная собой знаменитую чисто китайскую династiю Минговъ.

Въ возвышенiи и укрѣпленiи власти Великаго Князя Московскаго большую помощь оказывало православное русское духовенство. Наши духовные отцы мало по малу отбрасывали мысль о далекомъ чужомъ Константинополѣ, градѣ благочестiя, и строили на Руси свое собственное отечество, все больше и больше уходя въ политическую жизнь. Мы видѣли въ житiи св. Петра, царевича Ордынскаго, что владыка Кириллъ Ростовскiй въ XII вѣкѣ и ханскаго сынка лечилъ, и дань собиралъ. Митрополитъ Кiевскiй Петръ, переселившiйся во Владимиръ (1308 годъ), ѣздилъ въ Орду къ Хану Узбеку и получилъ отъ него „знаменитую грамоту, по которой православное русское духовенство со своими семействами и всѣ-

ми лицами принадлежащими къ духовному вѣдомству освобождалось отъ всякой дани и ограждалось отъ какихъ бы то ни было обидъ и притѣсненій со стороны ханскихъ чиновниковъ и подданныхъ". То есть, говоря словами армянскаго историка, все наше духовенство было в ы ч е р к н у т о и з ъ д а ф т а р о в ъ.

Линію поведенія духовенства той эпохи опредѣлятъ собой слова митрополита Петра Ивану Калитѣ, въ которыхъ онъ передалъ извѣстное пророчество о Москвѣ:

— Богъ благословитъ тебя и поставитъ выше всѣхъ князей, сказалъ святитель, и распространитъ городъ этотъ паче всѣхъ другихъ городовъ; и будетъ родъ твой обладать мѣстомъ симъ во вѣки; и руки Его взыдутъ на плещи враговъ вашихъ; и будутъ тутъ жить святители, и кости мои положены здѣсь будутъ.—

Преемникъ Петра, митрополитъ Ѳеогностъ, переселился въ Москву напрочно. Онъ, какъ мы видѣли, ѣздилъ съ Иваномъ Даниловичемъ въ Новгородъ и наложилъ проклятіе и отлученіе за невыдачу князя Тверского Александра Михайловича согласно приказанія Хана Узбека.

При Дмитріи Ивановичѣ Донскомъ живетъ и дѣйствуетъ на пользу Москвы св. Сергій Радонежскій; еще рѣшительнѣе дѣйствуетъ митрополитъ московскій Алексій, главный совѣтникъ Донского. Онъ всѣ свои усилія направляетъ на поддержаніе Москвы, вмѣшиваясь своимъ духовнымъ авторитетомъ въ борьбу между Москвой и Тверью. Патріархъ Византійскій Калликстъ протестуетъ противъ такой партійности и пишетъ Алексію на Москву: — М ы р у к о п о л о ж и л и т е б я м и т р о п о л и т о м ъ в с е я Р у с и, а н е к а к о й л и б о е я о д н о й ч а с т и. Москва тогда была, т. о., ч а с т ь ю Р у с и. Литовскій князъ Ольгердъ къ тому же жаловался патріарху, что Алексій разрѣшаетъ отъ присяги бѣгущихъ съ Литвы къ Великому Князю Московскому, а бѣгущихъ на Литву предаетъ проклятію. Вслѣдствіе

такой московской оріентаціи митрополита патріархъ поставилъ другого Кіевскаго митрополита — серба Кипріана, но этому новому лицу Новгородъ заявилъ, что онъ признаетъ его тогда митрополитомъ, когда таковымъ признаетъ его Великій Князь Московскій. Наряду съ Московскимъ государствомъ растетъ въ этихъ событіяхъ и національная русская церковь, уже отходящая отъ грековъ, и создающая плеяду своихъ національныхъ дѣятелей.

Къ этой плеядѣ принадлежитъ костромичъ митрополитъ Іона, дѣятель времени Василія Темнаго; онъ былъ выдвинутъ русскимъ духовенствомъ въ противовѣсъ назначенному патріархомъ Константинопольскимъ греку Исидору. Грекъ этотъ ратовалъ на Москвѣ объ спасеніи падавшей уже Византіи, предлагалъ унію и былъ прогнанъ за свои греческія патріотствованія.

Въ 1445-мъ году Соборъ русскихъ епископовъ поставилъ Іону митрополитомъ Московскимъ, помимо Константинополя. Русская церковь, ставшая уже національной, становилась уже и независимой отъ Греціи, автокефальной, что было уже крупнымъ событіемъ.

Иванъ Васильичъ III, правившій еще при своемъ ослѣпленномъ отцѣ рѣшительно кладетъ руль въ сторону единодержавія. Покончивъ съ князьями Ярославскимъ и Тверскимъ, онъ устремляетъ свой повелительный взоръ въ сторону купеческой республики — Новгорода. Вмѣстѣ съ Псковомъ, Новгородъ оставался послѣднимъ оплотомъ старыхъ вѣчевыхъ вольностей; Марфа Борецкая, посадница, жившая въ своемъ „чюдномъ“ домѣ ворочала всѣмъ вѣчемъ, и никакъ не могла быть сторонницей дѣйствій Москвы, а заключила союзъ съ Польшей и Литвой.

Равнымъ образомъ, и новгородское духовенство отнюдь не представляло дѣятельности Московскаго Великаго Князя какъ дѣятельности и желанной и благостной. Еще раньше, при Иванѣ Даниловичѣ, Новгородъ обвинялъ Москву въ

томъ, что дани татарскія собрать съ Новгорода собрали, а татарамъ уплатили значительно меньше. Экономическая политика Москвы, сплошнымъ кольцомъ къ этому времени обложившая Новгородъ, незадумывающаяся истолковывать вопросы о черезполосицѣ Новгородскихъ и Московскихъ земель всегда безапелляціонно въ пользу Москвы, показывала москвича и любящимъ и умѣющимъ прибрать къ рукамъ все то, что возможно. Москву не любили, Москвы боялись, Москвой были раздражены; вполнѣ понятно, что поэтому по Новгородской землѣ пошли „знаменія": говорили, что крестъ на Св. Софіи сломленъ пролетѣвшей великой бурей; на гробницахъ двухъ епископовъ новгородскихъ Симеона и Мартирія выступила кровь; у Спаса на Хутыни въ монастырѣ корсунскіе колокола зазвонили сами собой; въ женскомъ монастырѣ св. великомученицы Евфиміи у иконы Пресвятыя Богородицы много разъ истекали слезы; наконецъ, были очевидцы, которые видали, какъ изъ раки св. Варлаама исходило пламя, грозившее попалить Великаго Князя Московскаго.

Но пламя это все-таки не попалило Ивана III; очевидно то, что онъ дѣлалъ, было болѣе согласно съ волей Божьей, нежели то изображали новгородскіе провинціалы. Знаменитый вѣчевой колоколъ 15 января 1478-го года былъ снятъ и отправленъ въ ссылку. Депутатамъ новгородскимъ сказано было напрямикъ: — Вѣчу и колоколу не быть, посаднику не быть, государство Новгородское держать Московскому Князю такъ же, какъ держитъ онъ государство въ Низовской землѣ, а въ Новгородѣ править его намѣстникамъ. —

А между тѣмъ не прошло и двухъ лѣтъ со дня торжества Москвы, торжества этой объединительной политики, какъ по Московской землѣ тоже пошли „знаменія": въ Алексинѣ звѣзды падали съ неба, въ Москвѣ ночью колокола звонила сами собой, въ церкви Рождества Богородицы провалился куполъ, и сокрушилъ собою много иконъ.

Московскій народъ снова былъ въ тревогѣ: новый Ордынскій владѣтель Ахматъ шелъ на Моссву такъ же, какъ Москва недавно ходила на Новгородъ и повоевала его.

Однако, счастливыми обстоятельствами москвичи были избавлены отъ жестокой участи Новгорода; на сей разъ ханъ Ахматъ повернулъ обратно; вскорѣ его убилъ его недругъ, другъ Москвы Ивакъ, зауральскій ханъ Тюменьской и Шибанской Орды, который донесъ объ этомъ Великому Князю Московскому и въ воздаяніе заслугъ, получилъ богатые дары. Востокъ начинаетъ уже считаться съ Москвой.

1481-ый годъ принято считать концомъ „татарскаго ига“. Но въ сущности, уже послѣдніе сто лѣтъ до этого временнаго рубежа Кипчакская Орда проводитъ въ междуусобицахъ между разными ордами, на которыя она распалась, и отъ этого распаденія возникаютъ новыя, кратковременныя и несильныя царства, вродѣ основаннаго въ 1435-мъ году на Волгѣ Царства Казанскаго, каковое основаніе означало движеніе впередъ монгольскихъ выходцевъ по направленію къ Западу. Возникновеніе это указываетъ на имѣвшіеся тогда извѣстныя центростремительныя тенденціи въ населеніяхъ ордынскихъ мѣстностей, но среди всѣхъ этихъ волжскихъ, тюменьскихъ, крымскихъ, ногайскихъ, киргизъ-кайсацкихъ, черемисскихъ ордъ было бы напрасно искать уже единую волю единаго великаго человѣка.

Помимо самого возвышенія Москвы, власть Ордынскаго Царя надъ Москвой потеряна была и потому, что распалась сама Орда и распаденіе это шло постепенно; но если мы признаемъ все условной датой „сверженія татарскаго ига“ 1481-ый годъ, то надобно отмѣтить, что татары теряли далеко не то, что они нашли въ 1223-мъ году.

Теперь на Москвѣ сидѣлъ Великій Князь Московскій, окончательно сведшій свои расчеты съ Тверью, окончательно расчитавшійся съ буйной Новгородской вольностью; его владѣнія неимовѣрно расширялись на сѣверъ и на востокъ,

захватывая области исхоженныя и изъѣзженныя хитрыми новгородскими людьми; соотвѣтственно сему въ царевомъ сердцѣ росла любовь къ вящей славѣ, превосходившей славу его недавнихъ владыкъ. Вѣдь если даже оспаривать сообщеніе о томъ, что онъ растопталъ ногами басму, то есть, возможно, ханскаго идола, которому долженъ былъ кланяться, уплачивая дань, то вѣдь слухъ то имѣлъ основанія:

— бывало такое дѣло на Москвѣ, кланялись унизительно степнымъ владыкамъ!

И при этомъ появленіи въ сердцѣ Великаго Князя Московскаго любви къ „вящей" жизни, опять происходитъ явленіе, которое можно бы назвать ренессансомъ византинизма. Въ самомъ дѣлѣ, власть Великаго Князя Московскаго родилась отъ татаръ, хранила въ себѣ постоянно далекій отзвукъ дикаго величія и азіатскаго разгула. Ея рожденію усердно способствовала православная церковь, не оставляя князя ни на минуту, и своими увѣщаніями облегчая необходимые компромиссы съ совѣстью. Церковь была „Калитою" не хуже князей.

— Господь повелѣлъ намъ раздавать все неимущимъ, говорилъ монахъ Вассіанъ князь Патрикѣевъ, вѣрный ученикъ Нила Сорскаго, а мы, побѣждаемые сребролюбіемъ и алчностью, оскорбляемъ различнымъ способомъ убогихъ братій нашихъ, живущихъ въ селахъ, налагаемъ на нихъ лихву на лихву, (то есть %), безъ милосердія отымаемъ у нихъ имущество, забираемъ у поселянъ коровку или лошадку, истязуемъ братій нашихъ бичами, или прогоняемъ ихъ съ женами и дѣтьми изъ нашихъ владѣній, а иногда предаемъ княжеской власти на конечное раззореніе.

Все время хитря противъ „поганыхъ", въ то же время она не забывала и своего греческаго гордаго происхожденія.

Великолѣпіе городовъ того времени—дворцы и церкви, были похожи другъ на друга. И какъ греческая традиція ду-

ховенства все время окрашивала собой великокняжескій дворецъ, такъ и для Великаго Князя все время готовилась, развивалась до поры сохраняемая впрокъ греческая идеологія, формируя собой все болѣе и болѣе нароставшую славу, точно такъ же, какъ въ старыя времена Кіевской Руси всякое выраженіе мысли получало церковную форму.

Греческое было выраженіемъ великолѣпія, пышности и славы, потому что сами небеса для нашихъ предковъ были устроены по образцу Константинополя. Уже давно мечтали русскіе люди, чтобы получить преемственность отъ Грецiи, чтобы вести оттуда свой родъ, какъ это мы находимъ отмѣченнымъ у Олеарія. Прежде Москвы — Великій Новгородъ претендовалъ на бѣлый клобукъ папы Сильвестра, какъ на символъ первосвященнической преемственности. Легендарный клобукъ этотъ долженъ былъ быть переданъ въ Новгородъ патріархомъ Филоѳеемъ. Но услыхавъ о таковомъ предположеніи, „безбожный папа Формозъ“ даже заболѣлъ отъ лютой ярости:—„такъ онъ, поганый, не любилъ христіанской вѣры и русской земли“. Смерть его отъ этой болѣзни была „гнусна“.

Патріархъ Филоѳей подумывалъ было удержать у себя этотъ клобукъ, но во снѣ къ нему явились св. Константинъ и самъ папа Сильвестръ, и приказалъ ему нести клобукъ въ Новгородъ, „ибо ветхій Римъ лишился славы, отпалъ отъ вѣры Христовой по гордости и по своей волѣ, а въ новомъ Римѣ, (то есть въ Русской землѣ) возсіяла благодать св. Духа, и знай, Филоѳей, что всѣ христіанскія земли придутъ въ конецъ и сойдутся въ одно Русское царство“.

Въ раннемъ этому сказаніи Новгородъ выступаетъ всего лишь какъ представитель русской православной вѣры. Москва теперь выступала какъ представительница созданнаго ею государства, какъ представительница явившейся вновь силы: вотъ почему она и перехватывала бѣлый клобукъ, и вотъ почему, по сватовству Ивана „Фрязина“ (то есть—итальянца), на Русь въ 1472-мъ году въ качествѣ невѣсты для

Московскаго Великаго Князя, пожаловала племянница послѣдняго греческаго императора Зинаида Софія, жившая бѣженкой въ Римѣ, послѣ разгрома турками Византіи. Этой чести, какъ мы видѣли, удастаивались и татарскіе владѣтели столѣтіями раньше; вмѣстѣ съ нею на Москву привалила цѣлая толпа безработныхъ придворныхъ грековъ.

Результатомъ этого явилось то, что павшая корона Византіи была какъ бы подобрана россійскимъ Деспотомъ, до того своимъ обычаямъ обучавшимся въ Волжской Ордѣ. Его права на корону были признаны и Западомъ:—въ 1488-мъ г. былъ на Москвѣ вдругорядь посломъ кавалеръ Поппель отъ Императора Римскаго Фридриха III, съ тайнымъ предложеніемъ: —

— Если твоей милости угодно быть королемъ въ своей землѣ, и тебѣ самому и твоимъ дѣтямъ, то буду тебѣ вѣрнымъ служебникомъ,—то есть выхлопочу желаемое.

Насъ не интересуетъ то, какія выгоды отъ этого брака хотѣлъ пріобрѣсти Западъ; важно было то, что въ указанный промежутокъ времени многое на Руси измѣняется и принимаетъ подлинно византійское обличье, подобно тому, какъ дворъ Кублая принялъ обличье китайское. Со свадебнымъ поѣздомъ Софьи прилетѣлъ на Русь двуглавый византійскій орелъ, однако значеніе котораго, какъ мы видѣли, наши соотечественники перетолковали по своему. Въ великокняжескомъ обиходѣ появляется титулъ Царя, цѣлованіе руки, придворные чины—ясельничій, конюшій, постельничій; принятъ былъ и византійскій церемоніалъ.

Власть и деньги Москвы привлекаютъ людей, какъ сахаръ привлекаетъ мухъ, тѣмъ болѣе, что этимъ всѣмъ проходимцамъ легко разговаривать и дѣйствовать среди по восточному наивныхъ и дикихъ москвичей. На Руси живетъ и дѣйствуетъ вышеупомянутый Иванъ Фрязинъ, впослѣдствіе жестоко поплатившійся за свою самостоятельность; за 10 рублей въ мѣсяцъ служитъ и работаетъ Аристотель Фіоравен-

ти, строющій Успенскій соборъ. Былъ на Москвѣ какой то мистеръ Леонъ, венеціанскій врачъ, іудей, лѣчившій велико-княжескаго сына, и дававшаго „голову на отсѣченіе“ что онъ его вылечитъ. Паціентъ умеръ, и слова бѣднаго іудея были поняты слишкомъ буквально: голову ему дѣйствительно отрубили. Былъ тамъ еще врачъ-нѣмецъ Антонъ, котораго за неудачное леченіе одного татарскаго царевича татары, съ великокняжескаго разрѣшенія, зарѣзали ножомъ на льду Москвы-рѣки. Черезъ грека-посла Юрія Траханіота Великій Князь Московскій искалъ въ Европѣ мастеровъ по части отыскиванія золотой и серебряной руды, по плавкѣ металловъ, да хитраго мастера, который умѣлъ бы „къ крѣпостямъ приступать“, да изъ пушекъ стрѣлять. Да надобенъ былъ каменщикъ—строитель каменныхъ палатъ, да хитрый серебрянщикъ —лить и чеканить серебряную посуду и деньги.

Для удовлетворенія вышеописанныхъ нуждъ были на Москвѣ два итальянца—Дебоссисы, Петръ и Яковъ, вылившіе Царь-Пушку; пріѣхали нѣмцы—рудокопы Іоганнъ и Викторъ; разыскали они металлы и били монету, серебряную и золотую.

Картина чужеземной толчеи у великокняжескаго стола въ Москвѣ напоминаетъ собою картину толчеи въ Пекинѣ. Но тутъ надо указать на крупное различіе. Взамѣнъ рѣзкой, отчетливой, до конца прочерченной системы монгольскаго управленія, среди безконечныхъ пространствъ, лучше высокихъ стѣнъ ограждавшихъ отъ чужеземныхъ вліяній, мы сразу же видимъ образованіе вокругъ нашего Великаго Князя мощнаго чужеземнаго ядра, втягивающаго его въ свою орбиту, хотя бы пріучая его къ опредѣленному обиходу. И этому помогала еще и церковь, вѣрная своимъ традиціямъ.

Москва, подлинная, живая, новые порядки встрѣчала съ недовѣріемъ. Никогда греки не были желанными гостями на русской землѣ—обстоятельство, которое охотно забывается многими нашими византинистами. Бояринъ Берсень Максиму Греку, образованнѣйшему человѣку на Москвѣ того времени, жаловался такъ при сынѣ Ивана III, Василіи:—Какъ пришла

сюда мати Великаго Государя, такъ земля наша и замѣшалася! Грекъ возразилъ, что Софья—особа царскаго происхожденія;—Максиме-господине! отвѣчалъ Берсень, — какая бъ она ни была, да къ нашему нестроенію пришла... А отъ разумныхъ людей мы слыхали, что та земля, что обычаи перемѣняетъ, и та земля не долго стоитъ. А у насъ Великій Князь обычаи перемѣнилъ!

Впослѣдствіе эта опредѣленная національная трещина недовольства выльется въ расколъ, пока же фигура Великаго Князя Московскаго растетъ слагательнымъ симъ путемъ. Несмотря на греческія заимствованія, „сила его власти, переходящая въ восточный деспотизмъ, превращаетъ подданныхъ Великаго Князя въ его боязливыхъ и безгласныхъ рабовъ". (Костомаровъ).

Шелъ въ народѣ разсказъ, что 25-го августа 1530-го г., по всей Руси блеснула молнія, прокатился громъ: у Князя Московскаго Василія и его жены Елены Глинской родился сынъ Иванъ, впослѣдствіе Иванъ Грозный.

Его наружность такъ описываетъ Сергѣй Кубасовъ въ своемъ „Написаніи вкратцѣ о царѣхъ Московскихъ" въ Москвѣ, въ началѣ XVII вѣка:

— Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ (некрасивъ) очи имѣя сѣры, носъ протягновенъ и покляпъ, возрастомъ (ростомъ) великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плещи имѣя высоки, груди широки, мышцы толстыя. Мужъ чюднаго разсужденія, въ наукѣ книжнаго поученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло, ко ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ; на рабы свои отъ Бога данные ему жестокосердъ вельми и на пролитіе крови дерзостенъ и неумолимъ. Множество народа отъ мала до велика при царствѣ своемъ погуби и многіе грады поплѣни, и многіе святительскіе чины заточи, и смертію немилостивною погуби и иная многая содѣя надъ рабы своими... Той же Царь Иванъ многая и благая сотвори: воинство вельми любляше и требующая имъ отъ сокровища своего неоскудно подаваше. Таковъ бо бѣ Царь Иванъ.

Иванъ Грозный — личность, извѣстная всему русскому народу. Правда, рѣчи кн. Андрея Курбскаго, этого одного изъ первыхъ русскихъ типичныхъ интеллигентовъ повторялись и повторяются до сихъ поръ въ нашихъ учебникахъ и ученыхъ произведеніяхъ, создавая „отрицательный типъ“ русскаго самодержца; но немногимъ русскимъ людямъ въ то же время извѣстно, что столь распространенная отрицательная, позорная характеристика одного изъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ Царей, принадлежитъ именно ему, Курбскому, этому „рюриковичу“, какъ равно неизвѣстны и тѣ обстоятельства, при которыхъ она дана.

Курбскій характеризуетъ Грознаго слѣдующимъ образомъ:

— Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять (12)... нача первѣ безсловесныхъ кровь проливати, со стремнинъ высокихъ мечуще ихъ, (по ихъ языку—съ крылецъ, або съ теремовъ) тако жъ и иныя многія неподобныя дѣла творити являюще хотящее быти немилосердое произволеніе въ себѣ... Егда же уже приходше къ пятому на десять (15) лѣту, ивяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ (бояръ) по стогнамъ и торжищамъ началъ на конѣхъ съ ними ѣздити, и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочинне; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: — О, храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужествененъ! Егда же пріиде къ седьмому на десять лѣту (17) тогда тѣ прегордые сигклитови (боярство) начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противу другого; и первые убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, иже былъ съ роду княжатъ Литовскихъ, единоколѣненъ королеви Польскому Ягайлу, именемъ князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужествененъ, но и разумѣ многъ, и въ священныхъ писаніяхъ искусенъ. Помалѣ же времени онъ же самъ повелѣ убити тако-

жде благородное едино княжа, именемъ Андрея Шуйскаго, изъ роду княжатъ Суздальскихъ.--*).

Въ такихъ примѣрно неблагопріятныхъ чертахъ представляла до сихъ дней обликъ Ивана Грознаго почти вся грамотная Россія. Но въ одномъ письмѣ Императора Петра Великаго есть объ Грозномъ чрезвычайно любопытный отзывъ. Петръ говоритъ тамъ, что всѣ тѣ ужасы, которые разсказываютъ про царствованіе Грознаго, -- не есть однако самое главное. Петръ Первый полагалъ, что этимъ самымъ главнымъ дѣломъ Грознаго было собираніе и управленіе Русской земли, что онъ, Петръ, въ своей дѣятельности, изъ предковъ болѣе всего подражалъ именно Грозному.

Грозный! Это прозваніе англичане и французы переводятъ словомъ terrible, нѣмцы — der Schrekliche. Такой переводъ глубоко неправиленъ и показываетъ, какъ европейцы вообще мало смыслятъ въ нашихъ дѣлахъ. Въ старомъ русскомъ обязательствѣ младшихъ князей есть обѣщаніе служить Великому Князю Московскому „честно и грозно“, то есть устрашая и потрясая своей властью, что далеко отъ того, чтобы быть „ужаснымъ“. Власть въ русскомъ пониманіи всегда грозна, и потому прозвище Грозный — значитъ властный.

Въ Иванѣ Грозномъ, о которомъ его беременной матери Еленѣ Глинской предсказалъ юродивый, что „родится Титъ, широкій умъ“, мы встрѣчаемся съ носителемъ крѣпкой верховной власти, уже ясно осознавшимъ русскую національную идею. Великолѣпно и побѣдоносно кончаются отношенія съ непрочными остатками вывѣтрившихся Ордъ — съ Царствомъ Казанскимъ, съ Астраханскимъ. Новгородскія земли уже крѣпко привязаны къ Москвѣ дѣдомъ и отцомъ Грознаго. На Западѣ остается только ополяченная и отуреченная Украина, да сами поляки, въ своей амальгамѣ латинства и славянства не вырѣшившіе пока „стараго спора, уже

*) Князя Курбскаго Исторія Ивана Грознаго.

взвѣшеннаго судьбою"... Московское царство же прочно сидитъ на хребтѣ царства Монгольскаго, найдя въ хребтѣ этомъ замѣну шаткому и неопредѣленному содержанію понятія славянства. И во внутреннемъ устроеніи Москвы мы видимъ твердую и умную руку. Если населеніе первыхъ вѣковъ представляетъ изъ себя текучую по всѣмъ направленіямъ воду, если для „всенародныхъ человѣковъ" и для князей въ сущности не существовало никакихъ опредѣленныхъ государственныхъ границъ, а народъ взапуски шатался сѣмо и овамо въ поискахъ „землицъ", въ поискахъ легчайшихъ способовъ прокормленія, то Иваномъ IV-ымъ теперь дѣлаются опредѣленные шаги для созданія класса *земледѣльцевъ* изъ этого рода народнаго зыбуна; народности эти расписываются по обжамъ и сохамъ, какъ это было начато монгольскими и китайскими администраторами, и упорядочивалось Иваномъ III, и народъ вообще *укрѣпляется на землѣ*, укрѣпляется государственной властью, кончая этимъ свой вольный періодъ полукочевого, полубродяжническаго существованія; ему остается только Юрьевъ день, который скоро отыметъ у него Царь-татаринъ Борисъ Ѳеодоровичъ, создавая этимъ прочную основу для помѣстнаго землевладѣнія государевой землей, во главѣ какового становятся вѣрные государевы слуги, бояре, служилый людъ и монастыри.

Такимъ образомъ государственныя формы на Руси возникали *по указу свыше*, а не фиксировались лишь таковымъ, вырастая предварительно органически. Даже въ томъ давнишнемъ государственномъ творчествѣ виденъ этотъ расколъ между властью и формируемой ею дѣйствительностью, который разрастается впослѣдствіи въ революціонныя бури и настроенія.

Конечно, ни одно историческое явленіе не можетъ быть исчерпано однимъ указомъ. На Руси остаются шайки шляющихся вольныхъ людей, казаковъ, люда званія разноличнаго, которые всѣ одинаково бѣгутъ отъ жестокаго государствен-

наго порядка Москвы, тратя свою жизнь въ привольныхъ скитаніяхъ въ „Дикомъ полѣ". На Москвѣ такимъ людямъ дѣлать нечего; тамъ порядокъ государственный — либо сиди на землѣ, да паши ее, либо служи ратнымъ дѣломъ, что одинаково не легко, потому что въ душахъ еще живы впечатлѣнія первобытной свободной ловчей жизни. И эти люди бродятъ въ степяхъ, поставленные, по существу вещей, внѣ закона. Они предметъ особеннаго вниманія и заботъ царскихъ воеводъ и различныхъ засадъ-гарнизоновъ по различнымъ городамъ и острогамъ. Имъ остается поэтому одно — либо сложить зря свои буйныя головы, либо поискать такихъ новыхъ мѣстъ, гдѣ они могли бы сѣсть и быть полными хозяевами, дѣйствующими за свой страхъ и рискъ. Вотъ этотъ то элементъ и принимали подъ свою мудрую организующую опеку смѣлые и энергичные русскіе добытчики на Востокѣ — купцы Строгановы.

Эти три элемента великокняженія Ивана Грознаго, а именно:

а) осознаніе Великимъ Княземъ Московскимъ національнаго характера своей власти;

б) организація земледѣльческаго класса государства,

в) направленіе движенія энергичнаго и дѣятельнаго элемента къ новымъ мѣстамъ на Востокъ въ качествѣ закваски для будущаго поселенія тамъ —

являются главнѣйшими и важнѣйшими линіями въ этомъ періодѣ русской исторіи. Та Россія, къ которой мы имѣемъ счастье принадлежать, создалась имъ, Иваномъ Грознымъ, окончательно охватившимъ текучую жизнь народностей на просторахъ Восточной Европы и Сѣверной Азіи плотною сѣтью русскихъ государственныхъ учрежденій, несложныхъ спервоначалу, но сильныхъ своею умѣстностью и чреватою дальнѣйшими историческими слѣдствіями, какихъ уже не

могли дать монголы, давшіе Великому Князю Московскому и подходъ, и схему, и методъ дѣйствія.

Конечно, въ Великомъ Князѣ Иванѣ еще много того, что мы слѣдили на предыдущихъ страницахъ,—много борьбы за власть, за завѣтный ключъ къ государству, за личное достиженіе въ борьбѣ за престолъ. Но за то у него отчетливо ясно сознаніе національной и государственной идеи. Иванъ Грозный стоитъ головой выше такихъ раннихъ „западниковъ", какъ князь Андрей Курбскій, зря популяризованный графомъ Алексѣемъ Толстымъ; онъ выше окружавшаго его общества, полнаго типичной русской крамолы, борьбы за собственные интересы, распутства и небреженія государственныхъ интересовъ, что мы видѣли въ томъ же селѣ Боголюбовѣ.

Какъ извѣстно, князь Курбскій бѣжалъ отъ Царя Ивана и его тяжелой руки въ городъ Вольмаръ въ Ливоніи, гдѣ перешелъ въ подданство короля Жигимонта. Изъ этого „града Волмера" онъ и пишетъ Царю обличительныя „эпистоліи":

> — избіенные тобою у престола Господня стояще, отмщенія на тя просятъ; заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли къ Богу вопіемъ день и нощь.—

Что же пишетъ „противъ его, князь Андрея, письма", молодой 34-хъ лѣтній монахъ? Впервые видимъ мы въ его письмѣ данную совершенно отчетливую систему идеологіи русскаго монархизма.

> — Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣка сый, нынѣ есть Отецъ и Святой Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немъ же мы живемъ, движемся, есьмы, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Иже дана быть единороднаго слова Божія Іисусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносная херугвія и крестъ честной и нико-

ли непобѣдима есть, первому во благочестіи царю Константину и всѣмъ православнымъ царемъ и содержателемъ православія и понеже смотрѣнія Божіи слова всюду исполняшеся, Божественнымъ слугамъ Божія слова всю вселенную, якоже орли летаніемъ отекше, даже искры благочестія дойде и до Русскаго царства: самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ Великаго князя Владимира, просвѣтившаго всю Русскую землю св. Крещеніемъ, и великаго царя Владимира Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріемша, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными Нѣмцы побѣды показавшаго, и хваламъ достойнаго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агаряны велику побѣду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего великаго государя Ивана, и въ закоснѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василія,—даже дойде и до насъ смиренныхъ, скиптродержаніе Русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногу милость, происшедшую на насъ, еже не попусти доселѣ десницѣ нашей единоплеменною кровью обагритися: понеже не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, якоже родихомся во царствіи тако и возрастихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей благословеніемъ свое взяхомъ, а не чужое восхитихомъ. Сего православнаго истиннаго самодержавства многими владычествы владѣющаго, повелѣніе, и т. д.

Это—полная идеологія русскаго самодержавія, въ которой отразились тѣ греческія вѣянія и условности, о которыхъ мы говорили все время. Если же историкъ или публицистъ и разберетъ путанные нити хода, которыми русская исторія фактически подошла именно къ э т о м у окончательному резюме своего хода въ образованіи власти, то все же эти наличныя искаженія и условности отнюдь не могутъ поче-

ститься невѣрными. Напротивъ того, они вѣрны, потому что они исторически дѣйственны. Разъ такая отчетливая идея царской власти появилась у ея носителя, человѣка мужественнаго, умнаго, энергичнаго, —силой своего дѣйствія въ исторіи она уподобится тысячамъ лошадиныхъ силъ. Съ этого момента идея Православнаго Русскаго Царя озаряетъ просторы Русскаго царства какъ самоцвѣтная шапка Сибирская, какъ граненый нашъ Кремль.

Для того, чтобы понять такой способъ цѣненія идеи по ея общественной и государственной дѣйствительности, нужно совершенно измѣнить тотъ эталонъ, который существуетъ у русской интеллигенціи издавна, и который прекрасно выраженъ въ словахъ Курбскаго, что де „Царь долженъ искать совѣта у всенародныхъ человѣковъ, а не только у своихъ совѣтниковъ". При Иванѣ IV дѣйствовала спервоначалу такая „избранная рада" во главѣ съ попомъ Сильвестромъ и Адашевымъ, но главная сила Царя была все таки не въ этомъ совѣтѣ, а въ Царѣ самомъ. „Замѣчательно, говоритъ Костомаровъ, что бояре старались удержать на всю зиму Ивана подъ Казанью, и находили это необходимымъ для того, чтобы пріучить къ повиновенію разнородныя племена, населявшія царство,—мордву, черемисовъ, вотяковъ и башкиръ". Выходитъ, слѣдовательно, что для этихъ племенъ, составляющихъ населеніе пространствъ Восточной Европы, Царь былъ нуженъ, именно—нуженъ*).

Уже и прежде московскіе властители считали себя царями преемственно, потому что именно они заступили для Руси мѣсто Хановъ Золотой Орды,

*) Здѣсь повторялась любопытнѣйшимъ образомъ исторія Александра Великаго, который, ставъ повелителемъ завоеванныхъ имъ странъ Востока, въ то же время объявилъ себя владыкой божественнаго происхожденія, что, однако, съ трудомъ укладывалось въ сознаніе свободолюбивыхъ его эллинскихъ и македонскихъ соратниковъ, и создавало извѣстные конфликты между ними, какъ напр., тотъ, въ которомъ былъ убитъ Клитъ, другъ Александра.

которыхъ въ теченіе вѣковъ наши предки именно считали царями; кромѣ того, Московскіе Великіе князья считали себя по женской линіи преемниками Византійскихъ Императоровъ, которыхъ титулъ басилевсъ, издавна преводился словомъ царь. Именно эту вторую „женскую линію" передачи „побѣдоносной херугвіи честного Креста" видимъ мы разработанной въ приведенномъ отрывкѣ изъ письма Грознаго, которымъ онъ обосновываетъ свои самодержавныя права по отношенію къ своимъ подданнымъ. Но никакая передача на Москву сомнительныхъ регалій Константина исторически не вывела бы насъ и Москву на твердую дорогу, на которую мы вышли нашимъ монгольскимъ путемъ. Традиція эта сохранялась въ греческой церкви, а дѣйствительность, практичность и историческая справедливость именно требовали поставленія Московскаго Великаго Князя „въ Хана мѣсто". Вотъ въ просьбѣ бояръ подъ Казанью и выразилась эта необходимость.

Въ 1580-мъ году польскій король Стефанъ Баторій, достигшій нѣкоторыхъ своихъ завѣтныхъ стремленій, прислалъ съ посломъ Лопатинскимъ на Москву Ивану Грозному оскорбительное письмо:

— Какъ смѣлъ ты попрекать насъ бусурманствомъ (Стефанъ Баторій былъ вассаломъ турецкаго султана), ты, который своей кровью породнился съ бусурманами! Твои предки, какъ конюхи, служили подножкой царямъ татарскимъ, когда тѣ садились на коней, и лизали кобылье молоко, капавшее на гривы татарскихъ клячъ! И ты производишь себя не только отъ Пруса, брата Цезаря Августа, но еще производишь себя отъ имени греческаго...

Царь съ такимъ происхожденіемъ дѣйствительно, могъ годиться на то, чтобы стать Царемъ среди Азійскихъ племенъ, и дѣйствительно—онъ сталъ имъ. Бояре поняли это подъ Казанью, понялъ это и Иванъ Грозный. Онъ, Московскій Великій Князь, имѣлъ дѣло непосредственно съ народами и пле-

менами Восточной Европы, отвѣчалъ ихъ настроеніямъ, а не съ перемѣнившими шкуру, немного пошлифованными Западомъ и блескомъ стола остатками вѣчевыхъ вольностей. Не для того былъ на Москвѣ казненъ красавецъ Вельяминовъ, чтобы Князю садить себѣ на шею новую боярскую вящую толпу, олигархію боярскую, вмѣсто олигархіи торговой, или давать ходъ „княжатамъ"—потомкамъ удѣльныхъ князей.

И въ сознаніи всего этого отвѣта Царя Ивана Курбскому стоятъ по силѣ хорошаго современнаго фельетона. Да, молодой Царь дѣйствительно полновластно правитъ Москвой. Но что же его окружаетъ? Гдѣ искать совѣтниковъ? Царица Елена, его мать, отравлена боярами-приближенными. Ея фаворитъ, Иванъ Овчина Телепневъ-Оболенскій любимецъ маленькаго Ивана, уморенъ въ тюрьмѣ голодомъ.

—Мнѣ самому седьмому году отъ рожденія егда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое улучившимъ еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо, государей своихъ никоего помышленія добротнаго не сподобиша, сами же премѣсишася богатства и славы, и тако скача другъ на друга. И елико сотвориша! колико бояръ и доброхотныхъ отца нашего и воеводъ избиша! и дворы и селы и имѣнія дядь нашихъ восхитиша себѣ и водворишася въ нихъ... Ѳеодора Мичурина, изымавъ, позоровавши убили... И князь Иванъ Ѳеодоровича Бѣльскаго и иныхъ многихъ въ разныя мѣста заточиша, и на царство вооружившася, и Данила Митрополита сведши съ митрополіи въ заточеніе послаша... сами бо убо царствовать начаша. Насъ же съ единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, питати начаша яко же иностранныхъ или же яко убожайшую чадь... Едино вспомяну: намъ бо въ юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершись отца нашего о постелю и ногу положивъ... Чего же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованіе, а все себѣ у нихъ

поимаша во мздоиманіе; а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстая не по достоинству... Посемъ на грады и села наскочиша и... имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша.

Эта придворная боярская свора, живущая при столѣ Великаго Князя, не постѣснялась навести толпу народа и народный гнѣвъ на самаго юнаго Царя. Въ 1547-мъ году молодой Царь вѣнчался на престолъ и женился въ этотъ годъ на Анастасіи Захарьиной. Въ тотъ же годъ „отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла"—такъ сохранила народная память страшнаго событія 21-го іюня. Въ пожарѣ, вспыхнувшемъ на Арбатѣ въ церкви Воздвиженья по причинѣ упавшей свѣчи сгорѣло однихъ взрослыхъ людей до 1.700, а дѣтей и не считано. Враги Глинскихъ, друзья Захарьиныхъ, распространили по Москвѣ слухъ, что Москву попалили чародѣйствомъ Глинскіе. Разъяренная толпа бросилась тогда къ селу Воробьеву, гдѣ жилъ молодой Царь, требуя выдачи княгини Анны Глинской „матери нашей мати", какъ писалъ самъ Иванъ. Тогда же въ Успенскомъ соборѣ толпой былъ убитъ бояринъ князь Юрій Васильичъ Глинскій, и кровь залила амвонъ. Тѣло его бросили на базарѣ.

Какъ бы ни былъ кротокъ молодой Царь, но такіе поступки не могли не поставить передъ нимъ задачи укротить эту неуемную свору придворныхъ,не знавшихъ конца краю своему разгульному житію, буйственному поведенію и безконечнымъ интригамъ. Онъ не могъ не видѣть, что если его самого и выставляютъ вездѣ при нуждѣ Царемъ, то дома имъ стремятся верховодить и тайно и явно боярскія партіи. Вотъ почему, сперва пойдя на совѣтъ и руководство со стороны протопопа Сильвестра и Адашева, которымъ онъ вѣрилъ твердо и непреложно, онъ потомъ объявляетъ безпощадную войну боярству и духовенству, слѣдуя мудрому совѣту Вассіана Топоркова.

Отнюдь не слѣдуетъ идеализировать эти два класса тогдашняго общества, какъ это принято дѣлать у насъ. Мы вообще страдаемъ какимъ то ложно-классическимъ дальтониз-

момъ въ воспріятіи нашей исторической дѣйствительности. Мы пріучены въ прошломъ видѣть лишь важеватыя степенныя фигуры бояръ въ театральности высокихъ горлатныхъ шапокъ, парчевыхъ кафтановъ и т. д. Мы представляемъ себѣ духовенство, какъ сонмъ святыхъ монаховъ въ черныхъ рясахъ, съ восковыми лицами. Если таковыми и были отдѣльныя историческаго значенія фигуры, то онѣ были лишь маяками въ сумбурномъ волненіи непостояннаго и измѣнчиваго, крамольнаго нашего народа. Толпы иностранныхъ греческихъ проходимцевъ, рисковавшихъ двигаться въ такую неизвѣстную, дикую, нехристіанскую страну, („открытую", какъ извѣстно, въ 1553-мъ году англичаниномъ Ченстеромъ), вводили самыя пестрыя моды, которымъ и слѣдовало общество, абы только походить на грековъ. Еще при отцѣ Ивана Грознаго щеголи не только брили себѣ усы и бороды, но выщипывали ихъ по волоску, дабы походить на женщинъ.Они носили красные сапоги, шитые шелками, настолько узкіе, что болѣли ноги. Они нацѣпляли массу узорныхъ пуговицъ, навѣшивали на себя ожерелья, унизывали руки перстнями, красили губы и щеки, употребляли массу духовъ. Они „щеголяли вычурными манерами, состоявшими въ извѣстномъ киваніи головы, подмигиваніи глазъ, выставленіи впередъ и разставленіи пальцевъ" и проч. (Костомаровъ). Повсюду было распространено самое жестокое пьянство.

Этотъ высшій классъ московскаго общества и претендовалъ на то, чтобы играть по отношенію къ пріобрѣтаемымъ землямъ такую же, примѣрно роль, какую Римъ игралъ по отношенію къ покореннымъ имъ землямъ и странамъ, какую играли въ бытовомъ отношеніи сторорусскіе города къ окружающему ихъ племенному населенію земли. Изъ этого разношерстнаго контингента набирались тѣ представители власти, которые ѣхали на мѣста, ѣхали управлять.

Эта западная разношерстность Московской толпы еще болѣе увеличивалась и восточными ея элементами и вообще азіатскимъ ея обликомъ. Всюду масса было татаръ — до та-

кой степени, что одинъ татаринъ былъ нашимъ Царемъ. Въ литовскихъ походахъ Царя Ивана участвовали татары, которые творили страшныя жестокости. Много народу было въ татарскомъ плѣну, и выкупившись, прибѣгало снова на Русь. Въ 1552-мъ году, при взятіи Казани, тамъ было найдено много русскихъ плѣнныхъ, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. Вообще, количество русскихъ людей въ восточномъ полонѣ такъ велико, что при Сильвестрѣ и Адашевѣ было Царемъ разрѣшено выкупать ихъ за государственный счетъ у приводившихъ ихъ на Русь армянъ и турокъ. А и такъ бывало, что если продавецъ не найдетъ себѣ покупателя — то нашихъ бѣднягъ угоняли обратно съ русской земли за рубежъ. Это показываетъ, какимъ вліяніемъ пользовались на Руси восточные купцы, и какъ сильна была сила восточнаго обычая. Обычаи эти были распространены настолько, что глава 39-ая Стоглава, то есть собранія правилъ, изданныхъ по мысли Царя Ивана и митрополита Макарія въ 1551-мъ году, выражаетъ осужденіе повсемѣстно распространенному обычаю носить татарскія шапочки — эти „тафьи безбожнаго Бахмета", мурмолки.

Эта статья гласитъ:

— А о тафьяхъ. Также бы отнынѣ и впредь всѣ православніе царіе, и князи и бояре и прочіе вельможи и всѣ православнне христіане приходили бы въ соборныя церкви и въ прочія святыя церкви ко всякому божественному пѣнію безъ тафей и шапокъ, и стояли бы на молитвѣ со страхомъ и трепетомъ, откровенными главами по божественному Апостолу. А тафьи бы отнынѣ и впредь на всѣхъ православныхъ христіанѣхъ никогда же не являлися и попраны были до конца; занеже чуже есть православнымъ таковое безбожнаго Махомета преданіе... Отъ Священныхъ Правилъ: въ коейждо убо странѣ законы и отчина и не преходятъ другъ къ друзѣй, но своего обычая кійждо законъ держитъ. Мы же православные, законъ истинный отъ Бога пріимше разъ

ныхъ странъ беззаконій оскверниxомся, обычаи злыя отъ нихъ пріимше: тѣмъ же отъ тѣхъ странъ томимы есьмы и расточаемы виною нашея похоти и обычая.—

Восточные обычаи распространялись неудержимо по нашей странѣ, принося съ собой новую культуру, новый быть. Такъ, въ теченіе трехъ вѣковъ — съ X-го по XIII включительно — измѣнилась кореннымъ образомъ одежда нашихъ предковъ. Отъ длинныхъ, бѣлыхъ славянскихъ рубахъ, отъ бритыхъ головъ съ „оселедцами", длинныхъ штановъ они перешли къ золотнымъ кафтанамъ, къ цвѣтнымъ шароварамъ XIV—XV вв., столь поразительно напоминающимъ намъ старые костюмы въ китайскихъ современныхъ театрахъ, въ пьесахъ относящихся къ династіи Юань. Вторымъ большимъ измѣненіемъ культурнаго быта въ описываемое время было измѣненіе положенія женщины: теремной бытъ и затворничество женщины — порожденіе Востока. Кромѣ этихъ чертъ основныхъ, можно намѣтить множество мелкихъ бытовыхъ чертъ, которыя въ многообразіи своемъ ждутъ спеціальнаго изслѣдователя. Такъ, общеизвѣстно значительное распространеніе словъ монгольскихъ въ нашемъ языкѣ, относящихся, между прочимъ къ денежному обиходу. Таковы слова — деньги, алтынъ, таможня, пай и т. д.; много словъ названій тканей, предметовъ обихода и одежды — камка, алтабазъ, объярь, башмакъ, колпакъ и проч. Мнѣ было указано нѣкоторыми изъ нашихъ востоковѣдовъ, что много словъ нами заимствовано не только изъ монгольскаго, а и изъ маньчжурскаго языка — въ войскахъ Хана Чингиса было много маньчжуръ. Таковы слова — байара — что по маньчжурски значитъ „тѣлохранитель царя", и что, по ихъ мнѣнію, слышится до сихъ поръ въ словѣ бояринъ; далѣе —меринъ, чаша, каковыя слова по маньчжурски звучатъ совершенно точно такъ же, какъ и по русски, и имѣютъ одинаковое значеніе. Далѣе, возможно, что само измѣненіе великорусскаго языка въ сторону его твердости и жесткости, что уда-

ляетъ его главнымъ образомъ отъ языка славянскаго и современнаго южно-русскаго происходитъ именно изъ фонетическихъ свойствъ языковъ маньчжурской группы.

Далѣе, необходимо указать на большое число совпадающихъ чертъ въ предметахъ обихода. Такъ напримѣръ, счеты приняты только въ коммерціи восточныхъ странъ—Китая, Японіи и Кореи,—а Западъ ихъ не знаетъ. Существуетъ много кушаній, имѣющихъ свое происхожденіе съ Востока, вродѣ пельменей, которые до сихъ поръ продаются милліардами на улицахъ китайскихъ городовъ; объ распространеніи чая, у насъ сохранившаго даже китайское свое наименованіе —ча—не приходится говорить. Спеціалисты архитекторы, работающіе въ Китаѣ, указываютъ на полную тождественность нашего и китайскаго плотничнаго и столярнаго инструмента, напримѣръ, тождественной до мельчайшихъ подробностей лучковой пилы. Они же указываютъ, да и каждый путешественникъ видитъ огромное, фантастическое сходство тѣхъ же стѣнъ и внутреннихъ кремлей города Пекина и другихъ городовъ съ нашимъ Кремлемъ. Равнымъ образомъ, есть сходства въ мотивахъ орнаментировки; указываютъ далѣе, на то, что головной уборъ маньчжурской женщины напоминаетъ нашъ русскій кокошникъ, какъ равнымъ образомъ и коса, которой не зналъ античный міръ. Не будетъ невозможнымъ предположить, что и наши церковные колокола — эта специфическая наша національная подробность—пришли именно къ намъ изъ Азіи—въ билѣ и клепалѣ, которые знали древніе наши монастыри былъ сокрытъ лѣсной изначальный бытъ, въ то время какъ колоколъ уже требовалъ для себя значительнаго литейнаго искусства, и т. д. И если колокола пришли на эллинистическій Западъ съ культомъ Митры —они также легко могли притти и къ намъ непосредственно изъ Китая, какъ пришли къ намъ ямскіе колокольцы. Да однополая любовь Ивана Грознаго къ Ѳеодору Басманову была тоже чистой азіатчиной.

Въ этой погонѣ за чувственными наслажденіями, за заимствованіями изъ чужихъ земель повторялось то, что предсказывалъ Ханъ Чингисъ относительно своего государства и его судьбы. Уже кончался героическій періодъ сформированія нашего царства, уже наши предки переходили на широкую, утѣшную, размывчатую жизнь. Это зналъ и понималъ Иванъ Грозный, тѣмъ не менѣе повинный въ томъ же самомъ. Онъ зорко смотрѣлъ за окружающимъ, и не безъ основанія боялся судьбы Андрея Боголюбскаго. Потомъ, можетъ быть, его бы и почтили, какъ великаго создателя земли русской, но возможность дворцоваго переворота не была никакъ исключена. Люди, поднявшіе руку на царицу Елену, его мать, могли поднять ее и на него самого. Началось и продолжалось сплошное бѣгство бояръ, переходъ ихъ на сторону противника. Убѣжалъ на Литву Курбскій, убѣжали „первопечатники“ Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Мстиславецъ; убѣгало много бояръ и дѣтей боярскихъ. Повторяя дѣйствія старыхъ русскихъ князей они готовы были стать и становились въ ряды враговъ Русской земли, опять „наводя“ чужія рати на нашу землю. Царь вынужденъ былъ учредить нѣчто вродѣ круговой поруки, и брать записи какъ лично съ бояръ, такъ и съ ихъ друзей, что бѣгать не будутъ. Даже такой историкъ, какъ Костомаровъ, тѣмъ не менѣе считаетъ нормальнымъ такой порядокъ вещей, какъ бѣгство изъ нашихъ рядовъ и переходъ на сторону противника.

Иванъ Грозный боролся съ этой крамолой, какъ могъ, казнилъ, но противъ него росла молва; Царь заточалъ въ монастыри, но и въ монастыряхъ заточенные вельможи не унывали и вели все тотъ же разгульный образъ жизни, учреждая постоянно пиры и спаивая монастырскую братію. Язвительное и гнѣвное посланіе Грознаго къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря являетъ намъ эту картину боярскаго „заточенія“ достаточно выпукло:

— Наставнику и вожу, и руководителю къ преднебесному селенію, преподобному игумену Косьмѣ, иже о

Христѣ съ братіей, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ вся Руси челомъ бьетъ. Увы, мнѣ, грѣшному, горе мнѣ окаянному! Охъ мнѣ скверному! Кто есмь азъ, на таковую высоту дерзати!

Послѣ такого приступа, выражающаго преувеличенное почтеніе къ святому мѣсту, Царь переходитъ къ дѣлу относительно постриженныхъ веселыхъ „чернецовъ"—Шереметьева и Хабарова:

—А Шереметьева какъ назвать братіей? Ано у него и десятый холопъ, который въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. И велицые свѣтильницы, Сергій и Кириллъ, и Валаамъ, и Димитрій, и Пафнутій, и мнози преподобніи въ Русской землѣ уставили уставы иноческому житію крѣпости, якоже подобаетъ спастися; а бояре, къ вамъ пришедъ, свои любострастные уставы ввели: ино—то не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися; не вы имъ учителя и законоположители—они вамъ учителя и законоположители.

Между тѣмъ, въ изображеніи Курбскаго, „заточенный" въ монастырь бояринъ Шереметьевъ „мучимъ такъ, что вѣрѣ не подобно". Онъ будто бы сидѣлъ въ „преузкой злой темницѣ, въ тяжкихъ веригахъ, по шеѣ по рукамъ и ногамъ, и по чресламъ обручъ толстый желѣзный, и къ обручу тому желѣза десять пудовъ привѣсить повелѣно".

Но какъ жили эти постриженные бояре въ монастыряхъ свидѣтельствуетъ челобитная игумена того же Бѣлозерскаго Кирилловскаго монастыря Царю на нѣкоего „старца Александра", и показываетъ, что правда на сторонѣ Ивана Грознаго, а не Курбскаго:

— Живетъ, Государь, пишетъ игуменъ, тотъ Александръ не по чину монастырскому: въ церковь не ходитъ; а строитъ пустыню, гдѣ и живетъ больше, чѣмъ въ мо-

настырѣ; монастырь опустошаетъ, изъ казны, изъ погребовъ всякіе запасы, изъ мельницъ муку и солодъ, изъ селъ всякій хлѣбъ беретъ, и отсылаетъ къ себѣ въ пустыню; и пріѣхавши въ монастырь, игумена и старцевъ соборныхъ бранитъ... а другихъ старцевъ изъ собору выметалъ и къ морю разослалъ. Прочію братію—служебниковъ, клирошанъ—колетъ остномъ и бьетъ плетьми безъ игуменскаго и старческаго совѣта и на цѣпь и въ желѣза сажаетъ. Послѣ ефимона пьетъ на погребѣ силою съ тѣми людьми, которыхъ беретъ съ собою... Общежительство Кириллово раззоряетъ, слугъ и лошадей держитъ особенныхъ, саадаки (лукъ и стрѣлы), сабли и ружья возитъ съ собою, солью торгуетъ на себя; лодки у него ходятъ отдѣльно отъ монастырскихъ.—

Въ изображеніи Курбскаго бояринъ Іоаннъ Шереметьевъ, будучи посѣщенъ въ своей „злой темницѣ“ Царемъ Иваномъ, на требованіе сего послѣдняго указать „о скарбѣхъ“, то есть объ его имуществѣ, „отвѣща:—аще бо и повѣдалъ ти о нихъ, яко уже рекохъ, не можешь ихъ одержати: принесохъ бо ихъ убогихъ руками въ небесное сокровище—ко Христу моему. И другіе отвѣты зѣло премудрые, яко единъ премудрѣйшій философъ или учитель великій отвѣщалъ ему тогда“. У С. М. Соловьева же находится совсѣмъ иная картина жизни заключенныхъ въ монастырь и тамъ постриженныхъ. Князь Михайло Воротынскій былъ сосланъ въ Бѣлоозеро. Въ концѣ 1564-го года (то есть въ годъ „эпистолій Курбскаго“), приставы, приставленые при Воротынскихъ, писали, что въ прошломъ году для ссыльныхъ не дослано—трехъ осетровъ свѣжихъ, полъ-пуда ягодъ винныхъ, полпуда изюму, трехъ ведеръ сливъ. Велѣно было дослать. Князь Михаилъ самъ билъ челомъ, что ему не прислано жалованія государева: ведра романеи, ведра рейнскаго вина, ведра бастру, 200 лимоновъ, десяти гривенокъ (вѣсъ) перцу, гривенки шафрану, двухъ гривенокъ гвоздики, пуда воску, двухъ трубъ левашныхъ, пяти лососей свѣжихъ; деньгами шло кня-

зю и княгинѣ и княжнѣ 50 рублей въ годъ, людямъ ихъ, которыхъ было 12 человѣкъ, 48 рублей 27 алтынъ.

И вотъ противъ этого неуемнаго боярства въ концѣ 1565-го года Иванъ Васильичъ нашелъ, наконецъ свою мѣру. Она опять состояла въ извѣстномъ подборѣ собственнаго царскаго окруженія. Онъ обратился къ народу Московскому черезъ головы приближеннаго боярства: онъ сложилъ свое царское облаченіе, жезлъ, корону; онъ простился съ церквами, уложилъ свое царское добро на множество саней и 3-го декабря выѣхалъ изъ Кремля и уѣхалъ черезъ Троицу въ село Александровское.

Выходило такъ, что будто бы Царь сложилъ свою власть, хотя про это прямо и не говорилось. Въ январѣ царскій посолъ Поливановъ привезъ грамоту митрополиту, извѣщающую, въ чемъ дѣло: Царь клалъ свой гнѣвъ на все духовенство, на бояръ, на приказныхъ людей; онъ объяснялъ тамъ, какія расхищенія казны они допускали, какія богатства понабрали себѣ, разсказывалъ, какъ они притѣсняютъ крестьянъ, какъ убѣгаютъ отъ службы, какъ не радятъ о государѣ и государствѣ. Въ концѣ онъ указалъ на то, что когда онъ, Царь, хочетъ тѣхъ людей наказать — за нихъ вступается духовенство и покрываетъ ихъ измѣнныя дѣла. Поэтому де Царь и хочетъ поселиться въ иномъ мѣстѣ.

Вмѣстѣ съ этою грамотой на Москву пришла и другая — къ гостямъ, къ купцамъ, ко всему народу Московскому, въ которой объявлялось, что никакой опалы на народъ московскій у Царя нѣтъ.

Царь сдѣлалъ умно и рѣшительно то самое, что дѣлали до него бояре: столкнулъ лбами двѣ эти группы Москвы. Конечно, населеніе ни съ какой стороны не жаловало измѣннаго, крамольнаго того боярства, которое творило „многая злая“ именно именемъ Великаго Князя Московскаго. Царь для народа былъ именно Царемъ великимъ, а не тѣмъ,

чѣмъ онъ былъ для окруженія — объектомъ вліянія и интригъ.

— Пусть государь не оставляетъ царства! — завопилъ народъ, когда прозналъ про эти посланія Царя, — пусть не даетъ насъ на расхищеніе волкамъ, избавитъ насъ отъ рукъ сильныхъ людей! Пусть казнитъ лиходѣевъ! Въ животѣ и смерти воленъ Богъ да государь! Пусть Царь намъ укажетъ измѣнниковъ, лиходѣевъ — мы ихъ сами истребимъ.

На этотъ зовъ народа 2-го февраля явился Царь Иванъ на Москву „въ страшномъ видѣ". Онъ добился таки возможности царствовать неограниченно — народъ былъ съ нимъ, и отъ него отскакивало боярство. Народъ Царь объединилъ подъ именемъ земщины и далъ ему формальное право управляться самостоятельно, а боярство и дворъ Царь удалилъ отъ себя и учредилъ опричнину, то есть особый, опричный дворъ.

Говоря современнымъ языкомъ, вокругъ Царя образовалось что то вродѣ частей „особаго назначенія", и даже — horribile dictu, что то вродѣ чрезвычайки: около него выросла гвардія въ 6.000 человѣкъ. Мы не можемъ сомнѣваться въ цѣлесообразности этой жестокой мѣры въ тѣ жестокія времена. На Русь, все время изнемогающую въ борьбѣ высшихъ классовъ между собою, нисходила, такимъ образомъ, желѣзная государственная власть, облеченная той карающей силой, которую раньше давала русскимъ Великимъ Князьямъ сила татаръ. Конечно, на Москвѣ въ ту пору было немало Курбскихъ, но мы въ настоящее время не можемъ смотрѣть на эти событія глазами Курбскихъ. Если и были казни, если были столкновенія Царя съ кругомъ московскихъ бояръ, за то слава Грознаго Царя проникала и сплачивала весь народъ, отнюдь не состоявшій изъ Курбскихъ. Иванъ Васильевичъ въ своихъ дѣйствіяхъ шелъ до конца. Вѣря въ божественное происхожденіе своей власти, онъ учредилъ въ Александровской слободѣ монастырь, гдѣ

братіей были опричники, 300 человѣкъ, въ черныхъ рясахъ поверхъ золотыхъ кафтановъ. Мы сможемъ костюмъ этотъ признать имѣющимъ символическое значеніе, — поскольку всегда кровавую государственную силу устроенія самодержавнаго прикрывала ряса монаха и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Конечно, эти 6.000 человѣкъ въ силу самаго своего значенія творили злое, но во первыхъ, по русской пословицѣ — добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ, а во вторыхъ — свойства русскихъ людей неоспоримо таковы, что найти 6.000 вѣрныхъ и преданныхъ государственному долгу людей и при томъ, кроткихъ, твердыхъ и дисциплинированныхъ — рѣшительно невозможно. Кромѣ того,чѣмъ же эти безчинства и беззаконія опричниковъ были хуже таковыхъ же безчинствъ и беззаконія бояръ? Поэтому Грозный дѣйствовалъ какъ мудрый и жестокій политикъ, хотя клевета измѣнника Курбскаго и лежала на русскомъ Царѣ въ теченіе 400-тъ лѣтъ слишкомъ и повела къ большимъ смутамъ въ умахъ нашихъ. Дѣйствія Ивана Грознаго оправдываются историческимъ смысломъ: если бы дѣло Великихъ Князей Московскихъ попало бы въ руки боярства, позднѣе, какъ извѣстно, не стѣснявшагося въ тенетахъ политическихъ интригъ принимать поляковъ на Москву, и звать на престолъ Всея Руси польскаго царевича Владислава, принимать самозванцевъ, — тогда бы русская національная идея, которой жили митрополиты Алексій, Петръ и Іона, не была бы брошена въ нашъ народъ, и не ожила бы въ немъ въ Смутное время, прекращая собой междуусобицы, создавая то, что впослѣдствіе стало Россійской Имперіей.

По русской традиціи, или просто по умственной привычкѣ, какъ то не принято обращать вниманіе на тѣ жестокости, которыя творились князьями нашими до Ивана IV, не ставить ихъ имъ въ вину. На Ивана же Грознаго принято обрушивать всѣ громы. Это происходитъ именно потому, что въ Иванѣ мы встрѣчаемся съ колоссальной фигурой, живущей и дѣйствующей до сихъ поръ въ исторіи, и заслонив-

шей собой ея ходъ, впитавшей въ себя всѣ ея черты, и неумолимо выпирающей въ живомъ московскомъ — русскомъ порывѣ изъ тѣхъ среброкованныхъ ракъ, куда стараются положить всѣхъ нашихъ князей лукавыя византійскія лѣтописи.

Въ особую вину Ивану Грозному ставилось всегда удушеніе митрополита Филиппа Малютой Скуратовымъ; митрополитъ Филиппъ даже причисленъ нашей церковью къ лику святыхъ. Поступая такъ, наша православная церковь, т. о., высказывала Царю Ивану самое недвусмысленное осужденіе.

Но должны сказать, что если вышеуказанные три святителя Петръ, Алексій и Іона были государственными дѣятелями, все время думавшими только объ одномъ — объ дѣлѣ Москвы, то митрополитъ Филиппъ все время выступалъ именно на сторонѣ бояръ, которые пользовались его авторитетомъ для своихъ цѣлей. Можно было бы думать, что протесты митрополита Филиппа основывались на томъ его предположеніи, что трудныя времена первоначальнаго государственнаго строительства прошли, и теперь можно устанавливать тамъ то, что на современномъ языкѣ называется „законностью". Но, во первыхъ, мы и по теперешнему нашему времени видимъ, что таковыя изначальныя времена далеко еще не миновали, а во вторыхъ, дѣйствуя именемъ церкви, митрополитъ Филиппъ не могъ не видѣть, что онъ подставлялъ подъ удары гнѣвнаго и язвительнаго Царя именно эту самую церковь, недостатки которой не могъ не видѣть острый царскій глазъ.

— У насъ думаютъ, говоритъ Костомаровъ, что въ древности господствовало благочестіе и благочиніе, по крайней мѣрѣ наружное. Но Стоглавъ представляетъ намъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ иной образъ. Духовенство было невѣжественно: во время богослуженія чтеніе шло одновременно и невразумительно — одинъ читалъ канонъ, другой каѳизмы. Духовенство служило по навы-

ку, попы нерѣдко были пьяны, во время богослуженія бывали перебранки, и даже драки. Люди входили въ церковь въ шапкахъ, говорили между собой, иногда слышалось срамное слово. Въ поминальные дни въ церкви былъ словно базаръ: туда несли яйца, колачи, пироги, печеную рыбу, жареныхъ куръ, блины, караваи. Попы тащили все это въ алтарь и даже ставили на жертвенникъ. Въ монастыряхъ было не лучше: ожирѣвшіе отъ изобилія настоятели иногда по цѣлымъ недѣлямъ не священнодѣйствовали, братія пьянствовала, богослуженія такъ и не бывало.—

Было въ извѣстномъ обычаѣ богатыхъ людей, умирая, завѣщать устраивать въ чтимыхъ монастыряхъ такъ называемые поминальные столы; бывали поэтому такіе монастыри, что въ нихъ поминальныхъ столовъ, этихъ языческихъ тризнъ, хватало на цѣлый годъ безъ мала. Кромѣ того, монастыри владѣли большими земельными угодьями, особенно благодаря ханскимъ жалованнымъ грамотамъ. Уже тотъ же Стоглавъ рѣшилъ ограничить эти владѣнія въ отношеніи ихъ увеличенія. Конечно, все это содѣйствовало безпечальной веселой жизни монашествующей братіи.

Умный и острый Царь, внутренне холодно-благочестивый, все время раздираемый своими страстями, онъ не могъ не видѣть этой обратной стороны медали духовенства, этихъ тунеядныхъ, далеко не брегущихъ пользы государственной людей, которые къ тому далеко не прочь были и отъ политической интриги. Онъ не жаловалъ духовенство наравнѣ съ боярствомъ. Въ 1570-мъ году, во время его встрѣчи на традиціонномъ Волховскомъ мосту въ Новгородѣ архіепископомъ новгородскимъ Пименомъ, когда Царь съ сыномъ Иваномъ направлялся къ обѣднѣ, Иванъ IV не принялъ креста отъ владыки съ такими словами:

— Ты, злочестивецъ, въ рукѣ держишь не крестъ животворящій, а вмѣсто креста — оружіе; ты, со своими злыми злоумышленниками, жителями этого города, хо-

чешь этимъ оружіемъ уязвить наше царское сердце, вы хотите отчину нашей царской державы, Великій Новгородъ, передать иноплеменнику польскому королю Жигимонту Августу; съ тѣхъ поръ ты не назовешься пастыремъ и сопрестольникомъ св. Софіи, а назовешься ты волкъ, хищникъ, губитель, измѣнникъ нашему царскому вѣнцу и багру досадитель.—

И это обвиненія могли быть справедливыми. Новгородъ въ тотъ разъ посѣщенія Царя былъ обычно раззоренъ. Въ 1577-мъ году двигаясь въ Ливонію, Иванъ Васильевичъ заѣхалъ въ Псково-Печерскій монастырь, который былъ укрѣпленъ крѣпкими стѣнами заботами его игумена Корнилія, родомъ изъ бояръ. Это до такой степени показалось подозрительнымъ Царю Ивану, что онъ своимъ посохомъ убилъ игумена Корнилія. Надгробная надпись на могилѣ убитаго гласитъ: — Предпослалъ его земной Царь Царю Небесному.—

При такомъ складѣ характера Ивана Васильевича, при такихъ историческихъ обстоятельствахъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что участь настойчиваго митрополита Филиппа, изъ знатнаго роду бояръ Колычевыхъ, изъ которыхъ трое уже было казнено прежде, сложилась столь печально.

31-го марта 1568-го года, въ воскресенье, митрополитъ Филиппъ, уже и раньше обличавшій Царя, не далъ ему благословенія по окончаніи обѣдни. Обычай „обличать" Царей былъ вообще распространенъ среди верховъ церкви, подражавшихъ этимъ Іоанну Златоусту обличавшему византійскую царицу Ѳеодору. Былъ на Москвѣ даже выученикъ пламеннаго Флорентійскаго проповѣдника Джироламо Савонаролы и его подражатель, Максимъ Грекъ, дообличавшійся до пожизненнаго заключенія въ монастырѣ, гдѣ онъ и скончался, хотя и падалъ три раза ницъ передъ Соборомъ, винясь въ „нѣкіихъ малыхъ описяхъ". Среди всеобщаго неустройства церкви, малой заботливости о паствѣ, всѣ эти обличители держались именно однимъ — самими обличаемыми, или же

монастырями, гдѣ имъ давался досугъ и убѣжище для ихъ горделивыхъ ученыхъ схоластическаго характера занятій.

Но въ этомъ случаѣ обличенія столкнулись два начала— реальныхъ и дѣйственныхъ. Филиппъ стоялъ за боярство, Царь Иванъ — за царство, и оказывался, такимъ образомъ, одинокъ со своей царственной думой.

— Филиппъ! — сказалъ Царь.— Ты испытываешь наше благодушіе! Ты хочешь противиться нашей державѣ. Я слишкомъ долго былъ кротокъ, долго щадилъ васъ, мятежниковъ! Теперь я заставлю тебя раскаяться...

— Я пришлецъ на землѣ,— отвѣтилъ монахъ.

Но вѣдь землю то надо было какъ то строить. Этими словами митрополитъ Филиппъ отказывался отъ земли, отъ той земли, которую обихаживали, любили, строили Петръ, Алексій и Іона. Митрополитъ Филиппъ погибъ, иначе бы могла погибнуть идея земли Русской. Да и вообще, поэтому, русскіе князья церкви не могли имѣть той власти, которой они добивались, особенно по своимъ Западнымъ тенденціямъ. Они уже начинали мечтать о повтореніи дѣла Григорія VII Гильденбрандта. Но для Русскаго многоплеменнаго царства, для его историческаго будущаго не нуженъ былъ московскій могущественный папа, который противопоставлялъ бы господствующую религію многоразличнымъ культамъ племенъ, объединенныхъ вокругъ Бѣлаго Царя. Только некнижное православіе, носившее практическій характеръ, доходившее въ толщу народную черезъ подвижниковъ, пустынножителей, людей подчасъ высочайшей духовной цѣны, наравнѣ съ толпами шарлатановъ, трясшихся по площадямъ, и возглашавшихъ, что имъ приказала говорить то или то св. Пятница, являвшаяся имъ въ ночномъ видѣніи, только одно оно могло имѣть съ этими культами общій языкъ и привлекать ихъ нехитрое міропониманіе чудесами, а не развитой хитрой догматикой. Вотъ почему пер-

вый ударъ строительному православію Москвы былъ нанесенъ именно патріархомъ Никономъ.

Внѣшне царствованіе Ивана Грознаго, столь жестоко насаждавшаго свое самодержавіе было, можетъ быть, и не слишкомъ богато миромъ. Но сражаясь на Западѣ, побѣждая на Востокѣ, подвергаясь оскорбленіямъ своихъ интеллигентныхъ невѣрныхъ подданныхъ, онъ сіялъ на Востокъ все растущимъ блескомъ своего могущества, сплачивая кругомъ себя небывало сложную и прекрасную Русскую землю, Русскую націю изъ сплава многоразличныхъ народностей восточнаго происхожденія, подъ верховенствомъ великороссовъ и православія. И эта слава начала покорять ему и Москвѣ Азію, несмотря на то, что въ Москвѣ уже не за горами близкія московскія смуты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ДВИЖЕНІЕ НА ВОСТОКЪ.

Нашей исторіи очень не повезло: по установившейся традиціи, она сплошь исторія городовъ къ западу отъ Москвы, или же исторія самаго города Москвы въ ея связяхъ и направленіяхъ на Западъ. Она исторія, писанная городскими классами, либо духовенствомъ, либо служилыми грамотеями. Она—условная исторія столицъ, и чувство взволнованной обиды переполняетъ сердце, когда вспоминаешь, что наши ученые съ большей охотой занимались изслѣдованіемъ государственныхъ сословій во Франціи и французской революціей, нежели исторіей своей родины, ключа къ которой они искали на Западѣ. Искали и не находили.

Поэтому Востокъ, фактически выковавшій у насъ власть, бытъ, народный характеръ, до извѣстной степени даже вѣру—находитъ себѣ мѣсто подъ скромными, ничего не значущими, или просто сбивчивыми именами—монгольскаго ига, покоренія Сибири сначала,—покоренія Кавказа и Ср. Азіи потомъ.

Сибирь никогда не была популярна въ русскомъ обществѣ; можно сказать, что огромный $^0/_0$ нашего общества почти не имѣетъ объ ней никакого представленія. До сихъ поръ еще у насъ о Сибири неразрывно соединено представленіе объ Сибирской каторгѣ и тюрьмахъ; не могла быть велика заслуга тѣхъ, кто завоевывалъ Сибирь, чтобы сдѣлать ее

Новой Каледоніей. Централизующая политика Петербурга не только не содѣйствовала, а не позволяла энергичнымъ сибирякамъ, этому почти что особому россійскому племени во весь ростъ развернуть всѣ небывалыя возможности этой страны. Ссыльная же интеллигенція, возвращаясь изъ ссылки изъ дѣвственныхъ просторовъ Сибири была неспособна дать ничего другого, кромѣ слезливыхъ воспоминаній о своихъ страданіяхъ, оплевывая изъ за нихъ цѣлыя милліоны квадратныхъ верстъ.

Такимъ образомъ Сибирь была до годовъ революціи просто нѣкіимъ преднаходимымъ аппендиксомъ, о которомъ наше общество имѣло самое смутное представленіе.

Такое положеніе дѣла, однако, отнюдь не должно подвигнуть насъ стать на точку зрѣнія противоположную, хотя бы на ту, которую высказываетъ немногочисленное нынѣ племя самостійныхъ сибиряковъ-автономистовъ, ограничивающихъ Сибирь рубежомъ непреодолимаго для всякихъ вліяній съ Запада Урала, вліяній какъ историческихъ, такъ культурныхъ, экономическихъ, государственныхъ. Этотъ географическій рубежъ Сибири и ея рубежъ государственно-историческій никакъ не совпадаютъ. Сибирь, въ качествѣ восточнаго протяженія Московской власти, въ качествѣ уже чистой Азійской ея территоріи будетъ имѣть другія границы, которыя очертятъ ея культурно-историческое единство, въ смыслѣ преимущественнаго господства той относительно чистой культуры, которыя выработалась тамъ въ азіатскія времена нашей исторіи. Съ этой точки зрѣнія, губерніи былой Имперіи Россійской—Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Казанская, Уфимская, области Уральскаго, и Оренбургскаго казачьихъ войскъ, вообще, всѣ губерніи, лежащія между Волгой и Уральскимъ хребтомъ, сѣвернѣе степныхъ пространствъ низовій Волги, будутъ владѣніемъ одного сибирскаго культурнаго типа, къ которому и подойдетъ вся Сибирь и Забайкалье, и съ которымъ не совпадаетъ недавно сравнительно пріобрѣтенная Приморская область.

Въ этихъ „сибирскихъ“ губерніяхъ, и областяхъ мы находимъ извѣстное бытовое культурное единство, онѣ сохраняютъ нашъ подлинный великорусскій, чистый бытовой укладъ. Въ лѣсахъ, на горахъ Поволожья, въ деревянныхъ церковкахъ Вологодской и Архангельской губерній, въ раскольничьихъ скитахъ Пермской, среди кержаковъ Сибири, въ казачьихъ войскахъ—Сибирскомъ, Оренбургскомъ, Уральскомъ, Амурскомъ, Забайкальскомъ,—куда болѣе того, что мы называемъ подлинно русскимъ, нежели въ какомъ нибудь старомъ Смоленскѣ или въ древнемъ Гомелѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и городахъ Алтая, напримѣръ въ Бійскѣ, до сихъ поръ сохранились старинныя русскія моды; женщины въ толпѣ крестнаго хода выглядятъ такъ, какъ если бы мы перенеслись бы въ XVI вѣкъ.

Эти положенія относительно культурнаго единства русской территоріи въ свое время и выставлялись и оригинально защищались Д. И. Менделѣевымъ, который, опираясь на азійско-сибирскую распространенность нашего отечества, полагалъ необходимымъ центръ его, нашу столицу—перенести на Уралъ, а области западнѣе Москвы считалъ не входящими въ составъ подлинной Россіи, какъ единства органически-цѣлостнаго.

Какъ мы помнимъ изъ Олеарія въ Муромѣ изъ за рѣки пускаютъ стрѣлы крымскіе татаре; лишь въ XVI вѣкѣ начинаетъ жить Архангельскій край. Другія области и того моложе. Но масштабы молодости и древности исторической жизни отдѣльныхъ частей нашего отечества не совпадаютъ съ масштабами ихъ значимости для національной нашей жизни. Если мы поставимъ вопросъ въ упоръ,—какая часть Россіи является подлинно цѣлостной по духу, по типу, по говору, по великороссійскимъ идеаламъ, которыми жило наше отечество—то это, конечно будетъ Восточная Россія, подлинная „Новая Россія“, такъ сказать.

Власть Московскаго Великаго Князя сходила на эти мѣста, какъ нѣчто совершенное и законное. Никакихъ сомнѣній не могло возникнуть здѣсь — принимать, или не принимать

власть Хана Бѣлой Орды, власть Бѣлаго Царя, взамѣнъ привычной, вѣками освященной власти Хана Орды Золотой. Климатическія и географическія условія въ Сибири примѣрно однѣ и тѣ же, что въ Великороссіи. И Сибирь и Европейская Россія лежатъ на сходной по характеру равнинѣ. Вотъ почему къ востоку отъ Москвы быстро образовывалось молодое, но однотипное подлинное великороссійское государство; оно спаяно настолько между собой, несмотря на свою сравнительную молодость, что скорѣе можно отдѣлить отъ Россіи и древнюю Колыванъ—Ревель, и мать городовъ Русскихъ—Кіевъ, но просто смѣхотворно выдѣлять какую нибудь Калмыцкую республику или „Башкирскій кантонъ“ изъ этого государственнаго образованія.

Именно въ областяхъ къ востоку отъ Москвы находимъ мы теперь ту подлинную народную массу, духъ которой правилъ Русью, и достойно вниманія то обстоятельство, что именно эти мѣста въ излагаемой исторіи нашей никакъ не играютъ той важной роли, которую бы они должны были бы играть. Исторія Россіи всегда привязывалась къ областямъ къ западу отъ Москвы, и начиналась съ нихъ. Мы всѣ знаемъ преданія о крещеніи Руси, явно вымышленныя и лѣниво неубѣдительныя; во всѣхъ нашихъ школахъ Русь основывалась варягами, и на нее потомъ слеталъ византійскій двуглавый орелъ со стѣнъ Константинополя. И никогда Русь не основывалась въ нашихъ историческихъ учебникахъ періодомъ установленія древней, крѣпкой, раціональной власти, оковывавшей текучія ея, бродячія, восточнаго происхожденія племена, къ чему обязывала именно дѣйственная восточная часть нашей исторіи. Почему то мы настойчиво лѣзли въ Европу вслѣдъ за германцами и галлами.

Единственное въ исторіи міра, стоявшее на нашихъ глазахъ государство монголовъ не можетъ никакъ почесться игрою историческаго случая, хотя бы уже потому, что оно имѣло своихъ предшественниковъ. Оно имѣло свое предопредѣленіе въ характерѣ психики всѣхъ разнообразныхъ, и

въ то же время столь одинаковыхъ народовъ, объединенныхъ подъ нимъ. Чингисъ Ханъ принося неистовыя гекатомбы богу Войны, въ то же время родилъ восхищеніе собой и своимъ дѣломъ у этихъ простодушныхъ людей.

Восточный Царь палъ, и столь же могучій, сильный Царь появился на Западѣ, побѣдивъ Царя Восточнаго, на томъ Западѣ, куда издавна влекло извѣстную часть кочевниковъ. Этотъ владыка первымъ дѣломъ овладѣлъ Волгой, то есть тѣмъ великимъ воднымъ международнымъ торговымъ путемъ, который соединялъ Европу съ Азіей, тѣмъ самымъ пораждая молву о своей силѣ по всей Азіи. И мы видимъ, съ какой поразительной быстротой идутъ восточныя племена подъ Бѣлаго Царя, создавая не временныя, мѣстныя образованія, съ еще нерѣшенной враждою внутри себя, а Государство Московское, которое отнынѣ входитъ въ исторіи болѣе прочнымъ образомъ, нежели государство монголовъ, принявъ, т. о., нѣкоторыя необходимыя для сего поправки.

НЫНѢШНЕЙ СИНДЗЯНСКОЙ ПРОВИНЦІЕЙ ЗАПАДНАГО КИТАЯ, ТУРКЕСТАНОМЪ, ЮЖНЫМЪ ПОБЕРЕЖЬЕМЪ КАСПІЯ, КАВКАЗОМЪ, НИЗОВЬЯМИ ВОЛГИ, ВООБЩЕ—ЮГОМЪ, ИСХОДИЛИ ИЗЪ МОНГОЛІИ ОРГАНИЗОВАННЫЯ ПЛЕМЕНА ВОСТОЧНЫХЪ ВЛАДЫКЪ; ЧЕРЕЗЪ ЗЕМЛЮ БІАРМСКУЮ, ЮГРУ, СИСТЕМОЙ СИБИРСКИХЪ РѢКЪ—ВООБЩЕ СѢВЕРОМЪ, ИДЕТЪ НА ВОСТОКЪ РАСПРОСТРАНЕНІЕ РУССКАГО ВЛІЯНІЯ.

Причины этого поняты: наши силы были слишкомъ слабы, чтобы дерзать пробиваться черезъ древнія густо-населенныя культуры Средней Азіи. Съ ними Московское Царство встрѣтится позднѣе, въ нашихъ средне-азіатскихъ походахъ, вплоть почти до конца XIX столѣтія.

Первоначальными обладателями исходными пунктами этихъ полосъ Сѣверныхъ земель, тянущихся на востокъ, были новгородцы. Здѣсь часты были ихъ ушкуйническія

экспедиціи. Такъ напримѣръ, въ 1374-мъ году новгородцы на 90 лодкахъ проѣхали по рѣкамъ, сожгли Вятку, сплыли въ Волгу. Въ 1371-мъ—они опять были этими путями на Волгѣ, разграбили Кострому, и богатыхъ костромичей попродавали въ рабство. Способомъ управленія новгородцами этими областями—берегами р.р. Сѣверной Двины, Печеры Камы,—то, что называлось Заволочьемъ и частью сѣвернаго азіатскаго Зауралья—Югорской землею, было взиманіе дани. Такъ взималось то законное серебро, которое привлекало взгляды и загребистую руку Ивана Даниловича Калиты.

Москва, въ лицѣ Ивана III, въ своемъ постепеннномъ овладѣваніи имѣніями Новгорода, не оставляетъ безъ вниманія и Югорскаго края. Въ 1465-мъ году, черезъ Великій Устюгъ, Вычегдой, въ Югру отправлена имъ экспедиція подъ командой нѣкоего Василія Скрябы. Въ 1483-мъ году, черезъ два года послѣ оффиціальнаго низверженія монгольскаго ига, имъ эта экспедиція повторена съ участіемъ воинскихъ силъ Устюга, Вычегды, Сысолы и Перми. 9-го мая изъ Устюга вышли эти силы подъ командой воеводы князя Өеодора Курбскаго и Ивана Травина. Уралъ былъ перейденъ на высотѣ Пелыма, гдѣ разбиты были вогулы. Оттуда двинулись на Тавду, внизъ по рѣкѣ, вышли на Иртышъ, грабили и избивали населеніе, и Обью вернулись къ Югрѣ. Въ результатѣ этой экспедиціи югорскіе князья поѣхали на Москву съ дарами, а за ними черезъ годъ, пріѣхали какіе то „князья Сибирскіе“. Въ 1489-мъ году подобную же экспедицію велъ князь Семенъ Курбскій, глубокій старецъ, человѣкъ чрезвычайнаго воздержанія и правильной жизни, что было рѣдкостью на Москвѣ. Кромѣ него были и воеводы, его товарищи —Өеодоръ Курбскій, князь Петръ Ушатый; они дошли до Пинеги, гдѣ заложили городокъ. Въ началѣ зимы на лыжахъ двинулись на Югру. Князь Семенъ потомъ сказывалъ Герберштейну, что Ураломъ шли они 17 денъ,—горы ужъ больно высоки. Дрались съ самоѣдью, ѣхали на собакахъ, въ короткое время

покорили 33 города, плѣнили 1009 лучшихъ людей и 50 князей. На Пасху вернулись въ Москву съ богатой добычей.

Въ XV вѣкѣ въ Пріуральи обозначается широкая дѣятельность купцовъ Строгановыхъ, обладавшихъ истинно государственнымъ размахомъ. Исторія этой семьи даетъ намъ картину исконной русской предпріимчивости. Ранніе выходцы изъ Ростовской земли, они не теряли связей съ родными мѣстами и богатствомъ своимъ помогли выкупу Василія Темнаго. Въ XVI вѣкѣ Аника Строгановъ въ Сольвычегодскѣ велъ соляныя варницы, торговалъ мѣхами, сосредотачивая вокругъ себя русскихъ поселенцевъ. Потомъ онъ передвигается на Уралъ.

— А гдѣ въ томъ мѣстѣ росолъ найдетъ и ему варницы ставити и соль варити,— было сказано въ жалованной грамотѣ 1556-го года. Тогда во владѣніе Строгановы получили 2332 двора крестьянъ соликамскихъ, обвинскихъ, косьвинскихъ, что показываетъ, насколько были населены эти области. Въ 1558-мъ году Строгановымъ пожалованы земли по обѣимъ берегамъ рѣки Камы, на 146 верстъ отъ р. Чусовой, и дано разрѣшеніе населять ихъ пришлымъ людомъ, однако— не тяглыми, не письменными, то есть не приписанными гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, не ворами и не разбойниками.

Аника Строгановъ около этого времени основалъ Орелъ-городъ за Камой, противъ устья рѣки Яйвы, собственноручно, по преданію, убивши огромнаго орла, свившаго на могучемъ кедрѣ свое страшное гнѣздо, куда онъ таскалъ даже малыхъ ребятъ; здѣсь были поставлены соляныя варницы. Вообще край этотъ полонъ соляныхъ варницъ; въ 1579-мъ году писецъ Яхонтовъ уже насчитываетъ 37 варницъ въ одной только Соли Камской (Соликамскѣ). Около же этого мѣста дѣйствовали варницы Усольскія, Ново-Усольскія, Ленвинскія, Березниковскія, Дедюхинскія, Веретейскія, Чердынскія, не считая мощной вычегодской линіи производствъ.

Близкія къ Востоку, этому страшному источнику „ига", эти мѣста во времена Царя Ивана жили полною свободною жизнью, по сравненію съ которой жизнь мѣстностей къ западу отъ Москвы съ ея постоянной политической борьбой, борьбой вліяній, была настоящимъ адомъ. Во всякомъ случаѣ, изъ окладныхъ книгъ о сборѣ денегъ на жалованіе московскимъ стрѣльцамъ по новому окладу 1671-го года можно видѣть число дворовъ въ нѣкоторыхъ городахъ того времени, изъ каковыхъ рѣзко выдѣляется населенность городовъ Пріуралья и смежныхъ съ ними:

ДВОРОВЪ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ	1.274.
Владимирѣ	400.
Уфѣ	33.
Кунгурѣ	1.651.
Вяткѣ	12.377.
Соликамскѣ	7.053.
Перми Великой	3.292.
Устюгѣ Великомъ	10.450.

и т. д.

Пульсирующая жизнь этого сѣвернаго края Руси не могла не привлекать взоровъ восточныхъ владыкъ. Въ Троицкомъ лѣтнемъ соборѣ въ городѣ Соликамскѣ есть образъ Святителя Николая. По преданію, на Пермскую землю напали Ногайскіе татары, какъ разъ тогда, когда Иванъ Васильевичъ Грозный былъ подъ Казанью. Послали туда за помощью, но Царь отвѣчалъ, что у него уже готовы подкопы подъ стѣны, и поэтому ему некогда. На помощь городу онъ смогъ послать только одинъ этотъ чудотворный образъ.

При явномъ благоволеніи Москвы, при экономическомъ значеніи этихъ центровъ, при опасности набѣговъ изъ за Азіатскаго рубежа, вполнѣ понятно, что Царь Иванъ IV разрѣшалъ здѣсь то, за одно только подозрѣніе въ чемъ онъ „предпослалъ Царю Небесному" игумена Корнилія — а имен-

но онъ разрѣшилъ Строгановымъ имѣть здѣсь свою собственную крѣпость, снарядить ее пушками и пищалями, „прибрать военныхъ людей“, и открыть безпошлинный торгъ съ купцами. На порохъ было разрѣшено варить селитру. Возможно думать, что Строгановымъ поручались дѣла и дипломатическія, по части сношенія съ Сибирскими властителями.

Такимъ образомъ частнымъ людямъ Строгановымъ мудро поручалось большое дѣло большой государственной важности, хотя быть можетъ, въ этомъ можно предположить нѣкоторый ходъ со стороны Москвы для пріобрѣтенія вліянія въ противность старымъ новгородскимъ вліяніямъ.

Для Строгановыхъ, вторую сотню лѣтъ уже работавшихъ въ этихъ мѣстахъ, зауральскія дѣла и оживленные водные тракты съ Средней Азіей по Иртышу и его системѣ никакъ не были книгой за семью печатями. Какъ пограничные жители, какъ крупные и живые коммерсанты, они держали связь со своими Азіатскими сосѣдями. Да они и не могли не знать того, что творилось за Ураломъ, потому что какъ Москва, какъ Уралъ, такъ и зауральскія Сибирскія степи охватывались однимъ ханствомъ Кипчакъ, со столицей Сараемъ. Извѣстно, что въ XIII вѣкѣ на Иртышѣ и на Оби существовало царство Шыбыръ-Ибыръ, что по монгольски обозначаетъ ровный, чистый. Извѣстно, что это царство возставало противъ Хана Кублая, но было приведено къ покорности ханскимъ полководцемъ, какимъ то Юй-ваши, родомъ Аланомъ, что обозначаетъ примѣрную одинаковость отношенія Сарая къ Москвѣ, такъ и къ этому царству. Въ XV вѣкѣ въ этомъ царствѣ путешествовалъ нѣмецъ путешественникъ Гансъ Шифтбергеръ, что обозначаетъ его доступность даже для такого залетнаго гостя, извѣстную культурность*).

Относительно имени Сибирь имѣется цѣлая литература. Не лишено вѣтоятія предположеніе, что терминъ этотъ происхожденія китайскаго, и обозначаетъ Западная

*) Hans Schiftberger's Reisebuch, nach Nürenberger Handschrift herausgegeben, Tübingen. 1885.

Страна. По крайней мѣрѣ въ современныхъ китайскихъ транскрипцiяхъ (и въ японскихъ) iероглифами этого слова сохраняется именно этотъ идеографическiй смыслъ; китайская транскрипцiя этого термина такова:

亞利伯西

Первый iероглифъ справа налѣво читается си—западъ, второй—бо, что значитъ старшiй, третiй—ли, что значитъ выгода, четвертый—я, употребляемый обычно въ словѣ Азiя. Нѣкоторые производятъ слово Сибирь изъ татарскаго языка, отъ глагола сибирмакъ, очищать; Шафарикъ и Флоринскiй видѣли даже въ этомъ словѣ русское слово сѣверъ, занесенное туда русскими въ XII вѣкѣ. Г. Н. Потанинъ полагалъ, что слово Сибирь занесено изъ Монголiи и изъ южной Сибири, гдѣ въ народной поэзiи часто встрѣчается сказочная гора Сюбюръ, Сымыръ или Сумбыръ, подъ каковымъ именемъ разумѣется и Полярная звѣзда. С. К. Паткановъ высказываетъ теорiю, по которой народъ хуннскаго племени,—Сабиръ или Себеръ отождествляется съ народомъ Сыбыръ, или Сывыръ объ которомъ сохранились преданiя у тобольскихъ татаръ. Этотъ народъ сидѣлъ по среднему Иртышу. Сыбыры свою страну покинули, за то въ Восточной Европѣ въ концѣ IV вѣка нашей эры появилась какая то народность, извѣстная византiйскимъ писателямъ подъ именемъ Сабиръ или Суваръ. Паткановъ полагаетъ, что народъ этотъ принадлежалъ къ угро-финскому племени*).

Строгановы знали сосѣднюю страну, и рѣшились итти туда тогда, когда навѣрняка знали, что будутъ имѣть успѣхъ; иначе они могли бы сидѣть спокойно на мѣстѣ, лишь отбиваясь при случаѣ отъ насѣдавшихъ по временамъ племенъ. Да кромѣ того, и самъ ханъ Едигеръ, уже и раньше изъявлялъ покорность Ивану Грозному. Въ 1553-мъ году, онъ заявлялъ, что въ знакъ его подданства его „черные люди“

*) Ср. у проф, Огородникова, Очеркъ исторiи Сибири, часть I, Иркутскъ, 1919 года.

числомъ до 30.700 человѣкъ будутъ уплачивать Москвѣ дань —по одному соболю и по куницѣ. На основаніи этого Иванъ Васильевичъ въ современной грамотѣ своей королю Эдуарду VII англійскому уже именуетъ себя Lord of all Sibir. Однако, этому Едигеру скоро надоѣло платить дань; въ 1563-мъ году Иванъ Васильевичъ пишетъ Ногайскому князю:—я не отправляю къ тебѣ твою дочь и ея сына, потому что твой зять, который владѣетъ Сибирскими юртами, не платитъ мнѣ ясака и я его накажу!—

Едигеръ такъ и не дождался наказанія, и былъ въ 1572-мъ году убитъ воинственнымъ киргизъ-кайсакомъ Кучумомъ, и послы Кучумовы явились вслѣдъ за этимъ въ Москву, съ выраженіемъ своей лойальности. Но вслѣдъ за этимъ, Кучумъ сталъ усиленно распространять въ своей землѣ магометанство, и такимъ образомъ, тянуть по Иртышу къ средне-азіатскимъ ханамъ; сношенія были оживленныя, главнымъ образомъ, торговыя, и какъ существуютъ извѣстія, Ермакъ въ свое время погибъ именно охотясь на рѣкѣ за такимъ бухарскимъ караваномъ.

Кучумъ не ограничивался только дѣлами религіозными, а повелъ свою линію и дальше. Руководимые сыномъ Кучума взбунтовались остяки, жившіе къ сѣверу, къ Морю Темноты, то есть въ Югрѣ, и платившіе дань Москвѣ черезъ Строгановыхъ. Таковая дѣятельность Хана Кучума подлежала уже безусловно ликвидаціи со стороны Москвы, въ державныхъ ея интересахъ.

Планъ этой ликвидаціи былъ Москвѣ представленъ Строгановыми за каковымъ и воспослѣдовала изъ Москвы утверждающая его грамота. Слѣдуетъ дивиться той рѣшительности, съ которой Москва шла на это дѣло, грамотой 1576-го года разрѣшая Строгановымъ переходить Уралъ и строить городки по Тоболу-рѣкѣ, и населять страну русскими людьми.

Это разрѣшеніе лежало втунѣ до 1582-го года, когда, наконецъ, Строгановы 1 сентября послали на лодкахъ казаковъ, набранныхъ ими для ратнаго дѣла, подъ командой атамана Ермака, „воевать Сибирскаго солтана“.

Казакъ—слово монгольское, и означаетъ коннаго воина. Такъ назывались на Руси вольные люди, убѣжавшіе изъ подъ тяжелой руки Москвы и скоплявшіеся на окраинахъ, перенимая бытъ и нравы кочевниковъ. По отношенію къ этимъ казакамъ видна вполнѣ государственная мудрость Москвы: ими она по возможности заселяла тѣ городки и форпосты, выходившіе въ стороны пустопорожнихъ за крушеніемъ монголовъ земель, которыя были переполнены кочевниками, безпокоившими осѣдавшее русское населеніе. Это поселеніе вольныхъ людей на границѣ со всѣми прелестями вольной жизни, полной свободы и опасностей, сочетало еще ихъ легализацію передъ государствомъ, связывало ихъ съ Москвою, и давало сей послѣдней болѣе-менѣе надежную охрану границъ. Наиболѣе отчаянные уходили дальше и образовывали товарищества, уже не подлежавшія никакому закону, кромѣ своего собственнаго и были, въ сущности, либо шайками, либо партизанскими отрядами различной силы и значимости. Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ образованій такого рода была Сѣчь за порогами Днѣпра, которая, находясь подъ вліяніемъ малоазіатскимъ, образовывала для великороссовъ какъ бы переходъ черезъ малороссовъ къ народамъ Балканскимъ, къ тѣмъ видоизмѣненіемъ славянства, которыя возникли тамъ подъ вліяніемъ турокъ. Подобныя вольныя образованія, будучи, кромѣ того, ферментомъ въ массѣ населенія южной Руси, служили какъ бы связью для послѣмонгольскаго періода нашей исторіи съ періодомъ Кіевскимъ, каковые элементы впослѣдствіе стали перемѣшиваться въ понятіи русскаго славянства. А кромѣ того, конечно, всего больше подобнаго народу не было никакъ не организовано, и просто грабительствовало. Ихъ то такъ и опасался Олеарій, ѣдучи по Волгѣ.

Такихъ-то людей и приглашали къ себѣ Строгановы. Что касается самого Ермака, то онъ не былъ бродягой-ка-

закомъ въ полномъ смыслѣ слова. Въ качествѣ казацкаго атамана мы видимъ его въ 1581-мъ году подъ Могилевымъ на Днѣпрѣ въ составѣ регулярныхъ московскихъ частей, а въ 1582-мъ году онъ уже на службѣ въ Перми.

Съ Ермакомъ въ его экспедиціи были такъ называемые „вожи“, — проводники и толмачи-переводчики, что показываетъ присутствіе у Строгановыхъ людей двухъ языковъ очевидно, бывалыхъ уже въ Сибири.

Такимъ образомъ, это путешествіе не можетъ никакъ почесться экспедиціей въ совершенно невѣдомыя страны, какъ это принято у насъ думать, чтобы тѣмъ горше колоть этой казачьей самостійною доблестью центральное правительство Москвы. Еще у Герберштейна въ 1517-мъ году была рукопись, переданная ему какимъ то нашимъ соотечественникомъ, тогда уже поклонникомъ талантовъ просвѣщенныхъ европейцевъ; въ рукописи этой описывалось, какими дорогами и рѣками надо проходить за Уралъ. Экспедиція Строгановыхъ т. обр., являлась экспедиціей военной съ опредѣленной государственной цѣлью—хотя путешествіе за Уралъ было все таки болѣе-менѣе рискованно. Частная иниціатива оказалась плодотворной въ соединеніи съ русской государственной иниціативой.

По однимъ свѣдѣніямъ у Ермака было въ экспедиціи 840 человѣкъ, по другимъ 540, по третьимъ 5000. Возможно и здѣсь объяснять эту разницу тѣмъ, что меньшія числа относятся къ кадру, этому остову арміи, въ то время какъ большее—къ числу солдатъ, м. б., набранныхъ за Ураломъ изъ покоряемыхъ инородцевъ.

Путь Ермака лежалъ вверхъ по р. Чусовой, по Серебряной; тамъ переволочили суда въ р. Жаравлю оттуда пошли въ Тагилъ и Туру. Около нынѣшняго Туринска былъ бой.

Эта связанность рѣчныхъ системъ между собою, дѣлавшая возможнымъ повтореніе способа варяжскихъ путешествій, очень характерна для всего сибирскаго покоренія.

— Отличительною чертою сибирскихъ рѣкъ, говоритъ проф. Огородниковъ, является ихъ чрезвычайная связанность между собой. Обь своими западными притоками подходитъ вплотную къ бассейну р. Камы, а восточными связывается съ бассейномъ Енисея. Но и Енисей, протягивая на востокъ три Тунгуски, соединяется черезъ нихъ съ крупнѣйшимъ изъ Ленскихъ притоковъ—Вилюемъ, и съ самой Леной. Что же касается этой послѣдней, то она рр. Алданомъ и Олекмой входитъ почти въ непосредственное соприкосновеніе съ Амуромъ и съ побережьемъ Охотскаго моря. Такая связанность сибирской рѣчной системы имѣла въ прошломъ громадное значеніе: обусловливая разселеніе по странѣ туземнаго населенія, способствуя ему, она вмѣстѣ съ тѣмъ создавала благопріятныя условія для проникновенія сюда русскихъ, быстро завладѣвавшихъ необозримыми просторами Сибири.

Огненный бой нашихъ пищалей, взятыхъ нами у западныхъ иноземцевъ, производилъ на туземцевъ большое впечатлѣніе. 23-го октября было генеральное сраженіе; у казаковъ пало 107 человѣкъ, „которыхъ до сихъ поръ поминаютъ въ синодикахъ Тобольскаго собора“. Ханъ Кучумъ, слѣпой старикъ, бѣжалъ послѣ пораженія въ Ишимскія степи.

Зима прошла относительно спокойно. Ермакъ отправилъ Царю Ивану посольство, повезшее дары изъ захваченной въ Искерѣ добычи. Очевидно, Ермакъ хотѣлъ снестись съ центральною властью п о м и м о Строгановыхъ. Посольствомъ руководилъ Иванъ Кольцо, атаманъ, который ранѣе заочно былъ осужденъ Москвой на смерть за свои художества на Волгѣ. Онъ получилъ отъ Царя прощеніе всѣхъ его прегрѣшеній, былъ пожалованъ; Ермаку былъ присланъ серебряный ковшъ, два панцыря да шуба съ царскаго плеча. Но было послано и еще кое-что другое. Съ Иваномъ Кольцо пріѣхалъ въ Сибирь царскій воевода, князь Семенъ Волховской да Иванъ Глуховъ, со значительнымъ отрядомъ. Москва этимъ клала конецъ самостоятельности Ермака и Строгановыхъ.

Ермакъ погибъ черезъ годъ, умеръ Волховской, казаки были выбиты изъ Искера и начали отступать на Печору. Но изъ Москвы опять шелъ воевода Мансуровъ, который пошелъ на низъ Иртыша, и при его впаденіи въ Обь учредилъ Обскій городокъ. Въ 1586-мъ году воевода Сукинъ основываетъ Тюмень, на рѣкѣ Турѣ, въ слѣдующемъ году воевода Чулковъ основываетъ Тобольскъ. Ханъ Сейдякъ, смѣнившій энергичнаго Кучума, доставленъ въ Москву. Русскія войска и связанная съ ними администрація быстро новыми городами идутъ вглубь страны. Сначала дѣлается диверсія на сѣверъ, въ 1592-мъ году основываются Пелымъ, Березовъ и Обдорскъ, въ 1601-мъ Туринскъ. Одновременно идетъ движеніе на востокъ, на нынѣшній Томскъ: въ 1594-мъ строится Тара, въ 1596 — Нарымъ, въ 1597 — Кецкъ, въ 1604-мъ — Томскъ. Царь зоветъ изъ Россіи охочихъ людей отъ тягла, раздаетъ имъ пашни и лѣса; начинается сословіе казачества. Городки и остроги вкрапливаются въ сибирскіе просторы, ихъ обитатели собираютъ ясакъ съ жителей тѣмъ же обычаемъ, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ монголы собирали ясакъ съ насъ. На Сибирь ѣдутъ купцы, покупающіе и экспортирующіе безцѣнныя богатства, идутъ поселенцы. Доходы съ Сибири такъ значительны, что образована на Москвѣ особая Сибирская казна.

Голландское сочиненіе Маасы, о которомъ мы уже упоминали, показываетъ, что и въ Европу проникли сразу же вѣсти о сибирскихъ богатствахъ, и заинтересовали ее весьма. Между прочимъ въ этой книгѣ указанъ и маршрутъ, какъ слѣдуетъ ѣхать въ эти замѣчательныя страны. Сѣверный путь, говорится тамъ, лежитъ отъ Сольвычегодска на Верхотурье, оттуда по Турѣ, на Тобольскъ. Сообщенію этому придавалось такое значеніе, что Царь Ѳеодоръ Ивановичъ приказалъ провѣдывать новые маршруты въ Сибирь. Такой новый путь былъ открытъ въ 1595-мъ году верхнеусольскимъ крестьяниномъ Артюшкой Бабинцевымъ, за что тотъ былъ пожалованъ безданною-безпошлинною грамотою. До того куп-

цы съ Москвы ѣздили на Вычегду, и на Верхотурье, черезъ Чердынь. Бабинцевъ нашелъ прямой путь Соликамскъ—Чердынь, значительно сокращающій разстояніе .Путешественниковъ было столько, что посадскіе и крестьяне этихъ мѣстъ, обязанные держать изнурительную ямскую гоньбу, взвыли и неоднократно били челомъ Царю.

Русскіе, хорошо у себя дома прознавшіе восточные обычаи, монгольскіе и татарскіе, очень умѣло обращались съ населеніемъ. Они точно такъ же, какъ и монголы, не трогали мѣстныхъ обычаевъ, мѣстныхъ властей, а наоборотъ, приспосабливали ихъ къ собиранію ясака, что тѣ и дѣлали охотно Царскимъ именемъ. Удивительная картина! ПОКАМѢСТЪ НА МОСКВѢ СМУТНОЕ ВРЕМЯ, ИНТРИГИ БОЯРСТВА, ЗДѢСЬ ВЪ СИБИРИ ИДЕТЪ ОРГАНИЗАЦІОННАЯ РАБОТА, при чемъ работаютъ для насъ сами же туземцы. Такъ изъ писемъ нѣкоего Григорія Елизарова видно, что государственными собирателями ясака для Московскаго Царя былъ и князь Урнушко и его воевода Олька (отъ 25 декабря 1608-го года).

Однако, это „покореніе Сибири“ не вездѣ проходило столь благополучно; бывали и сопротивленія. Такъ, этихъ вѣрноподданныхъ Бѣлаго Царя и Урнушку и Ольку извѣщаетъ другой вѣрноподданный, князь Намакъ, что тунгусами подъ княземъ Данулой въ Кузнецкой волости на него, князь Намака, было сдѣлано нападеніе. Въ 1607 году воевода Владиміръ Молчановъ шлетъ казаковъ изъ Кецкаго острогу на Енисей, къ князю Данулѣ, но тотъ ясака все же не платитъ, а далъ лишь „поминки“—подарки, и такихъ соболей, что на Москву къ Государю послать никакъ невозможно. Въ 1609-мъ году Елизаровъ доноситъ, что князь Данула вообще отказывается платить ясакъ. Противъ него предпринимается воинская экспедиція.

Въ этомъ распространеніи нашего вліянія на Востокъ извѣстную роль опорнаго пункта сыгралъ Томскъ. Движеніе наше идетъ сѣверомъ, съ сѣвера огибая конфигурацію бы-

лыхъ ханствъ Кипчака и Оргатебея, въ которыя входили собственно Монголія и Китай. Тамъ силы были несомнѣнно болѣе плотныя, и сопротивленіе было бы болѣе значительнымъ. Въ русскихъ историческихъ источникахъ того времени мы постоянно встрѣчаемъ упоминаніе на отчаянное сопротивленіе и на враждебную намъ дѣятельность нѣкоего царевича Ишима, съ которымъ никакъ не могли сладить царскіе воеводы. Только уже за Томскомъ линія нашего распространенія нѣсколько загибается къ югу, и выходитъ на Енисей, и гдѣ и былъ основанъ съ нѣкоторымъ сравнительнымъ запозданіемъ Красноярскъ въ 1627-мъ году.

Предварительно сего движенія изъ Томска посылаются на югъ развѣдывательныя партіи; таковая, напримѣръ, ѣдетъ подъ воеводой Василіемъ Васильевичемъ Голицыномъ въ 1608-мъ году и доставляетъ свѣдѣнія объ Алтынъ-Царѣ, то есть о Золотомъ ханѣ Туметской орды въ Монголіи, этомъ остаткѣ монгольской государственности. Въ 1616-мъ году мы имѣемъ уже описаніе путешествія въ эту землю Алтынъ-хана нѣкоего Томылки Петрова. Въ своемъ донесеніи онъ жалуется, что, между прочимъ, въ Китайской землѣ у русскихъ рабовъ отнимаютъ иконы святыхъ угодниковъ. Въ донесеніи же объ путешествіи кн. Ивана Семеновича Куракина со товарищи мы видимъ уже означеннымъ и путь къ Алтынъ-хану:

—Отъ Томску первая рѣка Шія, тамъ Кія, Урюмъ, Юсъ, Енисей. Отъ киргизовъ рѣка Аскиссъ, Абаканъ, Часты Броды, а тамъ три дни верхами. Тамъ рѣка Кантери (Кантигуръ), Кемьчида,вдоль кочевій Золотого хана.

Въ статейныхъ спискахъ слѣдующихъ путешественниковъ Ивана Петлина и Ондрюшки Мундова имѣется указаніе, что эти киргизы—уже подданые Бѣлаго Царя.

Наше движеніе на Востокъ шло чрезвычайно быстро. За Петлинымъ и Мундовымъ ѣдутъ къ Алтынъ-хану Туха-

чевскій въ 1635-мъ году, черезъ годъ Гречанинъ, еще черезъ два—Старковъ и Невѣровъ, потомъ Перфильевъ и Аблинъ. Завязываются сношенія съ Маньчжурскимъ ханомъ Сетсеномъ. Бубенный ѣдетъ къ Калмыкамъ. Русскіе люди въ 1632-мъ году ставятъ Якутскій острогъ уходя, такимъ образомъ, на сѣверъ; въ 1635 году поставленъ Олекминскій острогъ, въ 1638—Нерчинскій. На Амурѣ мы съ 1633 года. Въ 1651 году Хабаровымъ построенъ острогъ Албазинъ. Дежневъ и Хабаровъ въ 1650-мъ году проникаютъ къ Тихому Океану.

Только позднѣе наши города начинаютъ спускаться на югъ, ближе къ границамъ азіатскихъ государствъ: настолько сильна передъ ними старая острастка. Такъ, Иркутскъ основывается въ 1662-мъ году. И не безъ основанія, такъ эти мѣста достижимы труднѣе. До сихъ поръ станція Посольская Кругобайкальской ж. дороги хранитъ въ своемъ названіи память гибели одного нашего посольства, пробиравшагося на Востокъ, и перебитаго мѣстными бурятами. Посольство подверглось нападенію въ тотъ моментъ, когда оно высаживалось съ лодокъ, переѣхавъ Байкалъ; спаслись только тѣ, кто еще сидѣли въ лодкахъ, да спасена была государева казна и подарки. Въ 1681-мъ году основанъ тамъ Посольскій Спасо-Преображенскій монастырь.

Успѣхъ распространенія на Востокъ идеи Цаганъ-Хана, это покореніе Азіи не могло не кружить головъ нашимъ предкамъ. И оба пограничныхъ съ Китаемъ пункта на Амурѣ и Нерчинскій острогъ и Албазинъ, дѣлаются мѣстами, откуда предпринимаются попытки покорить и самъ древній Китай. Нерчинскій острогъ дѣлаетъ это путемъ дипломатическимъ, Албазинъ военнымъ. Изъ Нерчинска въ Пекинъ-Ханбалу идетъ нѣкій Игнашка Миловановъ со слѣдующимъ предложеніемъ:

— Велено имъ Игнашку съ товарищи ѣхать изъ Нерчинскаго острогу къ Богдоискому царю въ посланникахъ и говорить Богдоискому царю:

— У великаго Государя царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі

самодержца под его царскаго величества рукою цари и короли и со своими государствы, а великій государь жалуетъ ихъ держитъ въ своемъ царскомъ милостивомъ призрѣнье. И онъ бы Богдоканъ такъ же поискалъ великой росиі самодержца его царскаго величества милости и жалованья и учинился бы подъ его царскаго величества высокою рукою.

— А великій государь царь і великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя росиі самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель учнетъ его Богдокана жаловати и держать въ своемъ царскомъ милостивомъ призрѣнье и отъ недруговъ его въ оборонѣ і защиніи.*)

Москва протягиваетъ уже свою руку на самый Китай! Эту царскую волю передаетъ, какъ указано въ этой грамотѣ — Афанасій Пашковъ, тотъ самый, который по Даурской землѣ возилъ съ собой для вразумленія неистоваго протопопа Аввакума съ его протопопицею Марковной. Грамота кончается выраженіемъ желанія установить съ Китаемъ такія отношенія, при которыхъ бы обѣимъ сторонамъ можно было бы торговать „поволно“.

Милованова въ Пекинѣ встрѣтили очень учтиво. Его принялъ Богдыханъ и послѣ этого его люди свободно бродили по Пекину, дивясь невиданнымъ чудесамъ и содержась за богдыханскій обильный счетъ, встрѣчая тамъ многочисленныхъ ренегатовъ-соотечественниковъ, сбѣжавшихъ съ Руси.

Исторія Албазина нѣсколько иная. Вслѣдствіе безпокойныхъ выходокъ Албазинскихъ обитателей, на которыхъ жаловались дауры и маньчжуры, и которыя заключались въ попыткахъ повоевать земли и за Амуромъ, вслѣдствіе безобразій и насилій казаковъ, неподчинявшихся Нерчинскому острогу, императоръ Канъ-хи прислалъ въ 1684-мъ году на Албазинъ грамоту, въ которой говорилось:

*) Baddeley, Томъ I.

— Вы пришли въ мою землю, моихъ ясачныхъ людай изгоняете, у промышленныхъ людей отнимаете соболей и запасы. Приняли Гантимура съ товарищи. И много лѣтъ на моемъ рубежѣ дѣлаете худо. Я, богдыханъ, послалъ на васъ большое войско, но убить и погубить васъ жалѣю. Бросьте дѣлать худое: идите назадъ. Вотъ мои люди къ вамъ сдались, я просилъ ихъ назадъ, и Спафарію объ этомъ говорилъ. Но вы не понимаете этого и еще хуже стали воровать: моихъ подданныхъ ловите и жжете на огнѣ; такъ въ прошломъ году вы заманили моихъ людей въ избу и сожгли. Албазинскіе и Нерчинскіе люди, бросьте злое, отдайте Гантимура и уходите сами и будемъ мы жить въ любви и согласіи. Но если вы добра не понимаете, и станете жить на моей землѣ, то ни небомъ, ни землею вы не управитесь. Убить васъ не жалѣю. А если итти вамъ куда далеко, приходите ко мнѣ, я васъ пожалую.—

Казаки рѣшили, что „нечего тому прелестному письму вѣрить“, и рѣшились оборонять городъ. Въ томъ же году туда прибываетъ воевода Толбузинъ и начинаетъ энергично готовиться къ войнѣ съ китайцами. Лѣтомъ 1685-го года китайцы осадили Албазинъ въ количествѣ 10.000. 26 іюня городъ былъ сданъ, его уцѣлѣвшіе защитники съ воеводой Толбузинымъ пошли въ Нерчинскъ, а 25 человѣкъ русскихъ согласилось поступить къ богдыхану на службу*).

Нѣсколько лѣтъ продолжалась борьба за Албазинъ, причемъ съ нашей стороны дѣйствовалъ нѣкій иностранецъ Бейтонъ. Наконецъ, крѣпость была окончательно позорена по договору въ Нерчинскѣ 1689 года. Перешедшіе на службу къ богдыхану русскіе люди перенесли съ собой въ Пекинъ чтимую икону Николая Чудотворца, такъ называемую Албазинскую, которая хранятъ по сей день потомки этихъ людей, по сей день именующіеся албазинцами, хотя и совершенно окитаившіеся.

*) И. И. Серебренниковъ. Албазинцы. Пекинъ, 1922.

Но несмотря на эти извѣстныя тренія восточный край закрѣплялся за Россіей все крѣпче и крѣпче. Онъ покрывался сѣтью малыхъ крѣпостей, и надъ ними неограниченно царила далекая Москва. Отношенія къ ней, какъ государственному центру, отличалось отъ такого же отношенія края къ западу отъ Москвы, гдѣ живы были отголоски борьбы, крѣпки были западныя вліянія. ВОСТОКЪ СТАЛЪ НОСИТЕЛЕМЪ СПОКОЙНОЙ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. Онъ сталъ тѣмъ огромнымъ монолитомъ, который удержалъ въ равновѣсіи Московское царство въ смутахъ начала XVII вѣка и помогъ впослѣдствіе своей огромной тяжестью уравновѣсить государственный нашъ корабль и помочь присоединить къ Москвѣ области къ западу отъ нея.

И въ народѣ Востокъ сталъ еще ближе, извѣстнѣе изъ разсказовъ этихъ „землепроходцевъ“. И вотъ въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Пекинъ ѣдетъ большое посольство къ богдыхану Дайцингской маньчжурской династіи Канъ-хи, во главѣ котораго стоитъ Николай Спафарій.

Посольство преслѣдовало немаловажныя политическія цѣли; поэтому мы должны особенно остановиться на личности его главы, Спафарія, чтобы понять, какіе иностранные проходимцы окружали въ то время начинавшій укрѣпляться русскій престолъ. Въ Москвѣ Спафарій былъ только переводчикомъ, но въ вѣрительныхъ грамотахъ онъ названъ „благороднымъ дворяниномъ“. Въ Китаѣ онъ звался даже полковникомъ, ибо „китайцы очень уважаютъ военные чины“.

Онъ былъ родомъ грекъ изъ Пелопоннеса, non solum religionae, sed etiam natione ac idiomatae Graecum; имя его Спафарій придворное званіе Дунайскихъ господарей, нѣчто вродѣ рынды, букв.—носитель меча. Его считаютъ валашскимъ шляхтичемъ; себя онъ именуетъ барономъ, baro, и бояриномъ. Онъ „наученъ былъ всѣмъ языкамъ“, зналъ латынь, греческій, турецкій, арабскій, румынскій, русскій, и служилъ въ Молдавіи у одного господаря Гергія Гика—Ghika, который

по требованію Порты шлетъ его съ 1.000 воиновъ противъ другого господаря. Служа у Гика его секретаремъ, онъ въ то же время сносится съ его врагами при помощи письма, спрятаннаго въ трости. Его уличаютъ и Гика посылаетъ къ нему палача съ собственноручнымъ приказомъ отрѣзать ему носъ. „Съ той поры его стали звать курносымъ — krnul, пишетъ историкъ Іоаннъ Непулька. Спафарій бѣжитъ въ Константинополь, гдѣ въ вынужденномъ уединеніи переводитъ на румынскій языкъ Библію. Оттуда онъ убѣгаетъ ко двору курфирста Бранденбургскаго, гдѣ какой то нѣмецкій врачъ исправляетъ ему носъ, приращивая къ таковому кусокъ его собственой щеки. Починенный Спафарій въ Штеттинѣ, откуда изгнанъ, и живетъ въ Стокгольмѣ. Выступленіе кальвиниста Клауде, нападающаго на догматъ о перевоплощеніи, даетъ ему возможность выступить съ апологетическимъ сочиненіемъ Euchiridion, sive Stella Orientalis, occidentali splendens. Но и эти высокія богословскія достоинства не позволяютъ ему безбѣдно устроиться. Въ 1671-мъ году, послѣ многихъ скитаній по Европѣ онъ въ Москвѣ, гдѣ представляетъ рекомендаціи отъ Никузія Панагіота, переводчика при Портѣ. Онъ радостно встрѣченъ „западникомъ“ бояриномъ Матвѣевымъ, который ведетъ съ Дунайскими господарями политику противъ Порты; этотъ добродушный бояринъ ставитъ Спафарія первымъ переводчикомъ въ Посольскомъ приказѣ, а въ 1675-мъ году уже рекомендуетъ его Алексѣю Михайловичу въ главы китайскаго посольства.

Посольство, конечно, было необходимо посылать; ловкій и пронырливый грекъ надѣялся изъ этого путешествія получить великія и богатыя милости: онъ зналъ уже, куда ѣхалъ. Къ офиціальной инструкціи этого посольства была приложена книга голландца Кампена, рисовавшая довольно отчетливо обстановку въ Восточной Азіи.

— За китайскими землями, къ востоку въ Океанѣ 700 верстъ отъ Китайской земли лежитъ островъ, именуемый Японія.

— И островъ тотъ богаче Китая, тамъ золото и серебро и разныя сокровища; но хотя обычаи и письмо китайское и японское одинаковы—японцы народъ сердитый, и многихъ казнили іезуитовъ, посланныхъ туда проповѣдывать.

— На юго-востокъ отъ Китая лежитъ островъ Формоза, не такъ большой, но богатый. И пишутъ оттуда, что недавно туда пришли моремъ голландцы (1624), и взяли островъ во владѣніе и построили на немъ острогъ. —

— На югъ, за границей Китая, лежитъ Индія; пишутъ іезуиты, что караваномъ походъ—землей, въ столицу Китая Ханбалу изъ столицы индійскаго Царя Агры, вьюками беретъ 214 дней. И караваны часто идутъ изъ Индіи въ Китай, изъ Китая въ Индію.

— На западѣ Китай граничитъ съ пустынями, гдѣ кочуетъ много татарскихъ и калмыцкихъ племенъ. На сѣверѣ живутъ Монголы, что въ прошломъ году приходили послами въ Москву къ Московскому Царю, и этимъ годомъ тоже. Сибирь граничитъ съ тѣми землями.

Объ этомъ обо всемъ и было приказано Спафарію провѣдать и Статейномъ спискѣ, то есть день за днемъ, изложить все Царю.

Не проходитъ и ста лѣтъ со смерти Ермака, какъ мы видимъ столь полную освѣдомленность объ Азіи у насъ. И не одни мы такъ освѣдомлены—весь міръ направилъ свои взоры на Востокъ и готовъ начать тамъ новую экономическую политику. Патеръ Купле (Kouplet), въ XVII вѣкѣ считалъ, что за сто лѣтъ въ Китай пошло до 500 человѣкъ ордена Іезуитовъ, но дошло изъ нихъ только сто — остальные погибли либо по дорогѣ, либо въ кораблекрушеніяхъ. Европа уже вперила свой расчетливый взоръ въ Азію; не за горами то время, когда возникаетъ начало господства англичанъ въ

Индіи—Ость-Индская Торговая Компанія. На долю Индіи выпала та участь, которая готовиласъ британцами загодя Москвѣ: въ Англіи въ XVI вѣкѣ уже образовалась подобная компанія, для „торговли съ Московіей, Персіей и сѣверными странами“, при пожизненномъ ея предсѣдателѣ Себастіанѣ Каботѣ, по мысли котораго Ченслеръ и искалъ сѣвернаго, пути въ Индію. Сокращенно она называлась Русская Торговая Компанія. По жалованію Ивана IV ей были предоставлены права экстерриторіальности, то есть своихъ законовъ, суда и порядка на предоставленныхъ ей територіяхъ, а равнымъ образомъ привиллегіи и налоговыя послабленія.

Посольство Спафарія должно было составить государственную нашу конкуренцію подобнымъ европейскимъ усиліямъ, провести торговыя договора, выгодные для насъ, но Москва своимъ посольствомъ этихъ надеждъ никакъ не оправдала.

Въ позднѣйшемъ богдыханскомъ эдиктѣ Канъ-хи къ посольству, что шло къ Тургутскому хану Аюкѣ, говорится:

— Особенное вниманіе вы обратите на пословъ Бѣлаго Хана (Петра Великаго), которыхъ вы вѣроятно встрѣтите. Раньше, когда посолъ Ми Ко-лай (то есть Спафарій) изъ его царства пришелъ въ Китай, его поведеніе было скверно и достойно всякаго порицанія, и вы воздержитесь слѣдовать ихъ примѣру*).

Англичанинъ Коксъ въ своей History ot Russian Discoveries, Transactions and Commerces гворитъ объ русскихъ послахъ въ Китаѣ слѣдующія печальныя вещи:

— Постоянныя жалобы на пьянство русскихъ, на ихъ безобразія были доложены Императору Китайскому. Впечатлѣніе отъ этихъ жалобъ было увеличено еще тѣмъ обстоятельствомъ, что и русскіе, живущіе въ Пекинѣ, прославились такими же дебошами. Раздраженный частыми по-

*) Baddeley, II, стр 204.

добными представленіями своихъ подданныхъ Канъ-хи угрожалъ изгнать русскихъ вообще изъ столицы и изъ своихъ владѣній и воспретить съ ними всякую торговлю, какъ въ Катаѣ, такъ и въ Монголіи.—

Англичане расходятся во мнѣніи, кто собственно былъ виновникомъ этихъ безобразій. Сэръ Джоржъ Стоунтонъ полагаетъ, что они имѣли мѣсто въ 1719-мъ году; Бадделей полагаетъ, что это именно и былъ курносый Спафарій. Эти историческія гаданія англичанъ, кто изъ нашихъ пословъ болѣе безобразничалъ при отправленіи своихъ обязанностей, маловажны сами по себѣ. Особенно же важно для насъ замѣтить то, что на Москвѣ, устремлявшейся на востокъ людьми такой воли и закала, какъ самъ Царь Иванъ, какъ воевода князь Семенъ Курбскій, какъ Строгановы, какъ всѣ эти безчисленные воеводы, гибнувшіе на своихъ постахъ въ „гиблыхъ“ буквально мѣстахъ, совершая дѣло государственное и государево, все же выдѣляется немного людей высшаго государственнаго порядка. Уже Иванъ Грозный чуть не потонулъ въ толпѣ измѣнныхъ бояръ, сластолюбивыхъ и буйственныхъ, съ рабскимъ почтеніемъ взиравшихъ на Западъ, въ „чужую землю, идѣ же нѣкоторые человѣцы обрѣтаются не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ весьма искусные“ (кн. А. Курбскій).

Въ Азовскомъ сидѣніи Донскихъ казаковъ (1637), по собственному почину захватившихъ крѣпость Азовъ для государя у турокъ, мы видимъ героическую картину того, какъ 5.200 мужчинъ и 800 женщинъ отбиваютъ осаду турецкаго 24.000 войска, при чемъ ни одинъ перебѣжчикъ не приходитъ въ станъ турецкій, ни одинъ плѣнный подъ пытками не выдалъ туркамъ истинное число гарнизона. Мы видимъ здѣсь картину того, какъ самъ народъ русскій собираетъ свою землю. Ту же картину видимъ мы при за-

воеванiи Сибири. А государственными послами отъ Москвы по нашему несчастью ѣдутъ греки, проходимцы съ рѣзаными носами, скупающiе тайкомъ у китайцевъ запретные драгоцѣнные камни, какъ это дѣлалъ Спафарiй.

Это — остатки выдохшейся, холодной къ русскимъ дѣламъ власти Византiи, пришедшей съ Софьей Палеологъ, противъ которой и протестовалъ бояринъ Берсень въ приведенномъ разговорѣ съ Максимомъ Грекомъ; эти влiянiя окружаютъ русскiй престолъ и своими личными домогательствами мѣшаютъ государству и русскому дѣлу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ДВИЖЕНІЕ НА ЗАПАДЪ.

Иваномъ Грознымъ, какъ мы видѣли, идея самодержавной власти Московской была выработана совершенно отчетливо, и правильность этой идеи, ея жизненность подтвердилъ опытъ стремительнаго распространенія ея на Востокъ. Народъ русскій къ востоку отъ Москвы всегда сохранялъ эту идею единой власти, внѣдренную въ него историческими обстоятельствами и историческимъ опытомъ, чтобы вознести ее, спасенную для дальнѣйшаго бытія, когда она чуть не погибла подъ натискомъ Запада.

Западъ—побѣждался этой идеей, которая была средствомъ борьбы противъ его претензій. И поэтому распространеніе здѣсь идеи этой шло не такъ гладко, какъ на Востокѣ. Къ XVII вѣку относятся самыя главныя аттаки Запада на Москву, колебавшія до основанія Русское государство; возвышеніе Москвы, ея ростущіе рессурсы въ понятіи Запада связывалось съ еще недавнимъ ея незамѣтнымъ состояніемъ, и послѣднее соображеніе побуждало стремиться набросить на нее свою власть. Москва должна была напрячь всѣ свои силы, чтобы выйти изъ этого испытанія, и только послѣ того, какъ врагъ былъ разбитъ и отброшенъ борьбой, въ которой окончательно былъ выкованъ русскій державный строй, спазматическими усиліями идетъ расширеніе Московской террито-

ріи на западъ, уже подъ безусловнымъ господствомъ Москвы. Восточная идея московской монархіи и тутъ блестяще доказываетъ свою историческую годность.

Но были моменты, когда она чуть не погибла. Опять на первый планъ выходитъ непригодность придворнаго окруженія, и интриги окружающихъ столъ лицъ. Уже при сынѣ Ивановомъ, Царѣ-звонарѣ Өеодорѣ, начались интриги бояръ, въ которыхъ первое мѣсто принадлежало Борису Годунову.

На пріемѣ польскаго посла Сапѣги, сидя на тронѣ, Царь Өеодоръ съ улыбкой любуется державнымъ яблокомъ; потомъ произноситъ нѣсколько словъ тихимъ, нетвердымъ голосомъ. Посолъ замѣчаетъ по этому поводу:

— Хотя про него и говорятъ, что у него ума немного, но я тутъ увидалъ, что его у него нѣту совершенно...

Такимъ образомъ, реальная идея Царя Московскаго, какъ самодержавной л и ч н о с т и, была въ опасности. Умный и хитрый братъ жены Царя, искусно умѣвшій лавировать и при Царѣ Иванѣ, Борисъ ловко ведетъ свою линію при Өеодорѣ, изолируя его со всѣхъ сторонъ, и подчиняя его своему вліянію, пользуясь этимъ якобы для того, чтобы вести ту линію политики, какъ она начертана была при Грозномъ.

Въ этой политикѣ взоры Бориса устремлены на Востокъ. Теченіе р. Волги укрѣплено цѣлымъ рядомъ городовъ. Выстроенъ Архангельскъ. Эти новыя мѣста заселяются вольными людьми, которые имѣютъ за службу регулярное жалованіе и за государственный счетъ снабжаются всѣмъ необходимымъ.

Для возможности дѣйствовать такъ, с п а с а я завѣты Грознаго, Годуновъ долженъ былъ обезопасить себя со стороны вліятельнаго боярства; Шуйскіе настаиваютъ на разводѣ Царя съ безплодной Ириной, сестрой Бориса—ихъ подъ шумокъ давятъ, рубятъ, ссылаютъ на сѣверъ „съ товарищи“.

Ему грозятъ Нагіе—у Царицы Маръы Нагой, живущей въ Угличѣ растетъ сынъ Ивана царевичъ Дмитрій.

Неизвѣстно, былъ онъ, этотъ несчастный мальчикъ, устраненъ дѣйствительно Борисомъ, но Борисъ не могъ не думать, что хорошо было бы его устранить, да и надо было устранить, чтобы не было бы заворухи въ Русской землѣ.

И тутъ Борисъ начинаетъ думать о Московскомъ престолѣ для себя, какъ подручномъ Царя Ѳеодора, котораго бы можно было посадить на объединенный русско-польскій престолъ.

Это намѣреніе показываетъ размахъ уже существовавшихъ до того претензій Москвы—москвичъ сталъ себя уже высоко цѣнить на международномъ рынкѣ. Въ Польшѣ же было тогда такое время, когда королевское дѣло было тамъ родомъ ремесла. По смерти Стефана Баторія тамъ надобенъ былъ новый король, и на Сеймѣ, на предварительномъ голосованіи, были выставлены три символическихъ значка—нѣмецкая шляпа, сельдь и шапка Мономаха, за которыхъ и шло голосованіе. На этомъ предварительномъ голосованіе побѣдила шапка Мономаха, но у Москвы не хватило на случай денегъ, чтобы довести дѣло до конца, и избранной окончательно оказалась шведская сельдь.

Въ этомъ дѣлѣ Борисъ не успѣлъ, и онъ начинаетъ принимать иныя великодержавнаго же характера заданія. Константинопольскимъ патріархамъ подъ турецкимъ владычествомъ приходилось очень туго, жили они очень бѣдно, и часто жаловали на Москву „за милостыней“, какъ говаривали тогда. Пріѣзжали при Ѳеодорѣ на Русь патріархи Антіохійскій Іоакимъ и Константинопольскій Іеремія. Съ ними Борисъ велъ переговоры о возведеніи въ патріаршій санъ на Москвѣ митрополита Іова, любимца Борисова и большого

почетника существовавшаго на Москвѣ порядка вещей, каковой и былъ возведенъ въ таковой санъ въ 1589-мъ году.

Формально—это было большимъ успѣхомъ, такъ какъ ставило русскую церковь на совершенно самостоятельное положеніе, дѣлало ее совершенно независимою отъ грековъ, что было логическимъ завершеніемъ внесеннаго за сто лѣтъ передъ тѣмъ въ архіерейскую присягу обязательства—не ставить ни въ митрополиты, ни въ архіереи грековъ. Но по существу оказалось обратное: при слабомъ и привѣтливомъ Царѣ Өеодорѣ, большомъ любителѣ духовенства, на Русь хлынули толпой греческіе пастыри, убѣгая какъ отъ турещины, такъ и отъ скудности жизни. Пріѣзду патріарха Іереміи предшествовалъ, какъ мы сказали, пріѣздъ на Москву патріарха Антіохійскаго. За столь высокими особами множество грековъ посѣщало пышную и чванную нашу столицу, уже не въ качествѣ сомнительнаго княжества, зависящаго отъ Царьграда во многихъ отношеніяхъ, а какъ Третій Римъ, Царство Восточное, столпъ и утвержденіе православія. Вслѣдствіе этого Суздальскую епархію получилъ Арсеній, епископъ Эласоннскій, епископъ Кипрскій Игнатій напрочно поселился въ Москвѣ. Въ Грецію отъ Царя постоянно шло богатое жалованіе.

Пышный титулъ патріарха, увѣнчавшій убогое и своеобразное наше духовенство, былъ, конечно, политическимъ успѣхомъ, но въ церкви большихъ перемѣнъ не произошло. Патріархъ сталъ какъ бы лицомъ придворнымъ, отдѣльнымъ олицетвореніемъ духовной ипостаси Царя, преуменьшая религіозный нимбъ вокругъ сего послѣдняго, что было неправильно по Московской традиціи. Это уже не былъ прежній митрополитъ Петръ, Алексій, или Іона, образованные помощники Великаго Князя Московскаго въ живомъ дѣлѣ собиранія Русской земли, связанные съ народомъ, мостъ между народомъ и той высшей справедливостью, носителемъ которой являлся самъ Царь. Съ патріаршествомъ на Русь еще больше переселились старые Византійскіе обычаи, пришли

соревнованіе императора и патріарха, бездушный чинъ и порча народной вѣры грубой теократіей, и наконецъ, усиленіе греческихъ вліяній.

Патріархъ Іовъ такимъ образомъ сталъ на сторону Бориса; опаснымъ ему оставался лишь мальчикъ Дмитрій, рано или поздно грозившій предъявить свои права на престолъ. 15 мая 1591-го года въ Угличѣ ударили въ набатъ, въ самый полдень, по крикамъ изступленной инокини царицы Мароы. Сбѣжавшійся народъ увидалъ царевича, лежащаго на землѣ съ перерѣзаннымъ горломъ, и убилъ тутъ же нѣсколькихъ человѣкъ, заподозрѣнныхъ имъ въ этомъ преступленіи. Слѣдовать это дѣло съ Москвы съѣхалъ бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, человѣкъ немолодой, хитрый и осторожный. Дѣло вышло такъ, что царевичъ зарѣзался самъ, играя ножемъ въ тычку, и когда въ 1598-мъ году Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ почилъ вѣчнымъ сномъ, душеприказчиками своими онъ оставилъ Бориса Ѳеодоровича Годунова, патріарха Іова, да боярина Федота Никитича Романова-Юрьева, своего двоюроднаго брата, указавъ, что сама держава Россійская переходитъ къ Царицѣ Иринѣ, его вдовѣ, сестрѣ Бориса.

Бояре заявили, что править царствомъ женщинѣ—дѣло неслыханное, и что власть должна остаться въ рукахъ Боярской Думы. Въ спорахъ Ирина постриглась въ монастырь, и такимъ образомъ, оказалась устраненной. Земскій Соборъ на Москвѣ въ томъ же году, въ февралѣ мѣсяцѣ, избралъ Бориса Царемъ Московскимъ.

Этотъ Земскій Соборъ, выбравшій Царя, былъ новшествомъ, результатомъ политики Ивана III и IV. Онъ, конечно, уже не былъ земскимъ вѣчемъ. Вѣче, призывая князя, въ то же время уговаривалось съ нимъ относительно конструкціи власти, въ то время, какъ Земскій Соборъ только называлъ имя человѣка, которому затѣмъ безгранично ввѣрялъ власть. Соборъ этотъ означаетъ, что идея Царя, какъ единой лич-

ной воли, единой личности, уже внѣдрилась въ сознаніе общественное. Пусть этотъ Соборъ и былъ подобранъ по своему составу, пусть въ толпѣ у Новодѣвичьяго монастыря были люди, плакавшіе притворно, зовя Бориса на царство, но въ народъ была брошена идея о его народномъ Царѣ, который, такимъ образомъ, становился Царемъ національнымъ.

Въ этомъ было отличіе Россіи отъ Запада. Средневѣковая монархія на Западѣ представляла изъ себя многостепенное образованіе, на основаніи многослойныхъ владѣтельныхъ и родовыхъ отношеній. Фигура Римскаго Императора поддерживалась весьма сложными аркадами этихъ взаимоотношеній, увѣнчанная изъ рукъ власти духовной, въ неизмѣнной сложности подымаясь надъ низшими классами.

На Руси же фигура Русская Царя высилась именно на фонѣ всеобщаго поравненія, полнаго обезличенія подданныхъ. То достоинство, которое получали высшіе классы, было только милостью Царя. Царь былъ почти божествомъ, во всякомъ случаѣ—первѣе государства, которое онъ собиралъ. Отъ него исходили всѣ права подданныхъ—зависѣли отъ его разума, воли, вѣры, способностей. Если на Западѣ, во взаимномъ осторожномъ разграниченіи вассалы сохраняли свои собственныя права на землю, какъ потомки владѣтельныхъ первыхъ князей, то на Руси вся земля со временъ Московскихъ Ивановъ была государевой, которой онъ одинъ могъ распоряжаться, какъ хотѣлъ, жалуя и отписывая на себя всѣ имѣнія бояръ, давая и не давая имъ землю въ помѣстье. Права собственности, какъ культурно-государственнаго принципа на Руси не существовало; наоборотъ, этимъ культурно-государственнымъ принципомъ было именно отсутствіе права собственности, что не ставило никакихъ преградъ высшей государственной волѣ. Только Царь былъ собственникомъ всей земли, ея Хозяиномъ, а она вся была его вотчиной, распорядокъ на которой зависѣлъ только отъ него, какъ до сихъ поръ мы видимъ это въ владѣтельномъ правѣ монгольскихъ князей. Объ собственности же на землю, при ея обиліи, просто

не заходило и рѣчи. „Такому-то такой-то продалъ землю Государеву, а моего владѣнья“, вотъ каковою была формула отчужденія земельнаго имущества.

ВЪ ЗЕМСКОМЪ СОБОРѢ 1598 ГОДА, ИЗБИРАЯ ЦАРЯ, НАРОДЪ КАКЪ БЫ УТВЕРДИЛЪ ЭТОТЪ ПОРЯДОКЪ, ДАВАВШІЙ ЕМУ ХОТЯ ТЯЖЕЛЫЙ НО РАЗМѢРЕННЫЙ ПОРЯДОКЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ, БОЛѢЕ УДОБНЫЙ, НЕЖЕЛИ ОЛИГАРХИЧЕСКІЯ РАСПРИ КНЯЗЕЙ. Народъ, хотя самъ оставался несвободенъ, но при этомъ порядкѣ онъ какъ бы передавалъ свою свободу другому лицу, которое, оставаясь абсолютно свободнымъ, и будучи поставлено выше всякихъ имущественныхъ отношеній, должно было въ своихъ дѣйствіяхъ руководиться только чистою совѣстью. ЗЕМСКИМЪ СОБОРОМЪ 1598-го ГОДА НАРОДЪ ЗАЯВИЛЪ, ЧТО ОНЪ ХОЧЕТЪ ИМЕННО ЦАРЯ, какъ привычной и свойственной ему формы правленія. Этимъ признаніемъ такого порядка началась именно НАЦІЯ, потому что восточная идея владыки божественнаго происхожденія не требуетъ момента всенароднаго его признанія, какъ не нуждается божество въ признаніи. Восточный деспотъ сверхнароденъ — почему при объединеніи имъ разныхъ народовъ никогда не возникаетъ никакихъ національныхъ треній—это придетъ потомъ. Идея восточнаго владыки эвольвировала въ идею русскаго Царя, и это обстоятельство дало намъ силу, послѣ того, какъ восточной идеей былъ покоренъ Востокъ, обратиться противъ Запада въ сознаніи своей готовности стоять именно за этотъ порядокъ вещей, какъ за специфическую **Московскую** структуру нашего государства; поэтому борьба противъ начинающаго насѣдать Запада встрѣчаетъ уже поддержку у всего народа тогда, когда Смутное время выбиваетъ у насъ основу дѣйствія—Царя, и, побѣдивъ въ этой борьбѣ, народъ окончательно устанавливаетъ идею Русскаго царя, въ ея полной и оправданной формѣ.

Но покамѣстъ бояре поставили Царемъ Бориса. Онъ былъ первымъ выбраннымъ русскимъ Царемъ, и когда онъ

вступилъ на царство, милліоны глазъ впились въ его красивое, черной бородой обрамленное лицо, испытывая вѣрность принципа выборности.

Борисъ себя велъ, какъ на сценѣ — въ его дѣйствіяхъ былъ цѣлый рядъ расчетовъ. Онъ на два года освободилъ народъ отъ податей и отъ ясака. Народъ платить не сталъ, но хорошаго впечатлѣнія это не произвело, хотя и потворствовало народу. Борисъ не казнилъ спервоначалу — но народъ нашъ жестокъ и казни любитъ; и это тоже было плохо. Борисъ раздавалъ хлѣбъ — народъ ѣлъ и ухмылялся — за что де онъ насъ кормитъ, свою государеву казну раздаетъ! Царь должен ъ быть богатъ.

Борису ставилось всякое лыко въ строку — потому что, какъ ни заметали слѣдовъ Углицкаго дѣла, какъ ни хитрилъ Шуйскій, все выходило не такъ ловко. А кромѣ того — да еще хотѣлъ ли Шуйскій дѣйствительно заметать эти слѣды? Народъ зналъ то, чего не знало офиціальное слѣдствіе — дѣло на царскомъ престолѣ было не чисто.

Вотъ откуда пошла смута.

Въ 1604-мъ году перехвачено письмо изъ Нарвы:—

— Дмитрій Ивановичъ живъ, сынъ Царя Ивана... У казаковъ онъ...

Пришли люди и съ казачьяго плѣну, съ низовій Волги. И тамъ говорили, что сынъ Грознаго живъ, Дмитрій царевичъ.

Въ нашъ вѣкъ газетъ и искусства формировать общественное мнѣніе трудно представить себѣ, что такое былъ тогда подобный слухъ, подобная молва. Среди всеобщей разобщенности, неизвѣстности, пріукрашенныхъ разсказовъ бывалыхъ людей, при такомъ почитаніи Царя, на фонѣ лукавыхъ перешептываній вокругъ Бориса, слухъ — что Дмитрій живъ — можетъ быть только уподобленъ яркой молніи

среди душной и безвѣтренной черной ночи. Это было началомъ грозы, началомъ того, что скопилось въ огромной сомнѣвающейся народной душѣ. Шла великая смута.

Никому нѣтъ и не можетъ быть вѣры. Царь Борисъ, встревоженный слухами, допрашиваетъ царицу Марѳу. Живъ или нѣтъ Дмитрій, ея сынъ?

— Не знаю! — отвѣчаетъ инокиня. Но вѣдь она то видѣла, безспорно видѣла, какъ онъ умиралъ. И царица Марія, жена Бориса, присутствующая при этомъ допросѣ, раздражена до того, что швыряетъ въ лицо лукавой царственной монахинѣ горящую свѣчу.

Это „не знаю“ матери Дмитрія, доказываетъ, какъ на Руси сильна была ненависть къ Борису. Царь бросается совѣщаться къ патріарху. Іовъ исподволь пускаетъ слухъ, что Дмитрій никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, чернецъ, его секретарь. А съ Запада идутъ слухи, что тамъ въ Польшѣ собирается войско; съ этимъ войскомъ Дмитрій переходитъ границу и бьетъ черезъ четыре дня царскую рать 20-го октября 1604-го года. Съ церковнаго амвона гремитъ анафема Гришкѣ; а народъ говоритъ:— Пусть проклинаютъ Гришку! Отъ этого царевичу ничего не станется. Царевичъ Дмитрій, а не Гришка!..

Офиціальная неувѣренная информація вызывала лишь смѣхъ, дискредитировала саму церковь. А Дмитрій дѣйствовалъ. Послѣ побѣды надъ нимъ царскаго воеводы Басманова онъ убѣжалъ въ Путивль и сѣлъ тамъ; къ нему сталъ стекаться народъ.

13-го апрѣля, плотно пообѣдавъ, скончался Царь Борисъ. Не былъ ли онъ отравленъ? Вѣрный Іовъ-патріархъ заявилъ, что престолъ завѣщанъ Ѳеодору Борисовичу, 16-ти лѣтнему юношѣ.

17-го апрѣля въ дѣйствующей арміи приводили войска къ присягѣ; вдругъ казанцы Ляпунова закричали — что де

„знаютъ они только одного законнаго государя Дмитрія Ивановича!“ Все войско заголосило имена — одни Ѳеодора, другіе Дмитрія. Побѣдилъ Дмитрій. Воевода Басмановъ перешелъ самъ на сторону Дмитрія, разсуждая такъ:—

— Все государство Русское приложится Дмитрію, и мы все таки покоримся ему поневолѣ. Покоримся ему такъ, по доброй волѣ, и мы будемъ у него въ чести!

Оглядчивый воевода выигралъ. Когда Москва узнала о переходѣ арміи на сторону претендента, въ ней воцарилась глубокая тишина. „На иностранцевъ она навела страхъ — они поняли, что такое затишье бываетъ передъ бурей“ — разсказываетъ Костомаровъ.

30-го мая пошелъ на Москвѣ шумъ: у Серпуховскихъ воротъ увидали пыль — идетъ! Народъ бросился закупать хлѣбъ-соль, встрѣчать царевича. На другой день на Кремлевскія стѣны Годуновскіе люди потащили пушки. Народъ надъ ними зубоскалилъ.

1-го іюня бояре Плещеевъ и Пушкинъ привезли нѣчто безконечно реальное, грамоту отъ Дмитрія Ивановича. Ихъ подхватили, потащили на Красную площадь, народъ повалилъ толпой, ударили въ колокола, приказали вычитывать грамоту:

> — Дмитрій объявлялъ, что онъ живъ, перечислялъ обиды Годуновыхъ, прощалъ народу его присягу, обѣщалъ милости, и звалъ къ себѣ депутаціи съ хлѣбомъ и солью.

И какъ всегда бываетъ, когда совершается то, чего хотѣлось, чего накликали, — народъ оторопѣлъ:

— Стало быть Годуновъ и впрямь не Царь?! Да вѣрно ли, тотъ ли это самый Дмитрій? Можетъ быть, не настоящій?

И раздались голоса:

— Шуйскаго, Шуйскаго, онъ все долженъ знать!

Значитъ, о показаніи Шуйскаго помнили, или просто — напоминали. Шуйскій явился и рѣшилъ основной вопросъ. Въ мертвой тишинѣ онъ сказалъ:

— Борисъ подсылалъ убить Дмитрія-царевича. Но спасли царевича... Вмѣсто него убитъ поповичъ!

— Господь намъ свѣтъ показалъ!—заревѣла толпа. Долой Годуновыхъ! Мы доселѣ во тьмѣ сидѣли! Здравъ буди, Дмитрій Ивановичъ!

Такъ начались на Руси великія смуты. Өеодора стащили съ престола, потомъ удавили. Съ несчастной царевной Ксеніей впослѣдствіе тѣшился Самозванецъ. Всѣхъ родственниковъ Годуновыхъ ограбили, кстати ограбили и нѣмецкихъ докторовъ, и перепились въ царскихъ погребахъ такъ, что многіе отдали Богу свои нелѣпыя русскія души. Патріарха вскорѣ тоже свели съ престолу.

20-го іюня 1605-го года въѣхалъ въ Москву Дмитрій Ивановичъ, въ золотой одеждѣ, съ богатымъ ожерельемъ на шеѣ, на прекрасномъ аргамакѣ. На Кремлевской площади его встрѣтили крестнымъ ходомъ. Все было торжественно, да все равно, полной вѣры ему быть не могло: глазъ поджавшаго губы москвича опять впился въ новую фигуру. Все было то, да не то! Во время церковнаго пѣнія музыканты играли въ трубы и билъ барабанъ; зато всѣ были очень довольны, глядя, какъ онъ плакалъ въ Архангельскомъ Соборѣ на гробницѣ отца, Ивана Грознаго. Колокола звонили все время такъ громко, что пріѣхавшіе іезуиты думали, что оглохнутъ.

Въ лицѣ этихъ іезуитовъ, пріѣхавшихъ въ свитѣ Дмитрія, вѣрныхъ слугъ Рима, Западъ пытается протянуть на получающее уже политическое значеніе Царство Россійское свою руку. Подобравши подъ себя Польшу, ополячивая и олатынивая, какъ украинскія, такъ и пограничныя москов-

скія области, усиленно распространяя Флорентійскую унію 1439-го года, слуги эти создавали тотъ родъ славянской общности, который до сихъ поръ остался въ культурахъ Западныхъ славянскихъ государствъ, и которая состоитъ въ значительной степени изъ вліяній латинскихъ, которыя распространялись въ противовѣсъ византійскимъ. Москвичъ —уже не былъ никакъ славяниномъ въ этомъ смыслѣ, и химерическія фантасмы объ западныхъ политическихъ возможностяхъ уступили въ его пониманіи мѣсто возможностямъ реальнымъ, восточнаго происхожденія. Вотъ этотъ Западъ и шелъ на Москву собственный своей персоной, вмѣстѣ съ Димитріемъ, шелъ, какъ возможность новаго покоряющаго проникновенія на Востокъ. Но на Москвѣ его ждали уже не первые былые засельщики Суздальской земли, выходцы изъ Кіевщины или Прикарпатской Руси, а темное, лукавое, своенравное, грубое, но смекалистое, почти сплоченное въ націю новое Московское племя. Этотъ ударъ Запада былъ комбинированнымъ ударомъ: державные интересы Римской церкви въ связи съ политическими и экономическими интересами Польши сочетаны были съ политическимъ авантюризмомъ и грабительскими инстинктами южно-русскаго казачества и польской шляхты, къ которому присоединялись многочисленные наши русскіе охотники гульнуть на даровщинку во время кровавыхъ потѣхъ и неурядицъ.

18 іюля прибыла царица Мароа. Народъ кинулся въ село Тайнинское—смотрѣть, какъ встрѣтится она съ сыномъ Дмитріемъ. Въ самомъ этомъ любопытствѣ уже была извѣстная подозрительность и настороженость. И мать и сынъ, однако, бросились другъ другу въ объятія, съ сильнымъ плачемъ: московскіе люди были мастера рыдать тамъ, гдѣ надобно. Народъ теперь могъ быть увѣренъ—сама мать признала...

Кто былъ Дмитрій—неизвѣстно; но совершенно достовѣрно извѣстно, что онъ—креатура поляковъ и Рима. Въ 1603-мъ году этотъ юноша былъ въ числѣ придворной челя-

ди у Адама Вишневецкаго, а отъ него попалъ къ Сандомірскому воеводѣ Юрію Мнишекъ, гдѣ и объявилъ себя царевичемъ. Прослышали объ немъ іезуиты и король Сигизмундъ. Привезли его въ Краковъ, гдѣ онъ принималъ причастіе изъ рукъ папскаго нунція, кардинала Рогана, былъ имъ мvропомазанъ, и „обѣщалъ ввести на Москвѣ католическую вѣру“. Послѣ этого Сигизмундъ пожаловалъ ему содержаніе въ 40.000 злотыхъ на годъ: Дмитрій былъ нуженъ и королю и Риму. Дмитрій написалъ ловкое письмо самому папѣ, которое можно было толковать какъ угодно, написалъ грамоты южно-русскимъ казакамъ. Марина Мнишекъ, эта злосчастная „Маринка“ нашихъ сказаній, должна была чарами своего вліянія удерживать въ надлежащемъ направленіи эту креатуру Запада—и дѣло началось. Дмитрій сидѣлъ уже на Москвѣ.

Католики хотѣли использовать Дмитрія, Дмитрій хотѣлъ использовать католиковъ—обычная взаимность всѣхъ политическихъ авантюръ. Сѣвши на Москвѣ Дмитрій, однако, сталъ отлынивать отъ исполненія своихъ обѣщаній, щедро раздаваемыхъ на Западѣ. Сигизмунду III-му, напр., онъ отказалъ въ передачѣ Сѣверскихъ городовъ и Смоленска, хотя и предложилъ за нихъ деньги. Отказалъ онъ и въ разрѣшеніи учреждать на Руси костелы и допускать на Москву просвѣтительныхъ іезуитовъ.

Тогда на арену является Марина: Марина, по плану Рима, этому тонкому историческому парадоксу, должна была очаровать Дмитрія своей женской любовью, и добиться отъ него того, чего, не могли добиться ни политики, ни пастыри, и отъ чего уклонялся хитрый, ополячившійся москвичъ. Съ Мариной Дмитрій обручился заочно 18 ноября въ Краковѣ, куда былъ посланъ представителемъ Царя для совершенія обряда дьякъ Власьевъ.

Но хотя мать и признала Дмитрія, но все таки онъ не смогъ войти въ русское общество, чтобы быть имъ принятъ сполна какъ русскій. Онъ попрежнему жилъ своимъ обычаемъ,

завелъ чужую музыку, постовъ не держалъ, ѣлъ телятину, любилъ иностранцевъ, обижалъ монастыри, обручился съ полькой. Всѣ милости и послабленія, которыя онъ оказывалъ народу, не могли остановить интриги, ведшейся противъ него тѣмъ же Василіемъ Шуйскимъ. Но у него было и не мало сторонниковъ, особенно почитали его Донскіе казаки. Тогда, говорили современники, назови кто нибудь Царя не настоящимъ — сейчасъ либо убитъ, либо утопленъ, пропалъ!—

Вполнѣ возможно, все же, что не появись на Москвѣ пышный свадебный поѣздъ Марины, Дмитрій бы уцѣлѣлъ, и счастливо прошелъ бы черезъ всѣ козни своихъ недоброхотовъ. 3-го мая прибыла на Москву Марина, въ сопровожденіи знатныхъ пановъ, съ Вишневецкими во главѣ. Пріѣхали послы отъ Сигизмунда. Всего съ нею пожаловало на Москву до 2.000 человѣкъ. Пріѣхалъ и отецъ невѣсты, панъ Юрій Мнишекъ, до того времени усердно доившій русскую казну подъ разными предлогами, и теперь одного венгерскаго привезшій нѣсколько десятковъ бочекъ. Вездѣ народъ и попы встрѣчали поѣздъ и невѣсту подарками и хлѣбъ-солью. Для проѣзда Марины тысячи людей мостили мосты, строили дороги и гати. Марина сначала остановилась подъ Москвою въ шатрахъ, гдѣ принимала подарки отъ купцовъ. Въ Москву въѣхала она въ сопровожденіи множества польскихъ каретъ, въ убитой серебромъ красной каретѣ съ золотыми колесами, сидя на красномъ бархатѣ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, вся усыпанная алмазами. Звонили колокола, гремѣли пушки, играла польская музыка, раздавались восклицанія по русски, по польски, по украински. Въ Москву въѣзжала представительница столь нынѣ далекаго отъ Москвы западнаго славянскаго міра, совершая историческую попытку—вернуть Москву на дорогу, которой шло западное славянство.

Размѣстившіеся по Москвѣ поляки и бывшіе среди нихъ ополяченные южные православные русскіе вели себя до край-

ности нахально. Они кричали, что де „они дали Царя Москвѣ“, выражали, что они скоро будутъ полными хозяевами, гонялись за русскими женщинами, пьянствовали, и т. д.

И эта ненавистная полька вѣнчалась на Московское царство! Та самая полька, которой папа Римскій писалъ:

— Теперь мы ждемъ отъ твоего царскаго величества всего того, что можно ожидать отъ благородной женщины, согрѣтой ревностью къ Богу. Ты, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ сыномъ нашимъ, супругомъ твоимъ, должны вмѣстѣ стараться, чтобы богослуженіе католической религіи и ученіе св. Апостольской церкви были приняты вашими подданными и водворены въ вашемъ государствѣ незыблемо и прочно. Вотъ твое первое и наиглавнѣйшее дѣло.—

Суровый поборникъ православія, митрополитъ Казанскій Гермогенъ, поднялъ было свой голосъ за предварительное вѣнчанію крещеніе католички, но былъ за свое предложеніе высланъ изъ Москвы. 8-го мая была отпразднована свадьба по дѣдовскому русскому обычаю. Марина была въ русскомъ платьѣ. Поѣхали поѣздомъ въ Успенскій Соборъ, гдѣ польки, прикладываясь къ иконамъ, цѣловали святыхъ въ уста, къ большому соблазну православныхъ. Сначала было совершено коронованіе Марины, а потомъ и вѣнчаніе. Ксендзъ сказалъ приличную случаю рѣчь на латинскомъ языкѣ.

Послѣ свадьбы пиры пошли за пирами. На важеватой Москвѣ, въ самомъ ея сердцѣ, въ Кремлѣ, между святыми соборами, день деньской играли 68 музыкантовъ-поляковъ. По улицамъ скакали компаніи величавшихся поляковъ, паливщихъ изъ ружей и задѣвавшихъ населеніе. Самъ Царь Московскій со своей молодой женой, въ польскомъ платьѣ, танцевалъ въ своихъ палатахъ. Подготовлялись маскарады, иллюминаціи, турниры. Однимъ словомъ, на Москву пріѣхало веселое по западному, безпечное по славянски, порхающее по французскому образцу польское веселое общество.

15-го мая, ночью, въ новомъ дворцѣ шли танцы, а между тѣмъ все тотъ же Василій Шуйскій распоряжается заговоромъ противъ Дмитрія съ азіатской хитростью и коварствомъ. Изъ ста алебардщиковъ-нѣмцевъ, тѣлохранителей Дмитрія, семьдесятъ какъ то удалены. Предъ разсвѣтомъ Дмитрій пошелъ спать къ Маринѣ, а на разсвѣтѣ Шуйскій приказываетъ отворить тюрьмы, выпустить „уголовный элементъ", говоря современнымъ языкомъ, и этимъ преступникамъ раздать топоры и мечи. Очевидно, у Шуйскаго было много сторонниковъ въ различныхъ слояхъ административной Москвы. Ударили въ набатъ и когда преступники стали грабить населеніе, на Красную площадь верхами прискакали руководители заговора — Шуйскіе, Голицынъ, Татищевъ и съ ними до двухсотъ человѣкъ.

— Народъ!— кричалъ Шуйскій. Литва — (то есть поляки), хотятъ перебить весь народъ и убить Царя. Бейте Литву!

Народъ съ яростью бросился на поляковъ, разбѣжался по всей Москвѣ, и у заговорщиковъ оказались, такимъ образомъ, развязаны руки.

Дмитрій проснулся отъ набата. Марина перепугалась, онъ кинулся узнавать въ чемъ дѣло. Первымъ ему попался Дмитрій Шуйскій, который успокоилъ Царя, говоря, что на Москвѣ пожаръ. Дмитрій бросился назадъ успокаивать жену, но неистовые крики раздались уже въ Кремлѣ, у самаго дворца. Сторонники Шуйскаго врывались уже въ двери, алебардщики разбѣжались, Басмановъ, пытавшійся оказать сопротивленіе, былъ убитъ Татищевымъ, тѣмъ самымъ, который раньше упрекалъ Дмитрія за то, что тотъ ѣстъ телятину, чего не ѣли русскіе люди, и за это едва не былъ сосланъ въ Вятку. Теперь пришло время посчитаться.

Дмитрій бѣжалъ отъ толпы по дворцовымъ переходамъ, выметнулся въ окно, чтобы попасть на лѣса для иллюминаціи, но оборвался, разбилъ грудь и остался лежать на мостовой.

Его нашли, подобрали, втащили во дворецъ, стали надъ нимъ ругаться:

— Латинскихъ поповъ привелъ! Польку въ жены взялъ! Казну Московскую въ Польшу перевозилъ!

Обрядили въ лохмотья, въ рвань, стали опять глумиться:

— Вотъ такъ Царь всея Руси! Самодержецъ! Каковъ самодержецъ!

Его тыкали пальцемъ въ глаза, щелкали въ носъ, дергали за уши, кто то ударилъ по щекѣ и спросилъ:

— Говори, такой-сякой, кто твой отецъ? Какъ тебѣ имя? Откуда ты?

— Я—Царь вашъ, Дмитрій, слабымъ голосомъ отвѣчалъ тотъ. Вы меня признали и вѣнчали на царство. Мать мою спросите... Несите меня на Лобное мѣсто, къ народу!

— Царица Мароа говоритъ—это не ея сынъ, закричалъ Иванъ Голицынъ.

— Винится ли злодѣй? кричала толпа народа снаружи.

— Винится! отвѣчали изнутри.

— Бей его! кричали снаружи.

— Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна, сказалъ Валуевъ и застрѣлилъ его изъ короткаго мушкета, припасеннаго подъ зипуномъ.

Тѣло обязали веревками, волокли по землѣ черезъ Спасскія ворота. У Вознесенскаго монастыря вызвали царицу Мароу:

— Твой это сынъ?

— Не мой! отвѣчала царственная монахиня.

Тѣло Дмитрія два дня лежало на Красной площади на столикѣ, взятомъ изъ лавки. На груди у него лежала маска,

во рту торчала дудка. Два дня ругались надъ тѣломъ москвичи, потомъ сожгли тѣло, зарядили пепелъ въ пушку, и выстрѣлили у Серпуховскихъ воротъ въ ту сторону, откуда онъ пришелъ—на западъ.

Въ ту пору на Москвѣ было избито до 2.000 иноземцевъ. У Марины же отобрали назадъ всѣ ея деньги, царскіе подарки и даже женскія тряпки и наряды.

Такъ кончилось на Москвѣ появленіе Царя съ Запада *).

Въ гидрографіи есть терминъ — б а р ъ, обозначающій то мѣсто, гдѣ вода изъ океана подымаемая и опускаемая приливомъ, сталкиваясь съ теченіемъ непрестанно льющихся въ море мощныхъ рѣкъ въ устьяхъ таковыхъ производитъ извѣстныя отложенія, результатъ образующихся тамъ вихревыхъ теченій, что ведетъ къ опаснымъ измѣненіямъ конфигураціи дна и къ его перемѣщеніямъ. Съ того времени, какъ Москва вышеописаннымъ историческимъ процессомъ явила ликъ Восточнаго Царства Московскаго, города къ западу отъ меридіана Москвы, подъ вліяніемъ западныхъ теченій являютъ видъ такого политически-культурнаго бара, столкновенія вліяній западныхъ и восточныхъ. Извѣстна сила польскихъ вліяній въ Южной Руси. Даже въ Смоленскѣ, неоднократно переходившемъ изъ рукъ въ руки чисто русскомъ городѣ мы видимъ тѣ же смѣшанныя, русско-польскія черты. Былъ, правда, и другой баръ,—русско-тевтонскій, сѣвернѣе, на границѣ вліяній нѣмецкихъ и скандинавскихъ, но тамъ разница между стекавшимися водами была слишкомъ велика, и граница между ними можетъ быть прослѣдима сравнительно просто, по рѣзкости очертаній таковой. Въ барѣ же русско-польскомъ вліянія эти были особенно сильны, потому что стороны были родственны между собой. Самая страшная вражда—между кровными, между родными, и мы видимъ какъ въ этой области между русскими и поляками идетъ все время самая страш-

*) Костомаровъ, стр. 557, слѣд.

ная, самая упорная борьба. Такъ какъ нельзя найти рѣзкихъ контуровъ, рѣзкихъ границъ между этими народами, принадлежащими въ конечномъ счетѣ, къ единому племени, то вопросъ тутъ ставится прямо о соперничествѣ: кто же выйдетъ побѣдителемъ изъ двухъ братьевъ, претендующихъ на единое наслѣдство—на равнины Восточной Европы:

— ОМОНГОЛЕННЫЙ ИЛИ ЖЕ ОЛАТЫНЕННЫЙ СЛАВЯНИНЪ?

Базой для перваго являлась Рѣчь Посполитая, опиравшаяся на славянскія земли въ Европѣ и на Римскую церковь. Базой для второго было Царство Московское, протянувшееся вглубь Азіи до Тихаго Океана. Шла, собственно, рѣчь объ испытаніи практическихъ, въ смыслѣ государственномъ, достиженій славянства при помощи тѣхъ или иныхъ культурныхъ рецепцій, испытаніе наличныхъ результатовъ. И результаты эти были видны на лицо. Московская земля и въ отношеніи Запада уже не была той землей, которая раньше могла быть просто окраиной земель Литовскихъ. Прежде государственныя образованія Польши и Литвы могли не особенно считаться съ этимъ остаткомъ, ускользавшимъ отъ ихъ военнаго вліянія только вслѣдствіе дальности разстоянія. Вставшее же къ концу XIV вѣка Царство Московское уже не терпитъ невнимательнаго отношенія къ себѣ. Съ Москвой считается Европа, англійскіе монархи заключаютъ съ нею договора. Это Царство нынѣ вполнѣ внѣ вліяній Запада, потому что самыя мощныя его территоріи, приносящія ему и силу, и деньги, и народности,—къ востоку отъ Москвы. Москва привела къ покорности вотъ тотъ самый Востокъ, который въ XIII вѣкѣ такъ безпокоилъ и Польшу, и всю Европу, и особливо тѣ южныя, исконныя русскія земли, которыя долгое время состояли въ нѣтехъ у новой Россіи, и были подвержены вліянію Востока Ближняго, Турціи. Собственно говоря, сама Польша была также подъ вліяніемъ восточнымъ, что тѣмъ острѣе позволяло ей чувствовать повышенный интересъ къ Москвѣ и къ тому, что тамъ происходитъ, и вселяло въ

нее надежды овладѣть этимъ огромнымъ пространствомъ. Въ геніальномъ „Тарасѣ Бульбѣ“, въ которомъ изумительная интуиція автора показываетъ истинные, создавшіе Южную Русь источники, встрѣчается такія мѣста, которыя доказываютъ, что Гоголь отчетливо видѣлъ эти историческія линіи:

— Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновеннымъ: они часто были завлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазіатскій уголъ Европы; Московію и Украину они уже почитали находящимися въ Азіи.

И развѣ могло бы быть иначе, если тотъ же Стефанъ Баторій былъ вассаломъ турецкаго солтана?

Возвышавшіяся почти одновременно и Польша и Москва одновременно же выказываютъ центростремительныя тенденціи другъ по отношенію друга. Передъ Польшей, какъ представительницей въ тѣ поры западной культуры славянства, становится задача—подчинить своему вліянію Москву.

Польша при этомъ оглядывалась на времена литовскаго Витовта, когда въ любопытнѣйшей смѣси языческихъ, католическихъ, восточныхъ вліяній возникала Литовская держава, тянувшаяся „отъ моря до моря“. Отъ того времени оставалась одна Польша, и полякамъ казалось, что имъ надлежало быть наслѣдниками въ подобномъ дѣлѣ созданія новаго огромнаго государства. Но нельзя упускать изъ вниманія, что основой литовскаго объединительнаго процесса были все таки русскіе, благодаря своимъ практическимъ, восточнымъ, м. б. православнымъ качествамъ. Только исторической абберaціей можно объяснить традиціонную трактовку Литовскаго объединенія, какъ объединенія славянскаго, увѣнчаннаго битвой при Танненбергѣ въ 1410-мъ году: какъ славянство могло итти къ побѣдѣ именно за языческими вождями? Но если таковые могли быть вождями, то почему же отвергать столь настойчиво возможность другой не-

христіанской восточной традиціи, монгольской? Въ этомъ случаѣ историческіе шансы должны были быть какъ разъ на сторонѣ Москвы.

Москвѣ и ставилась задача подчинить своему вліянію Польшу.

Побѣдоносному Стефану Баторію немногого удалось достигнуть въ войнѣ съ Иваномъ Грознымъ. Ѳеодору Ивановичу былъ даже случай сѣсть на объединительный русско-польскій столъ, причемъ въ качествѣ одного изъ главныхъ условій компенсаціи было — писать титулъ польскаго короля выше титула Московскаго Царя.

Въ исторіи съ Дмитріемъ — мы видимъ встрѣчную попытку Польши и тѣхъ, кто съ нею, поставить на престолъ Московскій лицо, обязанное Польшѣ, и тѣмъ самымъ, отъ нея зависимое.*) Рискованное предпріятіе это кончилось позорнымъ крахомъ, хотя и не прежде, нежели оно удалось совершенно, что указываетъ, что оно расчитано было правильно. Кончилось крахомъ и поставленіе на престолъ Московскій королевича Владислава; и мы сможемъ заключить, что база Москвы болѣе правильна, хотя бы потому, что вслѣдъ за этими попытками Польши, Смутнымъ временемъ, пробушевавшими надъ Москвой, Москва обнаруживаетъ собирательныя тенденціи не только въ себѣ самой, а и въ тѣхъ окраинахъ Россіи, которыя долгое время качались между вліяніями трехъ государствъ — Руси, Польши и Турціи; выборъ былъ произведенъ на основаніи наличнаго опыта.

Въ проявленіи всѣхъ этихъ собирательныхъ тенденцій весь государственный смыслъ славнаго всенароднаго ополченія 1612-го года, именно, въ изгнаніи поляковъ, легитимно, именемъ избраннаго московскими людьми королевича Владислава засѣвшихъ въ Московскомъ Кремлѣ, и избраніе Миши Романова, какъ національнаго русскаго Царя.

*) Не одна Польша думала объ этомъ; и Швеція и германскій императоръ выставляли своихъ ставленниковъ.

Но то, что быстро можно набросать въ исторической схемѣ, — требуетъ для себя и времени и крови, чтобы появиться въ исторіи. Послѣ убійства Дмитрія на сцену выходятъ разбушевавшіяся человѣческія страсти нашего народа. Московскіе люди, по обыкновенію, вслѣдъ за убійствомъ страшно перепились отъ таковыхъ душевныхъ потрясеній, и неиствовствовали по всему городу, гоняя и избивая поляковъ. Черезъ три дня Царемъ былъ „выкрикнутъ" Василій Ивановичъ Шуйскій.

Но его избраніе не успокоило взволнованнаго моря. Прошелъ опять слухъ, что Дмитрій живъ. Его именемъ Болотниковъ, только что возвратившійся изъ венеціанскаго плѣна, куда онъ былъ проданъ въ рабство татарами черезъ турокъ, человѣкъ очень бывалый, снова подымаетъ русскій народъ. Не стало дѣло и за самимъ Дмитріемъ — который появился и сталъ лагеремъ въ с. Тушинѣ, въ 8 верстахъ отъ Москвы. Воевода Мнишекъ, для вторичнаго достиженія своихъ столь блистательно въ первый разъ удавшихся цѣлей присталъ къ нему съ дочкой Мариною, которая признала этого Дмитрія за своего настоящаго мужа. Сигизмундъ, король польскій, уже не расчитывая на самозванца, двинулся впередъ съ войсками, и сталъ подъ Смоленскомъ. Бунтъ росъ по всей Русской землѣ. И когда выбитый изъ подъ Тушина Тушинскій Воръ шелъ съ Калуги вновь на Москву, Захаръ Ляпуновъ, тотъ же самый казанскій дворянинъ, люди котораго выкликнули имя Дмитрія противъ имени Θеодора Борисовича въ арміи послѣ смерти Бориса Годунова и начали этимъ бунтъ, предложилъ москвичамъ 17 іюля 1610 года:

— Наше государство доходитъ до конечнаго раззоренія. Тамъ Литва съ поляками, здѣсь Воръ. Царя Василія не любятъ — онъ не по правдѣ сѣлъ на престолъ. Будемъ бить ему челомъ, чтобы онъ оставилъ престолъ, а Калужскимъ людямъ пошлемъ сказать, пусть они своего Вора выдадутъ! Мы тогда всею землею выберемъ себѣ Царя, и встанемъ единомысленно на врага...

На это предложеніе, столь поразительно сходное съ современными намъ неоднократными предложеніями во время гражданской войны 1918—1922 гг. — „перебить тѣмъ и другимъ офицеровъ и комиссаровъ, и заключить гражданскій миръ“, — калужцы согласились. Но результатъ его былъ таковъ же, какъ и въ наше время: дѣйствительно, Царь Василій былъ съ престолу честно сведенъ, а когда отъ тушинцевъ потребовали выдачи ихъ Вора, тѣ отвѣчали:

— Плохо, что вы крестнаго цѣлованія своему государю не держите, а мы за своего и помереть рады!..

Воръ продолжалъ стоять въ Коломенскомъ, а въ немногомъ времени пришедшій на Москву съ польскимъ войскомъ гетманъ Жолкѣвскій потребовалъ избранія на престолъ Владислава.

Западъ упорно лѣзъ на русскій престолъ. Хотя Жолкѣвскій скоро ушелъ подъ Смоленскъ, воевать его, захвативъ сведеннаго Царя Василія, но на Москвѣ стояла польская рать. Въ іюнѣ 1611-го года Смоленскъ былъ взятъ поляками, и такимъ образомъ, вся земля къ западу отъ Москвы, и сама Москва — была въ рукахъ католиковъ. ПОЛЯКИ ТОРЖЕСТВОВАЛИ НАДЪ РУСЬЮ ПОЛНУЮ ПОБѢДУ. Что они разумѣли подъ этой побѣдой, свидѣтельствуетъ слѣдующій историческій эпизодъ. По случаю этой побѣды, Сигизмундъ III устроилъ парадный въѣздъ въ Варшаву. Гетманъ Жолкѣвскій, герой похода противъ русскихъ, везъ съ собой, какъ величайшій трофей, доказывавшій полное торжество Польши — плѣннаго Московскаго Царя. Василія Ивановича Шуйскаго везли въ открытой коляскѣ, съ двумя его братьями, вслѣдъ за роскошнымъ бѣлымъ шестерикомъ самого Жолкѣвскаго. Плѣнный Русскій Царь былъ въ бѣломъ, шитомъ золотомъ кафтанѣ, и въ высокой шапкѣ чернобурой лисицы.

Поѣздъ медленно двигался Краковскимъ предмѣстьемъ и поляки съ любопытствомъ глазѣли на плѣнниковъ. Въ Се-

наторской избѣ засѣдалъ самъ король, сенатъ, знатные вельможи. Царя Василія поставили передъ трономъ Сигизмунда, и Жолкѣвскій сказалъ слѣдующую рѣчь:

— Вотъ они, Великій Царь Московскій, наслѣдникъ Московскихъ Царей, которые столько времени были страшны и грозны Польской Коронѣ, ея королямъ, турецкому императору и всѣмъ сосѣднимъ государствамъ! Вотъ братъ его Дмитрій, предводитель шестидесятитысячнаго войска, мужественнаго храбраго, и сильнаго! Недавно они еще повелѣвали царствами, княжествами, областями, множествомъ подданныхъ, городами, замками, неисчислимыми сокровищами и доходами, но по волѣ и благословенію Господа Бога надъ вашимъ величествомъ, мужествомъ и доблестью польскаго войска, нынѣ стоятъ они жалкими плѣнниками, всего лишенные, обнищалые, поверженные къ стопамъ вашего величества и просятъ о пощадѣ и милосердіи!

При этихъ словахъ Василій Ивановичъ поклонился въ поясъ, коснулся земли рукой и поцѣловалъ пальцы, Дмитрій ударилъ челомъ въ землю одинъ разъ, Иванъ три.

Казалось, Польша достигла неслыханнаго торжества. Въ Кремлѣ—ея гарнизонъ. Русскій Царь унизительно кланяется ея королю. Русскую землю безпощадно грабили поляки, воры и казаки. Въ народѣ начинался развалъ всенародный, который сдерживался всегда властью Москвы, но готовность къ которому оставалась тоже всегда.

Западъ навелъ тогда на насъ цѣлый адъ, и въ этомъ адѣ ему было легко расправляться. Еще немного, и власть Европы долетитъ до Урала, этого Каменнаго Пояса нашего, создавая огромную латинско-славянскую Имперію.

Но параллельно всѣмъ событіямъ, на Руси блеститъ свѣтъ національной мысли. Онъ появляется сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Еще раньше, при Царѣ Василіи, молодой

энергичный воевода князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій прибѣгаетъ къ старому средству, вѣдомому еще Кіевской Руси—нанимаетъ иностранцевъ. Шведы съ Делагарди во главѣ, идутъ съ нимъ выручать Москву отъ бунта, и въ то же время показываютъ путь самимъ же шведамъ, что тяжело отзовется намъ впослѣдствіе. Воровскіе и польскіе отряды и шайки разбиты, Скопинъ-Шуйскій доходитъ до Москвы, но будучи приглашаемъ на царство неугомоннымъ Прокопіемъ Ляпуновымъ, погибаетъ отравленный Царемъ Василіемъ. Сильно и энергично работали оба брата Ляпуновы, Прокопій и Захаръ, но въ то же время очень неосторожно и неосмотрительно: чтобы спасти землю—они были готовы на все, даже на признаніе Владислава, и путаясь съ разными авантюристами, пали жертвой вѣроломства казаковъ.

Противъ обнаруженнаго желанія нѣкоторыми дѣятелями помочь землѣ нашей при помощи иностранцевъ, подымаются голоса, и особенно изъ Смоленской земли, отлично по мѣстоположенію своему знавшей и поляковъ и Западъ. По всей Русской землѣ пошли грамоты примѣрно такого содержанія:

— Не думайте, не помышляйте, чтобы королевичъ былъ Царемъ на Москвѣ! Всѣ люди въ Литвѣ и Польшѣ не допустятъ этого. У нихъ въ Литвѣ положено, чтобы всѣхъ лучшихъ людей у насъ вывести, и овладѣть всей Русской землею.

Эта проповѣдь не осталась втунѣ. Появляются носители идей чисто національнаго избавленія отъ страшныхъ бѣдствій. Игуменъ Троице-Сергіевской лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ разсылали по всей землѣ грамоты съ изъясненіемъ политическаго момента, игравшія роль современной прессы.

Русскую землю, страдавшую отъ натиска Запада—спасъ Востокъ, и своимъ выступленіемъ рѣшилъ впредь многія проблемы Русскаго государ-

ственнаго образованія. Къ востоку отъ Москвы, въ Нижнемъ Новгородѣ, нѣкто Кузьма Мининъ, — „художествомъ говядарь", то есть мясникъ, совмѣстно со спокойнымъ, и не участвовавшимъ въ междуусобицахъ и политическихъ перелетахъ уважаемымъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, подымаетъ то ополченіе, которое, присоединившись къ уже стоявшимъ подъ Москвой, придаетъ имъ руководство, мудрую политическую выдержку, государственные тактъ и смыслъ.

Кузьма Захарычъ, дѣлалъ свое дѣло средствами чрезвычайно мудрыми и практическими. Онъ выдвинулъ на постъ вѣдающаго ополченіемъ князя Дмитрія Михайловича, какъ человѣка съ незапятнаннымъ именемъ. Но нужно было еще человѣка, отъ котораго бы болѣе всего висѣлъ весь успѣхъ ополченія — „вѣдать казну на жалованье ратнымъ людямъ". Выбрали Минина. Человѣкъ торговый и потому практическій, понимая отлично, что на одномъ „порывѣ" далеко не уѣдешь, онъ сказалъ:

— Если такъ, то составьте приговоръ, и приложите къ нему руки, чтобы слушаться меня во всемъ и князя Дмитрія Михайловича, ни въ чемъ не противиться, давать денегъ на жалованіе ратнымъ людямъ; а если денегъ не станетъ, то я буду силою брать у васъ животы, женъ и дѣтей въ кабалу отдавать, чтобы ратнымъ людямъ ни въ чемъ скудости не было.

И дѣйствительно, круто расправлялся Мининъ. Приговоръ этотъ тутъ же былъ отосланъ князю Пожарскому, на сохранность. Мининъ обложилъ всѣхъ поголовно пятою деньгою, то есть 20% налогомъ. Ни отсрочекъ, ни льготъ не было. Тутъ дѣйствовалъ старый татарскій обыкъ взысканія податей. Были посланы оцѣнщики, и неимущихъ отдавали въ кабалу богатымъ, тѣмъ, кто вносилъ за нихъ слѣдуемое.

Пожарскій, идя на Москву древнимъ путемъ, Волгой, собирая отовсюду ополченіе, опасался все же итти слишкомъ быстро къ Москвѣ, покамѣстъ подъ ней стоятъ казаки съ княземъ Трубецкимъ и съ Заруцкимъ. Онъ не безосновательно опасался ихъ вѣроломства и буйства, и понималъ, что только его земское ополченіе является залогомъ безнасильнаго государственнаго порядка. И что опасенія его были справедливы, показываетъ то обстоятельство, что Заруцкій подсылалъ убить его, главу національнаго ополченія!

25 октября 1612 года русскіе ополченскіе полки входили въ Кремль. 21 декабря была разослана грамота о съѣздѣ въ Москву лучшихъ людей для выбора Царя. Настроеніе было таково, что фраза — „у насъ того и въ умѣ нѣтъ, чтобы выбирать иностранцевъ"—стала общей фразой.

14 марта въ Костромѣ согласился сѣсть на царство молодой Михаилъ Романовъ.

Царская идея, осѣнявшая властную голову Царя Ивана, оказалась провѣренной народной волей. Въ смутную годину борьбы съ Западомъ идея эта была очищена въ страшномъ огнѣ международной борьбы и отечественныхъ испытаній. Отнынѣ Царь Московскій сидитъ на престолѣ не по захвату его правомъ сильнаго или хитраго, не по волѣ крамольныхъ бояръ, а по праву и преимуществу воли народной, избраніемъ своимъ отдавшейся волѣ самодержавной. Избраніемъ этимъ Русскій народъ показалъ, что онъ отнюдь не охуждалъ идею Царской власти, при столь отвратительной картинѣ борьбы за нее, а наоборотъ, что онъ самъ сохранилъ ее въ чистомъ видѣ тогда, когда ближайшее окруженіе оказалось неспособнымъ сохранить ее. Теперь, далѣе, Царская власть является для него властью національной; иностранецъ не можетъ быть во главѣ этого государства, учреждаемаго именно Русскимъ народомъ, вручаемаго Русскому главѣ — во главѣ этого царства становится Великороссія. Передъ этой идеей государства до нѣкоторой

степени утихомирились и бояре: Василій Ивановичъ Шуйскій сходитъ съ престола подъ настойчивымъ представленіемъ Ляпунова отъ лица всей земли. Образъ Русской земли, образъ ея блага казалось виталъ передъ его подслѣповатыми, больными глазами.

Подъемъ національнаго чувства такъ великъ въ отдѣльныхъ личностяхъ и вождяхъ, что и церковь въ этомъ фактѣ спасенія Руси отъ тяжкихъ бѣдствій по своей православной привычкѣ видитъ именно практическое доказательство истинности православной вѣры; отцы и пастыри успѣшнымъ результатомъ своей государственной дѣятельности фактически доказали, какъ Моисей чудесами, что Богъ былъ за нихъ. Понятіе „русскаго" отождествляется съ понятіемъ „православнаго", связывается съ нимъ самымъ крайнимъ внутреннимъ срощеніемъ, точно такъ же какъ нападавшій полякъ, бѣдствія отъ котораго народомъ русскимъ были испытаны на своей шкурѣ — съ „католикомъ". Религіозная нетерпимость къ иновѣрцамъ, оказывается, т. о., тѣсно переплетена съ причинами политическими.

Такъ какъ православіе всегда было религіей практическаго характера, то наряду съ его оправданіемъ черезъ спасеніе русскаго государства чрезвычайно усиливается и укрѣпляется ц е р к о в н а я т р а д и ц і я, и ея главный выразитель, о б р я д ъ, за который тѣсно держится Русскій народъ, быстро почуявшій свою національную силу. И когда противъ этой традиціи, противъ обряда, пошелъ самолюбивый и дерзкій мордвинъ—Никонъ-патріархъ, народъ не уступилъ.

Уже раньше, во время конфликта Ивана IV съ митрополитомъ Филиппомъ мы видѣли, какъ народъ, если не былъ на сторонѣ Царя, то и не сталъ за святителя, именно благодаря своей практической черточкѣ. Теперь, Никонъ, малообразованный и грубый человѣкъ, мечтавшій о возстановленіи Византійскаго двоевластія, навелъ на Русь толпы голодныхъ грековъ, кичащихся своей второсортной образованностью, и

как разъ въ то время, когда эти греки теряли всякій авторитетъ въ глазахъ нашихъ предковъ, имѣя потеряннымъ свое отечество.

„Въ XVII вѣкѣ патріархи, митрополиты, архимандриты и купчины греческіе то и дѣло ѣздили къ намъ; привозили они четки іерусалимскія, иконы, камешки отъ святыхъ мѣстъ Палестины, и взамѣнъ того получали червчатые бархаты венецейскіе, дорогіе аксамиты и алтабасы, сибирскихъ соболей, кафимскій жемчугъ и золотые ефимки. Они льстили Москвѣ, говоря, что де „къ вамъ на Москву надо ѣздить учиться благочестію".*)

Для нашихъ предковъ было очевидно, что роль Константинополя была уже окончательно сыграна. Вѣдь Константинополь давно уже былъ подъ властью мусульманъ, властью того самаго Востока, которой намъ удалось побѣдить, и противъ котораго надо было вести очевидныя войны и теперь, по побѣдоносной нашей традиціи. Церковь тамъ подвергалась всякимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ; не стало училищъ духовныхъ православныхъ, не стало греческой печати. Патріархъ былъ на положеніи чуть не арендатора Константинопольскихъ храмовъ, и въ своемъ званіи учреждался султанскимъ фирманомъ. Грекамъ пришлось со всѣми своими учебными заведеніями перебираться на Западъ, въ Римъ, гдѣ господствовалъ католицизмъ, и гдѣ имъ тоже не было особеннаго хода. Для того, чтобы получить серьезное богословское образованіе, грекамъ приходилось отрекаться отъ православія, и принимать католичество, или даже протестанство; даже возвращаясь впослѣдствіе къ православію, они разносили по всему Востоку идеи, заимствованныя изъ іезуитскихъ и протестантскихъ школъ. Грековъ же, все же желавшихъ тамъ учиться, было столько, что папа Григорій XIII въ концѣ XVI вѣка устроилъ въ Римѣ для грековъ спеціальную коллегію, въ которой, между прочимъ, воспитывались и главные дѣятели Никоновской реформы—Арсеній-грекъ

*) Мельниковъ-Печерскій, томъ VI, стр. 11.

и Паисій Лигаридъ. Греки, не имѣя, какъ сказано, собственной печати, должны были печатать свои книги только на Западѣ, въ латинскихъ типографіяхъ Рима, Венеціи и Парижа, гдѣ книги эти проходили поэтому черезъ руки оо. іезуитовъ. Патріархъ Константинопольскій Кириллъ Лукарисъ хотѣлъ было устроить самъ типографію въ Константинополѣ, но это ему не удалось по проискамъ тѣхъ же іезуитовъ. При печатаніи греческихъ книгъ іезуиты дѣлали всяческія искаженія и даже подлоги въ пользу церкви латинской. Сами греческіе іерархи, бывавшіе на Москвѣ, сказывали объ этомъ. Ѳеофанъ, митрополитъ Палеопатрскій, посланный на Москву патріархомъ Константинопольскимъ и Соборомъ, въ поданной въ 1645-мъ году челобитной Царю заявляетъ: — Буди вѣдомо, державный Царь, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и бореніе отъ еретиковъ, понеже имѣютъ папежи и лютери греческую печать и печатаютъ повседневныя богословныя книги святыхъ отецъ, и въ тѣхъ книгахъ вѣщаютъ лютое зеліе,—поганую свою ересь... И смущаются многіе въ умахъ, прочитающи тѣхъ составленныхъ книгъ и надѣются, что такое есть составленіе святыхъ отецъ, и падаютъ и погибаютъ...

Начиная съ конца XVI вѣка наши предки, имѣя неопровержимыя доказательства о состояніи греческой церкви, а въ частности свидѣтельство о состояніи греческаго духовенства, стали относиться къ грекамъ осторожно и даже подозрительно. Всевозможныя пороки и преступленія, безнравственность іерарховъ церкви, интриги, неправды, все это зло до такой степени разъѣло греческую церковную жизнь, что іерархи изъ за соперничества не брезгали и убійствами, абы только убрать съ дороги, кого нужно. Всѣ эти непорядки въ греческомъ церковномъ мірѣ приводили нашихъ предковъ въ ужасъ. И ко всему этому нужно прибавить особую кичливость греческой іерархіи предъ русской. Греки и послѣ паденія Византіи хотѣли оставаться опекунами надъ Русью и на Русь смотрѣли, какъ на некультурную, дикую страну. А Русь,

принявъ изъ Греціи православіе, положивъ его совмѣстно съ другими элементами въ основу образовавшагося огромнаго государства, претворивъ его сообразно своему происхожденію, видя непорядки и преступленія въ греческой церкви, потерявшей свое достоинство, старалась порвать съ ней всяческую связь, учреждая патріаршество на Руси, какъ завершеніе Русской церкви. Изъ исторіи установленія Московскаго патріаршества, въ предисловіи къ „Славянской Кормчей“, изданное въ первые годы патріаршества того же Никона, видно, какъ трудно было это дѣло.

И противъ этого крѣпкаго тѣла русской церкви, правда, кроющейся въ своеобразномъ вѣрованіи и пониманіи народа, уже имѣющей корни въ національномъ самосознаніи нашемъ, съ особымъ характеромъ практицизма и преобладаніи обряда въ ней, Никонъ неосторожно, неосмотрительно, „дуромъ“ повелъ борьбу, опираясь на авторитетъ именно греческихъ ученыхъ, требуя исправленія старопечатныхъ русскихъ книгъ по греческимъ подлинникамъ, требуя измѣненія обычнаго обряда.

Трудно даже понять, почему въ нашей интеллигенціи такъ популярно дѣло Никона. Вѣрно потому, что онъ проповѣдывалъ „новыя идеи“ и стоялъ за „грамотность“. А можетъ быть и потому, что не сочувствовать Никону—значило сочувствовать расколу, этому азиліуму русскаго національнаго духа.

Передъ наступленіемъ Великаго поста 1653-го года Никонъ разослалъ по всѣмъ церквамъ Московскимъ слѣдующую память:

— по преданію св. Апостолъ и св. Отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны. Еще тремя персты бы есте крестились!

— Мы же задумались, сошедшеся между собой, говорить по этому поводу протопопъ Аввакумъ, видимъ — зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали...

Дальше Никонъ объяснилъ, что книги на Руси неправильны и ина у русскихъ литургія и крестъ.

За свои убѣжденія народъ нашъ оказалъ сильнѣйшее сопротивленіе, и на сопротивляющихся было воздвигнуто не менѣе энергичное гоненіе и терроръ, а между тѣмъ проводимое тѣмъ временемъ исправленіе книгъ шло съ характерными курьезами. Былъ посланъ на Востокъ нѣкій старецъ Арсеній Сухановъ, дабы онъ изучилъ тамъ греческіе обряды и обычаи, да привезъ бы для печатнаго двора древнихъ рукописей. Но его возвращенія не дождались, какъ не дождались и его отзыва объ греческихъ нравахъ, и въ его отсутствіе былъ выпущенъ съ печатнаго двора Служебникъ, печатанный съ греческаго подлинника венеціанской печати. А Арсеній Сухановъ, вернувшись, объ этихъ самыхъ грекахъ отзывался такъ:

— А у грековъ ходятъ женщины по франкски (то есть по французской модѣ, въ противоположность турецкимъ женщинамъ, точно такъ же, какъ и русскимъ, закрытымъ фатой), рубашекъ не застегиваютъ, груди всѣ голы, вся шея до сисекъ нага, и держатъ они шею и сиськи чисто гораздо, якобы для прелести. И такъ ходятъ не токмо жены, но и дѣвицы. И женятся греки у франковъ, а франки у грековъ (то есть роднятся съ католиками).

И вотъ эти самые греки и должны были „исправлять" священное писаніе. Исправлять то, чѣмъ спасались и жили подвижники, молитвенники чудотворцы и строители Русской земли.

Надо сказать, что исправленія, производимыя греками, плохо знавшими славянскій языкъ, бывали иногда глубоко невѣжественны и неудачны. Напримѣръ, въ чинѣ освященія воды на праздникѣ Богоявленья мы видимъ въ Великой эктиньѣ такой возгласъ — О еже быти водѣ сей приводя-

щей въ жизнь вѣчную — Господу помолимся! А выправлено это мѣсто было такъ: — О еже быти водѣ сей скачущей въ жизнь вѣчную Господу помолимся! — Далѣе, въ службѣ Благовѣщенію Пресвятой Богородицы въ старыхъ книгахъ напечатано: — Являвшимися, яко человѣкъ, рече нетлѣнная отроковица къ Архистратигу и вѣщаши глаголы паче человѣка... не познахъ бо мужа... како убо отроча рожду? — А въ новомъ исправленномъ видѣ было напечатано: — не познахъ бо сласти, како убо отроча рожду?.. и т. д.

Въ недѣлю Православія 1656-го года на торжественномъ богослуженіи въ Кремлѣ, въ Успенскомъ Соборѣ въ сослуженіи трехъ патріарховъ — Никона Московскаго, Макарія Антіохійскаго, Гавріила Сербскаго, во время анафематствованія, патріархъ Макарій, вставъ передъ Царемъ, воскликнулъ, поднявъ троеперстіе:

— Сими тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ преображати на своемъ лицѣ крестное знаменіе; а иже кто по Ѳеодоритову писанію и ложному преданію творитъ (то есть двумя перстами), проклятъ есть! *)

За этимъ византійскимъ гостемъ выступили другіе гости — сербскій Гавріилъ и Антіохійскій митрополитъ Григорій и повторили то же самое.

На это насиліе со стороны князей церкви народъ отвѣтилъ сильнымъ и по существу справедливымъ протестомъ, который въ сущности увелъ въ „расколъ" всю живую силу церкви. Глава церкви оказался не соотвѣтствующимъ ея вѣковому и свободному особому духу, духу русскаго православія, чуждымъ ея традиціи, и вотъ почему ее, лишенную животворной силы традиціи, этой „связи мертвыхъ съ живыми" (Ж. де Местръ), такъ легко обезглавилъ Царь Петръ,

*) Исторія Русской Церкви Макарія, стр. 180.

всего черезъ пятьдесятъ лѣтъ, и превратилъ въ блѣдный призракъ офиціальнаго православія.

Пали крѣпкіе устои, что давали государству Московскому митрополиты Петръ, Алексій и Іона, потеряли свое государственное оформленіе движущія силы народной души, исключительно изъ за своенравныхъ дѣйствій лицъ царскаго окруженія.

— Православный государь, говорили тогда на Москвѣ, за многія неправды польскаго короля и пановъ рады и всей Рѣчи Посполитой съ помощью Божіей и своимъ государевымъ счастіемъ отмщеніе чинитъ и храбрствомъ своимъ, доброхотствомъ же и многою службою и кровавыми ранами и потомъ христолюбиваго воинства православныя церкви отъ прелестнаго папежнаго насилія боронитъ, а на Москвѣ сидитъ мордвинъ и всѣмъ царствомъ мутитъ, держа руку государевымъ злодѣямъ и послѣдуя богоотметному Римскому костелу — такъ писали раскольники въ тѣ времена. И шелъ по Руси страшный кличъ:

— Поляки да Римскій костелъ хотятъ черезъ врага Божія Никона замутить Русскую землю!

Когда послѣ Собора 1656-го года было приказано отбирать повсюду старыя книги, народъ заговорилъ: — На то ли боронили мы отъ польскихъ людей и русскихъ воровъ святоотеческую православную церковь, чтобы съ Никономъ вѣроотступникомъ зловѣрію послѣдовать, и впадше въ смрадную яму еретичества, душами и тѣлесами погибнуть?—

— Теперь старыя книги — не въ книги. По этимъ книгамъ святые отцы Богу угождали, а теперь онѣ негодны стали? Кто же святѣе, кто правѣе, — святые отцы и преподобные, или Никонъ?, говоритъ современная раскольничья рукопись „Пореченія на новоявленныхъ Арія, Несторія и Діоскора, рекше — Никона-патріарха“.

Неистовствовалъ Никонъ, неистовствовалъ Аввакумъ, вотъ впечатлѣніе, которое мы вообще сохраняемъ отъ тѣхъ дней. Но мы должны объяснить эти неистовствованія въ пользу старообрядчества, какъ мудрую боязнь иностранщины, какъ осторожное храненіе успѣшной старины, наперекоръ дикой, одинокой волѣ полѣзшаго на царство малограмотнаго монаха.

Миловановъ, какъ мы видѣли, въ это примѣрно время протягиваетъ свою предпріимчиво дерзкую руку на Пекинъ, — столь безотказно успѣшно распространеніе на Востокъ. Восточная картина роста Московскаго обаянія повторяется при Алексѣѣ Михайловичѣ и на Западѣ. На Западѣ сражавшаяся за прежнія русскія земли и за русское вліяніе православная русская вѣра и въ дѣятельности Константина Острожскаго и въ дѣятельности Богдана Хмѣльницкаго — разными путями, а настойчиво говорила объ необходимости возвращенія въ усиленное православное государственное лоно для исконныхъ этихъ нашихъ земель, до поры до времени носившихся неудержимо по волѣ историческихъ вѣтровъ, но неутомимо боровшихся противъ Флорентійской уніи и разныхъ попытокъ окатоличиванія. Тѣнь Ивана Калиты идетъ теперь по Западу, то откупая земли у Шведовъ, то сговариваясь и хитря съ поляками, покамѣстъ, наконецъ, раздавшійся кличъ казачьей рады — „волимъ подъ Царя Восточнаго, Царя православнаго", наперекоръ, быть можетъ, слишкомъ медлительной и неудачной дипломатіи и политикѣ, возвращалъ теперь носительницѣ русской идеи — Москвѣ эти русскія земли, и Украину, и Сѣверную, и Смоленскую. Москва шествовала на Западъ, преодолѣвъ всѣ его попытки взять Москву, итти на Востокъ. Это результатъ самосознанія русской націи, выразившагося въ преодолѣніи Смутнаго времени.

Но не тѣмъ возвращался москвичъ въ эти земли, какимъ онъ когда то, почти шесть вѣковъ тому назадъ изшелъ

изъ этихъ мѣстъ. И не тѣ были земли, къ которымъ онъ возвращался теперь. Въ его древнихъ земляхъ господствовало Магдебургское право, а онъ воспитанъ оказался на томъ, чего доходили лишь сюда одни отклики черезъ Турещину, черезъ южныя наши степи.

Вотъ почему возвращенныя Руси древнія ея земли остались отдѣленными отъ насъ, великороссовъ, нѣкіимъ яснымъ швомъ, остались Россіей Малой, что особенно ясно сказалось въ наше время, когда идея Москвы оказалась въ вихрѣ революціи забытой.

— Что же могло быть тогда противопоставлено подрумяненной, подштукатуренной идеѣ Львова и Галича, идеѣ неудачнаго короля Данилы?

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ И ПЕТЕРБУРГЪ.

Императоръ Петръ I-ый, по его собственнымъ вышеуказаннымъ словамъ, продолжалъ политику Ивана Грознаго. Въ Петровское царствованіе, какъ и въ предшествующія царствованія ставились тѣ же задачи, задачи подчиненія Москвѣ исторически тянущихъ къ ней областей. Присоединеніе Балтійскаго побережья, уже принадлежавшаго намъ прежде, было такимъ же дѣйствіемъ, какъ и присоединеніе Малороссіи. Существованіе тамъ русскихъ поселеній и русскихъ вліяній въ началѣ второго тысячелѣтія нашей эры давало намъ извѣстное право на это. Позднѣйшее возникновеніе тамъ нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ и послѣдующее складываніе своеобразныхъ національныхъ культуръ вродѣ эстонской, латышской, и т. д., обусловливало извѣстную болѣзненность этого возсоединенія, обусловливало извѣстную отъединенность населенія отъ Московской Россіи, точно такъ же, какъ Магдебургское право, господствовавшее на Украинѣ и ея латинизація до извѣстной степени отдѣляли государственный типъ украинца отъ москвича, и вообще— отъ р у с с к а г о типа. Богданъ Хмѣльницкій имѣлъ всѣ основанія итти подъ Царя Московскаго, православнаго, но и Мазепа имѣлъ свои основанія туда не стремиться.

Эта общая присоединительная политика вообще закончилась присоединеніемъ къ Русской землѣ Новороссіи, Польши, Финляндіи и Среднеазіатскихъ областей и Кавказа. Россія въ XIX вѣкѣ наконецъ прочно встала въ тѣ рамки, естественныя географически и исторически, въ которыхъ нашелъ ее ея послѣдній періодъ—начало Великой Войны, 1914-ый годъ. Развѣ только Константинополь да Галиція еще оставались намъ, какъ послѣднее завершеніе историческихъ нашихъ задачъ, истолкованныхъ превратно въ качествѣ руководящей цѣли славянофилами XIX вѣка и въ качествѣ призрачныхъ ведущихъ цѣлей стоявшихъ передъ нами въ Великой Войнѣ, въ то время, какъ эти цѣли могли быть только эпигонами дѣла Московскихъ Ивановъ.

Въ присоединительномъ, такимъ образомъ, отношеніи, Петръ I повторялъ линію, взятую издавна Москвой; но въ другомъ отношеніи онъ былъ безусловно первымъ. Онъ воевалъ уже не за тѣ неотчетливыя, путаныя границы, которыя уже своимъ постояннымъ перемѣщеніемъ съ мѣста на мѣсто указывали на шаткость „принадлежности" тому или иному государству, Польшѣ или Москвѣ, покамѣстъ этого колебанія не разрѣшила окончательно накопленная сила; онъ выступилъ съ особенной борьбой за особенные постоянные рубежи, за **море**, на берегахъ котораго сидѣла уже интенсивно-культурная предъ-Европа. Борясь за моря, Петръ Алексѣевичъ проходилъ въ первые ряды культурныхъ народовъ, сидѣвшихъ по берегу морскому, тогда какъ до той поры наша судьба была связана съ **рѣками**. Этимъ онъ на первый планъ ставилъ **центробѣжное общеніе** наше, вмѣсто **центростремительной Московской замкнутости**.

Къ этому времени, какъ мы видѣли, Москва уже выработала національное самосознаніе. Бѣлый Царь пересталъ быть уже исключительно грознымъ восточнымъ владыкой, Цаганъ Ханомъ, а сталъ прежде всего Бѣлымъ Русскимъ Царемъ. Петръ Первый, скача отъ заговора въ одномъ бѣльѣ ночью

на конѣ въ Троице-Сергіевскую лавру не могъ къ этому національному сознанію не прибавить еще одного — сознанія своей самодержавной власти поколебленной и оскорбленной крамолою, кровавыми бунтами стрѣльцовъ, интригами царевны Софьи. И Петръ не могъ не вспоминать Ивана Грознаго.

Онъ отчетливо проложилъ свой жизненный путь. Онъ сѣлъ на отеческій престолъ какъ Царь Московскій и Самодержецъ вся Руси, какъ Бѣлый Ханъ, какь титуловалъ его современникъ, китайскій императоръ Канъ-хи.

Тѣмъ болѣе крѣпко и наши предки держали представленіе о могуществѣ своего государя. Только отсюда могутъ быть поняты столь извѣстныя въ исторіи нашихъ посольствъ заносчивость, чванство, высокомѣріе, которыя такъ ярко проявлялись у нашихъ пословъ. Уклончивые и невѣрные, согласно понятіямъ европейскимъ, хитрые по азіатски, они всегда оказывались непоколебимыми, гдѣ шла рѣчь о дѣлѣ Государевомъ, и еще больше—объ его чести. И загаженныя помѣщенія нашихъ посольствъ въ иностранныхъ земляхъ — смѣшное выраженіе этой азіатской уклончивой дерзости.

При всемъ нашемъ желаніи намъ трудно даже вообразить теперь, сколь высоко стоялъ образъ Царя въ душахъ нашихъ предковъ, и какъ наглядно они умѣли выразить это. Извѣстно, напримѣръ, какъ бояринъ Власьевъ, поѣхавшій съ посольствомъ отъ Дмитрія къ Маринѣ, и представлявшій его на заочномъ обрученіи, никакъ не хотѣлъ коснуться руки будущей царицы. Въ 1767 году, во время посѣщенія Императрицей Екатериной II-ой Нижняго Новгорода, какая то мѣщанка была ею щедро одарена за то, что скинула съ себя платокъ и подстелила его ей подъ ноги, когда вѣтромъ завернуло красное сукно. Считать это „рабствомъ“, „низкопоклонничествомъ“, „забитостью“—значитъ не видѣть совершенно тѣхъ ординатъ, по которымъ строилось Русское Государство.

Суммируемъ понятіе Царя такъ, какъ, неизмѣняясь оно доходитъ въ народѣ до нашего, примѣрно, времени. Государь—полный хозяинъ всей земли—земля царская; во всемъ властны Богъ да Царь. Службы его нельзя избыть, и служба его приноситъ честь. За службу жалуются помѣстья, и помѣщики, и крестьяне, сидящіе на землѣ, прикрѣплены къ ней не для ради рабства, а для того, чтобы не шатались и правили службу; отсюда свободолюбіе нашего народа, подмѣченное Пушкинымъ въ его великолѣпномъ уничтожающемъ отвѣтѣ Радищеву. Страсть къ скитаніямъ—всегдашняя страсть русскаго народа; на нашихъ глазахъ, среди уже сложившихся государственныхъ соотношеній мы видимъ бродячія Руси—каторжную, богомольческую, переселенческую; онѣ чрезвычайно популярны, эти Руси; такъ пѣсни каторги поются всей интеллигенціей, переселенцы постоянно взыскуютъ мифическихъ Бѣлыхъ Водъ или Зеленой Поляны, а богомольная Русь слушаетъ ночные звоны въ святомъ озерѣ Китежѣ, или же мѣритъ лапотками ровные безгорные просторы Европейской Россіи; теперь къ этимъ Россіямъ нужно добавить, еще одну — Русь бѣженскую.

Страсть къ этимъ передвиженіямъ такъ велика у нашего народа, что благословеніе для Запада—земельная собственность—оказывается чуть ли не проклятіемъ для него. Тяжка вообще и служба: извѣстны указы Михаила Ѳеодоровича 1640-го года, которыми запрещалось вступать служилымъ людямъ въ холопы, и такимъ образомъ въ рабскомъ состояніи избѣгать служебныхъ тягостей.

Вотъ почему указъ о вольности дворянской Павла I-го такъ же раскрѣпощаетъ дворянство, какъ указъ 1861-го года—крестьянство.

При такомъ положеніи вещей предъ Царской властью трудная задача—такъ использовать свои прерогативы, силь-

ныя и твердыя, чтобы своими повелѣніями, хотя бы и направленными ко благу, не сломать своеобразный укладъ страны. Власть до-Петровскихъ Царей-мужиковъ, хотя по своей могущественности равная чуть не Божеской, держала, однако, себя, какъ власть высшая, которой неслѣдъ мѣшаться въ мелкія мірскія дѣла. При ней множество дѣла шло самотекомъ, шло обычаемъ, и выигрывало при этомъ, при всей странности таковыхъ обычаевъ, именно въ безболѣзненности для населенія и въ несоблазнительности для него же. Царскій же голосъ вѣщалъ только „велику скорбь или великій праздникъ“. Русское самодержавіе, такъ же какъ и монголы, давая большой просторъ личной жизни и дѣятельности, не ставило себя моральныхъ задачъ, а оставляло ихъ всецѣло на долю учительной примѣромъ православной церкви, тоже чрезвычайно снисходительной къ грѣшникамъ; оно выбирало себѣ другое дѣло—объединеніе земли и охрану ея относительнаго спокойствія. Обычай господствовалъ на Русской землѣ, и это право наиболѣе тонко подходило къ массамъ, а на долю правительства оставались главнымъ образомъ фискальныя и статистическія задачи.

Но самодержавная власть—власть лица. Малѣйшая ошибка таковаго — и эта власть, главный моментъ которой лежитъ въ индивидуализаціи каждаго отдѣльнаго момента, обращается въ начало безпощадно генерализирующее, обобщающее. Покуда Царь, такъ сказать, съ любовной теплотой распрашиваетъ каждаго изъ своихъ подданныхъ о его дѣлахъ, судитъ и рядитъ съ нимъ вмѣстѣ — здѣсь страшная сила его личнаго обаянія, могущая бросить отдѣльнаго человѣка и всѣхъ вмѣстѣ на огромный подвигъ. Но какъ только Царь подымается надъ этой толпой, передъ нимъ толпа, м а с с а, въ холодномъ неразличеніи убивающая отдѣльнаго человѣка, и несущая съ собой такіе тиски для него, что рядомъ съ обожаніемъ Царя непосредственно готовъ и бунтъ противъ него.

УСТРОЯЮЩАЯ ИДЕЯ ВЪ ЦАРѢ РОДИТЪ ЕГО ПЕРВОЕ ОТНОШЕНІЕ КЪ НАРОДУ; НО ГОРЕ НАРОДУ, ЕСЛИ ЦАРЕВЫМЪ СЕРДЦЕМЪ ОВЛАДѢЛА ИДЕЯ ОТВЛЕЧЕННАЯ:

самодержавіе грозитъ обернуться тогда въ самовластіе, и тѣмъ болѣе жестокое, чѣмъ отвлеченнѣе, логичнѣе та конкретная государственная идея, которая обуреваетъ въ данную минуту Русскаго Царя.

Такой идеей Петра былъ его выходъ въ Европу — во всѣхъ смыслахъ. Это Петровское дѣло до сихъ поръ вызываетъ массу разнорѣчій: двѣсти лѣтъ судятъ и рядятъ наши русскія головы и не могутъ рѣшить — дурно ли, или хорошо сдѣлалъ Царь Петръ, выйдя къ морю, — „прорубивъ въ Европу окно". Въ рѣшеніи этого вопроса, думается, надо примкнуть къ мнѣнію Льва Тихомирова, который подводя обоснованіе русской „Монархической Государственности" не съ того конца, тѣмъ не менѣе прекрасно опредѣляетъ сущность Петровской реформы. — Что бы было, говоритъ онъ, — (къ сожалѣнію цитирую по памяти), если бы Россія въ ея до-Петровскомъ видѣ, безъ войска, безъ флота, безъ промышленности предстала бы предъ лицомъ Европы — Европы Наполеона, Фридриха Великаго, Европы техники и цивилизаціи?

Варьируя обстановку, мы должны предположительно указать, что Россія въ этомъ случаѣ могла бы явиться для Европы примѣрно тѣмъ, чѣмъ для Европы явился 70 лѣтъ тому назадъ Китай, когда съ него многочисленными путешественниками была, наконецъ, сорвана маска силы, то есть сплошнымъ объектомъ вожделеній и „сферъ вліяній", полемъ дѣятельности для имперіалистической политики, мечта, кото-

рую Европа питала уже при Иванѣ IV-мъ, и которую н ѣ к о т о р ы е к р у г и в ъ Европѣ п и т а ю т ъ д о с и х ъ п о р ъ.

Петру Первому не было времени откладывать необходимый процессъ снабженія Россіи средствами противодѣйствія Европѣ — и онъ началъ эту огромную операцію съ такой же рѣшительностью, съ тѣмъ же государственнымъ размахомъ и смысломъ, съ какимъ все время нашей исторіи дѣйствовали наши Московскіе Великіе Князья.

Въ этомъ Петръ Первый началъ не только одно русское дѣло. Онъ піонеръ въ томъ огромномъ процессѣ, который до сихъ поръ происходитъ при соприкосновеніи Запада и Востока, а именно въ принятіи Востокомъ матеріальной культуры Запада. Очередь Россіи была первой въ этомъ чудовищномъ по размѣру историческомъ процессѣ, основныя линіи котораго начали вырисовываться собственно лишь въ XIX-мъ вѣкѣ, и который черезъ временную имперіалистическаго характера побѣду Европы въ смыслѣ распространенія матеріальныхъ завоеваній культуры Запада, что сопряжено съ извѣстной торговой его гегемоніей — ведетъ дальше, къ — перегруппировкѣ всей системы міровыхъ національныхъ соотношеній. Матеріальная культура дастъ Востоку силу, которая, въ свою очередь, помогаетъ національному самосознанію, которое родится изъ силы.

То, что произошло въ Россіи въ XVIII-мъ вѣкѣ, происходило затѣмъ всюду, куда врывался въ традиціонную атмосферу азіатской косности европейскій духъ раціональнаго метода. Въ Японіи это произошло въ половинѣ XIX-го вѣка, почти на нашихъ глазахъ, этотъ процессъ идетъ теперь гигантскими шагами въ Китаѣ.

Что же произошло?

Никакъ нельзя принять, какъ принято, однако, говорить, что иностранцевъ до-Петровская Русь не знала. Напротивъ того, въ Кіевскій періодъ наша земля была чуть ли на треть

иностранной. Въ Московскій періодъ мы видимъ всюду и иностранцевъ, и иностранныя наемныя войска. Съ ростомъ могущества Москвы выростало, однако, пренебрежительное отношеніе къ иностранцамъ. Мало того, что они были просто чужими, наши предки ихъ не уважали, достигнувъ равновѣсія собственнаго государства. Мы уже видѣли такое отношеніе къ „образованнымъ“ грекамъ, которые были ближе все же Москвѣ тѣхъ временъ, чѣмъ какіе либо другіе „нѣмцы“. Вообще — иностранецъ, вздумавши пріѣхать съ визитомъ къ русскому господину, рисковалъ мерзнуть на дворѣ, и дожидаться, пока хозяинъ выйдетъ на дворъ по своимъ дѣламъ, а на привѣтствіе гостя скажетъ:—тебѣ чего надобно, я отъ тебя ничего не желаю!—Или спросивши, какого гость отечества, скажетъ ему:—такой земли я и не знаю; ступай себѣ, къ кому, посланъ*).—

Темпъ жизни оставался покамѣстъ чисто азіатскимъ, восточнымъ:—„они живутъ безпечно цѣлыя вѣка, довольствуясь сами собой“,—какъ отозвался о кочевникахъ вышепоименованный святой монахъ Чань-чунь, ходившій къ Чингису. Никто не гнался за использованіемъ русскихъ естественныхъ богатствъ, экономическихъ возможностей, а наличное изобиліе ихъ складывалось въ неспѣшный, изначально-привычный бытъ, уводящій въ могилу поколѣніе за поколѣніемъ, каждое послѣдующее въ томъ же укладѣ и привычкѣ жизни, какъ и предыдущее. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, несчастный сынъ Петра Великаго, этотъ бытъ включилъ даже въ будущую программу своей дѣятельности:—Я какъ стану Царемъ, то всѣхъ старыхъ переведу, говаривалъ онъ своей любезной Афросиньюшкѣ. — Буду жить зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ. Петербургъ будетъ простымъ городомъ; я кораблей дѣлать не стану, и войны ни съ кѣмъ вести не буду; буду довольствоваться старымъ владѣніемъ!—

Но нужно отмѣтить одно чрезвычайно важное обстоятельство:—какъ бы жизнь нашего отечества не утрясалась въ

*) Костомаровъ, III, 88.

старыхъ, свободныхъ формахъ, какъ бы она не осѣдала,—все же она никогда не достигала той высокой степени культурной сработанности, прилаженности, которой достигъ тотъ же старый Китай, эта страна филигранно-отточенной традиціонности, каковая страна, быть можетъ, единственная въ цѣломъ мірѣ, въ состояніи держать въ равновѣсіи свое лишенное единой центральной воли государство. Мы слишкомъ близки были Западу, слишкомъ близки къ разгорающемуся ярко огню его специфическаго духа, чтобы всецѣло оставаться подъ властью созерцанія. Мы слишкомъ молоды для этого; своей энергіей и изворотливостью Московскіе Великіе Князья, державшіе всю страну, скорѣе близки именно къ Западнымъ безпокойнымъ энергіей личностямъ, нежели къ величавымъ фигурамъ Востока, хотя у послѣдняго и берутъ весь его древній опытъ. Поставленные въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ въ необходимость неустанно работать надъ созданіемъ нашего государства, мы такъ же были не чужды того, что, подобно тому, какъ понятіе „созерцаніе“ характеризуетъ Востокъ, въ свою очередь, своей сущностью характеризуетъ Западъ: мы были не чужды понятія изобрѣтенія. Едва ли кто лучше опредѣлилъ сущность новой Западной эпохи, какъ то сдѣлалъ Бэконъ, лордъ Веруламскій своимъ понятіемъ **artis inveniendi**.

Не для того мы отбивали наше отечество у желѣзныхъ ордъ Чингисовичей, чтобы отдавать его новой, идущей съ Запада силѣ. Страстность въ изобрѣтеніи—вотъ душа новой Европы: эта эпоха означала собой тенденцію къ постоянному привнесенію собой въ міръ, въ **summa mundi** чего то совершенно новаго, никогда до того еще не бывалаго. Означимъ терминомъ „закона природы“ извѣстную послѣдовательность явленій, наблюдаемую въ природѣ постоянно—вездѣ и всегда; изобрѣтеніе расширило область этого постоянно, вездѣ и всегда сущаго, поскольку въ каждомъ изобрѣтеніи, въ послѣдовательности обычныхъ явленій, появляется въ первый разъ новое сочетаніе явле-

ній, никогда и нигдѣ до того не бывалое. Такъ, на основѣ законовъ механики, законовъ физики появился однажды на свѣтъ первый разъ паровозъ, котораго раньше до того времени рѣшительно никогда не существовало нигдѣ, и который своимъ появленіемъ и увеличилъ эту summa mundi.

Правда и Азія, хотя бы черезъ того же Марко Поло дала Европѣ, какъ мы видѣли, рядъ изобрѣтеній, хотя бы тотъ же компасъ; но надлежитъ для Европы признать характернымъ именно эту страсть къ новому. Это новое, оказывающееся сдѣланнымъ человѣческими руками, обусловленное извѣстной цѣлью, требующее для своего воплощенія извѣстной энергіи, и матеріальной и моральной,—все это въ конечномъ результатѣ даетъ человѣческую культуру въ современномъ смыслѣ этого слова. Для возможности такого результата ему предшествуетъ точное познаніе вещей. Появившаяся Encheresin Naturae, свободная наука становится принципомъ, который въ свободномъ изслѣдованіи борется съ цѣлой массой старыхъ пережитковъ, традицій, мѣшающихъ научному зоркому взгляду. Знать Природу—значитъ управлять ею.

Эпоха Возрожденія, начало новой Эпохи была встрѣчена весьма торжественно Европой; по современнымъ разъясненіямъ, она знаменовала выходъ человѣчества изъ подъ темныхъ, наполненныхъ фантазмами готическихъ сводовъ средневѣковаго кафедрала къ голубымъ лукоморьемъ Эллады, гдѣ божественный язычникъ Гомеръ пѣлъ о простыхъ вещахъ. Но если новый человѣкъ Европы въ бурномъ искусствѣ Ренессанса нашелъ себѣ исходъ изъ узкихъ переулковъ средневѣковаго города въ лѣсъ, въ поле, въ природу—то вѣдь мы то всегда находились тамъ—въ полѣ въ лѣсу, въ природѣ; вѣдь мы до сихъ поръ не имѣемъ этой традиціи, что пожалуй больше отличаетъ насъ отъ Европы, нежели что либо другое. Вотъ основаніе, почему нашъ Царь Петръ оказался болѣе радикаленъ

въ новыхъ вещахъ, нежели какой либо иной человѣкъ изъ Европы, а съ нимъ оказались радикальны и мы.

Мы не можемъ сомнѣваться, что мы приняли бы культуру Запада, если бы даже у насъ и не было бы Петра Великаго: знали же мы давно рейнскія вина и шелковые чулки. Зазнали бы такъ же неспѣшно и паровозы, и аэропланы, какъ утѣшную новинку чужихъ хитрыхъ западныхъ людей, вродѣ того исполинскаго увеличительнаго стекла, которое подносило въ Москвѣ посольство Олеарія. Но мы тогда опоздали бы къ схваткѣ съ Европой, которая въ лицѣ той же Польши готова была издавна ползти на востокъ. Историческій случай, историческое счастье, или, можетъ быть историческое Провидѣніе спасло Россію, давъ ей на престолъ такого Царя, какъ Петръ Великій, который построилъ на востокѣ Европы несокрушимую Русскую стѣну, наше государство.

Сынъ Тишайшаго, Петръ Алексѣевичъ, Царь Московскій, неограниченный самодержецъ огромнаго царства, перегнувшагося черезъ Уралъ изъ Европы въ Азію, самъ оказался *новымъ человѣкомъ* въ европейскомъ смыслѣ, и СУМѢЛЪ ПРЕДУПРЕДИТЬ ДЛЯ НАСЪ ВОЗМОЖНУЮ ОПАСНОСТЬ БЫТЬ ЗАГНАННЫМИ ОБРАТНО ЗА УРАЛЪ, ВЪ АЗІЮ, И СУМѢЛЪ ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ СОХРАНИТЬ АЗІАТСКІЕ НАВЫКИ НАШИ, СОЗДАВШІЕ РОССІЮ ВЪ ТОМЪ ВИДѢ, ВЪ КАКОМЪ МЫ ЕЕ ЗНАЕМЪ.

Платонъ думалъ о государствѣ, управляемомъ философами. Подъ Петромъ І-мъ Русь стала *государствомъ, управляемымъ изобрѣтателемъ*. Недаромъ Лейбницъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ человѣчества велъ переписку съ Петромъ и собирался ѣхать къ нему работать.

Петру не приходилось выходить изъ подъ темныхъ сводовъ соборовъ, затѣмъ, что соборовъ со значеніемъ, аналогичнымъ европейскимъ, вообще не было на Руси. Въ этомъ

отношенiи онъ вполнѣ походитъ на Чингиса, творившаго подъ открытымъ небомъ, своимъ отцомъ Тенгри; Петръ Первый творитъ свое царство среди покосившихся избушекъ, о которыхъ столь скорбѣлъ Чаадаевъ. Радѣя о пользѣ государственной, онъ мыслилъ простыми, ясными, какъ геометрическiй чертежъ, схемами. Гамлетъ наоборотъ, онъ нечеловѣческой своей волей завязывалъ новые узлы дѣйственныхъ начинанiй.

Сущность Петра великолѣпно выражаетъ картина Сѣрова, на которой онъ изображенъ шагающимъ противъ сильнаго вѣтра, противъ косого дождя, по новой недостроенной еще набережной новаго города, въ полномъ контрастѣ съ гнущимися подъ вѣтромъ, укутанными въ плащи спутниками своими.

И когда Петръ Алексѣевичъ прорубилъ это знаменитое окно въ Европу, мы въ этомъ окнѣ не увидали ничего, кромѣ широкой спины самого Петра.

Петръ Алексѣевичъ велъ войны, но только постольку, поскольку это было надобно. Для него война оставалась „политикой, но съ иными средствами“, и заключалась эта политика въ присоединенiи нужныхъ областей. А главной его заботой было торопиться за растущимъ неимовѣрно Западомъ: поэтому онъ старался, чтобы всѣмъ государственнымъ установленiямъ придать характеръ не только поспѣванiя за потребностями, но — гораздо болѣе — характеръ предупреждающiй потребности, организующiй по преимуществу.

Размахъ работъ, предпринятыхъ Петромъ — неслыханъ. Для крестьянъ возникаютъ новыя крѣпостныя работы — постройка Петербурга. Представьте себѣ эти толпы въ десятки тысячъ человѣкъ, пѣшкомъ бредущими по топкимъ дорогамъ Россiи на Государево дѣло со всѣхъ сторонъ, чтобы на гибломъ мѣстѣ, на болотѣ строить городъ св. Петра, „пара-

дизъ". Такъ въ началѣ 1712-го года потребовалось для постройки парадиза 40.000 человѣкъ. Со всѣхъ губерній взято было деньгами 120.000 рублей, да еще 22.000 на выдѣлку кирпича. Въ 1714-мъ приказано было согнать народу еще 34.000 человѣкъ. Въ томъ же году перепись показала число домовъ въ Питербурхѣ въ 34.000.

Это было страшною, нечеловѣческою работою создавать единой волею то, что на Западѣ создавали вѣка и труды поколѣній — города. Это было отяготительной обязанностью, но Петръ показывалъ и внутренній смыслъ этой обязанности. Въ тѣхъ указахъ Сенату, икоторые находились въ „зерцалахъ" во всѣхъ нашихъ прсутственныхъ мѣстахъ для вразумленія государственныхъ работниковъ, онъ набрасываетъ заповѣди, какъ надлежитъ свободно, а не по принужденію радѣть о пользѣ государевой и отечественной. Равнымъ образомъ, и въ побѣдоносной уже арміи нашей, которая отнынѣ должна была стать „великой молчальницей", появляется тотъ изумительный текстъ присяги солдата, наставленіе, какъ дѣйствовать честному, храброму, расторопному Россійскому солдату надлежитъ, написанный самимъ Петромъ.

Русская армія до послѣдняго времени жила этой присягой, которая воспитала не одинъ десятокъ милліоновъ нашихъ прекрасныхъ солдатъ. И въ зерцалѣ, и въ текстѣ присяги выражается лихорадочный, зовущій ликъ Царя. Кто же можетъ спорить противъ того, что Петровское дѣло — промышленность, наука, ремесла, торговля, войско и флотъ были нужны для Россіи?

Для такой работы нужны были Царю и работники. Эти работники должны были быть совершенно особаго склада — прежнее время такихъ не знало. Такъ появляются „птенцы гнѣзда Петрова"; зачастую онъ отыскиваетъ ихъ среди случайнаго званія людей. Не обинуясь, прибѣгаетъ онъ къ услугамъ иностранцевъ, которые съ этого времени перестаютъ быть жителями чужой Нѣмецкой слободы, этого Гетто старой Москвы.

Изъ этихъ людей, постепенно и, можетъ быть, мучительно складывался тотъ новый типъ новыхъ русскихъ людей, который такъ полно запечатлѣлся въ Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ. Отнынѣ у престола должны стоять не покорные, безсловесные рабы, не буйные бояре, только то и наровящіе, чтобы урвать власти въ свою пользу, а отважные, рѣшительные сотрудники Царя изъ его подданныхъ. Примѣръ Царя породилъ цѣлыя поколѣнія новыхъ людей, которые и укрѣпляли нашъ плацдармъ противъ Европы.

И все же Петръ оставался восточнымъ владыкой, предъ которымъ всѣ равны въ общей поравнительной унизительности, который при всей своей недосягаемости и близокъ всѣмъ, и ровенъ всѣмъ, какъ для всѣхъ ровно и близко недосягаемое солнце. И все равно многимъ приходилось очень туго, когда на нихъ падалъ нервный, черный взоръ Петра.

Туго пришлось при Петрѣ и духовенству, какъ именно основоположному представителю стараго направленія.

Мы видѣли, какое горячее участіе въ нашей государственной жизни принимали три святыхъ московскихъ митрополита. Суровый патріархъ Ермогенъ много помогъ своимъ авторитетомъ во время интригъ поляковъ на Москвѣ. Извѣстна роль Троице-Сергіевской лавры въ Смутное время; и все же, политическая роль духовенства нашего въ исторіи не разработана съ достаточною ясностью.

Можно сказать, что по мѣрѣ того, какъ Московское государство находилось въ той стадіи своего существованія, которая была наполнена борьбой, неизвѣстностью, мы находимъ среди дѣятелей изъ духовенства горячее участіе и рѣшительность въ дѣлахъ государственныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ держава Россійская росла и укрѣплялась, ширилась, по мѣрѣ того, какъ рецепировались съ Запада нормы изъ Византіи и Рима, мы видимъ нашу церковь вступающую въ борь-

бу за свое непосредственное участіе въ государственной власти. Нельзя сказать, что владыки дѣлали это всегда въ достаточной мѣрѣ искустно: патріархъ Іовъ поддерживалъ всяческія домоганія Бориса Годунова, грекъ Ипатій, епископъ Кипрскій, призналъ самозванца, и наконецъ патріархъ Филаретъ, въ молодости элегантный щеголь, немало времени проведшій въ ссылкахъ и польскомъ плѣну, гдѣ и насмотрѣлся на бытъ католическихъ князей церкви, прямо устремился къ овладѣнію мечемъ свѣтскимъ, наряду съ мечемъ духовнымъ пользуясь своимъ положеніемъ Государева отца. Титулуясь Великимъ Государемъ, онъ фактически правилъ съ сыномъ своимъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и принесъ на Москву первый столь памятное византійское двоевластіе. Никонъ въ своей неудачной дѣятельности, кромѣ домогательства того же титула, при пересмотрѣ Кормчей включилъ въ нее подложную грамоту папы Сильвестра императору Константину съ апологіей церковной власти. Ясно было, куда онъ цѣлилъ.

При преобладаніи въ православіи стороны практической, какъ и вообще въ своихъ взглядахъ русскій народъ опредѣленно выдвигалъ власть Царя передъ властью патріарха. Количество царской власти онъ считалъ столь абсолютнымъ, что не считалъ возможнымъ чтобы кто нибудь раздѣлялъ ее. При попыткѣ Никона создать для насъ духовную власть — выяснилось, что народъ нашъ никакъ не на сторонѣ іерарха. Такое полное государственнаго достоинства и самосознанія явленіе, какъ расколъ не направилось противъ Царя, направляясь исключительно противъ патріарха: — Никонъ волкъ! И въ исторіи нашей расколъ сочетанъ именно съ многократно доказанной полной лойальностью къ Царю, которая являла такимъ образомъ цѣлованіе руки заушающей. Соборы 1666 и 1667 гг. вполнѣ оказываются на сторонѣ Царя, постановляя, что на будущее время патріархи вводятся въ рамки исключительно церковной дѣятельности, лишаются права вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, и не могутъ носить титула Великаго Государя. Патріархъ не Самодержецъ.

Но при столь ярко обнаруженной склонности патріарховъ къ преувеличенію своей власти и къ проведенію византійскихъ традицій, могъ ли Петръ Алексѣевичъ расчитывать, что патріархи будутъ Петрами, Алексіями, Іонами въ его государственной работѣ, въ исполненіи задачъ неотвратимыхъ, согласныхъ его историческому геніальному прогнозу?—Напротивъ, именно послѣдній патріархъ Адріанъ выказываетъ черты совершенно недвусмысленныя въ этомъ направленіи.

При составленіи новаго Уложенія патріархъ Адріанъ вспоминаетъ всѣ старые законы, вплоть до Ханскихъ ярлыковъ включительно, которые устанавливаютъ привиллегіи церкви.

Дѣлиться самодержавной властью Петръ Алексѣевичъ не имѣлъ никакой охоты. Поэтому, послѣ смерти Адріана въ 1700-мъ году Петромъ учреждается Синодъ, коллегіальное учрежденіе, вѣдающее дѣлами Русской церкви. Въ духовномъ Регламентѣ приведены основанія таковой замѣны, причемъ послѣднее изъ нихъ прямо гласитъ, что при таковой коллегіальности не можетъ быть стремленія къ власти монархической, какъ бывало это у лица, возглавляющаго церковь.

Реконструируя такъ церковь, Петръ отнюдь не отказывался отъ ея благодатнаго благословенія и руководства. Напротивъ, онъ былъ такъ точенъ въ ея предписаніяхъ, что даже постовъ не держалъ съ разрѣшенія духовника. И упраздненіе патріаршьяго престола не вызвало въ народѣ такихъ волненій и возмущеній, какъ вызвало измѣненіе обряда: въ мистицизмѣ, или м. б. въ магичности стараго обряда народъ несомнѣнно видѣлъ болѣе, нежели въ греческой іерархіи. Такимъ образомъ, въ этой коллизіи свѣтской и духовной властей, какъ и всегда, народъ оказался на сторонѣ свѣтской власти.

Петръ I ясно видѣлъ и понималъ недостатки духовнаго сословія. Его „Всепьянѣйшій соборъ“ есть повтореніе распространенной вообще среди самаго нашего духовенства карикатуры на непоказную, но за то всѣмъ отлично извѣстную

сторону жизни самаго духовенства, каррикатуру, формально направленную противъ духовенства католическаго, которое никогда наши предки не стѣснялись изображать самыми мрачными красками и лаять послѣдними словами, не видя въ томъ никакого кощунства. Невѣжество, пьянство, небреженіе къ дѣлу, лицемѣріе и низкопоклонство — всѣ эти свойства были чрезвычайно распространены среди нашего духовенства. Кромѣ того, православная церковь, принявъ насильственный Никоніанскій обрядъ, потеряла тотъ огонь и ту внутреннюю устремленность, которые ушли въ расколъ. Тѣмъ болѣе поводовъ было наблюдать подъ мистическимъ покровомъ православія прикрытую имъ лѣнь, блудъ и суевѣріе.

По раціоналистическому складу своего характера Петръ І-ый былъ скорѣе протестантомъ, но православную традицію хранилъ болѣе или менѣе твердо. Думается, что у него просто не доходили руки — иначе онъ занялся бы, наряду со своими дѣлами, и реформаціей церкви.

Въ Петрѣ Великомъ самодержавное наше государство, слѣдуя необходимой обстановкѣ, развернулось съ колоссальной силой въ сторону исключительно государственныхъ интересовъ, впитавъ въ себя въ лицѣ своего геніальнаго повелителя упругій духъ европейскаго раціоналистическаго метода, несвязаннаго по азіатски ни съ какими традиціями. Въ теченіе тридцати лѣтъ царствованія Петра Великаго внутри его огромной державы, державшейся неимовѣрно сложнымъ сплавомъ различныхъ вліяній, державы чисто восточной по характеру возглавлявшей ее власти, устраивается крѣпкій, раціональный примѣнительно законовъ государственной статики устроенный каркасъ государственнаго управленія, который, удержавъ Россію отъ деформаціи въ дни европейскаго натиска на насъ, продержалъ ее въ такихъ формахъ до дней Великой Войны.

Да, государство стало крѣпче, но подъ напоромъ обуяннымъ единой идеей Царя крѣпче застонала земля. Только ничтожная часть ея пошла за Царемъ, кое какъ приспосо-

бившись къ его созидательной работѣ, другая же стала просто пассивнымъ объектомъ этой работы меньшей части. Меньшая активная часть какъ бы подобрала въ себя подѣленное самодержавіе. Другая же, большая, кромѣ всегдашняго, привычнаго крѣпостного и гражданственнаго тяголъ почувствовала пугающее безпокойство новыхъ вѣяній.

Поэтому царствованіе Петра Алексѣевича полно самыхъ розноообразныхъ бунтовъ. Бунтуется, конечно, казачья вольница, успѣвшая къ тому времени съорганизоваться въ довольно крупныя единства. Булавинъ подымаетъ донскія и волжскія степи и воровскимъ измѣннымъ казачьимъ обычаемъ предлагается въ подданство турецкому султану, только бы избыть отъ новаго обычая. Волнуются стрѣльцы, пытаются воспользоваться заграничнымъ отсутствіемъ Царя, и установить старый обычный буйственный образъ правленія. Идетъ броженіе на религіозной почвѣ — кѣмъ то брошено про Царя слово — Антихристъ, но не смѣетъ показаться наружу. Наконецъ, Мазепа, этотъ типичный казачій дѣятель, въ послѣдній моментъ неудачно выбравъ европейскую „оріентацію", едва не губитъ Царя.

Причины этихъ бунтовъ и волненій весьма разнообразны. Много появилось бѣглецовъ отъ новыхъ порядковъ — нашъ русскій народъ всегда характеризуется именно готовностью уходить отъ ненравящейся ему чѣмъ либо власти, не пытаясь измѣнить не нравящагося ему строя. Непривычныя дѣйствія несовмѣстимыя съ непривычнымъ обличьемъ и повадкой Царя, создали въ народѣ сомнѣнія — да подлинный ли это Петръ, не „нѣмкинъ ли сынъ"? и т. д.

Достойно вниманія, что теперь эти броженія располагаются къ востоку отъ Москвы. И только крутыя рѣшительныя мѣры Царя убѣждали его подданныхъ, что предъ ними дѣйствительно самодержавный Царь, твердой рукой Ивана Васильевича, ведущій Россію по историческимъ путямъ, со-

создавая для нея оборону отъ для него одного ясныхъ грядущихъ бѣдъ.

И несмотря на народныя волненія результаты этой политики блистательны. Въ одной изъ рѣчей на праздникѣ по поводу спуска на воду большого корабля Петръ Алексѣевичъ въ своей рѣчи горделиво оглядывается на результаты своихъ трудовъ, какъ объ этомъ разсказываетъ нѣмецъ Веберъ:

— Никому изъ васъ, братцы, и во снѣ не снилось, лѣтъ тридцать тому назадъ, что будемъ мы здѣсь плотничать, носить нѣмецкую одежду, воздвигнемъ городъ въ завоеванной нами землѣ, доживемъ до того, что увидимъ Русскихъ храбрыхъ солдатъ и матросовъ и множество иностранныхъ художниковъ и своихъ сыновъ, воротившихся изъ чужихъ краевъ смышленными, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ уважать иностранные государи. Исторія полагаетъ колыбель всѣхъ наукъ въ Греціи, откуда перешли онѣ въ Италію, а изъ Италіи распространились по всей остальной Европѣ, но, по невѣжеству нашихъ предковъ, не проникли къ намъ. Теперь очередь наступаетъ и намъ; мнѣ кажется, что со временемъ науки оставятъ свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, перейдутъ къ намъ, и наконецъ воротятся въ свое отечество, въ Грецію. Будемъ надѣяться, что на нашемъ вѣку мы пристыдимъ другія образованныя страны и вознесемъ русское имя на высшую ступень славы!—

Это грандіозное пророчество кромѣ всего прочаго, замѣчательно своимъ повтореніемъ видоизмѣненной идеи Третьяго Рима, Греція являлась истокомъ всѣхъ наукъ, та самая Греція, съ которой греческой вѣрой связана наша страна. Оттуда же вышли всѣ науки, т. е. цивилизація, туда же онѣ вернутся, и вернутся черезъ Россію.

Эта схема величайшая изъ всѣхъ нашихъ историческихъ схемъ. Не Францiя, не Англiя слиты съ дѣйственной почвой дѣвственной Грецiи, а именно Россiя, ея подлинная дочь черезъ вѣру, черезъ тотъ особый оттѣнокъ культуры, который лежитъ на Византiи, этомъ западномъ фортѣ Востока. Цивилизацiя Запада — углубленная черезъ культуру Востока — вотъ эта идея Петра въ развернутомъ видѣ, рѣшенiе задачъ предстоящей эпохи мiровой исторiи, въ генiальной интуицiи указанная два вѣка тому назадъ.

Ни въ одной странѣ мiра не могло существовать такого повелителя, какъ Петръ Первый у насъ. Онъ явленiе подлинно русское, ибо только въ Россiи, какъ вообще на Востокѣ, можетъ господствовать надъ всѣмъ народомъ одинъ человѣкъ, можетъ двигать имъ, чрезъ то прiобрѣтая неслыханную ни для какого коллективнаго управленiя силу.

Въ государственномъ смыслѣ власть Московскаго Великаго Князя получила свой полный мiровой вѣсъ именно во власти Россiйскаго Императора, когда она смогла бросить въ этой формѣ на вѣсы мiровой политики самое драгоцѣнное, что есть въ подлунномъ мiрѣ—совѣсть и моральные принципы. Въ этомъ смыслѣ Императорская политика Россiи на мiровомъ фонѣ—не праздное вмѣшательство въ чужiя дѣла, а доказательство этой величавой возможности спорить съ цѣлымъ мiромъ и разлитыми въ немъ тайными теченiями открытостью и благородствомъ души. Акты Россiйскихъ Императоровъ вродѣ манифеста Александра I-го съ объявленiемъ войны 1812-го года или Императора Николая I-го съ объявленiемъ войны 1848-го года, суть прежде всего акты совѣсти. Въ XIX-мъ вѣкѣ только наши Цари сохраняли эту привиллегiю—быть рыцарями въ международной политикѣ, въ вещи, какъ извѣстно, довольно подлой. Долга и совѣсти не знаетъ нынѣ ни одно правительство въ мiрѣ, потому что во всякомъ представительномъ правленiи на первый планъ всегда выйдутъ постоянно элементы расчета и выгоды. И въ этомъ смыс-

лѣ наши Императоры—прямые потомки Чингиса, утверждавшаго въ своихъ завоеваніяхъ прежде всего свою личность.

Съ другой стороны, только въ Россіи, лишенной длительной исторической традиціи можетъ отдѣльный человѣкъ вобрать въ себя цѣликомъ чужую культуру, чтобы такъ полно использовать ее именно въ государственныхъ линіяхъ.

И сочетаніе этихъ разноличныхъ свойствъ—пребываніе изобрѣтателя-западника на деспотическомъ русскомъ престолѣ—явленіе опять таки подлинно русское, неотразимое по своей фактичности.

И для Россіи Царь Петръ достигъ полностью своихъ завѣтныхъ цѣлей:

стоявшее на историческомъ базисѣ Царской власти, повѣренномъ въ теченіе вѣковъ, его государство оказалось снабженнымъ новѣйшей техникой. Эта идея была и патріотична и національна.

Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ Петръ Алексѣевичъ къ Европѣ? Не былъ ли онъ ея рабомъ, какъ объ томъ, къ сожалѣнію, существуетъ распространенное мнѣніе?

Онъ своимъ практическимъ окомъ слишкомъ хорошо видѣлъ всѣ недостатки Европы, чтобы бросаться очертя голову въ ея объятія.—„Снаряжена была секретная воровская экспедиція съ цѣлью выкрасть у Западной Европы морского техника и техническое знаніе"—говоритъ по этому поводу Ключевскій.

Все, что ни выходило изъ рукъ Петра—все было прежде всего національно, самобытно, правда — ново, но кто же заставляетъ насъ отождествлять національное исключительно со старымъ? Именно только Европѣ подобаетъ дѣлать это, тысячелѣтнимъ многочисленнымъ ея городамъ, а не намъ, дѣтямъ степей, огром-

ныхъ пространствъ, и постоянныхъ войнъ. Дѣло Петра было пріобрѣтеніемъ по нуждѣ того, чего еще не было у насъ самихъ, и что все равно, рано или поздно, должно было быть.

Это отношеніе къ Европѣ—отношеніе восточное, которое характеризуется взглядами китайскаго реформатора Ли Хунъ Чжана,—„мы используемъ иностранцевъ, чтобы потомъ отправить ихъ къ дьяволу“, которое характеризуется подобной же японской доктриной, заключающейся въ кодексѣ Бусидо.

* * *

Но есть еще одно великое послѣдствіе, которое всегда бываетъ сопряжено съ реформаціонными дѣйствіями. За ними неизмѣнно идетъ духъ свободы, который вообще неотдѣлимъ отъ раціоналистическаго метода мышленія. Какъ только принципомъ дѣятельности духа выставленъ принципъ свободнаго изслѣдованія—духъ начинаетъ жить своей собственной неудержимой жизнью, подобно тому, какъ ожила метла ученика волшебника, незнающаго, какъ прекратить ея дѣйствіе. Пусть раціоналистическій принципъ появился лишь въ одной самодержавной головѣ Петра Великаго, но отъ участниковъ въ государственныхъ своихъ дѣлахъ онъ требовалъ свободнаго пониманія своей задачи пониманія, государственнаго. Деспотъ несетъ съ собою свободу. Окружавшая Петра I-го толпа, правда, не смогла сразу же дать то, что требовали отъ нея новые принципы, чего требовалъ Императоръ.—Кость точу долотомъ изрядно, говаривалъ онъ, а не могу дубинкой обточить упрямцевъ! Дубинка требовала отъ упрямцевъ свободнаго дѣйствія. Тѣ же, кто понималъ это, тѣ слишкомъ были связаны личнымъ обаяніемъ Петра, чтобы отсюда сдѣлать соотвѣтственные выводы, которые окончательно освободили бы ихъ. Но время заставило эти выводы сдѣлать.

При Петровскомъ переходѣ государственнаго управленія отъ стараго регистрирующаго, къ новому организующему, Петру нужны были помощники, которые помогали бы ему

въ проведенiи его реформъ. Этимъ помощникамъ, по самому смыслу ихъ задачи, давалась самостоятельность большая, нежели когда либо прежде. Это совершенно мѣняло характеръ придворнаго окруженiя. Окруженiе Царей Московскихъ было камарильей, выдвинутой въ силу родовыхъ заслугъ и удачливости, и нерѣдко выявляло себя лишь интригами за влiянiе на Царя, или домогательствами отъ него „милостыни“ и „кормовъ“. Личности окруженiя, такимъ образомъ, большой индивидуальностью не отличались, и были по сему почти что взаимозамѣнимы. Порученiя для этого высшаго класса служилаго люда по большей части бывали несложными, и сводились либо къ пышному представительствованiю Царя, либо къ выполненiю отдѣльныхъ задачъ. Для фактической же, повседневной, подчасъ очень сложной работы къ услугамъ высшихъ чиновъ были штаты мелкихъ чиновниковъ и грамотеевъ, которые вслѣдствiе своей „худородности“ никуда не лѣзли, и отыскивались соотвѣтственнымъ подборомъ изъ многочисленнаго и способнаго народа нашего. Въ противность порядку такому Петръ не могъ обойтись безъ отвѣтственныхъ помощниковъ, на которыхъ можно было возложить не только дѣло отчета, а и саму организацiю цѣлыхъ отраслей государственнаго управленiя.

Важнѣйшимъ фактомъ исторiи Россiи Императорскаго перiода является то обстоятельство, что чѣмъ сильнѣй развивалъ свою дѣятельность Петръ Алексѣевичъ, тѣмъ большее количество людей онъ втягивалъ въ свою орбиту. Особливая дѣятельность „птенцовъ гнѣзда Петрова“ наполняетъ собой его царствованiе и придаетъ этой эпохѣ особый колоритъ, столь ей свойственный. Такiя личности, какъ Гордонъ, Лефордъ, Меньшиковъ—уже не могутъ быть разсматриваемы, какъ „рабы Царя“, скорѣй всего—они его сторонники, люди одной съ нимъ партiи, независимо отъ своего происхожденiя, каковое обстоятельство и закрѣпляется впослѣдствiе табелью о рангахъ.

Въ каждомъ временномъ отрѣзкѣ государственной жизни можно найти переплетшіяся нити стараго, уже умирающаго процесса, и ростки новаго, которое потомъ нанесетъ еще сохраняющимся формамъ стараго окончательные удары; такимъ образомъ, исторически государственная жизнь есть текучій процессъ чрезвычайной сложности, въ которомъ такія дифференціаціи и различенія могутъ быть проведены только въ абстракціи, условно; проходящая же устойчивость этого процесса—что особенно высоко цѣнимъ мы въ государственной жизни, есть живая совокупность всѣхъ этихъ разнородныхъ преднаходимыхъ и дѣйственныхъ процессовъ. Въ этомъ случаѣ созданія Петромъ Алексѣевичемъ своего окруженія и было создано то, что укрѣпляло самого Петра и его дѣло, и въ то же время впослѣдствіе взорвало саму монархію.

Послѣ смерти Преобразователя измѣняется самъ характеръ верховной власти. При послѣдующихъ слабыхъ правителяхъ, большинствомъ изъ которыхъ были женщины, изъ вышеописанныхъ сотрудниковъ Петра выростаетъ то, что впослѣдствіе образуетъ Правительство, логически впитывающее въ себя часть Царской власти. Процессъ идетъ двойнымъ путемъ: съ одной стороны, Императорская власть какъ будто укрѣпляется; около нея уже нѣтъ той разнобоярщины, которую мы наблюдали раньше. Петръ сумѣлъ ликвидировать всѣ интриги такъ, что законъ о престолонаслѣдіи былъ принятъ безоговорочно, хотя самъ Петръ и не смогъ имъ воспользоваться въ той мѣрѣ, въ какой предполагалъ. Кто знаетъ, рѣшись онъ такъ воспользоваться имъ, мы бы можетъ быть увидали бы на престолѣ Россійскомъ лицо не Романовской династіи! Не постѣснялся же онъ извести сына Алексѣя. Съ другой стороны, Петербургъ сталъ представлять изъ себя собраніе какъ разъ этихъ самыхъ „нужныхъ людей“, которые, вставъ наравнѣ съ Западомъ, связавшись съ нимъ крѣпкими дѣловыми, учеными и государственными связями, не помышляли болѣе о рабскомъ под-

чиненіи Царю, наравнѣ съ остальными подданными. Возможность же „случая" у Государынь дѣлали фаворитовъ какими то вице-королями, сидѣвшими въ своихъ дворцахъ и замкахъ по всей Руси, и управлявшихъ своими крестьянами не на прежнемъ служиломъ правѣ, а на феодальномъ, собственическомъ. Раздаривая с в о и земли придворному окруженію, какъ „недвижимости", вмѣстѣ съ растратами Царскихъ земель, Императрицы создали новый характеръ класса дворянства, неслыханный ранѣе при поравнительномъ управленіи. Царская власть, Царскій почетъ распылялся по этимъ людямъ, а крѣпостные, то есть прикрѣпленные админстративно къ землѣ крестьяне становятся рабами, instrumentum vocale помѣщиковъ. Эти помѣщики, служа въ гвардіи, окружили Петербургъ плотной вооруженной толпой, благопріятной почвой для разныхъ растлевающихъ власть государственныхъ переворотовъ, и происходя сами не изъ особливо высокихъ старыхъ родовъ, образовывали свою новую, придворную аристократію, выдвигавшую зачастую своихъ членовъ опять не по личнымъ качествамъ, а по своей нестарой родовитости, по случайной знатности, искажая, такимъ образомъ, идею Петра.

Это новое окруженіе должно было очень цѣпко держаться за престолъ, потому что монархическая власть, къ которой оно было причастно, и которой пользовалось, ослабѣвая отъ этого распыленія, становилась какъ бы ихъ собственнымъ дѣломъ.

Наряду съ этимъ нужно отмѣтить еще одинъ процессъ. Старыя до-Петровскія формы жизни были чрезвычайно свободными—недаромъ вся Русь кишѣла бродячимъ населеніемъ. Въ старой Руси ремесла и прочія художества шли самотекомъ, уплачивая государству извѣстный %; когда Москвой была прекращена кровавая возня князей, не клавшихъ при случаѣ охулки на руку, то эта, казалось бы, жестокая Московская власть должна была быть для народа чистымъ благодѣяніемъ; подобно монгольскимъ владыкамъ, московскіе Цари не вмѣшивались въ дѣла своихъ подданныхъ; наконецъ, оби-

ходъ и нравы Царской жизни по своимъ повадкамъ и привычкамъ мало отличались отъ жизни народной, и патріархальность эта смягчала извѣстнымъ образомъ частыя жестокости. Такой обиходъ всей московской жизни и дѣлалъ возможными почти автономныя, но все же государственныя предпріятія, вродѣ Строгановскихъ.

Петръ Алексѣевичъ совершенно правильно стремился къ поднятію началъ организованности въ этихъ разнообразныхъ народныхъ предпріятіяхъ, и при его живомъ и полнокровномъ умѣ, при его волѣ его иниціативная, упреждающая дѣятельность давала пышные результаты. Послѣдующее же образованіе такого класса, который долженъ былъ предупреждать желанія и нужды населенія, опекать его — неизбѣжно привели лишь къ безжизненному нормированію и регулированію, къ такому опутыванію потока живой жизни бездушными схемами, къ столь острой борьбѣ новыхъ проявленій жизни съ недавними, но уже отжившими законами, которые предписывалъ единый, и потому не успѣвающій центръ,—что на этомъ фонѣ выросла та прослоенная чисто восточными лѣнивыми чертами фигура русской бюрократіи, которая рухнула въ мартѣ мѣсяцѣ 1917-го года, увлекая за собою тронъ.

Мыслью Петра было—работать не за страхъ, а совѣсть, было изыскиваніе новыхъ путей, былъ тотъ боевой кличъ, который недавно былъ повторенъ Сесилемъ Родсомъ: РАСШИРЕНІЕ, РАСШИРЕНІЕ, РАСШИРЕНІЕ!.. Для достиженія этого припрестольное централизованное правительство, нерѣдко состоявшее изъ людей огромнаго масштаба, набрасывало свои схемы; но такъ какъ дѣйствительно воплощать эти схемы въ жизнь можно было только вызывая живыя силы на мѣстахъ, а не запираясь въ рамки лично заинтересованной въ такомъ порядкѣ вещей касты, то надъ Россіей нависъ страшный парадоксъ „Департамента благихъ начинаній“; уже въ царствованіе Николая I-го подведенъ былъ такому порядку нелицепріятный итогъ—нельзя управлять Россіей при

помощи столоначальниковъ: вѣдь мы были разбиты въ 1854-мъ году Западомъ, жалкими потомками того великаго Наполеона, котораго мы сбросили за сорокъ лѣтъ до этого. Это было первой побѣдой Запада.

Такимъ образомъ, идея Петра прошла отъ сознанія необходимости элемента свободы въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, черезъ устройство особаго управляющаго и организующаго класса разлилась цѣлой системой государственной кодификаціи, въ безуспѣшной погонѣ ринулась за многообразіемъ жизни, и управляемая всегда расходящимися съ жизнью указаніями издалека, дискредитировала саму себя, прійдя къ бюрократическому абсурду.

Нелѣпымъ памятникомъ, чрезвычайно въ тоже время типичнымъ для дѣятельности всякаго рода русской бюрократіи, и дореволюціонной, и революціонной, останется періодъ Аракчеевщины. Суть этого печальнаго памятника не въ шпицрутенахъ, не въ избіеніяхъ солдатъ, не въ вытягиваніи ихъ во фронтъ, какъ обыкновенно рисуютъ себѣ эту эпоху. Суть его въ той мертвечинѣ, которой пропитывается всегда чистый схематизмъ, логизмъ, несмотря на благую цѣль, если его идеи не воплощаютъ живыя личности.

Идея Аракчеева при созданіи военныхъ поселеній очень ясна. Солдатъ того времени долженъ былъ разлучаться съ семьею, съ родными мѣстами на очень долгій срокъ — на 25 лѣтъ, почти на всю жизнь; для предупрежденія вытекавшихъ отсюда моральныхъ страданій солдата и его семейства и была создана пробная система такъ называемыхъ „военныхъ поселеній". Воинская часть комплектовалась по территоріальному принципу и всѣ семьи стягивались къ ней на отведенныя земли. Семьи эти селились въ одинаковыхъ казенныхъ типовыхъ постройкахъ, вытянутыхъ по линейкѣ, совмѣстно со своими находящимися на военной службѣ главами; извѣстное время шло на муштру, остальное на сельское хозяйство. Строй и крестьянство переплетались самымъ причудливымъ

образомъ: въ поле шли по барабану, работали въ мундирахъ; для бабъ режимъ тоже былъ установленъ по регламенту: лѣтомъ, напр., не разрѣшалось топить русскихъ печей, только печурки, что хотя и было, конечно, гигіенично, но ломало крестьянскій укладъ. Регламентированы были кушанья, что создало тотъ нелѣпый анекдотъ, на которомъ выросъ Салтыковъ Щедринъ. Никогда еще идея до такой степени не сковывала быта, какъ здѣсь, гдѣ предупрежденіе и опека превосходили всякія границы, если только не считать тѣхъ республикъ, которыя создавали оо. іезуиты въ Южной Америкѣ, да коммунистическій строй современной Россіи.

Это приближенное къ землѣ начальство, находящееся подъ наблюденіемъ начальства высшаго, схваченное нелѣпымъ, неловкимъ, но старательнымъ уставомъ, полагающее на всякій случай, что все неразрѣшенное является уже запрещеннымъ, вмѣстѣ со всѣми этими нововведеніями сохраняло самое невѣроятное чванство. — Ты меня не тычь (то есть не говори мнѣ „ты“), говоритъ такой начальникъ своему подчиненному, меня Царь пуговицами истыкалъ! Вмѣсто простого и яснаго стариннаго обихода, вмѣсто прямого равенства всѣхъ предъ однимъ Царемъ, Царская власть оказалась растраченной, розданной дворянству, чиновничеству, по большей части стоящимъ на той же моральной ступени, какъ и остальной народъ, и которые не хотя даже этого тѣмъ самымъ дискредитировали эту власть.

Народъ оставался все тѣмъ же, грубымъ и невѣжественнымъ, но онъ обладалъ золотымъ сердцемъ, какъ всегда доказывалъ онъ во время тяжелыхъ испытаній. Его просто душилъ этотъ лживый, формальный строй, этотъ правящій классъ, весело скептически относившійся самъ къ себѣ, но являвшій для подчиненныхъ видъ непогрѣшимаго олимпизма. — Ратуши были мертвымъ учрежденіемъ, съ гражданской скорбью пишетъ г. Лясковскій въ своей статьѣ о Салтыковѣ Щедринѣ въ „Историкѣ и Современникѣ“, — а между тѣмъ онѣ съ внѣшней стороны проявляли всѣ признаки

дѣятельности: производились выборы должностныхъ лицъ, которые ничего не дѣлали затѣмъ только, что имъ нечего было дѣлать, числились штаты служащихъ, которые занимались своими дѣлами, но на покрытіе расходовъ по содержанію которыхъ взыскивались подати, и т. д.

Милліоны русскихъ людей склонны въ этой мертвечинѣ обвинять Царя Петра; но чѣмъ же онъ виноватъ, что среди всего русскаго народа не могъ найти себѣ достаточнаго количества помощниковъ, достаточнаго количества людей, которые усвоили бы его точку зрѣнія? Это было будто бы результатомъ того, что много вліянія было предоставлено иностранцамъ, которые точно вели заданную имъ линію, и не встрѣчали отзыва въ народныхъ массахъ. Но немногіе знаютъ, что Петру Первому приписываются такія слова: — намъ нужна Европа на нѣсколько лѣтъ, а потомъ мы можемъ повернуться къ ней задомъ... Не Петръ виноватъ въ этомъ нелѣпомъ „западничествѣ", а именно тотъ нашъ средній русскій классъ, который механически образовался, какъ слѣдствіе реформъ Петра.

Петръ Алексѣевичъ былъ русскимъ съ головы до ногъ, какъ русскими были и Строгановы, и велъ Россію по проложеннымъ имъ дорогамъ. Его преемники не смогли этого. Они ограничились тѣмъ, что создали пышный дворъ по образцу Запада, пышности и вкусамъ котораго удивлялась Европа. По западнымъ же образцамъ мимировались пріемы управленія.

Изъ элементарной логики мы знаемъ, что взятый изъ чужого языка терминъ удобнѣе, отчетливѣе запечатлѣваетъ новое понятіе, нежели терминъ, взятый изъ языка своего. Для новыхъ государственныхъ соотношеній нужны были тоже новыя формы, и возникли такимъ образомъ всѣ эти гофмейстеры, камеръ- и бергъ-коллегіи, лейбъ-медики, магистраты и ратуши. Кто то увѣрялъ даже, что Императрица Анна Ивановна выѣзжала на „лейбъ-пфердахъ". И послѣ того,

какъ въ этихъ схемахъ былъ распятъ живой порядокъ и дѣло Петра Великаго, конечно чрезвычайно пришлись ко двору честные, аккуратные, исполнительные нѣмцы, вродѣ Миниха.

Разобщенная съ землей создаваемымъ средостѣніемъ Царская власть мелѣла и мелѣла. Поставленная въ необходимость сохранять разъ достигнутое величіе, международное положеніе, котораго она достигла въ томъ же 1814-мъ году, она постепенно превращалась въ повапленный гробъ. Народъ оставался все тѣмъ же, все тѣтъ же оставался и Царь; мы имѣемъ длинный рядъ Царей послѣ Петра Великаго — и Царей въ полномъ смыслѣ этого слова—какъ Александры— I, II и III, какъ Николай I-ый. Какъ только Царь обращался къ народу и дѣйствовалъ въ тѣхъ областяхъ, которыя были близки народу, какъ только въ этомъ обращеніи обходилось средостѣніе — народъ творилъ чудеса по слову своихъ Царей. Но правящій классъ ни мало не заботился объ организаціи этой связи, укрѣпленіи ея, введеніи въ твердыя и устойчивыя, механизированныя формы. Суть Царя оставалась живой, а наше ухо отвыкало отъ Царскаго титула, даже образованные люди переставали понимать, что значатъ эти Югры, Голштиніи, Сѣверскія и Низовскія земли. Мы изучали исторію Европы, и слово Царь пустѣло подъ европейскимъ холоднымъ вѣтромъ. Та восточная власть, которая одна собирала Россію, становилась фантомомъ, опираться на который никакъ было нельзя. И государственный порядокъ нашъ сталъ такимъ, что при распространеніи военщины въ нашемъ быту, при рыцарскихъ традиціяхъ нашего дворянства, перенесенныхъ съ Запада, насъ бьютъ во всѣхъ нашихъ послѣднихъ войнахъ!

Нашу церковь съѣдалъ бюрократизмъ. Отмѣнивъ патріарха для достиженія полноты своей самодержавной власти, Петръ I-й за недосугомъ оставилъ нашу церковь въ относительномъ покоѣ, но въ связи съ общей традиціей, обрекъ ее тѣмъ большему обмелѣнію, что на такое обмелѣніе согласи-

лась она задолго до того сама, не учтя силы явленія раскола. Благодаря строго подчеркнутому формализму и централизму она стала абсолютно непричастной къ тому, что происходило „за монастырской стѣной", въ живой жизни. Въ пыльныхъ засѣданіяхъ Синода, въ интригахъ и распряхъ между собой князей церкви, въ бездушно-формальномъ отношеніи ея къ государству она потеряла душу живую. Вмѣсто живого общества вѣрующихъ, вмѣсто того, чтобы быть властительницей думъ, грознымъ судьею совѣсти, она коснѣла въ казенныхъ проповѣдяхъ, въ формальномъ одобреніи всему тому, что бы лѣниво и нелѣпо ни дѣлало правительство, воспріявши этотъ видъ цезаропапизма отъ многочисленныхъ выходцевъ изъ греко-латинскихъ академій Малороссіи во главѣ со Стефаномъ Яворскимъ. Далѣе, это вліяніе выходцевъ съ Запада, отличныхъ по духу отъ подлинной Московіи, находившихся въ свою очередь подъ сильнымъ вліяніемъ уніатства и іезуитизма, углубило расколъ въ русской церкви еще болѣе, нежели то сдѣлалъ самъ Никонъ. Новой церковью было потеряно то острое вліяніе на народъ, которое всегда сохранялось у раскольничьихъ пастырей, хранившихъ подлинное русское православіе.

Орденская Станиславская лента, закладывающая Евангеліе, золоторизный молебенъ по царскимъ днямъ, въ присутствіи золоторасшитыхъ и истыканныхъ пуговицами мундировъ —вотъ что стало типичнымъ образомъ соотношенія нашихъ церкви и Государства. И еще ярче соотношеніе это выражаетъ тотъ генералъ-адъютантскій аксельбантъ, который пожалованъ былъ архіепископу Псковскому Иринею, члену Синода, въ концѣ XVIII вѣка „для ношенія на рясѣ"*).

Съ созданіемъ Петербурга оскудѣла Москва, центръ Европейской Россіи, центръ Азіатскихъ вліяній, гдѣ почиваютъ „Цари и патріархи", красныя стѣны Кремля которой пропитаны русской кровью. А Петръ, въ толстыхъ чулкахъ, въ ла-

*) Русскій Вѣстникъ, 1868, стр. 463; портретъ „Пантеонъ Россійскихъ писателей".

таномъ Катенькой зеленомъ сюртукѣ, съ трубкой кнастера, за кружкой пива въ своемъ собственномъ парадизѣ игралъ въ шахматы съ грубымъ шкиперомъ, пришедшимъ въ Санктъ-Питербурхъ съ грузомъ глиняной посуды, и его не интересовало, что при созерцаніи этой картины происходило въ волосатыхъ головахъ его подданныхъ, сидѣвшихъ въ безконечныхъ лѣсахъ и поляхъ почти безо всякой власти. Къ чему интересоваться? А если въ головѣ у этихъ людей и завелись какія нибудь неподходящія мысли, то можно было и отрубить ее, эту голову!

Петру не удалось раскачать Россію настолько, насколько онъ хотѣлъ. Въ своей всегдашней старой покорности Царской волѣ Россія создала ту русскую бюрократію, которая по старо-русской замашкѣ столь же привольно взирала на кормящее ее новое государство, какъ раньше она взирала на свои широкія поля, на которыхъ отбывали барщину ея нерадивые люди. Попы, тѣ самые, которые при Царяхъ Московскихъ звонко торговались съ нанимающимъ ихъ „литургисати“ нетароватымъ бояриномъ, стали теперь получать свои казенные „оклады“, и въ мирномъ упокоеніи своихъ животовъ, въ казенномъ изобличеніи „ересей“, забыли о живомъ государственномъ дѣлѣ, о своей паствѣ. Русскіе писатели и мыслители почитали своимъ непремѣннымъ долгомъ въ одну изъ бѣлыхъ Петербургскихъ ночей сдѣлать визитъ Мѣдному Всаднику, и затѣмъ констатировать во вдохновенный статьѣ, что Петербургъ—городъ невзаправдашній. Даже купечество, эти наши пронырливые финикійцы, какъ то никогда не задумывалось о прочности такого порядка вещей.

Послѣ Петра надъ Россіей дымнымъ призракомъ повисъ Петербургъ, и увѣрялъ, что онъ и есть подлинная Россія. Но пусть въ этой скрупулезной каменной грезѣ Бѣлыхъ Хановъ затмевалась Европа — народъ не могъ жить этими грезами. Онъ обыкъ къ власти. Онъ любилъ власть. Его безпощадный, трезвый, скептическій умъ не могъ не видѣть того, что происходило. Онъ бился въ сѣтяхъ формализма, не видалъ прав-

ды въ законахъ, которыми исподтишка огораживались господствующіе классы, разсказывая ему лѣниво о его государственныхъ обязанностяхъ, бился безъ патроновъ съ врагомъ, прикладывался къ дѣдовской иконѣ, поданной ему бѣлыми руками авантюриста-архіерея съ колокольнымъ звономъ и четверкой лошадей, сидѣлъ часами подъ окномъ земскихъ начальниковъ, покамѣстъ тѣ завтракали и разсказывали другъ другу о новѣйшихъ литературныхъ явленіяхъ, судился съ помощью невнимательныхъ судей и продажныхъ и ловкихъ присяжныхъ повѣренныхъ — изъ евреевъ и изъ неевреевъ, и все время крѣпко думалъ свою думу о справедливости, о Царѣ. Своего брата-мужика онъ зналъ и не уважалъ; онъ зналъ, что тотъ пьянъ, лѣнивъ, нечистъ на руку; еще хуже того мужика фабричный—городской, балованный человѣкъ. И онъ думалъ думу о могучемъ и крѣпкомъ Царѣ, который пришелъ бы и разогналъ бы сразу всю эту ненужную публику и далъ бы ему мужику такое — что сразу видно — „нужное". Не школу, гдѣ долгой зимой за 25 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ мерзла училка, которая учила его ребятъ „разумному, доброму, вѣчному", а лѣтомъ за то гоняла со студентами по провинціальнымъ бульварамъ, отдыхая отъ понесенныхъ трудовъ; не больницу, гдѣ кромѣ занозистаго фельдшера и касторки получить ничего нельзя; а твердую, хозяйскую руку, которая хоть иной разъ и въ зубы заѣдетъ, но ничего не скажешь: инъ, рука дѣловая!

Но онъ видѣлъ только туманный, дымный Петербургъ, куда носились и губернаторъ, и земскій — „по дѣламъ", гдѣ обѣдали у Медвѣдя, когда блѣдно-зеленые висѣли гирляндой фонари на Невскомъ, и говорили тамъ, объ его, мужика, дѣлахъ.

А Царя онъ такъ и не видѣлъ; Царя, который самъ долженъ понимать, что ему, мужику, нужно.

— Представленіе у нихъ о Монархѣ совершенно метафизично, говоритъ все

тотъ же юркій французикъ, Палеологъ. Русскіе приписываютъ Царю и его министрамъ внутреннія добродѣтели, своего рода магическую силу, въ управленіи государствомъ, въ производствѣ реформъ, въ установленіи правосудія.—

И вспоминается Ханъ Чингисъ: — послѣ насъ нашъ родъ будетъ носить золотыя одежды, ѣсть сладкія, жирныя блюда, обнимать красивыхъ женщинъ, ѣздить на добронравныхъ меринахъ, и не скажетъ, что собрали отцы и дѣды и старшіе братья наши, и забудетъ ихъ въ тотъ великій день!

И забудетъ то, КАКЪ они собирали — это самое страшное. Неужели же это и впрямь забыто, неужели изсякъ этотъ рукавъ исторической рѣки нашей?

А если нѣтъ, гдѣ его искать?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

РЕВОЛЮЦІЯ.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы можемъ выставить слѣдующее положеніе:

—Революція 1917 года явилась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ историческихъ причинъ; русскій народъ, въ Великой Войнѣ 1914-16 года поставившій на карту самое драгоцѣнное, что онъ имѣлъ—свою кровь, въ революціи предъявилъ требованія объ власти, которая соотвѣтствовала бы обстоятельствамъ момента и его народнымъ понятіямъ объ власти, и потерявъ всякую власть въ демократическомъ Временномъ Правительствѣ, пошелъ путемъ, исторически привычнымъ—подпалъ подъ диктатуру.

Подобнымъ же образомъ, и Великая Война для насъ не была явленіемъ исторически случайнымъ, побочнымъ. Она была по своимъ стимуламъ, повтореніемъ войны 1812-го года; то была война противъ Запада. И война была безусловно популярна. Солдатская масса дѣйствовала безотказно въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ, при ужасающемъ положеніи военнаго снабженія, при отсутствіи сознанія историческихъ нашихъ прямыхъ цѣлей и задачъ въ высшемъ военномъ и гражданскомъ руководительствѣ.

Вспомнимъ тѣ лозунги, которые были выброшены международной дипломатіей; то были—война союзниковъ—до полной побѣды надъ Германіей, какъ носи-

тельницей враждебнаго міра имперіалистическаго начала, противнаго общему миру и принципамъ свободной творческой народной дѣятельности. Русская армія многомилліонными своими рядами шла не на завоеваніе новыхъ земель; самое большое, что она должна была взять—это освободить тѣ славянскія земли и народы, которые издали тянули къ Россіи, получить Константинополь, чтобы круглымъ куполомъ св. Софіи увѣнчать храмъ нашей сбивчивой государственной преемственности. Великолѣпными словами прозвучалъ приказъ Главнокомандующаго объ освобожденіи Польши. Франція ставила все свое главное вниманіе на вопросѣ Эльзаса и Лотарингіи, издавна принадлежавшихъ ей. Англія настаивала, гл. обр., на принципіальномъ вопросѣ взаимнаго охраненія договоровъ, и такимъ образомъ, всѣ страны въ цѣляхъ войны какъ бы хотѣли одного—САМООПРЕДѢЛЕНІЯ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ БЕЗЪ АННЕКСІЙ И КОНТРИБУЦІЙ.

Хотя это было на самомъ дѣлѣ и не такъ, хотя та же Англія за согласіе предоставить намъ Костантиноноль потребовала съ нашей строны большихъ компенсацій въ Средней Азіи, но мало кто зналъ эту закулисную сторону войны, не подлежащую широкой демагогіи. Изъ нея наши революціонеры сдѣлали въ свою очередь демагогію, требуя опубликованія именно этихъ „тайныхъ договоровъ". Но для широкаго европейскаго общества это именно было такъ, какъ и излагалось, и въ русскомъ обществѣ цѣли войны въ такомъ изложеніи принимались за чистую монету. Великая война была для насъ войной противъ Германіи, какъ преимущественной выразительницы Западнаго аррогантнаго принципа. Широкая терпимость была всегдашнимъ свойствомъ восточныхъ владыкъ, учившихъ насъ государственности, терпимость какъ въ религіозномъ, такъ и въ административномъ смыслахъ, какой мы никогда не видали въ дѣйствіяхъ беззаконныхъ и несправедливыхъ имперіалистическаго Запада.

И когда наши революціонеры въ революціи выкинули лозунгъ МИРА БЕЗЪ АННЕКСІЙ И КОНТРИБУЦІЙ—этотъ

лозунгъ самымъ тѣснымъ образомъ совпалъ съ лозунгами самой войны. Только здѣсь его „справедливость“ была еще болѣе чиста и совершенна.

Въ обоихъ этихъ лозунгахъ содержаніе нашего національнаго сознанія осталось однимъ и тѣмъ же: долженъ быть уничтоженъ онъ, этотъ Западный призракъ, столь долго висѣвшій надъ нами угрозой нашего порабощенія, должны быть получены гарантіи невозможности повторенія этихъ угрозъ, гарантіи права на развитіе національныхъ силъ.

Нечего скрывать или отрицать, что этотъ лозунгъ былъ встрѣченъ гулкимъ эхо привѣтствій самого народа нашего; онъ былъ наслѣдіемъ лозунговъ самой войны, при чемъ въ немъ измѣнялся только методъ, поскольку война смѣнялась добровольнымъ миромъ, мечъ ораломъ. Ведущая цѣль — та же самая, лишь пути демагогически-пріятнѣе.

По окрику революціи наши арміи разошлись, разъѣхались на крышахъ вагоновъ, въ нарушеніе всяческихъ „демобилизаціонныхъ плановъ“. Разошлись онѣ отнюдь не въ сознаніи своего безсилія, наоборотъ, въ сознаніи своей силы: всѣ солдаты знали, что къ веснѣ 1917-го года они были такъ сильны, какъ никогда. Но брошенный Царемъ лозунгъ цѣлей Великой Войны былъ справедливъ, и оставался такимъ, будучи лишь исправленъ и дополненъ революціей. Какъ таковой—онъ требовалъ великихъ жертвъ. Конечно, можно было воевать и дальше—но что же дѣлать, если самъ Царь ушелъ, а начальники вокругъ его не знали стараго могучаго принципа монархіи, и не хотѣли дѣйствовать по совѣсти даже и при Царѣ! Русскій народъ поэтому призналъ рѣшеніе революціонеровъ правильнымъ, справедливымъ, прекратилъ войну, и пригласилъ другіе народы послѣдовать его примѣру.

Это было выраженіемъ чисто національной политики — эгоистическаго склада: народу не было никакого дѣла до такъ называемыхъ союзниковъ; англичане и французы могли бы стать братьями нашему народу, если бы они приняли

за руководство моментъ чисто русскаго, личнаго, нераздѣлительнаго отношенія между народами; но остаться только с о ю з н и к а м и, на основаніи лишь формальныхъ договоровъ, при наличіи столь несправедливыхъ дѣлъ, какъ неправильное распредѣленіе оружія на фронтѣ, какъ обида огромныхъ лагерей военноплѣнныхъ въ Германіи, гдѣ наши голодали, а „ихніе" снабжались за счетъ страны—они н е м о г л и.

Брошенный своимъ Царемъ, поставленный предъ этими неизбѣжными вопросами, необладавшій высшимъ классомъ, который сумѣлъ бы принять правленіе въ твердыя руки—народъ самъ разрубилъ Гордіевъ узелъ, по методу, предложенному лукавыми совѣтниками.

НИКТО НЕ МОЖЕТЪ ОТВЕРНУТЬСЯ ОТЪ ТОГО ФАКТА, ЧТО ЗАКЛЮЧЕНІЕ БРЕСТСКАГО МИРА САМОЗВАННОЙ ДЕЛЕГАЦІЕЙ, УВѢКОВѢЧЕННАГО ЭПИТЕТОМЪ „ПОХАБНЫЙ МИРЪ", ВЪ ТО ЖЕ ВРЕМЯ БЫЛО КАКЪ БЫ АППРОБИРОВАНО СОВѢСТЬЮ ОБЕЗГЛАВЛЕННОЙ АРМІИ. МЫ НЕ МОЖЕМЪ СВАЛИВАТЬ ВСЕ ЭТО ДѢЛО НА КУЧКУ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ—ОНА ДОЛЖНА БЫЛА ИМѢТЬ СООТВѢТСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНСЪ ВЪ МАССАХЪ.

Это постановленіе было принято изъ хорошихъ побужденій—быть можетъ даже о б м а н у т а г о народа; однако же оно было лишено государственнаго смысла. Государственный смыслъ шелъ ч е р е з ъ войну. Но если у руководящаго класса и у Царя нашлось достаточно энергіи чтобы эту войну н а ч а т ь, то послѣ отреченія Государя у обезглавленныхъ верховъ не хватило энергіи ее продолжать:

— работа нашего Генеральнаго Штаба оказалась настолько отвратительной, знаніе европейской ситуаціи настолько неполнымъ, способности провести дѣло до конца настолько мало, что первые же военныя наши неудачи весны 1915-го года должны лечь на его голову вѣчнымъ позоромъ. Что жъ тутъ говорить о томъ, что эти люди могли удержать армію отъ развала послѣ революціи?

Да иначе и быть не могло. Изъ всѣхъ россійскихъ бюрократій военная бюрократія была наихудшей. Символомъ ея метода обслуживанія арміи являлась постоянная незабвенная поставка сапогъ большого размѣра подъ теплую портянку весной, передъ лѣтомъ, а сапогъ малаго размѣра, подъ лѣтнюю холщевую подвертку подавался всегда передъ осенью. Эта страничка жизни нашей страны ждетъ своего изслѣдователя, который бы не побоялся вложить пальцы въ отверстыя раны, хотя бы потому ужъ, что именно эта военная бюрократія погубила въ большей части дѣло контръ-революціи.

На Руси ко времени революціи не было твердой хозяйской руки. Порывъ 1914-го года шелъ на убыль, тылъ кипѣлъ недисциплинированными частями, которыя обучались такъ плохо, какъ только себѣ это можно представить, офицеры мало интересовались организаціонной стороной войны, и армію спасала только установившаяся позиціонная война, съ ея почти казарменнымъ размѣщеніемъ частей. Императоръ Николай II пытался быть хозяиномъ и не могъ. Напротивъ, съ его стараніями, его и безъ того неблестящая фигура тускнѣла болѣе и болѣе. Онъ тщетно завидовалъ всѣмъ сильнымъ и талантливымъ людямъ, бывшимъ около него, вродѣ Витте и Столыпина, и интригуя противъ нихъ, не позволялъ имъ во всю ширь развернуть ихъ дарованія. Петръ Великій бы дѣйствовалъ иначе. Понимавшій далѣе, очень глубоко подъ вліяніемъ своей супруги, мистическую сущность своего соприкосновенія съ народомъ, Николай Александровичъ не понималъ однако народа такъ глубоко, какъ понималъ его хотя бы Иванъ Грозный. Народъ нашъ онъ представлялъ себѣ, какъ доброе послушливое стадо благочестивыхъ мужичковъ; старая теократическая греческая традиція для него и для его супруги стала мистической явью,— тогда, когда ему требовался трезвый раскольничій умъ и раскольничій великорусскій смыслъ въ пониманіи нашего народа. Царственная чета въ этомъ академическомъ обожаніи мужика шла настолько далеко, что мужественно

провела черезъ придворное окруженіе фигуру Распутина. Собственно говоря, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у русскаго Царя въ числѣ его совѣтниковъ былъ русскій крестьянинъ: удивительно было бы явленіе противоположное, отсутствіе у престола представителя отъ 85% подданныхъ. Печально же было то, что фигура эта была слишкомъ хитра и непочтенна, хотя умомъ, конечно, она далеко оставляла за собой все придворное окруженіе.

Исторія русской революціи—исторія о томъ, какъ русскій народъ, при всемъ своеобразіи своего склада характера, увидалъ, что его Царь—эта ось и центръ его государственнаго бытія—несоотвѣтствуетъ своему назначенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ видитъ несоотвѣтствіе своему назначенію и тѣхъ, кто раздѣлялъ съ нимъ власть. Когда же Государь, забывая свой долгъ, возложенный на него отъ Господа Бога, забывая, что власть — это крестъ, родомъ дворцоваго переворота вынужденъ отказаться отъ власти—народъ немедленно смахиваетъ съ себя остатки всякой этой власти, образуя неуемное, изначальное русское море.

Это наличное море, при всей своей кажущейся хаотичности, бурности, при всей невыясненности основныхъ линій историческаго направленія, все же единственное руководящее условіе ходовъ революціонной политики. Самые неожиданные ходы революціи пролагаются въ народѣ согласно этой глубоко погребенной, изначальной народной волѣ, подобно тому, какъ грани алмаза заложены въ законахъ кристаллографіи. Эти выраженія народной воли, правда, облекаются въ нелѣпыя, западныя формы, въ западныя формулы, но содержаніе подъ этими формами, его направляющій моментъ остаются чисто-русскими. Это содержаніе моментально разрываетъ формулы, и заставляетъ облекать его новыми и новыми выраженіями, столь непрочными, дѣйствительными на короткіе революціонные миги; здѣсь мы можемъ провидѣть то время, когда эти выраженія полностью лягутъ въ лоно

историческихъ нашихъ предначертаній, и, сами революціонныя, исчерпаютъ эту революцію. И отъ этихъ путей не уйти, какъ вообще нельзя уйти отъ тысячелѣтнихъ путей своей націи, какъ не уйти отъ Москвы, стоящей во главѣ русскаго государства.

Революція 1917 и война 1914—построены, какъ мы видѣли, на однихъ и тѣхъ же лозунгахъ; миръ революціи поставилъ намъ проблему примиренія съ Западомъ на основѣ раздѣленія сферъ вліяній, и измѣненія самой западной психологіи изъ холодно-буржуазной, въ тепло-пролетарскую, братскую. Теперь же мы видимъ, что можетъ быть у этихъ миролюбцевъ отъ революціи недалекъ уже разрывъ съ этимъ самымъ Западомъ, что оправдаетъ собой политику Николая II-го, такъ какъ наши отношенія съ Западомъ всегда покоются на старомъ противоположеніи интересовъ Запада и Востока. И недалеко то время, когда московскіе революціонные публицисты начнутъ вспоминать времена занятія нами Парижа, а можетъ что нибудь еще и постарше, вродѣ нашествія Субутая.

—„Миръ хижинамъ, война дворцамъ“, возгласили наши революціонеры второй лозунгъ, который столь же историченъ, какъ и первый. Въ разграбленіи дома Андрея Боголюбскаго мы видимъ этотъ лозунгъ дѣйствующимъ уже восемь вѣковъ тому назадъ.—„Миръ хижинамъ, война дворцамъ“, въ пониманіи народа нашего означаетъ отнюдь не войну съ живымъ Царемъ; это просто провозглашеніе стараго принципа потока и разграбленія, которому предавалось имущество павшихъ князей и бояръ; дѣйствуя такъ, народъ не нарушалъ собственности, какъ таковой, а только наказывалъ тѣхъ, кто стоя на высокой ступени соціальной лѣстницы, не смогъ исправлять, какъ слѣдуетъ своихъ общественныхъ функцій, и такимъ образомъ возвращался въ первобытное состояніе. Это чрезвычайно еще далеко до борьбы съ Царемъ, какъ принципомъ, какъ стремятся представить этотъ лозунгъ нѣкоторые семитическаго склада

умы, всегда соединяющіе съ революціонностью нѣкоторый элементъ богоборчества.

Русскій народъ былъ убѣжденъ, что онъ, громя помѣщиковъ, ни въ коемъ случаѣ не беретъ себѣ собственной помѣщичьей земли. Не имѣя земли самъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, народъ, ясно, не могъ видѣть такой же собственной земли у помѣщиковъ. То есть онъ видѣть то ее видѣлъ, да не признавалъ этого. Какъ для него вся земля была государевой, какъ у него Царь могъ отобрать и отбиралъ землю для государственныхъ нуждъ, такъ и у помѣщиковъ земля была того же происхожденія. За отсутствіемъ Царя, какъ личности, сосредотачивавшей всю полноту соборнаго значенія нашего, народъ самъ облекался этой соборностью. — Какъ же вы, господинъ поручикъ, противъ, спрашивали пишущаго эти строки солдаты его роты въ 1917-мъ году, послѣ революціи, — ежели вся рота такъ постановила? Міру — не должно быть возраженій, такъ какъ міръ — начала божественнаго.

И сознаніе — неясное, неотчетливое — но въ сущности точное, виновниковъ нашего государственнаго нестроенія, было распространено столь широко, что въ результатѣ этихъ обычныхъ конфискацій пострадали почти безъ исключенія всѣ бояре-баре. Конечно — было много злобы и ужаса; но страшные крики погромовъ 1917-го года не заглушатъ большой степени невозмутимаго философскаго спокойствія, которое народъ проявлялъ тогда при этой операціи „обращенія въ первобытное состояніе“ своихъ господъ, неоправдавшихъ своего государственнаго назначенія.

Достойно всяческаго вниманія то обстоятельство, что революціонеры главные свои громы, по марксистской рутинѣ своихъ мыслей, метали противъ „буржуазіи“; они указывали на буржуевъ, а народъ перъ не на буржуевъ, а на баржуевъ, производя типичную историческую абберацію. Шелъ, правда, онъ и противъ буржуазіи нашей, но далеко не столь ожесточенно, какъ противъ дворянства, словно со-

храняя къ ней какое то застѣнчивое уваженіе: ВОПРЕКИ ВСѢМЪ КАРЛАМЪ МАРКСАМЪ, БУРЖУАЗІЯ У НАСЪ ПОСТРАДАЛА ЗНАЧИТЕЛЬНО МЕНЬШЕ ДВОРЯНСКАГО СОСЛОВІЯ. А духовенство — пострадало еще меньше, несмотря ужъ на абсолютную неподходящесть свою для государственной религіи воинствующаго матеріалистическаго атеизма. А когда декретомъ Ленина въ 1918-мъ году были поставлены на очередь для очередного раздѣванія, подобно гладіаторамъ на аренѣ древняго цирка кулаки, то есть деревенская буржуазія, и созданы были „комбеды" — то есть комитеты „бѣдноты", то ярость народная, увы, какъ бы истощилась: изъ кулаковъ ловко вычленился „среднякъ," съ которымъ соціалистическое правительство готово на смычку, и такимъ образомъ всероссійскій погромъ мужикомъ своего же брата мужика — рѣшительно неудался.

Въ то время, какъ самъ народъ срывалъ съ себя остатки правящаго класса — только въ подзуживаніи къ этому заключался первый періодъ дѣятельности революціонеровъ, трудно было предположить, что такое срываніе пройдетъ совершенно безо всякаго сопротивленія. Невозможно было предположить, что въ этомъ классѣ нѣтъ хотя бы небольшого количества людей, работавшихъ тамъ не за страхъ а за совѣсть, работавшихъ тамъ по убѣжденію въ своей исторической правотѣ: эти то люди и стали бороться за сохраненіе значенія своего класса, исторически созданнаго и исторически оправданнаго своимъ предыдущимъ существованіемъ. Въ движеніи этомъ участвовали самыя разнообразныя группы.

Такъ создалось контръ-революціонное движеніе 1918-22 гг. изъ людей, не потерявшихъ ни своего историческаго кругозора, ни воли. Въ немъ выступаютъ самыя разнообразныя политическія партіи, причемъ надо отмѣтить, что ихъ объединяютъ между собой два обстоятельства:—во первыхъ—борьба противъ группы большевиковъ, единый фронтъ въ ней, и—во вторыхъ, ни одна изъ выступавшихъ на этомъ полѣ группъ не стоитъ на пол-

номъ отрицанiи революцiи, а, наоборотъ, на полномъ ея признанiи. Принцевъ Конде и Вандеи въ русской контръ-революцiи не было, ибо въ ней не было вѣрныхъ старому, безоговорочно выступавшихъ за старый, божественно установленный порядокъ. Старый порядокъ осуждался всѣми безповоротно, начиная съ генерала Деникина и кончая атаманомъ Семеновымъ; въ программахъ всѣхъ нацiональныхъ образованiй и армiй мы видимъ неизмѣнный моментъ волеизъявленiя народнаго, и если ужъ не Учредилку, то „Земскiй Соборъ". На этомъ формальномъ требованiи всенародности будущей власти сходились всѣ—и монархистъ, и эсеръ. Такимъ образомъ, контръ-революцiя собственно неправильное слово для обозначенiя этого бѣлаго движенiя. Если бы контръ-революцiя побѣдила, то это знаменовало бы оправданiе до извѣстной степени старыхъ классовъ, имѣвшихся въ нашемъ государствѣ, въ ихъ жизнеспособности.

Но несчастiе контръ-революцiоннаго движенiя было въ томъ, что этотъ моментъ дѣйствительно оставался все время формальнымъ, изъ котораго не было сдѣлано никакихъ практическихъ выводовъ. Волеизъявленiе это отдвигалось до неопредѣленно-отдаленнаго времени и содержанiе этого понятiя оставалось просто загадкой для его герольдовъ. БЮРОКРАТЪ ОТГОВАРИВАЛСЯ ОТЪ РЕВОЛЮЦIИ И ХОТѢЛЪ ЭТОТЪ МОМЕНТЪ СУНУТЬ ПОДЪ СУКНО ТАМЪ, ГДѢ БЫЛА НУЖНА СМЕРТНАЯ И РЕАЛЬНАЯ БОРЬБА.

Борьба шла, она велась преимущественно отдѣльными личностями, энергическими, волевыми, но они оставались умирать въ одиночествѣ. Вся наша контръ-революцiя была демонстрацiей евангельскаго противоположенiя объ сердцѣ и устахъ. Уста говорили о новомъ, но сердце психологически тянуло къ старому порядку. Особенно ярко проявлялась всегда превалирующая у насъ сторона быта:—она была сплошь демонстрацiей стараго. Говоря объ признанiи революцiи,контръ-революцiя въ то же время возрождала трупъ стараго въ его наиболѣе худшихъ формахъ и проявленiяхъ. Един-

ственнымъ преимуществомъ устанавливавшагося нѣсколько разъ на короткое время стараго режима было существованіе въ немъ нѣкоторыхъ личныхъ и судебныхъ гарантій да отсутствіе экономическаго гнета. Съ другой же стороны, многоголовая, лишенная единой воли, нескладная—не гидра, а амеба контръ-революціи дѣйствовала и дралась съ такимъ отсутствіемъ государственной мысли, государственной воли и системы, что доблесть на фронтѣ сейчасъ же съѣдалась пьянымъ и дебоширящимъ тыломъ.

Вожди контръ-революціи не понимали, что они не одни въ своихъ кабинетахъ, что они на глазахъ у многомилліоннаго нашего народа. Они забывали, что народъ не толпа дѣтей, повинующихся „старшимъ", они забывали, что и старшихъ то собственно не было, потому что и въ революціи и въ контръ-революціи народъ выкидываетъ на свою поверхность новыхъ дѣятелей, отвѣчающихъ не въ силу своихъ чиновъ, а сами за себя. Они забывали и то, что народъ проститъ все, что угодно, но никогда не проститъ одного—безхозяйственности въ томъ, кто назвался хозяиномъ.

Поэтому стоило только революціонерамъ указать на эту старую и безотрадную картину нашего настроенія, стоило имъ только подхватить обмолвки и недоговоренности въ руководящихъ программахъ, откуда такъ и виднѣлись унылыя знакомыя черты хирѣющаго стараго режима, какъ народныя массы сразу же подымались противъ контръ-революціи. РЕВОЛЮЦІЮ МОГЪ БЫ ПОБѢДИТЬ ТОТЪ, КТО БЫ САМЪ ШЕЛЪ СЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ, ПОТОМУ ЧТО РЕВОЛЮЦІЯ ШЛА ПОДЛИННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАШЕЙ ДОРОГОЙ. Принявшій революцію диктаторъ изъ популярныхъ генераловъ войны, не постѣснявшійся бы дѣйствовать демагогически, съ широкимъ пониманіемъ момента, принявшій всѣ „завоеванія революціи", и въ томъ числѣ свойство не стѣсняться соблюденіемъ рутинныхъ формъ и „гарантій", непостѣснявшійся бы пренебречь эфемерными „ненарушимыми правами", въ случаяхъ особливо яркихъ сумѣвшій бы жесточай-

шимъ образомъ приносить въ жертву подлинному дѣлу и жизнь и достояніе отдѣльныхъ личностей, поравненныхъ всенародно, повторявшій бы, такимъ образомъ, мужичью политику Великихъ Князей Московскихъ—подобно тому, какъ это дѣлалъ Мининъ, поставившій себѣ идеалъ глубокой русской дѣловитой справедливости—вотъ кто могъ бы, можетъ быть, скорѣе повернуть бѣгъ колеса нашей исторіи, нежели оно кружится теперь.

Но такой личности среди русскаго „бѣлаго" общества не оказалось. Попытки были сдѣланы и кончились неудачей; много народу изъ разныхъ бѣлыхъ классовъ присоединялось къ этимъ попыткамъ, тѣмъ свидѣтельствуя правильность ихъ идеи, и только молчаливая сдержанность эмиграціи не позволяетъ намъ излить всю горечь на многія имена контръ-революціи, вся извѣстность коихъ въ огромности формуляровъ ихъ пораженій.

Слѣдуетъ ли отсюда, что бѣлаго движенія и не должно было быть? Отнюдь нѣтъ! Бѣлое движеніе, какъ и сама революція, показала воочію, что Россія въ своей дореволюціонной цѣлокупности была полна живыхъ силъ; что хотя, при всемъ томъ, ея центральный аппаратъ власти рухнулъ, но все же части этого аппарата были полны живыхъ силъ, и небольшая часть студенчества, офицерства, купечества, духовенства, крестьянства—не побоялась пуститься въ дальнѣйшую борьбу, кровью свидѣтельствуя свою готовность отстаивать свои убѣжденія и право на признаніе своего жизненнаго дѣла. Великій Петръ долженъ бы былъ быть доволенъ, видя эту готовность, но Петра, увы, у насъ не было, и бѣлое движеніе проиграло.

Есть одна великая заслуга бѣлаго контръ-революціоннаго движенія, именно—его искренность; и нѣкоторые руководители его, и много, очень много рядовыхъ бойцовъ—люди безъ упрека. Въ погребальныхъ урнахъ бѣлаго движенія лежитъ покамѣстъ живой духъ Россійской націи, пока ему не

суждено будетъ расцвѣсть снова въ движеніи широко-національномъ. И можно быть вполнѣ спокойнымъ въ томъ, что когда весь Русскій народъ сможетъ, наконецъ, оглядѣться вокругъ успокоенными глазами, онъ признаетъ за бѣлыми право на честь.

Этого права на честь нельзя признать за дѣятелями революціонными. Въ настоящее время это заявленіе вызоветъ на многихъ устахъ улыбку, такъ какъ толпа не судитъ побѣдителей. Но тѣмъ не менѣе, мы должны строго отличать фактическихъ революціонеровъ — водителей отъ самаго нашего революціоннаго движенія. Между ними—дистанція огромнаго размѣра. Мы признаемъ, что русская революція кинулась въ своей народной сторонѣ такими путями, которые мы можемъ признать подлинными; она шла по историческимъ линіямъ. Вѣдь только это дѣлаетъ для насъ понятнымъ фактическій успѣхъ въ народной толщѣ всѣхъ революціонныхъ лозунговъ:

— понятно отрицаніе собственности въ странѣ, гдѣ 85% земельной собственности не имѣли, и если сидѣли на землѣ, то вслѣдствіе долгой привычки государственнаго прикрѣпленія къ ней;

— вполнѣ понятенъ успѣхъ идеи ввести на фабрикахъ фабричные комитеты въ странѣ, гдѣ сельское хозяйство идетъ общиннымъ бытомъ, и гдѣ столь распространены артели;

— не трудно, далѣе, вести преслѣдованіе религіи тамъ, гдѣ православіе никогда не воспитывало дѣятельной вѣрующей личности, и проповѣдывало не чеканную догму, а облегчительную обрядность, соборность бытового исповѣдыванія;

— конечно, не будетъ сопротивленія проповѣди противъ личнаго труда въ странѣ, гдѣ къ систематическому труду вообще не извычны, и нѣгу и прелесть приволья и бродяжнической перемѣнчивой жизни ставятъ выше всего.

И такъ далѣе. Таковы народныя качества, и мы знаемъ, какъ они обоснованы исторически. Про нихъ давно вѣдали соціалисты-революціонеры, теоретически обосновывая свой соціализмъ на вѣковыхъ повадкахъ нашего народа. Эти свойства нашего народа лѣзутъ изъ всѣхъ щелей. Ими полна наша литература, именно въ нихъ почерпающая свою прелесть и своеобразіе.

> — Мелкій, тонкій дождь проницалъ всю окрестность, поглощая всякій отблескъ и всякій оттѣнокъ, и обращая все въ одну дымную, свинцовую, безразличную массу. Давно былъ уже день, а казалось, еще не разсвѣтало. И вдругъ изъ этой дымной, холодной мглы вырѣзалась фигура странная, нелѣпая, шедшая имъ навстрѣчу... Это былъ Степанъ Трофимовичъ. Одѣтъ онъ былъ „по дорожному", то есть шинель въ рукава, а подпоясанъ широкимъ кожанымъ поясомъ съ пряжкой, при этомъ высокіе новые сапоги и панталоны въ голенищахъ. Вѣроятно, онъ такъ давно воображалъ себѣ дорожнаго человѣка, а поясъ и высокіе сапоги съ блестящими гусарскими голенищами, въ которыхъ не умѣлъ ходить, припасъ еще нѣсколько дней назадъ. Шляпа съ широкими полями, гарусный шарфъ, плотно обматывавшій шею, палка въ правой рукѣ, а въ лѣвой маленькій, но чрезмѣрно набитый саквояжъ—довершали костюмъ. Вдобавокъ—въ той же правой рукѣ—распущенный зонтикъ...

Такими словами описываетъ Достоевскій въ „Бѣсахъ" исходъ изъ дому Степана Трофимовича Верховенскаго, писателя и искателя въ русскомъ стилѣ.

> — Lise, вскричалъ Степанъ Трофимовичъ, бросаясь къ ней (встрѣтившей его вышеописаннымъ способомъ), весь какъ бы въ бреду. Chère, chère, неужто и вы... въ такомъ туманѣ... Видите—зарево? Vous etez malhereuse, n'est pas? Вижу, вижу, не разсказывайте, не разспрашивайте и меня. Nous sommes malheurex, mais il faut pardonner tout. Pardonnons, Lise, и будемъ свободны на вѣки...

Развѣ эта картина не напоминаетъ другого символическаго и р е а л ь н а г о событія—исхода изъ дому Льва Толстого, бросившаго на восьмомъ десяткѣ и домъ, и жену, и „ушедшаго“ такъ, какъ уходилъ неизвѣстно куда старый бродяга—с т е п ь м а н и т ъ! Развѣ не символична его могила въ саду, „безъ церковнаго пѣнья, безъ ладана—безъ всего, чѣмъ могила крѣпка“? Кто кромѣ русскаго могъ такъ отречься отъ всего достигнутаго, отъ тысячелѣтней религіи и государства своего, чтобы его могила стала похожей на могилу безвѣстнаго номада?

— Когда Ханъ умиралъ, то для его гроба употребляли два куска душистаго дерева и выдалбливали ихъ по росту покойника, полагали его въ этотъ гробъ... На третій день смерти гробъ отправлялся на сѣверъ, къ мѣсту погребенія. По прибытіи на мѣсто погребенія, гробъ глубоко зарывали въ землю, потомъ прогоняли по могильной насыпи нѣсколько тысячъ лошадей, или уносили лишнюю землю въ другое мѣсто. Когда всходила трава — все было кончено: могила представляла изъ себя ровное мѣсто, гдѣ нельзя было ничего распознать *).

Равнымъ образомъ, нѣтъ той литературной теоріи, которую мы не испытали бы на себѣ: мы и жгли себя въ избахъ, прибивая еще несознательныхъ ребятишекъ за штанишки и платьишки гвоздями къ лавкамъ, чтобы доставить имъ непремѣнно Царствіе Небесное, и въ пещерахъ живьемъ погребались, и Іисуса Христа неоднократно уже лично принимали, и Богородицу лобзали, и Духа Святого видали, какъ онъ „накатывалъ“ по нашимъ деревнямъ на нашихъ односельчанъ, а равнымъ образомъ, имѣли среди нашихъ спутниковъ по жизни такихъ полныхъ вѣры и духовнаго напряженія людей, что и послѣ смерти ихъ тѣла лежатъ „мощами“ среди насъ, подобно вѣчно цвѣтущимъ кустамъ, такъ что одно прикосновеніе къ этому источнику м о щ и даетъ и силу, и жизнь, и исцѣленіе и воскресеніе.

*) Старинное сказаніе, переводъ арх. Палладія, примѣчаніе 619.

Разсѣянный по огромной странѣ, умирающей зимой подъ пеленой сугробовъ на многіе мѣсяцы, и въ несказанныхъ ароматахъ оживающей весной, подобно колоссальному цвѣтку лотоса, вѣрящій въ домовыхъ и лѣшихъ, живущую вотъ здѣсь, рядомъ, въ баняхъ и по запечкамъ нечистую силу, нашъ народъ такъ же яростно вѣритъ и въ личнаго Бога. Онъ слишкомъ близокъ къ природѣ, чтобы какая угодно идея, имѣющая нѣкоторое соотвѣтствіе ходу идей въ мірѣ не смогла овладѣть имъ.

И какое угодно ученіе можетъ найти себѣ послѣдователей среди русскихъ людей, которые всегда ищутъ лихорадочно отвѣта на одинъ и тотъ же вопросъ: „какъ жити, чтобы святу быти?“ Неискусный въ догматикѣ, презирающій слова безъ дѣла, и все таки любящій слова ради обозначающихся въ нихъ грядущихъ дѣлъ, ищущій прежде всего подвига и поученія, изувѣрный въ своей устремленности — нашъ народъ и нынѣ творитъ новую религію жизни, религію революціи, пробуя исповѣдывать бытомъ своимъ экономическій матерьялизмъ.

Съ этой точки зрѣнія настоящее всероссійское революціонное правительство является стоящимъ не на уровнѣ того, что мы называемъ „прогрессивнымъ“, „современнымъ“, а стоящимъ на нѣкой сектантской точкѣ зрѣнія; оно — родъ безбожной теократіи, объ чемъ наводятъ на мысль и эти коммунистическіе съѣзды и собранія съ пѣніемъ пѣсенъ и колебаніемъ красныхъ хоругвей съ золотыми священными надписями, и назидательныя поученія съ кафедры, ободряющія и укрѣпляющія неофитовъ, и іерархическая дисциплина между членами этого общества и наконецъ — что же это такое, какъ не безбожныя мощи—этотъ трупъ Ильича, лежащій подъ хрустальнымъ стекломъ въ мавзолеѣ у Кремлевской стѣны, въ ракѣ, къ которому спускается по ступенямъ молчаливая сосредоточенная толпа народу, — одинъ за однимъ, — взглянуть на усопшаго вождя, котораго столь показательно сохраняетъ нетлѣннымъ мощь, сила человѣче-

скаго знанія, не хуже силы Божеской. И думается, бывали случаи, когда рука какой нибудь женщины благоговѣйно крестилась при видѣ этого ссохшагося тѣла.*)

Такого рода „государственный строй" не былъ бы возможенъ ни въ одной странѣ въ Европѣ, тронутой благодѣтельнымъ ядомъ гуманизма и раціонализма. Только у насъ въ Россіи возможенъ этотъ „татарскій соціализмъ" какъ выражался самъ Марксъ, тотъ государственный строй, при которомъ вождь не только дѣлается Царемъ, нѣтъ, выше, больше, онъ обожествляется.

При такой точки зрѣнія настоящій совѣтскій строй націоналенъ, то есть намъ свойственень. Другой любой народъ не могъ бы имѣть его. Однако, еще этимъ не утверждается, что онъ націоналенъ по цѣли. Про послѣднее кричатъ теперь совѣтскія изданія, мы находимъ на самомъ дѣлѣ лишь первое.

ВОЖДИ СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО СОЦІАЛИЗМА БЕЗКОНЕЧНО ЛУКАВЫ, ПОТОМУ ЧТО, ЗАЯВЛЯЯ, ЧТО ОНИ ДАЮТЪ НАРОДУ НАШЕМУ САМОЕ ПОСЛѢДНЕЕ И ВЫСШЕЕ ДОСТИЖЕНІЕ ОБЩЕЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, А ВМѢСТО ТОГО РАСКРЫВАЯ ВЪ НАРОДНОЙ ТОЛЩѢ ИЗВѢСТНЫМЪ ПРИНЦИПОМЪ „ГЕТЕРОГЕНІИ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ЦѢЛЕЙ", ЕЩЕ СОХРАНЯЮЩІЯСЯ ТАМЪ ДРЕВНІЯ ВѢРОВАНІЯ И НЕИЗЖИТЫЕ ПЕРЕЖИТ-

---

*)Послѣ того, какъ эти строки были написаны, въ газетѣ „Русское Время" мы нашли полное подтвержденіе нашей догадки. Вотъ что сообщаетъ эта газета (Парижъ, 24-6, 1925.):

ТРУПЪ ЛЕНИНА.

Первое, что приходится продѣлать при посѣщеніи Москвы — это посѣщеніе мавзолея Ленина. Со всѣхъ сторонъ стекаются туда коммунистическіе пилигримы. И — настоящее чудо, многіе изъ этихъ атеистовъ крестятся предъ этими мощами.

— Одинъ изъ вождей ленинизма сказалъ мнѣ — „Ленинъ былъ оппортунистъ и Троцкій сдѣлалъ для революціи несравненно больше. Но, обращая Ленина въ божество мы создаемъ новый культъ и разрушаемъ, такимъ образомъ, христіанскую религію."

КИ — ОНИ РАЗЪ ЗА РАЗОМЪ, ЛОЖЬ ЗА ЛОЖЬЮ, КРУГЪ ЗА КРУГОМЪ, ВОЛЬТЪ ЗА ВОЛЬТОМЪ — СПУСКАЮТЪ ЕГО ВСЕ НИЖЕ И НИЖЕ ПО ШКАЛѢ ВѢКОВЪ, ГОТОВЯ ИЗЪ НЕГО БЕЗСЛОВЕСНУЮ МАССУ ДЛЯ НОВАГО, ЕЩЕ НЕ ЯВИВШАГОСЯ ВОЖДЯ.

Къ этимъ чувствамъ и вѣрованіямъ народнымъ мы подходимъ, обнаживъ голову — до такой степени подлинно ихъ самородное золото; мы должны быть благодарны большевикамъ за то, что они своими обнажающими дѣйствіями показали намъ подлинную сущность насъ самихъ, которую мы было позабыли за суетностью мирной жизни и громами войны. Но съ дьявольской изобрѣтательностью они показали намъ еще одно — тотъ ужасный цинизмъ, съ которымъ они играютъ на невѣжественности массъ. Предъ всѣмъ человѣчествомъ въ его лучшемъ смыслѣ слова, они, пользуясь размахомъ инерціи нашей политической борьбы опорачиваютъ одно достиженіе человѣческой культуры за другимъ; уничтожая всѣ цѣнности человѣческаго общежитія, достигнутыя рядомъ вѣковъ, какъ то личную совѣсть, честь, долгъ, общественное мнѣніе, солидарность, здоровый націонализмъ—они пользуясь скрытыми стихіями восточнаго духа возвращаютъ нашъ народъ къ первобытному прошлому, хитро пользуясь лучшими движеніями его души для того только, чтобы въ нужный моментъ быть въ состояніи вложить ему, оглушенному, одичавшему, въ руку не мечъ, а современный бинокулярный пулеметъ. Въ острыхъ и злобныхъ умахъ современныхъ русскихъ революціонеровъ сидитъ мысль — бросить это смѣлое рѣшительное, покорное стадо на Европу, и повторить тѣ времена, когда столь скорбѣла королева Бланшъ.

Революціонеры помогли намъ увидать азіатскій нашъ духъ и нашу соотвѣтственную подлинную сущность. Въ вихрѣ революціи исчезъ старый строй, который оказался чрезвычайно непрочнымъ. Великой войной поставлены человѣчеству задачи мирнаго сотрудничества. Казалось бы наша революція открыла намъ безконечный путь для развитія, дала

массу здоровыхъ творческихъ задачъ. Имѣло строиться и развиваться наше прекрасное государство во всемъ необъятномъ множествѣ своихъ возможностей, матеріальныхъ и духовныхъ, черезъ своеобразія нашего духа расширяя достиженія Европы, и т. о., входя въ современный orbis terrarum.

Контръ-революціонная группа не могла достичъ этихъ послѣреволюціонныхъ возможностей, такъ какъ не приняла революціи сполна и до конца, и не побѣдила. А между тѣмъ ея идеологи показывали намъ именно этотъ государственный путь, какъ несущій залогъ мира и творческой дѣятельности какъ для Россіи, такъ и для всей Европы. Но Европа не поняла этого нашего устремленія, истолковывая дѣятельность контръ-революціонеровъ, какъ защиту и реставрацію стараго, и не оказала нужной помощи въ нужное время. Это испортило отношеніе къ Европѣ со стороны многихъ національныхъ круговъ, что не преминетъ сказаться впослѣдствіе.

Съ другой стороны — революціонеры, имѣющіе въ своихъ рукахъ власть — не хотятъ этого. Ихъ цѣль, которая даетъ имъ возможность пока владѣть Россіей — это сдѣлать изъ Россіи тотъ обвалъ, который разобьетъ ноги глиняного истукана Запада; ихъ мечты, хоронящіяся отдаленно и скрытно, не дать быть Россіи правовымъ государствомъ; ихъ идеалъ — Россія, какъ подвластная, дружная орда, грозящая Европѣ, изгоняющей ихъ изъ себя. Они поэтому и работаютъ такъ надъ уничтоженіемъ въ нашемъ народѣ права, воскрешая, вмѣсто долга — былую уничижительную покорность, вмѣсто чести — „государево — слово и дѣло" и тайныя канцеляріи, вмѣсто свободнаго труда — прикрѣпощеніе къ фабрикамъ, вмѣсто сельскаго хозяйства — государственную барщину и оброкъ, вмѣсто религіи — соціалистическое шаманство. ОНИ ВОЗВРАЩАЮТЪ НАРОДЪ НАШЪ КЪ УХУДШЕННОМУ XIII ВѢКУ.

Одновременно международнымъ правительствомъ III-го Интернаціонала, отъ котораго зависитъ и правительство СССР,

ведется нынѣ усиленная работа въ Азіи — за сближеніе съ Совѣтской Россіей, за выступленіе противъ европейскихъ державъ. Какъ все, что теперь дѣлаютъ московскіе революціонеры, эти дѣйствія имѣютъ тоже двойной смыслъ: въ народахъ Азіи пропаганда эта имѣетъ успѣхъ, потому что Россія всегда имѣла большой вѣсъ въ Азіи по ощутительному родству своихъ культуръ, и по историческимъ и географическимъ условіяхъ; работа же СССР тѣмъ болѣе встрѣчаетъ тамъ одобреніе, такъ какъ она истолковывается, какъ содѣйствіе азіатской національной политикѣ. Но политика СССР, какъ всегда тоже — интернаціональна, и имѣетъ цѣлью лишь нарушеніе международнаго равновѣсія въ Азіи, а съ нимъ нарушеніе государственнаго и экономическаго равновѣсія въ Европѣ.

Такимъ образомъ, ни контръ-революція не могла, ни революція не хочетъ сдѣлать изъ Россіи то, къ чему нашу страну велъ ея тысячелѣтній ходъ исторіи—Государство Россійское въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы мыслимъ при этомъ такое государство, которое бы сознательно сочетало бы въ себѣ основныя исконныя черты народа нашего съ исконнымъ единоначаліемъ личности, какъ символа Единой Россіи, какъ выраженіе справедливости. Въ то же время государство это должно обладать развитыми отвѣтвленіями власти, при которыхъ мѣстныя самоуправленія, разбитыя этнически и географически сочетали бы мѣстныя свободы съ крѣпкой центральной властью, вродѣ того, какъ это было достигнуто въ той же Москвѣ XVI вѣка со Строгановыми. Со стороны революціи къ этому образованію должны послужить проявленія въ ней исконныхъ русскихъ началъ, а такъ же выдвинутый жизнью новый персоналъ, а со стороны контръ-революціи будетъ данъ святой огонь національнаго горѣнія совмѣстно съ отреченіемъ отъ старыхъ грѣховъ, мѣшавшихъ ей пройти непосредственно къ власти.

Это могло бы быть національнымъ грядущимъ движеніемъ, началомъ примиренія обѣихъ сторонъ, началомъ

исхода изъ великаго тупика, куда привели насъ и исторія и воли отдѣльныхъ людей. Какъ будетъ начато это національное движеніе—судить здѣсь не будемъ, но думается, что необходимость постановки отвѣтственной задачи примиренія непремѣнно потребуетъ участія сильной личности. А залогомъ того, что это все таки будетъ, и должно быть, дабы не развалилось наше государство на составныя части, какъ будетъ при всякой власти, которая не будетъ повторять общей линіи политики Московскихъ Великихъ Князей,—залогомъ этимъ служитъ уже то обстоятельство, что уже теперь въ мутномъ потокѣ революціонныхъ лѣтъ мы можемъ видѣть ведущія въ указанную сторону теченія, которыя мы можемъ по истинѣ назвать живыми водами современности. Государственныя старыя идеи не мрутъ, а оживаютъ, скрываясь въ толщѣ нашего народа, и мы будемъ думать, что въ своемъ обнаженіи старыхъ пластовъ большевики дойдутъ наконецъ до такого предѣла, при которомъ народъ увидитъ, что дальше обнажаться нельзя, потому что начинаютъ протестовать культурныя привычки, пріобрѣтенныя, какъ никакъ, за прошлую исторію.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ЖИВЫЯ ВОДЫ.

Если въ настоящее время при коммунистическомъ правительствѣ наша страна находится на уровнѣ XIII вѣка въ смыслѣ культурномъ, готовясь въ качествѣ орудія III-го Интернаціонала нанести ударъ буржуазному Западу, то при всемъ этомъ безотрадномъ положеніи мы ставимъ наши надежды въ томъ, что Россія оставаться длительно въ такомъ положеніи не можетъ.

Главнымъ условіемъ успѣха московскихъ революціонеровъ въ указанномъ выше дѣлѣ обнаженія нашихъ историческихъ напластованій была сама та борьба, которую они вели на нѣсколько фронтовъ. Въ динамикѣ этой борьбы требовались лозунги грубые, примитивные, примѣрные, которые, составляя изъ себя основу возможности вооруженнаго дѣйствія, не требовали для себя детализаціи ни въ какомъ смыслѣ, а только лишь приблизительнаго соотвѣтствованія примитивнымъ движеніямъ народной ярости. Миръ, установившійся теперь въ теченіе трехъ съ лишкомъ лѣтъ,—гражданскій миръ, и какъ таковой, конечно, очень плохой; но все же онъ уже позволяетъ видѣть какъ наряду съ тѣми изначальными историческими проявленіями народной психологіи, вродѣ ожесточенія противъ господъ, противъ „панской" Польши, ростутъ иныя двигающія силы, характера болѣе субтильнаго, но болѣе угрожающе-показательнаго. Характер-

ной чертой дѣятельности московскихъ революціонеровъ является ихъ желаніе во чтобы то ни стало порвать съ прошлымъ. Могучая традиція, удерживающая Западъ въ соціальномъ относительномъ равновѣсіи, несмотря на всѣ усилія III-го Интернаціонала—самое страшное пугало для всей этой компаніи; только тамъ, гдѣ человѣкъ совершенно обрубитъ, обрѣжетъ, забудетъ свое прошлое, прошлое своей страны, только тамъ гдѣ онъ освободится отъ гнета семьи, религіи, государства, собственности, исторической преемственности—онъ, „непомнящій родства", подобно степнымъ номадамъ—легкая добыча для соціалистическихъ современныхъ хановъ. Отсюда и вытекаетъ та усердная дѣятельность современной коммунистической Москвы по уничтоженію памятниковъ, по переработкѣ исторіи, по уничтоженіи комсомоломъ семьи, а „живой" церковью—православія. При такой направленности и энергіи Москва должна была бы уничтожить всякаго рода подобныя связи, если бы только технически самыя многочисленныя, а также наиболѣе незамѣтныя и наиболѣе обволакивающія не ускользали бы отъ ея вниманія по несовершенству ея аппаратовъ преслѣдованія, по своей неизмѣримой сложности.

Нелѣпо, конечно, предполагать, какъ нынче дѣлаютъ большевики, что вся наша тысячелѣтняя исторія была полна сплошныхъ ошибокъ. Правда, они въ то же время вносятъ и много поправокъ въ наше міропредставленіе—политическое, историческое, этническое, за каковыя мы имъ должны быть благодарны. Своею дѣятельностью они помогаютъ нашему народу скипѣться въ единую массу, отбросивъ всю скопившуюся шелуху, вродѣ безвольнаго нашего высшаго общества. Но со всѣмъ тѣмъ, отнюдь нельзя подобно имъ думать, что то творческое государственное дѣло, которое мы слѣдили на протяженіи этой книжки, не проникало совершенно въ народныя массы; нынѣ Москва толкаетъ нашъ народъ на то, чтобы быть ордою, въ вульгарномъ смыслѣ этого слова, на то, чтобы въ жесточайшей диктатурѣ и поравненіи личности

создать изъ него упорное ядро, управляемое единой волей. Но какъ бы ни былъ теменъ нашъ народъ, подобное мракобѣсное стремленіе не можетъ найти себѣ отзвука въ его душѣ. Дѣло Царя Петра Алексѣевича, воззвавшаго къ народу о сотрудничествѣ—осталось все же въ нашемъ народѣ, и несмотря на цѣлый рядъ революціонныхъ неурядицъ въ правящихъ классахъ, ростки государственнаго мышленія въ немъ налицо.

Мы утверждаемъ, что современная Москва, поскольку она заинтересована въ міровой революціи, въ то же время противна всякому построенію государства, то есть такого человѣческаго общежитія, въ которомъ бы три его основныхъ элемента—народъ, территорія и правительство оказались бы гармонически сочетаны между собой. Наоборотъ, мы знаемъ, что теоретическая мысль СССР вырабатываетъ теперь особыя „права" международныхъ группъ, какъ и особыя формы интернаціональной стратегіи для своего генеральнаго штаба, въ которыхъ понятіе дѣйствующей противъ противника арміи уже не совпадаетъ съ понятіемъ арміи національной, какъ равно не совпадаетъ съ дѣленіемъ по націямъ дѣленіе на враговъ и союзниковъ. И хотя въ международной политикѣ Москвы наружно дѣйствуетъ общепризнанный культурный методъ разграниченія международныхъ интересовъ различныхъ государствъ, на самомъ же дѣлѣ методъ ея — методъ коммунистически-унификаціонный, не стѣсняющійся никакими границами, ни географическими, ни юридическими.

Символомъ этого постояннаго двурушничества является примитивно-фиктивное раздѣленіе Коминтерна и правительства СССР, что стало,наконецъ, фикціей даже въ глазахъ европейскихъ народовъ, долго не бывшихъ въ состояніи осознать подобныя мелкія жульничества. Несмотря на это, правительство СССР увѣряетъ свой народъ и окружающіе народы въ томъ, что оно не прочь отъ національной работы.

Несмотря на эти свои главныя разрушительныя задачи, все же московскіе революціонеры ПРИНУЖДЕНЫ допускать госу-

дарственную жизнь внутри своей страны, какъ принуждены допускать и народное творчество, и религіозную жизнь, хотя отлично знаютъ, что подобное допусканіе рано или поздно грозитъ имъ гибелью. Для предотвращенія этой опасности, они время отъ времени наносятъ удары по этимъ допускаемымъ ими самими проявленіямъ распыленной пока государственности. Возьмемъ хотя бы исторію Нэпа. По заявленію Ленина, этого типичнаго революціоннаго московскаго хитреца, Нэпъ былъ „временной отсрочкой", „передышкой", „отступленіемъ на укрѣпленныя позиціи", и т. д. Но на самомъ то дѣлѣ, Нэпъ,—употребляя революціонную фразеологію, былъ „вырванъ" у коммунистовъ какъ катастрофическимъ состояніемъ совѣтской торговли, такъ и катастрофическимъ состояніемъ страны вообще. Вспомнимъ тотъ восторгъ, который вызвалъ Нэпъ своимъ появленіемъ, равно количество соблазненныхъ имъ: возможно, что отчасти Нэпъ былъ средствомъ къ агитаціи среди противниковъ совѣтской системы за нее.

Выждавъ извѣстное время, правительство СССР не постѣснялось нанести Нэпу рядъ тяжелыхъ ударовъ. И иначе нельзя было дѣйствовать, потому что допусти новыя формы торговаго обмѣна („новыми" онѣ конечно были только для большевиковъ), и революціонная Москва позволила бы слишкомъ утрястись обществу и тѣмъ сдѣлать почву неблагопріятной для революціонныхъ сѣвовъ окончательно.

Все, къ чему сводится въ настоящее время политика СССР внутри нашей страны, все это означаетъ одно — борьбу съ началами, властно требующими для себя государственной обстановки, что черезъ это исключаетъ загодя самъ революціонный процессъ и его слѣдствія. Революція для властителей Москвы въ настоящее время цѣль, а не средство, и они изо всѣхъ силъ удерживаютъ русское общество отъ вхожденія въ рамки международныхъ государственныхъ взаимоотношеній, дабы тѣмъ не распылить революціоннаго порыва, нужнаго имъ для детонаціи во всемъ мірѣ.

Мы знаемъ и видимъ, какія мѣры они принимаютъ для этого: налогами они раззоряютъ складывающіяся состоянія, эти условія работы личности съ наиболѣе полнымъ проявленіемъ частныхъ ея возможностей, благодаря чему налоги въ СССР стали не орудіями фиска, а орудіемъ политики; то и дѣло они переводятъ совработниковъ съ мѣста на мѣсто, чтобы тѣ не засиживались и не пріобрѣтали бы буржуазныхъ наклонностей, каковое обстоятельство мѣшаетъ этимъ работникамъ заводить то, что называется хорошими дѣловыми связями; система трестовъ, принятая нынѣ, есть система обезличиванія отдѣльныхъ промышленниковъ, безъ которыхъ они все же обойтись не могутъ, въ то время, какъ система государственнаго кредита есть постоянная угроза со стороны центральной власти сразу же разрушить все предпріятіе. И надо сказать, что въ этихъ разрушительныхъ предупредительныхъ мѣрахъ совѣтская бюрократія стоитъ на большой высотѣ: она умѣетъ одолѣвать не желая, однако, умѣть организовать.

Таковое положеніе должно имѣть свои слѣдствія, которыя выражаются въ томъ, что въ настоящее время въ границахъ СССР ведется жестокая борьба между зависящимъ отъ Коминтерна правительствомъ СССР, и между разсѣянными приглушенными въ народѣ государственными тенденціями. БОРЬБА ЭТА — ТА ЛИНІЯ, НА КОТОРУЮ НЫНѢ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ ОБРАЩЕНЪ ВЗОРЪ ВСѢХЪ НАШИХЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВЪ, МЫСЛЯЩИХЪ ГОСУДАРСТВЕННО, А РАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ И ВСЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ МАССЫ, поскольку здѣсь будутъ даны новыя точки приложенія національныхъ силъ.

Говоря такъ, мы отнюдь не предрѣшаемъ какой либо одной политической формы, которая соединима съ этой линіей, съ отборомъ выдвигающихся въ ней людей; если таковые и выдвигаются въ Россіи, то осторожность рекомендуетъ намъ, сочувственно наблюдая за ихъ дѣйствіями, разсматривать ихъ, какъ только извѣстныя личности, не связы-

вая ихъ до времени съ какой либо нашей собственной политикой.

Обратимся къ происходящему процессу, пользуясь на случай для вычерчиванія потребныхъ намъ схематическихъ линій лучшими изъ матеріаловъ — американскими, и мы увидимъ, что и теперь, какъ и во всей революціи главная тяжесть лежитъ на плечахъ крестьянина. Городское населеніе слишкомъ сжато въ тискахъ революціонныхъ учрежденій, и, какъ мы и указывали, всякая поблажка ему въ направленіи государственно-буржуазномъ сопровождается немедленнымъ ударомъ. При современномъ положеніи въ Россіи только крестьянинъ можетъ почесться болѣе менѣе свободнымъ, располагающимъ собой и то, конечно, съ большими ограниченіями; и именно крестьянинъ, а не рабочій, потому что послѣдній по специфической идеологіи власти привлеченъ къ непосредственной революціонной, а не созидательной дѣятельности, и увлеченъ ею. Созидательная же дѣятельность въ полномъ объемѣ оставляется посему мужику.

Въ рукахъ этого раззореннаго, забитаго по своимъ угламъ мужика—и земледѣліе, и сама земля, единственные источники богатства и экономической жизни страны. Революціонная индустрія до сей поры—дѣло безнадежное. Земля, не подчиненная революціи, кое какъ рожаетъ зерно, и вывозитъ на себѣ весь бюджетъ СССР, нисколько не интересуясь Коминтерномъ и его хлопотливымъ дѣломъ созданія міровыхъ потрясеній. Къ этой землѣ тянутся теперь иностранные капиталисты, и Круппъ, и Англія. Въ рукахъ того же мужика имѣются и средства хотя бы въ формѣ кооперативной.

По поводу этой крестьянской работы Калининъ выразился такъ:—Мы сдѣлали глупость, что не поняли сначала, что нашъ крестьянинъ это главный производитель, что онъ наиболѣе здоровый соціальный элементъ, что въ немъ наша сила. Мы должны строить всю политику на этомъ фактѣ,—такъ передаетъ заявле-

ніе „всероссійскаго старосты“ извѣстный въ довоенной Россіи, американскій корреспондентъ большого журнала Saturday Evening Post Крозье Лонгъ.

Вполнѣ вѣроятно, что добродушный Калининъ тоже дѣлаетъ съ точки зрѣнія Коминтерна глупость, говоря такъ, но указаніе многознаменательное, и не по революціонному правильное. Возможно, конечно, и то, что спеціально было сдѣлано для пораженія воображенія американца. Въ то время, какъ подъ ударами революціи снесены были помѣщичьи хозяйства — крестьянскія хозяйства уцѣлѣли, какъ равно кое какъ уцѣлѣли и такія дореволюціонныя учрежденія, какъ кооперативы, обнимавшіе огромное число сельскихъ хозяйствъ. Кооперативы эти въ СССР. въ 1923-мъ году „торговали на 200.000.000 зол. долларовъ, то есть больше, нежели торговля всей націонализованной промышленности“ пишетъ этотъ корреспондентъ. Эти крестьянскіе кооперативы, съ Центросоюзомъ во главѣ, выстроили въ Ревелѣ хлѣбные элеваторы на 3.000.000.000 тоннъ зерна.

По расчетамъ американскаго экономиста экспортъ изъ СССР въ 1924-мъ году долженъ превышать импортъ на 100.000.000 зол. долларовъ, и такимъ образомъ, составить основаніе совѣтскаго бюджета. Что совѣтскій соціалистическій бюджетъ покоится на сельскомъ хозяинѣ, а никакъ не на фабрикѣ, и не на „рабочемъ“, доказывается слѣдующими цифрами:

Въ 1913-мъ году 52 рус. губерніи произвели цѣнностей на сумму всего . . . . . 5.952.000.000 зол. долларовъ.

Изъ нихъ на долю сельскаго хозяйства приходилось 3.540.000.000 зол. долларовъ.

Въ 1922-мъ году произведено тѣми же русскими производителями всего на сумму 2.527.500.000 зол. долларовъ.

Изъ нихъ деревней . . 2.185.000.000 зол. долларовъ.

При этомъ слѣдуетъ помнить, что въ деревнѣ изчезли всѣ крупныя производящія экономіи. Несмотря на это сельское хозяйство возросло въ своемъ относительномъ значеніи для страны, такъ какъ

Сельскохозяйственная промышленность упала на 24%
Индустрія . . . . на 86%

ЭТО ОЗНАЧАЕТЪ, ЧТО КРЕСТЬЯНСТВО КОРМИТЪ И СПАСАЕТЪ РОССІЮ ВСЕ ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦІИ, НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЯ ОТЪ ГОРОДА ВЗАМѢНЪ, что видно изъ такой таблицы:

%-ное отношеніе между производствами въ 1913 и 1922 гг.

	%
Металлы	2,4.
Хим. прод.	5,4.
Сахаръ	7,5.
Текст. пром.	16,2.
Спички	17,6.
Пищ. прод.	72,0.
Сельско-хозяйст. сырье	80,8.

Оскудѣніе города привело къ тому, что крестьянинъ, помимо того, что онъ производилъ пищевые и вообще сельскіе продукты, вынужденъ былъ заняться кустарнымъ производствомъ предметовъ первой необходимости, повторяя этимъ „тотъ процессъ, которымъ средневѣковая Европа, пастушеская и сельская, трансформировалась въ Европу промышленную и торговую“, только ускоряя этотъ процессъ. (К. Лонгъ).

Въ Европѣ городъ индустріализировалъ деревню. У насъ деревня паганизировала городъ, и индустріализировалась сама, такъ какъ городъ оказался неспособнымъ къ этому. Этому особенно помогло то обстоятельство, что нашъ фабричный рабочій въ то же время всегда оставался крестьяниномъ, уходя въ городъ на фабрику только на извѣстное время. Этотъ то фабричный бѣжалъ при социали-

стахъ изъ города въ деревню, унося туда свой промышленный навыкъ и къ нему потомъ пришли на помощь голодающіе въ городахъ инженеры-спецы разныхъ званій и степеней.

Дѣло дошло до того, пишетъ американецъ, что нынѣ — (въ 1924-мъ году) деревня продаетъ городу тѣ товары, которые городъ долженъ былъ бы продавать деревнѣ. Кустарныя и крестьянскія артели по дешевкѣ производятъ все, начиная съ топоровъ и гвоздей, кончая полными электрическими установками. Въ 1924-мъ году Совнархозъ объявилъ, что плуги, изготовленные артелями, на 42% дешевле производимыхъ націонализованной промышленностью. Въ результатѣ этого процесса вся націонализованная промышленность

производитъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1923 г.
на . . . 8.000.000 зол. долл.
въ сентябрѣ того же года
на . . . 2.840.000 зол. долл.

а годичное производство только однихъ плуговъ крестьянскими артелями даетъ цифру

на . . . 11.500.000 зол. долл.

Въ восточныхъ отъ Москвы губерніяхъ производилось въ 1924 году до 95% всѣхъ потребныхъ населенію въ обиходѣ товаровъ. Среди крестьянъ появляются такія фигуры, какъ нѣкій Мухановъ, организовавшій крестьянское текстильное производство во Владимирской губерніи столь успѣшно, что его совѣтчики приглашали управлять трестомъ Иваново-Вознесенскихъ націонализированныхъ фабрикъ, такъ какъ трестъ этотъ не могъ выдержать конкуренціи съ крестьянами.

Крестьянинъ успѣшно борется и за крупную промышленность. Между іюлемъ 1922 г. и іюлемъ 1923 года Совнархозомъ было сдано въ аренду 7449 націонализованныхъ фабрикъ и заводовъ,—разнымъ предпринимателямъ. 5210 изъ нихъ были взяты частными лицами, среди которыхъ было 4150 крестьянъ. На этихъ предпріятіяхъ раззорилось всего 450 человѣкъ, среди которыхъ было много прежнихъ владѣльцевъ фабрикъ и лишь 38% крестьянъ.

Извѣстное перераспредѣленіе матеріальныхъ благъ между городомъ и деревней ведетъ къ тому, что матеріальный стиль жизни деревни повышается. Начинается профессіональное образованіе. Въ области нижней и средней Волги усиліями одного священника, бывшаго до того ярымъ контръ-революціонеромъ, основано до 30 сельско-хозяйственныхъ и профессіональныхъ школъ, подъ руководствомъ ушедшей изъ городовъ интеллигенціи и сельскихъ хозяевъ, выписанныхъ изъ Латвіи и Эстоніи.

Пусть нашъ американецъ по своему обыкновенію слишкомъ сгустилъ оптимистическія краски, но все же подобные прогнозы заслуживаютъ всяческаго вниманія. Они показываютъ, что несмотря на лихія обстоятельства, русскій мужикъ не сложилъ рукъ, а борется за свое благополучіе, создавая новые и прочные пути для себя въ обходъ тяжелыхъ существующихъ нелѣпыхъ законовъ. Какъ же бы быстро двигалась наша промышленная жизнь безъ этихъ путъ! Революція, даже въ настоящемъ, нечистомъ и спутанномъ ея видѣ вызвала къ жизни много скрытыхъ силъ, и намъ ничего не остается другого, какъ признать этотъ процессъ. Но мы должны сказать, что этотъ процессъ—вовсе не небывалый въ русской исторіи: въ продолженіе всего послѣдняго царствованія русскій народъ все время показываетъ неудержимое повышеніе своей продукціи.

Въ книжкѣ С. С. Ольденбурга, посвященной послѣднему царствованію мы находимъ нѣсколько подытоженныхъ цифръ за двадцатилѣтіе царствованія покойнаго Николая Александровича. Вотъ изъ нихъ нѣсколько, наиболѣе яркихъ:

	1894-ый годъ.	**1914**-ый годъ.
Населеніе:	122.000.000.	178.000.000.
Урожай:	2.050.000.000 пудовъ.	3.657.000.000 пуд.
Скотъ:		
лошадей	25.600.000 головъ.	35.000.000 головъ.
рогатый	31.600.000 головъ.	52.000.000 головъ.
Добыча угля:	466.000.000 пуд.	1.983.000.000 пудовъ.

	1894-ый годъ	1914-ый годъ
Сахаръ:	30.500.000 пуд.	104.000.000 пудовъ.
Національный капиталъ:	648.000.000 рублей.	1.604.000.000 рублей.

Здѣсь мы видимъ, несмотря на столь неудачную національную политику прошлыхъ верховъ, несмотря на отсутствіе свободныхъ условій для развитія частной предпріимчивости, стремительный ростъ народнаго благосостоянія, означающій твердую, глубокую волю толщи народа къ осѣдло-культурной работѣ, жизненный напоръ со стороны того же мужика, которому не препятствовалъ городъ. Мужикъ—вотъ кто былъ и кто остается главнымъ хранителемъ и собирателемъ Земли Русской. Мы какъ то все проглядывали, что Москва—всегда была городомъ мужика, и его родного, способнаго дѣтища — русскаго купца, все равно, какъ Петербургъ сталъ городомъ дворянина, нѣмца и бюрократа. Вотъ почему Москва была въ наше время въ постоянной оппозиціи къ Петербургу. Наша промышленная буржуазія, по размаху не уступающая тренированной американской буржуазіи—прямая дочь того же мужика. Сколько у насъ было русскихъ магнатовъ, купеческаго сословія, которые пришли въ молодости въ Москву или въ ближній губернскій городъ въ лаптяхъ, съ котомкой за спиной—пытать счастья. Таковы Морозовы, Мѣшковъ, Башкировы, піонеръ въ чайномъ дѣлѣ въ Китаѣ, впослѣдствіе даже китайскій мандаринъ Старцевъ, Литвиновы и т. д.

Кромѣ этого экономическаго роста былъ въ политикѣ послѣдняго царствованія и рядъ чрезвычайно удачныхъ шаговъ, результаты которыхъ осязаемы только теперь. Къ таковымъ принадлежитъ высокомудрая политика графа Витте въ Азіи, и постройка Китайской Восточной желѣзной дороги, на которую нынѣ ловкими фортелями базируютъ свою разрушительную политику въ Азіи большевики, и на которую мы должны будемъ базировать нашу будущую политику на Дальнемъ Востокѣ съ подлинными созидательными, а не разрушительными средствами. Китайская Восточная дорога и политика на ней—залогъ ГРЯ-

ДУЩЕЙ ТИХООКЕАНСКОЙ И СИБИРСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССІИ, которая будетъ возможна только при сильной и удовлетворяющей многія страны власти; иначе возможна просто утрата Россіей вліянія на Д. Востокѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и своихъ владѣній, которыхъ НЕВОЗМОЖНО будетъ удержать отъ естественнаго тяготѣнія къ Тихому океану.

Равнымъ образомъ теперь у всѣхъ на устахъ, включая большевиковъ, земельная реформа Столыпина, въ свое время вызвавшая протесты Совѣта Объединеннаго Дворянства. Эта реформа—образецъ того пути, которымъ Россія пойдетъ не въ качествѣ носительницы міровой революціи, а въ качествѣ сильнаго и честнаго сочлена мірового концерта.

Въ этихъ явленіяхъ мы хотимъ видѣть доказательства того, что долголѣтніе пути настойчиваго и своеобразнаго прививанія нашему народу стремленій государственнаго характера не остались, все же безплодными; завѣты Петра Великаго, преобразовавшись, разливаются по нашей землѣ не въ видѣ уродливой бюрократіи, не въ видѣ нелѣпаго стремленія къ новаторству, а въ видѣ подлинныхъ и нужныхъ дѣлъ. Азіатская діонисическая сущность наша начинаетъ просвѣтляться апполиническимъ европейскимъ началомъ; и въ это трепетное время должны быть незабываемы завѣты предковъ, а наоборотъ, въ просвѣтленномъ горемъ сознаніи надлежитъ оглядываться назадъ все чаще и чаще, чтобы яснѣе видѣть то, что свойственно нашей русской природѣ.

На первомъ планѣ, вездѣ и во всемъ предъ нами должны стоять интересы государственные. Принадлежность къ Русской Націи, въ СВОЕМЪ СВОЕОБРАЗНОМЪ ЕДИНСТВѢ СОСТАВЛЕННОЙ ИЗЪ МНОГИХЪ НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ ПОДЪ ВЕРХОВЕНСТВОМЪ НАЦІОНАЛЬНОСТИ ВЕЛИКОРОССІЙСКОЙ обязываетъ насъ внимательно относиться къ нашимъ границамъ; дѣло ПЕТРА ТРЕБУЕТЪ ОХРАНЫ НАШИХЪ ГРАНИЦЪ, ВЪ РАМКѢ КОТОРЫХЪ МЫ ЗРѢЛИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ДВУХЪ ВѢКОВЪ. Эти вѣковыя

необходимости опредѣленнымъ образомъ заложены какъ въ бѣлыхъ, такъ и въ красныхъ. Адмиралъ Колчакъ территоріальными уступками могъ бы купить себѣ побѣду, но онъ не рѣшился сдѣлать этого.

Присматриваясь, далѣе, къ практикѣ нашей національной жизни въ теченіе вѣковъ, мы видимъ всюду ожесточенную борьбу центральной власти съ проявленіями анархическихъ элементовъ. Установленіе гражданской дисциплины во имя интересовъ государственныхъ должно быть положено во главу угла дѣланія всякаго русскаго гражданина. Свирѣпствующая нынѣ центральная московская власть, круто насаждающая въ народѣ привычку къ непревосходимой дисциплинѣ должна поэтому почитаться за государственную школу этого необходимаго государственнаго качества, а не за „нарушительницу свободъ".

Попытки контръ-революціонныхъ группъ, поскольку онѣ не удались, и доказали неспособность былого главенствующаго класса къ управленію собой и своимъ дѣломъ, охватывавшимъ весной 1919-го года чуть не $^{8}/_{10}$ территоріи Россійской Имперіи, кончены. Эти элементы выброшены за границу. Внутри-рубежная Россія должна явиться носительницей медленнаго освободительнаго процесса: въ ней самой будутъ выношены обусловленныя исторіей нормы нашей будущей государственности. Предстоитъ борьба этихъ консервативныхъ формъ, вытекающихъ изъ самой души народной, съ анархіей нашей перманентной революціи и борьба эта и приведетъ съ собою конецъ революціи черезъ революцію противъ коммунизма. Смирившись передъ этимъ фактомъ, готовые на томительное ожиданіе, мы, эмигранты, не должны думать, что формами реставраціи будутъ исключительно исторически консервативныя формы. Мы этого предрѣшать не можемъ, потому что революціонный процессъ можетъ проникнуть до разныхъ историческихъ глубинъ, и оттуда явится то, что будучи извѣстной реставраціей древнихъ основныхъ государственныхъ соотношеній нашихъ, въ то

же время не будетъ реставраціей **послѣдней** формы ихъ. Поэтому, рядовая эмиграція должна зорко приглядываться къ тому, что происходитъ въ Россіи, и предоставлять себя и свою относительную свободу для развертыванія и логической кристаллизаціи этого, происходящаго въ народѣ историческаго процесса нащупыванія будущихъ государственныхъ формъ.

Одновременно, безпощадному разоблаченію и истолкованію подлежитъ дѣятельность III-го Интернаціонала во всѣхъ ея проявленіяхъ для того, чтобы тѣмъ легче было противодѣйствовать ея работѣ во всемъ культурномъ мірѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ, должно быть систематически пересматриваемо и прошлое наше, въ согласіи съ наростающимъ нынѣ Азійскимъ и Евразійскимъ движеніемъ, для того, чтобы нашимъ зарубежнымъ обществомъ былъ выработанъ въ общихъ чертахъ новый подходъ къ нашей русской исторіи, въ смыслѣ обращенія вниманія на подлинныя основы нашей культуры. **Западныя мѣрки должны быть отброшены.** Намъ надо почаще устремлять свои взоры на Востокъ, гдѣ предъ нами, какъ первыми изъ народовъ Востока, воспріявшихъ культуру Запада—неограниченныя возможности по части вліяній на остальной Востокъ. Непосредственно съ нимъ соприкасаясь, мы на Востокѣ въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели Западъ, который дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы завладѣть Востокомъ. Вполнѣ возможно, что мы нынѣ присутствуемъ при зарожденіи новой эры міровой исторіи—ЭРЫ ТИХООКЕАНСКОЙ, или АЗІЙСКОЙ, послѣ эры Европейской. Здѣсь, на Востокѣ мы обрѣтаемъ себѣ словно новое культурное отечество, въ то время какъ мы до сихъ поръ только пребывали на задворкахъ Европы.

Что же касается метода нашего въ отношеніи вопросовъ политическихъ, то слѣдуетъ предоставить вычлененіе будущихъ политическихъ формъ ходу самого реальнаго историческаго процесса. Съ нашей стороны при этомъ требуется только одно — вниманіе, подчеркиваніе, осознаніе каждой про-

являющейся новой и новой комбинаціи чертъ государственныхъ и культурныхъ. Хранить національный духъ, а остальное приложится! Для того же чтобы процессъ этотъ происходилъ свободно, намъ прежде всего нужно—1) освобожденіе отъ гнета и террора Москвы и 2) установленіе такого формально-демократическаго порядка, которымъ было бы обезпечено волеизявленіе народное. Временнымъ лозунгомъ этого временнаго строя должно быть —„ни монархіи, ни республики"... Можно быть увѣреннымъ, что демократическія наклонности и историческія симпатіи нашего крестьянина при этомъ условіи постепенно перейдутъ либо въ форму республики, съ чрезвычайно сильной центральной властью, съ мѣстными формами самоуправленія,—пусть бы даже съ тѣми же совѣтами, такъ какъ возстанавливать прежній чиновничій укладъ никакъ не приходится, либо въ форму чрезвычайно свободной монархіи, опять таки при широкомъ мѣстномъ самоуправленіи.

Вопросъ о Царѣ мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ выдѣлить изъ этихъ формально-политическихъ вопросовъ. Народъ на Царя смотритъ совершенно иначе, нежели смотрятъ политическіе и общественные дѣятели. Въ представленіи народа, Царь—самъ источникъ всякихъ политическихъ формъ. Въ этомъ смыслѣ, вопросъ о Царѣ—вопросъ не объ политическомъ, а объ національномъ принципѣ. Политики никогда не должны забывать этого, чтобы въ эту часть завѣтныхъ переживаній нашего народа не войти съ неподходящимъ грузомъ западныхъ политическихъ теорій. Вопросъ о Царѣ—вопросъ не политики, а проповѣди, и только при широкомъ и успѣшномъ политическомъ ростѣ, при условіяхъ свободы политики, можетъ быть поставленъ и вопросъ объ монархіи; точно также можетъ быть поставленъ вопросъ объ республикѣ при неуспѣхѣ того же вопроса о Царѣ, потому что въ русскомъ пониманіи республиканская форма есть замѣна монархической, а вовсе не самостоятельна.

Для этого вопроса о Царѣ прежде всего нужна русская территорія, тогда какъ предварительные вопросы могутъ быть обсуждаемы съ удобствомъ гдѣ угодно.

Православная церковь наша должна принять большое участіе въ этой политической работѣ, вспоминая тѣ достойныя времена, когда она была нераздѣленно древняго обряда, и имѣла въ себѣ столь сильныхъ столповъ, какъ три Московскихъ митрополита, какъ св. Сергій Радонежскій. Однако, возможное глубокое возвращеніе къ православной церковной традиціи не должно имѣть своимъ слѣдствіемъ исключительно закоснѣнныя, реставраціонныя формы политическаго и національнаго и церковнаго мышленія, такъ какъ помимо чисто политической роли, православіе будетъ играть огромную роль хранителя нашего духа. Будетъ монархія, не будетъ монархіи—объ этомъ только можно гадать. Но что Россія при всякой формѣ правленія останется Россіей православной —это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Православіе въ его старой подлинной формѣ руководило русскимъ народомъ въ его исторіи, давая ему всегдашній практицизмъ, свободу, и требуя отъ него совѣсти. Признавая непосредственную руку Божію во всякихъ дѣлахъ, видя Его въ народной соборности, не называя и не указывая Его по имени,—русскій человѣкъ всегда слышетъ Его благодатное присутствіе. И отмежовываясь въ нашихъ дѣйствіяхъ отъ другого, страшнаго, мертваго чувства, которое овладѣваетъ нашей душой при видѣ дѣлъ большевистскихъ, основываясь на благодатномъ, живомъ чувствѣ сыновства Божія, мы во всемъ всеоружіи Западной науки и техники, выстроимъ на Азіатскихъ просторахъ нашихъ такіе города, создадимъ такія науки и художества, содержаніе которыхъ будетъ полно св. Софіи, Премудрости Божіей, сочетавая первый разъ въ извѣстной намъ исторіи міра полноту духа съ матеріальной техникой въ нашей православной Новой Америкѣ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЮАНЬСКАЯ ДИНАСТІЯ (ЧИНГИСОВИЧЕЙ).

По П. В. Шкуркину. Ср. Справочникъ по исторіи странъ Д. Востока, часть I, Китай. Харбинъ, 1918 г.

Эта династія является двадцатой династіей въ исторіи Китая и называлась до 1271-года Монгольской— Мэнъ-гу, когда переименована въ Юань—元, то есть „основаніе“, „начало“.

1. **Чингисъ-Ханъ.**

Род. по монгольскимъ источ.—въ февралѣ 1155, по Mailla въ 1161. Настоящее полное имя—Тенгринъ Оггюгсенъ Темучинъ (ср. стр. 74 наст. книги). Возможно, что имя Чингисъ, въ дополненіе примѣчанія къ стр. 80, значитъ рецепцію титула императора китайского Тѣнъ-Цзы, то есть Сынъ Неба, испорченную монгольскимъ языкомъ. Ум. 1227.

2. **Тули-Ханъ** (**Тулуй**),

наслѣдовалъ ему, какъ младшій сынъ,—таково обычное право монголовъ, говоритъ г. Шкуркинъ; по другимъ свѣдѣніямъ онъ былъ регентомъ и на престолъ всходитъ братъ его

3. **Угэдэй-Ханъ** (**Огдай**), ум. 1241.

4. **Куюкъ Ханъ,**

сынъ Угэдэя, всходитъ на престолъ послѣ регентства царицы Туракины, вдовы Угэдэя, отравившей въ Каракорумѣ кн. Ярослава Суздальскаго, отца Александра Невскаго. Ум. 1248.

5. **Мункэ-Ханъ (Менгу),**

является сыномъ Тулуя, и такимъ образомъ мѣняетъ линію преемственности. Ум. 1259.

6. **Хубилай-Ханъ** (**Кублай**),

съ китайскимъ именем Ши-цзу, вступ. въ 3-емъ мѣсяцѣ 1260 г.Завершаетъ дѣло Чингиса,покоряя Китай.Резиденція

—Х а н б а л у (Пекинъ). Ум. 1295. Начало собств. династіи Ю а н ь.

7. **Тэмуръ,**

съ кит. именемъ Чэнъ-цзунъ, внукъ Кублая, ум. 1307 г.

8. **Хашанъ-Кулукъ,**

съ кит. именемъ У-цзунъ, братъ Тэмура, сынъ Д о р м а Б а л ы, ум. 1311.

9. **Буиньту,**

съ кит. именемъ Жэнь-цзунъ, братъ, У-цзуна, ум. 1320.

10. **Шоди-бала,**

съ кит. именемъ Инъ-цзунъ, сынъ предыдущаго, г э г э н ь, (духовный санъ). Покровительство буддизму. Убитъ 1323.

11. **Ѣсунь-Тэмуръ,**

съ кит. именемъ Тай-динъ-ди, ум. 1328.

Въ это время на Руси Иванъ Калита сидитъ Великимъ Княземъ (1328-1340). Сынъ Ѣсунъ-Тэмура Т а й-ц з ы-А с у ц з и б а захватываетъ престолъ, но скоро свергнутъ сыномъ Хашанъ Кулука (№ 8)—Тобъ Тэмуромъ, съ кит. именемъ В э н ь-ц з у н ъ. Однако, и тутъ престолъ удержанъ недолго, Тобъ Тимуръ отрекается въ 1329 году, и на престолъ садится его старшій братъ.

12. **Хошила—Хутукту-Ханъ,**

съ кит. именемъ Минъ-цзунъ, который отравленъ 1329 опять вступающимъ на престолъ Тобъ Тэмуромъ.

13. **Тобъ-Тэмуръ,**

съ кит. им. Вэнь-цзунъ, ум. 1332, 29-ти лѣтъ отъ роду.

Въ это время въ Пекинѣ есть охранный русскій полкъ —1330.

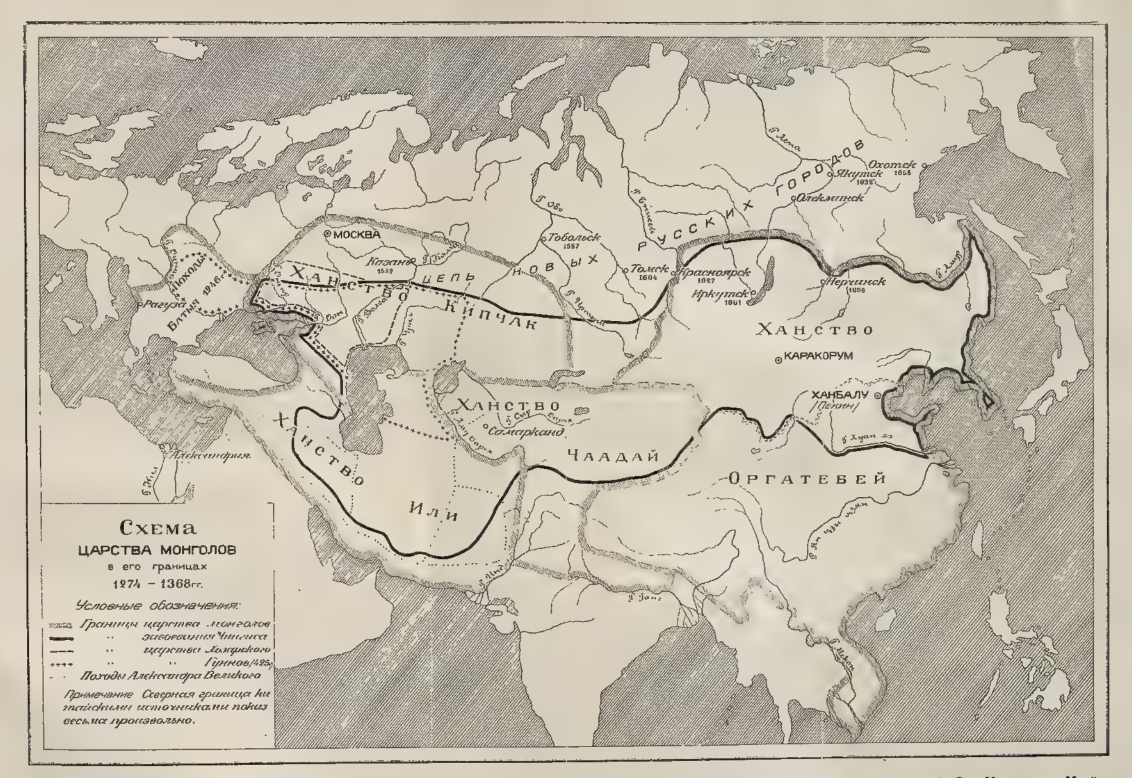
14. **Или-чжебе,**

съ кит. именемъ Нинъ-цзунъ, младшій сынъ Тэмура, ум. въ 1332, 7-ми лѣтъ отъ роду.

15. **Тогонъ-Тэмуръ,**

съ кит. именемъ Шунь-ди, старшій братъ Или-чжебе. Бѣжалъ въ Монголію въ 7 мѣсяцѣ 1368. Ум. въ Инъчанѣ 1370.

Вступаетъ династія Миновъ.



Ср. J. Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie, 1828.

Приложеніе къ книгѣ Вс. Иванова „Мы“.